

ОЧЕРКИ О СОВРЕМЕННОКАХ

Валерий Могильницкий

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

ВАЛЕРИЙ МОГИЛЬНИЦКИЙ

***Незабываемые
встречи***

Караганда 2014

УДК 070
ББК 76.01
М 74

Могильницкий В. М.

М 74 Незабываемые встречи: документальные очерки о современниках / В.М. Могильницкий - Караганда: «Гласир», 2014. - 348 с.

ISBN 978-601-7397-95-1

Автор книги – известный журналист и писатель Могильницкий Валерий Михайлович более пятидесяти лет работает в печати, отмечен международными наградами «Святая София», «Интеллект нации» за весомый вклад в духовное развитие общества, высокие профессиональные достижения. Его книги «Великие узники Карлага», «В долине слез», «Безымянные тюльпаны», «Звезды Гулага», «Наш Назарбаев», «Верность призванию», «Академик Абылкас Сагинов», «Не склонив головы», «Люди Победы» и другие получили признание тысяч читателей, высокую оценку в международной, республиканской и областной прессе.

На этот раз В.М. Могильницкий представляет нам новую книгу «Незабываемые встречи» о современниках, людях большого долга и таланта, которые многое сделали для интеллектуального развития общества, для народа. С ними Валерия Михайловича свела судьба журналиста и писателя, решившего посвятить свое творчество замечательным людям России и Казахстана.

В этой книге вы прочитаете о встречах автора с М.А. Шолоховым, К.М. Симоновым, Б.Н. Полевым, А.С. Сагиновым, Н.А. Назарбаевым, В.Н. Поповым, Г. Н. Князевым, В.Н. Малышевым, Макеном Торегельдиным, Меиз Сатпаевой, Н.А. Дриждом, Жаиком Бектуровым, Камзабаем Букетовым, Какимбеком Салыковым, Бибигуль Тулегеновой и другими известными интересными людьми. Впервые в этой книге вы найдете немало новых имен первостроителей Жезказгана и Караганды, в том числе великих узников Карлага, о которых прежде нельзя было даже упоминать. Свежие факты, необычные судьбы людей – прерогатива новой книги Валерия Могильницкого.

Книга посвящается 60-летию Жезказгана и 80-летию Караганды.

Издание рассчитано на массового читателя.

УДК 070
ББК 76.01

ISBN 978-601-7397-95-1

© Могильницкий В.М., 2014.

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Известный казахстанский писатель и журналист Валерий Михайлович Могильницкий родился и вырос в селе Каскелен Алма-атинской области в бескрайней стране под названием СССР, но его судьбой стала Сарыарка, а точнее Карагандинская область. Здесь он вот уже более тридцати лет живет и успешно трудится. Сюда он приехал в 1980 году, уже будучи опытным журналистом. После окончания Львовского государственного университета в 1962 году он начал журналистскую деятельность в редакции областной газеты «Львовская правда». Здесь он познал ментальность западной культуры. Затем ветер странствий занес молодого журналиста на самый край земли, во Владивосток, где он восемь лет трудился в приморской краевой газете «Красное знамя». Последующие десять лет он работал в областной газете «Молот» южного города России – Ростова-на-Дону. Но где бы он ни работал, его душа неизменно тянулась в родные места, где он родился, где прошло его детство. И он вернулся в Казахстан, около 20 лет проработал собственным корреспондентом республиканской газеты «Казахстанская правда» по Джезказганской и Карагандинской областям.

Журналист Валерий Могильницкий в самом центре Евразийского континента обнаружил удивительную и самобытную страну степей и гор – Сарыарку, уникальную по богатству природных ресурсов. Золотая степь – многие века по праву называет ее казахский народ. А поэт Могильницкий всем своим большим сердцем полюбил этот край, его природу и его сильных, волевых людей. Многочисленные поездки по Сарыарке, встречи с людьми дали ему богатейший материал для осмысления и написания художественно-документальной книги «В самом центре Евразии». Так называется одна из его книг. Даже названия очерков и статей в этой книге говорят об отношении автора к краю, который стал его судьбой. «Лучшая в мире степь», «На холмистых просторах Сарыарки», «Родника живой поток», «И дерево, посаженное у дороги». Из встреч со старожилками, подвижниками этой древней земли, историками и учеными родились книги «Сарыарка». «Созвездие талантов», «Город в степи», «Медь Жезказгана», «Просторы Сарыарки». Каждая из книг – это не только встречи с учеными, шахтерами, металлургами, работниками села, но и экскурс в прошлое, скрупулезное знакомство с новой историей края, открытием богатейших месторождений, строительством на их базе мощных современных предприятий, промышленных комплексов. Автор щедро делится своими интересными наблюдениями, мыслями о природе, ее тайнах, о богатой фауне и флоре необъятной Сарыарке. Даже опытные знагоки родного края смогут узнать из этих книг немало нового. Читатели вместе с автором посещают удивительные по красоте уголки природы республики. В книгах «На земле Сатпаева» и «Медь Жезказгана» автор рассказал читателю о

трудной истории открытия богатейших месторождений меди и полиметаллов, первооткрывателях, геологах и горняках, покорителях могучего огня – металлургах.

Журналист и писатель Валерий Могильницкий открыл читателям еще одну страну, которая называется Карлаг. Это огромная страна, границы которой были опоясаны колючей проволокой с наблюдательными вышками. Территория лагеря протянулась с севера на юг на 260 км, а с запада на восток – более 100 км. А отдельные островки этой страны, которые назывались лагпунктами, были расположены далеко, за сотни километров от названных границ. И по площади Карлаг не уступал иным европейским государствам. Его население состояло в основной массе из рабов и надзирателей. Заключение трудилось на тяжелейших работах в шахтах и рудниках, строили первоклассные ирригационные сооружения, поднимали целину в засушливой полупустыне, жили и питались в каторжных условиях. Здесь процветал рабский бесплатный труд. В качестве рабочей силы использовались талантливые ученые, поэты и писатели, артисты и художники, математики и физики, инженеры и врачи. И все – высочайшие профессионалы, цвет науки и искусства, отраслей народного хозяйства. Вспомним узника сталинских лагерей, великого русского писателя двадцатого века Александра Солженицына, который на Экибастузских стройках прошел жестокие круги Гулага. Это и создатель новой науки, гелиобиологии, учения об аэроионизации воздуха, поэт и художник, номинант Нобелевской премии Александр Леонидович Чижевский. Это и выдающийся русский историк-евразиец, географ и этнолог Лев Николаевич Гумилев, именем которого был назван Евразийский университет в Астане. Это и основатель радиационной генетики Николай Владимирович Тимофеев-Рессовский, герой книги Даниила Гранина «Зубр». Это – Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, основатель первого в мире детского театра, который был назван ее именем, Наталья Сац, это – великий художник Генрих Фогелер, киноактриса Рахиль Мессерер-Плисецкая, сын Сергея Есенина – почетный поэт и ученый Александр Есенин-Вольпин и множество других. А рабовладельцами были малограмотные солдафоны, которые посредством жестокой дисциплины, пыток и избиений выжимали из «врагов народа» все физические и душевные силы. Трогательная история, рассказанная В. М. Могильницким о выдающемся казахском писателе Сакене Сейфуллине в очерке «Его звезда не погаснет», о том, как мужественно он выносил пытки палачей. И, когда Валерий Михайлович приезжает в Жезказган, то приносит цветы к памятнику великому поэту и гражданину Казахстана.

А рабовладельцы Карлага жили вольготно, на широкую ногу, их многочисленные талантливые рабы могли выполнить любую их блажь, любую их прихоть. Они, в могучей Империи Гулага, устраивали барские соревнования, кто создаст лучшую труппу из репрессированных артистов, кто лучше исполнит романс, арию, опять же под контролем

«опера». А что же рабы? Они были вынуждены петь песни, романсы и арии. Даже в рабских условиях они отдавали все свои таланты, чтобы добром изменить мир зла, в котором погряз мир. И даже в лагерных условиях они творили чудеса. Они посадили лесозащитные полосы, вырыли арыки, стали выращивать большие урожаи овощей, картофеля, вывели высокопродуктивные породы коров, элитных овец, были удостоены многих наград на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Репрессированные врачи, хирурги из Карлага были лучшими в своих направлениях медицины и спасли многих людей. К ним приезжали отчаявшиеся люди из Караганды и районов области, и врачи Карлага их спасали.

К огромной теме восстановления светлых, можно сказать, святых имен великих людей, ставших жертвами тупых, подлых доносов, незаконных репрессий, - ученых, писателей, геологов, певцов, художников Валерий Могильницкий пришел еще в конце 80-х годов. Их было великое множество и каждый был уникальной Личностью, каждый был Мастером в своем деле, в своей науке, в своем искусстве, каждый мог стать героем не только статьи, очерка, но и повести или романа. История судеб узников Карлага стала главной темой творчества В.М. Могильницкого последних двух десятилетий. Этой теме посвящены его книги: «Созвездие талантов», «В долине слез», «Выстрел Александра Фадеева», «Черные розы маршала», «Не склонив головы». А в прошедшем 2013 году Валерий Могильницкий издал большую книгу «Великие узники Карлага», в которой рассказал о судьбах свыше ста знаменитых заключенных Карлага. Валерий Михайлович недавно вновь посетил «Музей памяти жертв политических репрессий» в поселке Долинка. На встрече, посвященной 80-летию города Караганды, Валерий Михайлович рассказал о своем многолетнем труде по возвращению из небытия имен многих талантливых людей, ставших узниками Гулага. В беседе с директором музея Светланой Климентьевной Байновой Валерий Михайлович отметил большую работу, проделанную ею и ее коллегами по созданию уникального музея, запоминающихся экспозиций. Он пожелал, чтобы каждый житель Караганды, Темиртау, городов и поселков области, гости нашего края посетили этот замечательный музей. Он отметил, что имена многих заключенных, которые пока остаются неизвестными, необходимо восстановить. И хочется пожелать ему дальнейших успехов в этом крайне нужном для потомков деле.

Самые выдающиеся люди Сарыарки стали объектом пристального изучения писателя В.М. Могильницкого. Это – академик АН СССР, создатель Академии наук Казахстана и ее первый президент, ученый с мировым именем Каныш Имантаевич Сатпаев, академик АН КазССР, основатель Карагандинского Государственного университета и химико-металлургического института АН КазССР, доктор технических наук, профессор, поэт и прозаик Евней Арстанович Букетов, академик АН КазССР, создатель крупнейшего в Казахстане политехнического инсти-

тута (ныне Карагандинского Государственного технического университета), двух научно-исследовательских институтов (Карагандинского научно-исследовательского института (КНИУИ) и Института проблем комплексного освоения недр (ИПКОН АН КазССР), доктор технических наук, профессор Абылкас Сагинович Сагинов. Они стали героями книг писателя В.М. Могильницкого: «Созвездие талантов», (Караганда, изд. Полиграфия, 1993 г.), «Академик Абылкас Сагинов» (Караганда, изд. Гласир, 2008 г.). Высоко отозвался о книге В.М. Могильницкого «Верность призванию» генеральный директор Ассамблеи деловых кругов СНГ, профессор, журналист А.И. Саввов. Героем этой книги стал генеральный директор ТОО «КарагандаГИИЗ и К*», крупный ученый, доктор технических наук, почетный строитель РК, лауреат многих отечественных и международных наград Виктор Никитович Попов. Один из лучших очерков Валерия Могильницкого, на мой взгляд, посвящен многолетней дружбе Президента АН КазССР Каныша Имантаевича Сатпаева с известным русским геологом, первооткрывателем богатейшего Коунрадского месторождения меди, академиком АН КазССР М.П.Русаковым, который был незаслуженно осужден, стал узником Гулага. К.И. Сатпаев приложил немало стараний, чтобы не допустить этой трагедии, хотя и над ним тоже нависла тень НКВД.

Могильницкого всю жизнь привлекали творческие, активные люди. Таких людей репрессированный ученый-историк Лев Гумилев по-научному называл пассионариями. Эти люди своими идеями, энергией, волей, талантом, высочайшей работоспособностью увлекают других за собой, являются мощными духовными рычагами, которые меняют общество, окружающий мир. На глазах у журналиста и писателя В. М. Могильницкого молодой металлург-доменщик Нурсултан Назарбаев вырос до первого руководителя государства, первого Президента Республики Казахстан, одного из самых авторитетных политических деятелей современности. И этот феномен не мог не увлечь писателя-исследователя. И он одним из первых написал книгу о Нурсултане Абишевиче Назарбаеве, в которой показал нелегкий путь его становления как личности, государственного и общественного деятеля, попытался раскрыть черты его характера, позволившие ему стать лидером нации. Эта книга названа просто - «Наш Назарбаев» (Астана, 2009 г.).

Вспомним недавнее прошлое, когда был развал экономики, в магазинах на прилавках пусто, а шахтеры бастовали. И Валерий Михайлович в книге «Наш Назарбаев» в яркой публицистической форме рассказал о том, как Президент Н.А. Назарбаев сумел вывести страну из тупика в ряды быстроразвивающихся стран мира, как совершил исторический перевод столицы Казахстана из Алматы в Астану, как буквально на глазах растет и хорошеет новая столица – детище Нурсултана Абишевича.

Если в стране нет стабильности, то не помогут даже самые большие природные богатства. И В.М. Могильницкий аргументировано рассказал о взвешенной многонациональной политике, проводимой Президи-

дентом Н.А. Назарбаевым, благодаря которой в Казахстане в отличие от ряда других стран СНГ царят мир и спокойствие. Книга «Наш Назарбаев» - это серьезная и удачная попытка автора осмыслить и рассказать читателям о нашем замечательном современнике, пассионарии Нурсултане Абишевиче Назарбаеве, его многогранной деятельности на благо народа Республики Казахстан.

Еще одной ипостасью Валерия Михайловича Могильницкого стало поэтическое творчество. Молодым журналистом он, по выражению великого Александра Блока, искал «пылинку дальних стран». Об этом говорят названия его стихотворений: «Айсберги», «С Владивостока начинается Россия», «В Находке», «Побратимам», «Из японской тетради», «В доме-музее А.П. Чехова в Ялте». Немало стихов он посвятил родному краю. Это «Я не казах, но был рожден», «Ульгтау», «У речки Сарысу» и др. Им выпущены поэтические сборники «Свет окна», «Строки любви», «Лирика», «Говорите нежные слова». В стихах видна вся душа автора. Его поэзия, мудрая, содержательная, добрая, нашла своего читателя.

Более 50 лет Валерий Михайлович Могильницкий трудится в журналистике и литературе. За это время издал уже три десятка книг. Даже перечень названий этих книг займет больше страницы. Их общий тираж превысил 200 тысяч экземпляров. К тому же, он опубликовал более трех тысяч статей и очерков. Они выходили в Казахстане, России, на Украине. Гигантский труд! Поистине Валерий Михайлович многие годы живет и трудится под девизом «Ни дня без строчки». Произведения В.М. Могильницкого переведены на казахский, английский, украинский и корейский языки. На его стихи местные композиторы написали песни и романсы.

Его активная общественная работа нашла достойную оценку. В 1998 году Валерий Михайлович избран председателем общественного объединения «Союз писателей Карагандинской области». В 2000 году ему присвоено звание «Почетный гражданин города Жезказгана». В 2002 году он был избран членом-корреспондентом Международной Академии информатизации (МАИН), в 2006 году - академиком МАИН.

Многолетний труд писателя и журналиста В.М. Могильницкого отмечен наградами и грамотами. Он - лауреат премий журнала «Крестьянка», имени Николая Погодина, республиканской газеты «Казахстанская правда», воина-публициста Баубека Булкишева, Карагандинского металлургического комбината. В 2013 году за личный вклад в развитие духовности, науки и культуры Валерию Могильницкому было присвоено звание лауреата международной награды «Святая София». Эта награда учреждена Ассамблеей деловых кругов СНГ и Президиумом Международной имиджевой программы «Лидеры XXI столетия». И в этом 2014 году знаменитый писатель был удостоен высшей награды Международной корпорации социального партнерства «Интеллект нации» с вручением ему статуэтки, Диплома и ордена за интеллектуальное развитие общества, высокие профессиональные достижения.

Член Союза журналистов СССР и РК, писатель Валерий Михайлович Могильницкий продолжает активно трудиться, печататься в различных изданиях области и республики, в газетах и журналах России. Он посещает колледжи, школы, музеи, встречается с многочисленными поклонниками его творчества. И хочется от всей души пожелать ему накануне своего 75-летия крепкого здоровья, новых книг и творческих находок.

*Владимир Новиков,
писатель, член Союза журналистов РК,
кандидат технических наук,
лауреат республиканской
литературной премии имени Абая*

I

Жезказганские страницы

Глава первая

Возрождение Сатпаева

Где бы ни приходилось бывать в журналистских командировках — на пастбищах Приаральских Каракумов, в джездинских степях, покрытых морем тюльпанов, в песках Жетыконура, на рудниках Джекказгана и шахтах Караганды, в самых отдаленных аулах Прибалхашья — всюду убеждался, с какой теплотой и любовью относились и относятся люди к имени Каныша Имантаевича Сатпаева. Их высказывания, воспоминания об этом замечательном человеке, крупном геологе-ученом я записывал в своих блокнотах.

В декабре 1987 года мне довелось побывать в Джекказгане на квартире старейшины карсакпайских геологов Иосифа Николаевича Богданчикова. Ему уже исполнилось 87 лет, но он сохранил хорошую память, живость в общении с людьми.

Он был великолепным знатоком Джездинского месторождения и окрестных степей. Скучная и, я бы сказал, строгая обстановка его квартиры состояла главным образом из различных географических карт и стоп поблекших газет. Меня удивило, что нигде я не увидел книг, фотографий.

- А откуда им взяться? - стал объяснять Иосиф Николаевич. - Все мои книги да фотоснимки растащили работники различных музеев. Последний опустошительный набег на мои материалы сделал бывший секретарь Джездинского райкома партии Макен Торегельдин. Он начал создавать краеведческий музей в горняцком поселке и уволок целую кипу книг и материалов... А на что они мне теперь? Если людям надо, пусть изучают...

Позже Макен Торегельдин благоговейно показывал мне эти материалы, прежде всего книги Каныша Имантаевича Сатпаева, на которых стояли автографы академика. Я удивлялся (в который раз!) его четкому, почти каллиграфическому почерку. Удивлялся и тому, какие теплые слова находил Сатпаев для Богданчикова, то называя его другом, то соратником, то просто милым Иосифом. Интересны были и фотографии, подаренные музею Богданчиковым и его женой — Надеждой Александровной Ивановой, которой исполнилось 78 лет.

Надо сказать, имя этой неординарной женщины в Джекказганском регионе было овеяно легендами. Её мать Анна Ивиповна Иванова была первым советским врачом в Карсакпае. Дочь пошла по стопам матери. В 1934 году Надежда Александровна окончила Ташкентский медицинский институт и с тех пор возглавляла больницу в Карсакпае, а чуть позже - в Руднике. И что только не приходилось ей с коллегами искоренять в Карсакпае — эпидемии тифа, цингу... Ей приходилось лечить и Каны-

ша Имантаевича Сатпаева, и его жену Таисию Алексеевну... На фото 1939 года как раз были запечатлены замечательный геолог и врач Надежда Александровна Иванова. А вот еще одна любопытная фотография - Каныш Имантаевич и его друг Василий Иванович Штифанов на отдыхе в Кисловодске в 1951 году. На снимке надпись Сатпаева: «Дорогой Наденьке от Сатпаевых и Штифановых. Город Кисловодск». А вот еще один уникальный снимок: Сатпаев, Богданчиков и академик И. П. Бардин. Его дата – 1941 год.

Известно, что Иван Павлович Бардин в то время оказал большую помощь Сатпаеву и его товарищам, поддержав их идею разработки джездинского рудного тела. Фотография свидетельствует о том, что Бардин бывал в джездинской степи, сам воочию убедился при встрече с Сатпаевым и Богданчиковым в колоссальных запасах марганца в районе реки Джезды.

И, наконец, монография К. И. Сатпаева с его автографом: «Рудные месторождения Джезказганского района», которой было отдано пятнадцать лет. За этот труд Сатпаеву в 1942 году была присуждена Сталинская премия второй степени. Уже в этом труде Сатпаев указывает на крупное месторождение Улькун-Джезды.

Впервые И. Н. Богданчиков познакомился с Канышем Имантаевичем в Москве в 1934 году в Главцветмете. Как раз в тот год Иосиф Николаевич завершил учебу на геологоразведочном факультете Московского университета, получил диплом инженера-геолога с отличием. Богданчиков хотел было податься на Урал – тогда молодым специалистам предоставлялось право самим выбирать место работы. Но тут – неожиданная встреча с Сатпаевым. К тому времени Каныш Имантаевич уже открыл множество залежей меди в окрестностях Карсакпая. Первое рудное тело, которое было найдено Сатпаевым, находилось в районе шахты «Петро». Данные анализов превзошли все ожидания: пласт руды был мощным, с богатым содержанием меди. Потом у него будет много таких открытий, когда буровики по его настоянию пойдут на большую глубину: на три, четыре сотни метров. При Карсакпайском комбинате был создан геологоразведочный отдел. Начальником его и одновременно главным геологом утвердили К. И. Сатпаева. Но ему нужны были преданные работе люди, толковые специалисты. К сожалению, постоянное жительство в безводной, пустынной глуши мало кого прельщало.

- Однако после рассказов Каныша Имантаевича Карсакпай как бы начал для меня оживать, - говорил мне Богданчиков. - Я был почитателем Менделеева и меня стали занимать задачи, связанные с процветанием Джезказганского края, в недрах которого таились практически все элементы таблицы, открытой великим химиком. А размах мечты Сатпаева был необычайным. К тому же, он умел агитировать, был отличным оратором... Достаточно сказать, что его поддержал сам Серго Орджоникидзе!

18 ноября 1934 года в газете «Правда» была опубликована статья

«Страна цветных металлов». В ней со слов К. И. Сатпаева рассказывалось о несметных богатствах Джекказгана.

«...Это имя еще не известно широким кругам, но оно скоро получит популярность Караганды, - писалось в «Правде». - Здесь богатейшие медные рудники, они находятся в пустыне, где недавно кочевали казахи...»

К сожалению, в газете была допущена неточность – в статье Сатпаева именовали Канышем Эмантаевичем. С этого-то и началась беседа Серго Орджоникидзе с молодым геологом. Оказалось, тот хорошо проработал статью в «Правде», а заодно и докладную Сатпаева в наркомат, и сразу обнаружил ошибку в газете.

Серго пришлось по душе убежденность молодого геолога, та настойчивость, с которой он доказывал перспективы Джезказганских месторождений. Сатпаев окончательно склонил на свою сторону Орджоникидзе, когда привел такие данные: для получения тонны меди на Кунраде требуется 110 тонн руды, в Алмалыке - 130 тонн, в Бозшикуле - 156 тонн, а в Джезказганском районе - всего 68 тонн.

Как известно, в январе 1935 года Серго Орджоникидзе написал письмо в ЦК ВКП (б) И. В. Сталину «О необходимости форсирования развития Джезказганского месторождения меди». Это письмо разыскал в Центральном архиве партии в фонде Г. К. Орджоникидзе писатель Медеу Сарсекеев и полностью привел его в книге «Сатпаев», выпущенной в серии «Жизнь замечательных людей» в 1980 году. Есть в том письме примечательные слова: «Джезказганское медное месторождение... по всем разведанным категориям является одним из мощнейших медных месторождений мира и самым крупным в Союзе».

О Джезказгане заговорили по всей стране. А тогда, в 1934 году, Богданчиков, конечно, еще не мог предвидеть, что у Джезказгана впереди – много героических и славных страниц истории. Но он поверил Сатпаеву, его убежденности. И как только Иосиф Николаевич получил направление Главцветмета в Карсакпай, то сразу же отстучал Сатпаеву телеграмму о дне приезда на станцию Джусалы.

Когда Богданчиков после долгой, утомительной поездки в поезде наконец-то добрался до станции, над степью поднялись серые тучи пыли. Солнце, желтое и грязное, едва пробивалось сквозь них. Глаза Богданчикова запылились песком, и он не сразу разглядел человека в кожанке.

- Я шофер геологоразведочной службы, - представился он. - Меня прислал за вами Сатпаев.

И он протянул Богданчикову автомобильные очки, защищающие глаза от пыли. Богданчиков не успел сообразить, что к чему, как водитель дал машине такой газ, что она помчалась, будто стрела, выпущенная из туго натянутого лука. Еще больше Иосиф Николаевич удивился, когда шофер сообщил ему, что в Карсакпае уже выделена квартира для него и даже мебель кое-какая в ней установлена.

- Каныш Имантаевич умеет дорожить людьми, - приветливо улыбнулся водитель Сатпаева.

В этом Богданчиков вскоре убедился сам. Рассказывая мне о Сатпаеве, он несколько раз упомянул фамилию бурового мастера Т. А. Зверинцева, с которым вскоре подружился. Зверинцев приехал в Карсакпай значительно раньше Иосифа Николаевича – в 1926 году. Он прочитал в газетах объявление, что там требуются рабочие. Приехал Тимоха не один, а с отцом и старшим братом. Так как младший Зверинцев был еще мальчишкой, не годился по годам для буровых работ, то его определили конюхом в хозяйственную часть комбината. Он сразу понравился Канышу Имантаевичу. Бывая на конюшне, Сатпаев всякий раз спрашивал:

- Тимоша, не надоело тебе за лошадьми ходить, а?

- Жок, не надоело, - в тон ему отвечал мальчуган. - Я лошадей люблю.

- Неужели всю жизнь будешь конюхом? Ты ведь грамоте обучен.

Как-то Сатпаев предложил Тимохе перейти в геологоразведочную партию. Парнишка дал согласие, трудился в бригаде буровиков мастера Александрова младшим рабочим и был вроде переводчика при нем. Дело в том, что мастер не знал казахского языка, а Тимоха по-казахски говорил хорошо. Сатпаев прикрепил для обучения азам глубокого бурения к Александрову сразу десяток парней-казахов. А самого Тимоху Зверинцева назначил старшим рабочим этой бригады.

Т. А. Зверинцев долгое время жил в носелке Джекказган, работал диспетчером в геологоразведочной партии. Во время встреч со мной он всегда повторял, что именно благодаря уму, заботе Каныша Имантаевича Сатпаева о молодых рабочих в Карсакпае сложился спаянный, поистине интернациональный коллектив, вполне отвечающий задачам разведки недр Джекказгана. В историко-производственном музее объединения «Джекказганцветмет» хранились пожелтевшие номера газеты «За медь». Во многих ее выпусках сообщалось о работе школ ликбеза, курсов. Как-то я выписал отдельные заголовки из этой газеты. Они хорошо передавали атмосферу тех дней, кипучих будней. На одной полосе газеты было крупно набрано: «Неграмотный рабочий не может работать на буровой. Буровая - это не скот, который можно погонять камчой, это техника, которая подчиняется только грамотному человеку!». На другой полосе читаем: «Ормантай научился грамоте, и его назначили мастером. Зарплата стала вдвое больше. Берите пример с Ормантая Елжасова!». И опять лозунг во всю ширь газеты: «Запись на буровую еще продолжается. Если придешь сегодня, еще не поздно».

Подумалось: где ты, конкретность, смекалка и боевитость в нынешней наглядной агитации? Почему в ней нынче отсутствуют выдумка, конкретные фамилии людей? Не мешало бы нынешним идеологическим работникам акиматов взглянуть в прошлое.

И. Н. Богданчиков дал мне адрес еще одного старожилы, человека близкого К. И. Сатпаеву. Так я впервые услышал имя бывшего коллектора Карсакпая Сергея Александровича Рожнова.

Он встретил меня радушно. В его небольшом саду в поселке Рудник по улице Советской цвели вишни и сливы, и веселый аромат весенних деревьев окружал старый дом. Ему шел уже 79-й год, он давно, лет двадцать тому назад, бросил курить. Но когда узнал о цели нашего прихода, разволновался и попросил сигарету.

- Я был первым фотографом в Карсакпае, - начал он свой рассказ. - А тогда такой человек очень ценился. Свадьба ли, похороны, дни рождения - все шли ко мне: «Сфотографируй, Сергей, на память». Как-то вызывает меня главный инженер комбината Антонов и спрашивает, как научился фотографировать, каким проявителем пользуюсь... А затем говорит:

- Что тебе, Сергей, у нас в комбинатовской химлаборатории прозябать, иди в геологоразведочный отдел, там интересней... Каныш Имантаевич Сатпаев большие дела разворачивает, на Рудник хочет тебя послать в свою химлабораторию... Согласен?

Я кивнул головой.

- Ну, тогда иди к Сатпаеву...

Зашел в геологоразведочный отдел, как сейчас помню, в куртке. А зима тогда на дворе была злющая.

Посмотрел на меня Сатпаев, неодобрительно головой покачал.

- Не мерзнешь, Сережа? - спросил с участием и кивнул головой на стенку, где на гвозде висел огромный такой тулуп с шерстью шириной в ладонь.

- Чего глядишь, - спросил, улыбаясь, Сатпаев. - Надевай. С геологами на ветру ходить в куртке - околеешь.

Сергей Александрович помолчал немного, вздохнул:

- Отзывчивым был Сатпаев, внимательным к каждому человеку. Первая встреча с ним - на всю жизнь памятная зарубка в моем сердце...

Иосиф Николаевич Богданчиков тоже рассказал мне немало эпизодов о доброй душе Сатпаева. Как-то Каныш Имантаевич в конце ноября 1937 года послал его в Геолком в Москву, с отчетами. Подписывая командировочное удостоверение, взглянул в окно. На дворе на деревья карагача ложился первый пушистый снег.

- Вот и зима, - с грустью сказал Каныш Имантаевич. - Как быстро летит время! Глазом не успеешь моргнуть - Новый год!

И неожиданно попросил Богданчикова:

- Кудайберген, если можно, купи в Москве хорошую елку для ребятишек!

Иосиф Николаевич выполнил просьбу Сатпаева. На рылке в Москве выбрал высокую пушистую елку, хорошо запаковал ее в твердую, как фольга, бумагу и отправил в Карсакпай. Не забыл вложить в бумажный мешок и новогоднюю пятиконечную звездочку.

То-то было детворе карсакпайской радости, когда она впервые собралась в Доме культуры вокруг московской елки под Новый год. Большинство малышей впервые видели такую большую елку! А пятиконечная звездочка на ней горела, как настоящий рубин...

Обо всех людях Каныш Имантаевич отзывался хорошо. Он говорил Богданчикову:

- На свете живут не только орлы, но и множество других птиц, пусть менее сильных, но одинаково нужных!

Роясь в материалах Государственного архива Джезказганской области, я нашел немало неопубликованных писем Каныша Имантаевича Сатпаева. И меня сразу покорило, что почти не было такого, в котором бы Сатпаев не вспоминал тепло о своих товарищах по геологоразведочной партии, не советовал помочь такому-то, сделать для такого-то то-то... 31 мая 1947 года он писал из Алма-Аты начальнику геологоразведочной партии в Джезказгане, позже Герою Социалистического Труда Василию Ивановичу Штифанову на маленьком клочке бумаги мелким, бисерным почерком:

«Уважаемый Василий Иванович!

Прошу Вас оказать помощь Ергалиеву Б. в доставке семьи его дяди из колхоза «Джельдыдаир» до Джезказгана.

С приветом К. Сатпаев.

31 мая 1947 года».

Подобных писем-заметок, трогательных свидетельств заботы Сатпаева о нуждах людей немало. Почти каждое письмо из Алма-Аты Каныш Имантаевич заканчивал тем, что передавал теплые слова пожеланий счастья и успехов в творчестве своим сотоварищам по работе. Причем называл их поименно. И что характерно: немалая часть названных фамилий – это рабочие, бригадиры, мастера. Особенно часто встречаются имена рабочих Егизека Байсалбаева, Тимофея Антоновича Зверинцева (Сатпаев писал просто: привет Тимофею), Геннадия Ильича Бабаилова и других.

Судьба Сатпаева – это и их судьба. «Мы не добились бы успеха, - говорил Сатпаев В. И. Штифанову на отдыхе в Кисловодске в 1951 году, - если бы не самоотверженность, честная работа простых людей в Карсакпае. Мне не раз приходилось их останавливать на буровых вышках из опасения, что они надорвут свое здоровье».

В свою очередь, рабочие всегда с любовью говорили о Канеке, ибо, благодаря его заботам, многие из них получили образование, вышли в люди. Взять Егизека Байсалбаева, фамилия которого часто встречается в письмах Сатпаева, вплоть до 1945 года.

Он пришел на буровую в 1929 году. Вскоре Каныш Имантаевич отправил его в Каратау на обучение к американскому специалисту на Ачисайское месторождение проводить занятия на курсах буровиков. Два месяца Егизек обучался у американца чеканке алмазных коронок и перенял у него все секреты этого важного дела, сам стал в Карсакпае наставником молодых рабочих.

Геннадий Ильич Бабаилов. Он бурил скважины вокруг Карсакпя еще во времена английских концессионеров. Когда англичане свернули разведку в Карсакпае, уехал в родную деревню под Смоленск. А за-

тем вернулся в джезказганскую степь, прослышав про великое наступление человека на неизведанные месторождения в пустыне близ знаменитого ему Карсакапая.

Т. А. Зверинцев, вспоминая Бабаилова, говорил, что у него были пушковые ручищи. Но дело, конечно, не в размерах ладоней этого славного мастера – в груди у него билось большое, щедрое сердце. И его хватало на всех: и на новичков, и на товарищей-ровесников, и даже на аксакалов. Они говорили про него с уважением: «золотой джигит». Он умел все: отремонтировать не только буровой станок, но и английские часы, залатать самовар, подковать лошадь. Если бы попросили, наверное, блоху подковал бы!

Правда, характером он был сварлив. Бабаилов тяжело переносил малейшую поломку в буровом станке и всегда брюзжал по этому поводу. Но карсакапайцы привыкли к всегда недовольному, но доброму и милостивому Геннадию Ильичу и, когда он становился несносным, шутили:

- Если бы «золотой джигит» всегда был доволен, мы бы и грамма меди не нашли.

Но вернемся к встрече с Сергеем Александровичем Рожновым. Вспоминая тридцатые годы, первый фотограф Карсакапая говорил:

- Жили мы дружно, весело, ибо Каныш Имантаевич проявлял человеческую заботу о каждом из нас, и это был отличный пример для подражания.

Отмечая достоинства Сатпаева как человека, Сергей Александрович в то же время верно заметил, что Каныш Имантаевич обладал широким кругозором большого ученого. В Казахстане не найдется геологов, которым мы были бы больше обязаны, чем ему. Его глазами нынешние разведчики недр продолжают смотреть на Сарыарку. Велика масса сохраненных им сведений по самым разнообразным вопросам – геофизике, астрономии, биологии, экономике, истории края. И, наконец, смею утверждать, говорил Рожнов, что Сатпаев был философом.

Как-то, шутя, Каныш Имантаевич сказал ему: «Полезность геологии обязательно предполагает в геологе философа. А что такое философ? Видимо, это человек, который посвящает себя науке жить совестливо. Во всяком случае, так утверждал еще античный географ Страбон».

Сергей Александрович с особой теплотой отозвался о тяге К. И. Сатпаева к детальному изучению археологических памятников древней культуры. Всякий раз, когда Каныш Имантаевич отправлялся в экспедицию по древним местам Сарыарки, то непременно брал с собой Рожнова. При этом обязательно спрашивал:

- Как «Фотокор»? Заряжен? Не подведет?

В 1934 году Сергей Александрович поменял громадный деревянный американский фотоаппарат на отечественный «Фотокор», который ему привезли из Москвы геологи по просьбе Каныша Имантаевича. Этим «Фотокором» Рожнов сделал немало (теперь можно смело сказать) выдающихся снимков.

Одиннадцать лет он вместе с Сатпаевым колесил по степям Сарыарки. Канеке открыл ему волшебный мир камней, научил их не только видеть, но и слышать. Сергей Александрович на правом берегу реки Буланты запечатлел изображения диких животных на обрывистом утесе из сланцевых пород. Каких именно? Каменные рисунки изображали верблюдов, лошадей, горных козлов - архаров и даже медведей. Подобные изображения животных он зафиксировал «Фотокором» и в долинах реки Талды, Жетыкыз. Изображение древних людей на скалах зафиксировал на горе Едиге, на берегах Бала-Жезды и Сарысу. Близ месторождения каменного угля Кайдаул фотографировал каламиты и окаменевшие стволы секвойи, пальм и других древних деревьев. Сергею Александровичу принадлежит знаменитый снимок каменной плиты Тимура Хромого на сопке Алтын – Шоки в Улыгау. Этот снимок был напечатан во всесоюзной газете «Комсомольская правда» с сопроводительным текстом Каныша Имантаевича.

Сергей Александрович указал еще и на другое страстное увлечение Сатпаева – записывать со слов старожилов топонимы, изучать их. Каныш Имантаевич утверждал, что они зачастую заключают в себе забытые исторические события или легенды, отражают социальные и геологические черты местности. Нет, не зря назвали казахи, например, местное урочище Актюбе (белая гора), местные сопки Акшоко (белый холм), наконец, горы Актас (белый камень). Ибо повсюду на поверхность тут выходили кварцевые жилы, горный хрусталь.

Образцы этого горного хрусталя долгое время хранились в Музее минералов Джекказганской геологоразведочной экспедиции в поселке Рудник. Главный геолог Алексей Нестерович Струтинский, которому посчастливилось в 1961 году сопровождать Каныша Имантаевича в Москву на встречу с Косыгиным, говорил мне, что Сатпаев до конца дней своих был страстно увлеченным человеком, он превосходно знал географию, историю, с ним было интересно беседовать. И, ведя разведку недр, он не забывал об организации музеев в Сарыарке.

Старшему геологу Нине Борисовне Голодновой, когда мы с ней встретились, исполнилось 65 лет. Она с добрым чувством вспоминала время, когда работала в Институте геологии Академии наук Казахской ССР с женой Каныша Имантаевича Сатпаева Таисией Алексеевной Сатпаевой. Было это в 1945-50 годах.

Нина Борисовна много раз встречалась с самим Сатпаевым. Каково ее мнение о нем?

- Он был несравненным человеком, - дословно записал я ее высказывание. - Никакого зазнайства, помогал всем, как мог. Сам работал до двух-трех часов ночи, себя не жалел. Очень много и интересно рассказывал о Джезказгане... Под влиянием его рассказов Голоднова и уехала из Алма-Аты в поселок Рудник, туда, где нужнее. Случилось это в 1950 году. С тех пор она здесь работала.

По ее словам, геологический музей был открыт в 1967 году по на-

стоянию Сатпаева его учеником, Героем Социалистического Труда Василием Ивановичем Штифановым. В нем - более тысячи образцов различных минералов. Здесь выставлена уникальная коллекция пятидесяти камней, собранных лично великим геологом.

- Так что Каныш Имантаевич был не только первооткрывателем медной руды, как пишут, в газетах,- говорила мне Голоднова.- Своими открытиями он подтвердил, что в джезказганских недрах таятся все элементы таблицы Менделеева...

Немало открытий сделал Каныш Имантаевич Сатпаев. Но, пожалуй, самым крупным, вторым по счету после медной руды в районах древнего Джезказгана, было обпаружение джездинского марганца.

Первые проявления этого уникального месторождения Сатпаев нашел вокруг излучин реки Джезды в 1928 году. С тех пор он вел время от времени поверхностную разведку браунитовых руд в этом районе. И все больше убеждался в том, что здесь могут оказаться богатейшие залежи марганца.

Как известно, в 1941 году Каныша Имантаевича Сатпаева назначают руководителем Института геологии в Алма-Ате и одновременно - Казахского филиала Академии наук СССР. Перед отъездом в Алма-Ату все товарищи Сатпаева собрались на живописных берегах реки Джезды, чтобы устроить ему проводы.

Сергей Александрович Рожнов с улыбкой вспоминал, как в одной из публикаций в местной газете он прочитал о том, что только-только собрались все у реки, как вдруг вдаль показалось... облако пыли. Это, мол, ехал из Карсакпая на велосипеде Богданчиков.

Не доезжая до реки, он крикнул:

- Вы что, не знаете, началась война!

Пусть этот эпизод будет на совести журналиста. Во-первых, в Карсакпае в те годы ни у кого не было велосипедов. А, во-вторых, Богданчиков в то время находился далеко от джездинских мест - в Кривом Роге. Именно туда командировал его Сатпаев на два месяца, чтобы изучить месторождения Кривого Рога и Никополя с тем, чтобы по-настоящему взяться за разведку марганца в джездинских степях.

О начале войны все узнали, вернувшись в Карсакпай, И первое, что сделал в тот день Сатпаев, послал телеграмму Богданчикову в Кривой Рог: «Предлагаю встретиться 26 июня на станции Джусалы. Постарайтесь не опоздать, предстоит важный разговор».

Как рассказывал мне Богданчиков, он успел к назначенному сроку. В доме приезжих Карсакпайского комбината и состоялась памятная для него беседа с Сатпаевым. В конце ее Каныш Имантаевич сказал, как отрубил:

- Так что будете разведывать, Иосиф Николаевич, марганцевую руду. Она здесь. Надо искать.

В Госархиве Джезказгана я нашел ряд писем Сатпаева заменившему его в Карсакпае Василию Ивановичу Штифанову. Из одного письма

в другое кочует его просьба форсировать разведку Джездинского месторождения. В одном из писем он просит: «Если Иосиф Николаевич закончил свой отчет по Кривому Рогу, прошу прислать мне один экземпляр». В другом опять следует: «Убедительно прошу Вас... информировать меня как можно подробнее о ходе работ и их перспективах». И наконец: «Надо заявить о промышленных запасах Дджезды, не ожидая окончания разведки... Черная металлургия страны уже сегодня смогла бы получить сырье, в котором очень и очень нуждается...»

Как известно, настойчивость Сатпаева победила. Впервые в истории горнодобывающей промышленности в Дджезды добыча марганцевых руд пошла впереди разведки. Как известно, уже 12 июня 1942 года в Дджезды начал действовать марганцевый рудник. И только в письме, датированном июнем 1943 года, Сатпаев сообщил В. И. Штифанову: «Защита запасов Дджезды на ВКЗ прошла самым блестящим образом. И. Н. Богданчиков оказался вполне удовлетворительным докладчиком».

Со страниц газет того времени известно, что фюрер не выносил слово «Дджезды». Если кто из подчиненных по своей глупости или незнанию произносил его, то лицо Гитлера начинало дергаться, и он кричал:

- Подумаешь, какие-то там Дджезды, какая-то поверхностная руда!

Фюрер долго считал дджездинскую руду малопригодным материалом для военного дела. Чиатуры, Никополь - это класс! А Дджезды? Пустое!

По-иному считал И. В. Сталин. Почетный железнодорожник страны, ныне пенсионер Петр Корнеевич Жуковский, проживающий в Дджезказгане по улице Суворова, 4, в годы войны был начальником строительства железнодорожной линии № 110 в Дджезды. Под его руководством в глухой степи под Дджезказганом в суровую зиму 1942-43 годов строители проложили стальную колею на расстоянии 48 километров от Рудника до Дджездинского марганцевого месторождения. Добыча ценной руды в то время уже шла полным ходом. Ее вывозили из карьеров две с половиной тысячи грузовых автомобилей. И все равно они не успевали доставлять добытую руду в горняцкий поселок, откуда в полувагонах ее увозили по железной дороге на уральские металлургические заводы. Сооружение железнодорожной линии Дджезды - Рудник в большой мере удовлетворило потребности перевозок важного груза. По словам Петра Корнеевича Жуковского, грузопоток руды в сторону Урала по железной дороге рос не по дням, а по часам. Вначале со станции Дджезды каждые сутки на Рудник отправлялся только один полувагон с рудой, вскоре три, затем - пять, десять!

Каждый вечер начальник Дджездинского рудоуправления Николай Федорович Михайлов, приехавший из Кривого Рога, проводил планерку, на которой в обязательном порядке присутствовали и Петр Корнеевич Жуковский, и главный инженер Айзик Абрамович Портнов, и начальник узла связи 110-го строительства Костяков. И каждый вечер ровно в 21.00 из Москвы раздавался звонок. Все знали: звонит Сталин. Он

интересовался ходом отгрузки марганцевой руды. Говорил он не больше минуты: ему нужны были только цифры.

Когда марганцевая руда первым большим составом пошла на Рудник, а потом в Магнитогорск, Сталин после обычного вопроса: «Товарищ Михайлов, сколько руды сегодня погрузили?» неожиданно произнес в свойственной ему манере растягивать отдельные слова:

- Передайте вашему коллективу мою благодарность.

Михайлов не был эмоциональным человеком. Он обладал характером рациональным, твердым и мужественным. Но даже он не мог удержаться, чтобы не объявить в тот день «праздник».

Как известно, в годы Великой Отечественной войны К. И. Сатпаеву была присуждена Сталинская премия за монографию «Рудные месторождения Дзезказганского района». Затем он еще не раз будет отмечаться государственными наградами. Кое-кто говорил с завистью: «Счастливый человек». Увы, это было далеко не так...

Сегодня в полной мере отдавая должное Сатпаеву как государственному человеку, научному деятелю, геологу и гражданину, говоря о его заслугах перед Казахстаном, СССР, не нужно рисовать какой-то идеализированный образ счастливого человека, которому везло в жизни во всем и всегда. От реальности никуда не денешься, а она такова, что Сатпаев жил в то время, когда в стране, увы, были и волюнтаризм, и коррупция, когда Сталин и иже с ним насаждали страх и насилие... Да и позже, во время застоя, Сатпаев не раз испытывал гнет бюрократической машины: представьте хотя бы, что пережил Сатпаев, когда узнал, что его за открытие крупных месторождений, за смелый подвиг в науке... разжаловали из президентов Академии наук Казахстана и предложили работу в одном из отделов главка! Вот она – социальная кривда... Сколько печальных страниц мы перелистываем в его письмах, связанных с этим смещением!

Сейчас только приходится жалеть о том, что его не понял, не поддержал в своё время даже такой известный первооткрыватель месторождений в недрах Центрального Казахстана, как Иван Степанович Яговкин. «Руда есть, но вряд ли месторождение стоит серьезного внимания», - упорно повторял он в Москве, отвергая оптимистические прогнозы Сатпаева. И советовал молодому геологу долго не засиживаться в Карсакапае, поискать себе какое-нибудь другое месторождение, более крупное. Взгляда Яговкина придерживались поголовно все специалисты Геолкома, которые тормозили буровые работы в далекой безводной глуши, не выделяли нужных средств на разведку месторождений. Дело доходило до абсурда! На многих разведках месторождений в стране давно применялось колонковое бурение, а в Карсакапае оно даже не предусматривалось в перспективном плане! И только благодаря сатпаевскому «настоянию», его преданности делу, Геолком в конце концов был вынужден дать Сатпаеву один, всего один станок, хотя он просил для начала два или три.

Но и это устраивало Сатпаева, ибо была пробита первая брешь в айсберге холодного отношения Геолкома к джезказганским месторождениям. Правда, геолкомовцы поплыли на это не с благородной целью поддержать стремление молодого геолога к высокой цели, а наоборот - дать ему возможность споткнуться, чтобы он сам убедился в беспочвенности своих идей и отступил.

Придет время, в джезказганских степях заработают советские, более эффективные установки, а тогда... возле старой шахты «Петро» день и ночь стучал «Крелиус». День и ночь не смыкал глаз будущий академик, ибо помнил: первый шаг - это очень важно, это очень ответственно. От него зависят другие шаги, более того - будущее всех работ на месторождениях Джезказгана.

Первое открытие Сатпаева было для чиновников Геолкома как гром среди ясного неба! За ним последовали второе, третье... Но в центре не дрогнули, специалисты Геолкома объявили Сатпаева «фантазером» и даже «прожектёром». Сколько еще таких словесных пощечин будет получать Сатпаев и тогда, когда возьмется за разработку Джездинских месторождений, да что там - до конца жизни! Ведь, если говорить откровенно, на каждого гения всегда находятся сотни антигениев. Они, как правило, бездеятельные натуры, люди-пустоцветы, но часто облеченные властью, вечно сгорают от темной зависти. Им непонятно было стремление Сатпаева к благу для народа, и они объясняли его более понятным для них желанием «сделать карьеру», «отличиться», «пересесть в более высокое руководящее кресло», наконец, «получить орден». Сколько обидных упреков, несправедливых обвинений перенес Сатпаев!

Перечитываю в Госархиве Джезказгана письма Каныша Имантаевича Василию Ивановичу Штифанову, и волосы дыбом встают, как много сил, нервов пришлось потратить Сатпаеву, чтобы доказать полноценность своего второго детища - Джездинского месторождения. И это в то время, когда марганец был необходим, как воздух, для Великой Победы СССР!

Судя по письмам Сатпаева, особенно усердствовали ученые Казгеологоуправления во главе с инженером Е. А. Немовым. Они произвели расчет запасов Джебды по своей методике и давали противоположный Сатпаеву результат.

Каныш Имантаевич пишет в одном из писем, что особенно яростно скрестились шпаги противников 15 июня 1943 года в Алма-Ате на выездном заседании ВКЗ, где председательствовал доктор геолого-минералогических наук, профессор П. М. Татаринев. Именно на нем, как пишет Сатпаев, «предстояло не только защищать запасы, но и восстанавливать вновь авторитет и доброе имя геологоразведочной конторы, бельмом на которых вставали как прошлогодний хулиганский акт со стороны группы геологов Казгеологоуправления - участников ТКЗ, так и беспримерная в истории нахальная их попытка провести и в этом году свой «параллельный» подсчет запасов Джебды».

Да, так было. Представители Казгеологоуправления дважды до 1943 года срывали утверждение сатпаевских подсчетов марганца в Джездах. Делалось это с определенной целью: обеспечить себе спокойную жизнь, снизить план по добыче руды и утихомирить зарвавшегося Сатпаева. «Богатые месторождения марганца в Джездах - блеф!» - заявили они, вторя главному геологу рудника С. А. Горланову, который ездил в Москву докладывать об истощении браунитовых жил в Джездинской степи.

На голову Сатпаева и его товарищей обрушивается поток обвинений в саботаже со стороны отдельных руководителей республики, крупных предприятий страны, хотя саботируют, по сути, богатые месторождения как раз псевдогеологи. Сатпаев снова выезжает в Джезды, собирает материалы и защищает свое детище.

В письме от 21 июня 1943 года он сообщает, что совещание геологов в Алма-Ате «прошло на высоком уровне». И далее: «Оно отметило Джезказганскую геологоразведочную контору как наиболее передовую ГРК в Казахстане. В числе ее особых заслуг отметило выявление богатых марганцевых руд Джезды и богатых медных руд Джезказгана. План ГРП также принят без изменений».

Окончательно противники Сатпаева были посрамлены на выездном заседании ВКЗ. Сатпаев сообщает: «Заседание ВКЗ по Джезды привлекло очень много публики - все ждали этого «спектакля». И «спектакль», действительно, удался блестяще. Подсчет Казгеологоуправления с позором был завернут обратно, а подсчет джезказганской конторы утвержден практически совершенно без изменений... В общем, на ВКЗ Немов и К° прошли такой блестящий бенефис, что едва ли у них возникнет охота в будущем повторять его».

Однако «спецы», чиновники от науки не сдавались. Они всю жизнь будут сопровождать Сатпаева, хватаясь за любую соломинку, как он пишет, ставить ему подножки, прикрывая лозунгами, демагогией свое творческое бессилие. Но Сатпаев, несмотря ни на что, будет продолжать свои творческие дела!

Сколько сил, нервов потратит он, чтобы отстоять богатства залежей железных руд Каражала, а затем настойчиво поставить вопрос о производстве в республике чугуна и стали – основы будущей индустрии! Как известно, 29 июня 1940 года Каныш Имантаевич составляет докладную записку о необходимости возведения в Карагандинской области комбината черной металлургии. Если бы на нес оперативно откликнулись «свыше», не откладывая в долгий ящик, то уже к началу войны с фашистами мы имели бы огромную добавку стали и чугуна. Это, конечно, приблизило бы час победы. Но бюрократические аппараты «наркомов» поглотили записку Сатпаева, как пылинку, надолго схоронив ее в железных сейфах, и тем самым, прямо скажем, здорово тормознули рождение Карагандинского металлургического комбината.

Но Сатпаев не отступал. Два года воевал он за свой проект, склоняя на свою сторону видных ученых. Он доказывал в тысячный раз, что в

районе Каражала – огромное железнорудное месторождение Атасу, оно находится рядом с Карагандой и ее коксующимися углями. Всего пятьдесят километров отделяют Каражал от железной дороги Караганда - Жарык - Джекказган. И если в Караганде построить металлургический завод с современными цехами и прокатными станами, то Казахстан будет давать сталь и чугун!

Наконец, после долгих столкновений с бюрократами он обращается за помощью к президенту Академии наук СССР В. Л. Комарову. А ведь уже идет война, фронту нужна сталь! К чести В. Л. Комарова он встает на сторону Сатпаева. Его поддерживают верные товарищи - ученый-геолог М. П. Русаков, академик И. П. Бардин. В конце концов бюрократическая сталинская прослойка спохватывается: как же это мы просмотрели такой проект! И тогда, в 1942 году, когда, как говорится, отступить было больше некуда, создается Государственная комиссия по выбору места будущей площадки завода, к тому же, с неполным металлургическим циклом. Какое внимание уделяло тогдашнее правительство новой стройке, говорят хотя бы такие факты: для перевозки грузов ей было выделено всего 15 автомобилей и два трактора! Что делать? Пришлось руководителям стройки срочно мобилизовать у местного населения сотни волов, повозки и даже сани!

И опять Сатпаев вступает в бой с чиновниками. Стране нужен завод с полным металлургическим циклом! Стройка должна быть обеспечена всем необходимым. И под давлением Сатпаева, его близких товарищей в феврале 1943 года Гипрозем, наконец-то, разработал и представил Наркомчермету проектное задание по строительству завода с полным металлургическим циклом, то есть нынешней Казахской Магнитки. В 1944 году на сооружение мартеновского цеха было направлено 113 строительных и монтажных бригад, в которых насчитывалось 1138 рабочих. Только 31 декабря 1944 года страна получила первую казахстанскую сталь. Если бы проект Сатпаева был рассмотрен вовремя, повторяем, казахстанский металл был бы в боевом строю раньше. И академик не радовал уже, когда по случаю пуска мартеновской печи в поселок Самарканд (нынешний Темиртау) пришло поздравление И. В. Сталина. Радость была запоздалой...

И все же радость была. Радость сквозь слезы огорчений. Ибо все-таки сбылось то, о чем мечталось. Ибо еще не окончена была война с фашизмом, и сверхпрочная казахстанская сталь начала разить орды завоевателей...

Караганду Каныш Имантаевич любил до бесконечности. Когда зимой 1943 года он выступал в Алма-Ате на ответственном совещании казахстанских литераторов и кинематографистов с деятелями искусств Москвы и Ленинграда, которые были эвакуированы в Казахстан, то в своем выступлении несколько раз вспоминал шахтерский город, назвал его гордостью не только республики, но и всего Советского Союза. Тут начало индустриальной эры завтрашнего Казахстана, отметил он.

А как хорошо знал Каныш Имантаевич рабочих Караганды! Он свободно, как о близких друзьях, говорил о карагандинских передовиках, называл фамилии старого шахтера Кузембаева, первого казаха-сталевара Алтынбека Дарибаева... Очень хвалил знаменитую в то время поэму о Караганде «Уголь - коммунизм».

Никак нельзя обойти молчанием тот факт, что Сатпаеву принадлежит огромная роль в деле создания академической науки в Караганде. Именно по его инициативе в горячьем городе был создан Химико-металлургический институт Академии наук Казахской ССР. Во главе этого института Каныш Имантаевич рекомендовал поставить Евнея Арстановича Букетова, малоизвестного тогда скромного ученого без всяких званий и регалий, и добился своего.

Но отчего же выбор пал именно на Букетова? Потому что Каныш Имантаевич первым заметил в нем не только склонность к научным изысканиям, творчеству, но и недюжинные способности организатора, борца за новые идеи в науке.

Как известно, Е. А. Букетов с лихвой оправдал доверие старшего товарища. Двенадцать лет он возглавлял Химико-металлургический институт в Караганде, и всегда показывал личный пример в творческих исканиях. Он стал создателем обобщающего научного направления: химия и технология халькогенов и халькогенидов, прогрессивного метода определения элементарного фосфора в шламе. Его научные труды по разработке пиро- и гидрохимических способов извлечения селена и теллура из медезлектролитных шламов, получения марганцевых ферросплавов из бедных руд и высокозольных углей и многие другие до сих пор не потеряли своей ценности.

В Букетове было много качеств, унаследованных от Сатпаева. И самое ценное из них – он не подавлял своим авторитетом коллег по науке, а наоборот, заботясь о их росте, мастерстве, давал им простор и свободу для проявления своего творческого «я». Он учился у Сатпаева, как неоднократно признавался, «избегать обычного администрирования», ибо Каныш Имантаевич «всей своей научной и организаторской деятельностью подчеркивал, что творческий коллектив – это не просто административно оформленный коллектив, а коллектив, объединенный единством творческих интересов».

При всей возрастной разнице (Евней Арстанович был моложе Каныша Имантаевича на 26 лет), разнице положения, опыта и Сатпаев, и его ученик Букетов были такими людьми, которые своей настойчивостью и верой приближали перестройку в нашем обществе, время надежд и больших изменений, в которое мы живем. И оба поплатились за то, что вели себя слишком «беспокойно», то и дело нарушая тишину и покой верхних кабинетов. Как мы знаем, Букетов был в конце концов разжалован из ректоров КарГУ. Его бы вообще кунаевские чиновники «смешали с грязью», да само имя Букетова, популярное в народе, не позволило им это сделать. Тогда его попросту решили «усреднить», сделать та-

ким, как все, милостиво предоставив ему должность научного сотрудника в том самом Химико-металлургическом институте в Караганде, который он когда-то возглавлял. Удар был настолько силен, что проработав всего три года в лаборатории в условиях самого жесточайшего унижения, Евней Арстанович скончался. Скончался в расцвете творческих сил на 58-м году жизни, так и не осуществив многих своих творческих замыслов!

Подобное отношение к талантам, позорящее саму душу человеческую, укорачивающее жизнь многих видных ученых, писателей, было в застойные годы нормой. Нет, лучших людей не сажали в тюрьмы, не расстреливали, как это было в тридцатые годы при Сталине. Их всего-навсего «смещали», лишали так необходимых таланту условий, отрывали от больших дел. А моральные муки, как известно, бывают страшнее физической расправы.

Одним из первых попал под «смещение» сам Сатпаев. Сколько горя перенес он, когда в 1951 году его необоснованно освободили от поста президента Академии наук Казахской ССР, даже вывели из состава президиума. За что? В постановлении находим только несколько стереотипных фраз: «...За грубые ошибки, допущенные при подборе, воспитании национальных научных кадров, а также за местнические принципы в выдвигании их».

Что стоит за ними? Ложь, конечно, ложь! В аппарате ЦК Компартии и Совмина Казахстана все еще господствовал позорный сталинский стиль работы с кадрами. К тому времени понадобилось сфабриковать для устрашения интеллигенции, масс очередное грязное дело теперь уже не «врагов народа», а «идеологических противников». Указующий перст был направлен на ученых Академии наук республики. Многие крупные писатели, литературоведы, композиторы уже были гонимы, незаслуженно обижены тогда. Крупный писатель Мухтар Ауэзов был назван во всеуслышание националистом, лишили профессорских кафедр ученых-литературоведов К. Джумалиева и Е. Исмаилова, композитора А. Жубанова отстранили от социальных заказов...

Сатпаева несколько раз вызывали в самые различные высокие инстанции, предлагали ему проделать нечто подобное с десятками талантливых ученых. То есть попросту «уволить их» или, мягче говоря, «сместить». Особенно усердствовали «об оздоровлении климата в Академии» в Совмине, где заместителем председателя был тогда Д. А. Кунаев, преследовавший свои цели в Академии.

Но Сатпаев отказался «выдать с головой» «нежелательные элементы», ибо столько лет жизни потратил он, его коллеги на подготовку этих ученых. Отказа Сатпаева ждали «вверху», только это им и надо было. И бюрократическая машина закрутилась, фабрикуя одно за другим обвинения в адрес президента. Дошло до того, что его предательски обвинили в принадлежности в юные годы к какому-то националистическому молодежному клубу, предложили раскаться в «грехах молодости»...

Так выросли тернии на пути большого честного ученого. Его травили, как могли, капля за каплей подтачивая здоровье. От него стали отворачиваться некоторые слабодушные друзья, а его завистники, нагнетая обстановку, включились в писание анонимок, жалоб в различные инстанции, вплоть до ЦК... В Академию зачастили проверочные комиссии одна за другой, чтобы потрепать нервы «добряку-академику». Да, это был испытанный в годы застоя метод расправиться с любым неудобным человеком.

В конце концов на место Сатпаева был назначен Д. А. Кунаев. А Каныш Имантаевич от необоснованных нападков надолго слег на больничную койку, его здоровье крепко пошатнулось. Спасала его одна мысль: пусть он морально ранен, лишен высокой должности, зато не состригано черное «дело ученых», они продолжают трудиться, их не тронули!

Осенью пятьдесят первого по настоянию врачей Каныш Имантаевич выезжает в Кисловодск. Его сопровождают жена Таисия Алексеевна, верный товарищ Василий Иванович Штифанов со своей супругой Зоей Ивановной. Долго по вечерам они беседуют в санатории Академии наук страны, веря в близкий конец сталинизма, бюрократизма.

Вспоминая то время, В. И. Штифанов говорил мне:

- Каныш Имантаевич не был растерян, ничто не могло его «выбить из седла». Он даже вроде бы начал радоваться печальному повороту событий, заверял, что теперь у него будет больше времени заняться наукой. И как первоочередную называл тему составления металлогенических карт полезных ископаемых Центрального Казахстана. Он, как прежде, хотел служить людям, геологии!

Когда он смотрел на горы, воспетые Лермонтовым, то видел далеко за ними и свой Баянаул, и сопки Улытау, и каменистую карсакапайскую степь, и заводы и шахты Караганды.

- Мало, еще очень мало сделали мы для разведки недр Казахстана, - вздыхал он, - у нас должны быть не только медь, марганец, уголь, но и вольфрам, молибден, нефть!

В то время Сатпаев уже знал, что в верхах «смилоствились» и предложили ему переехать в Москву, возглавить один из отделов главка или даже Институт геологии. Когда Штифанов спросил Сатпаева об этом, Каныш Имантаевич заметался по комнате, как птица в клетке, и резко воскликнул:

- Никогда! Ни за что! Пусть я начну сначала, буду рядовым геологом, но Казахстану не изменю!

Между тем в Алма-Ате никак не могли найти подходящую кандидатуру на должность директора Института геологии. Сатпаев оказался незаменимым! Вынужден был это признать и Д. А. Кунаев.

Еще неокрепший от психологических травм, Каныш Имантаевич находит в себе мужество и силы вновь заняться любимой наукой. И, несмотря на запреты врачей, пишет свой великолепный труд, посвященный разработке принципов составления металлогенных карт для Центрального Казахстана.

Между тем дела в Академии наук республики идут все хуже. Д. А. Кунаева не прельщает карьера ученого, ему некогда заниматься проблемами Академии, да он и не может заниматься ими глобально, знания кандидата технических наук сужают его видение, кругозор. Он рвется выше по административной лестнице, и в 1955 году достигает своего, получив кресло Председателя Совета Министров Казахской ССР. Безусловно, этому в немалой степени содействует бывший второй секретарь ЦК Компартии Казахстана Л. И. Брежнев.

К. И. Сатпаева вновь избирают в июне 1955 года Президентом Академии наук республики. Но здоровье его уже подорвано. Несмотря на это, Каньш Имантаевич продолжает свою борьбу за новые высоты казахстанской науки, выезжает в Караганду и Усть-Каменогорск, на Международный геологический конгресс в Дели, пишет новые доклады и статьи о проблемах науки в республике.

Полным ходом идут его работы по созданию металлогенных прогнозных карт и в Академии наук. Позже они оказались в руках геологов самым верным компасом, ибо указывали безошибочно, в каком районе, в слоях какой эпохи искать тот или иной металл. Как мы знаем, с их помощью геологи открыли в республике сотни новых месторождений железа, марганца, меди, свинца, молибдена, вольфрама, олова.

По сути, прогнозные карты Центрального Казахстана стали венцом, итогом длительных творческих исканий К. И. Сатпаева, начатых им за тридцать лет до этого в окрестностях Карсакая. Огромная роль в этом важном деле Сатпаева не вызывала никаких сомнений. И все же, когда на собрании при выдвижении работы «Прогнозные металлогенические карты Центрального Казахстана» на соискание Государственной премии СССР ученые предложили назвать в качестве автора одного Сатпаева, он запротестовал: «Работа велась всем коллективом института с активной помощью геологов республики,- сказал он,- вот и надо выдвигать группу ученых-геологов».

Да, он был коллективистом, он хорошо понимал, что один в поле не воин, что только вкупе, всем миром можно добиться успеха. Дорожил он и мнением крупных ученых, геологов и простых, даже малообразованных людей...

В музеях Джезказгана я разыскал несколько новых материалов о дружбе Сатпаева не только с учеными, имеющими мировые имена, но и с рядовыми колхозниками, чабанами. Среди них материалы простого чабана, проводника Сатпаева Бекмагамбета Султангазиева, о котором еще никто не писал. Это – «разрешительное свидетельство» на производство разведочных работ, выданное ему 21 июля 1929 года начальником Горного округа Зельвиным в Кызыл-Орде, фотоснимок К. И. Сатпаева с лаконичной надписью: «Баеке - на добрую память».

Как рассказал тогдашний директор музея научно-производственного объединения «Джезказганцветмет» Сутемген Токабаевич Букуров (ныне покойный), Бекмагамбет Султангазиев был геологом-самоучкой. Ровес-

ник К. И. Сатпаева, он стал его надежным помощником в поиске ценных месторождений. В юрте Султангазиева всегда Каныша Имантаевича ожидали интересные находки. Довольно часто Бекмагамбет - ага приезжал в Карсакапай, в контору геологов, привозя на верблюдах образцы уникальных минералов.

В 1929-1933 годы он был постоянным проводником Сатпаева во время его поисков рудных месторождений. Они вместе могли день за днем проделать пешком не один десяток километров в степи, не чувствуя усталости. Каныш Имантаевич неоднократно говорил о щедром сердце Баеке, его умении интуитивно находить подземные клады. За открытие медно-никеле-кобальтового месторождения, имеющего большое значение, Султангазиев постановлением Совета Народных Комиссаров Казахской ССР от 9 декабря 1937 года был премирован денежной премией в размере двух тысяч рублей.

В сентябре 1945 года К. И. Сатпаев писал в Джамбулский облисполком: «Б. Султангазиев – оди из разведчиков недр Казахстана, энтузиаст, самоучка-геолог. Он открыл несколько месторождений полезных ископаемых. Ему нужны всемерные поддержка и помощь».

В последнее время выяснилось, что Б. Султангазиев вел по совету Каныша Имантаевича Сатпаева также изучение растительного мира Центрального Казахстана. В связи с нехваткой каучука в стране в 1936 году он сообщил правительству республики о диких степных растениях «таусагыз», растущих в горах Каратау. Вскоре там был организован каучуковый (таусагызовый) совхоз по выращиванию ценных растений.

О том, что в груди Баеке билось щедрое сердце, свидетельствует и тот факт, что в годы Великой Отечественной войны он перевел из личных сбережений в Фонд обороны 40 тысяч рублей, подарил Красной Армии 10 великолепных лошадей, 50 овец, передал зимнюю теплую одежду для шести красноармейцев. Верховный Главнокомандующий выразил ему личную письменную благодарность.

Вот таким был один из товарищей-проводников Каныша Имантаевича Сатпаева. Известный ученый, биолог Мынбаев, который хорошо знал Бекмагамбета, писал о нем: «Это был беспокойной души человек». И вела его по трудным дорогам исканий пленительная звезда любви к великому геологу.

Любимец народа, К. И. Сатпаев мог бы жить дольше, сделать для страны больше, если бы чиновники от власти и науки не наносили ему психологических ударов исподтишка и в открытую. И что интересно: чем больше была любовь к Сатпаеву в «низах», тем с большей неприязнью говорили о нем «в верхах».

Сейчас нет секрета в том, с каким холодком относился к Сатпаеву Д. А. Кунаев. Геолог-инженер по образованию, он завидовал лаврам Сатпаева и часто, как говорили мне В. И. Штифанов и И. Н. Богданчиков, называл его «баловнем судьбы».

Так ли это? Мы уже знаем, что дорога Сатпаева к почестям была не-

ровной. Да и не к почестям, повторяем, он стремился, не их ставил целью жизни. Он никогда не хотел быть «ученым котом» на золотой цепочке, его коробило, когда кто-либо начинал произносить неумеренные здравицы в его честь. Он оставался самим собой, добывал кровью своей новые открытия и переходил из одного рабочего состояния в другое, даже забывая об отдыхе.

Большая цель - это всегда большие поступки. Обывателей пугала его смелость, настойчивость. Если надо было, он стучался отважно в недоступные двери великих мира сего. Друзья его предостерегали, предупреждали, даже молили. Вспомнили расстрелянных на «баррикадах духа» Сакена Сейфуллина и Жанайдары Садвокасова... Но он был неутомим.

Если представить себе, что Сатпаев вел себя так в трудные годы, когда всякая свежая мысль бралась под сомнение, а то и преследовалась, когда предательство стало нормой, то нам станет яснее его рабочий и человеческий подвиг.

«Писатель выковывается в несправедливости, как выковывается меч», - заметил как-то Хемингуэй. Сатпаев не был писателем, но характер его и мастерство геолога, действительно, закалялись в несправедливости. Он просто был таким, каков есть, со всеми своими устремлениями к творчеству, открытиям, и таким он останется в сердцах людей, которые его знали.

Хорошо, что в республике началось возрождение имени и трудов великого К.И. Сатпаева, которые долгие годы третировались бывшим руководством республики. Произошло это по инициативе Президента РК Н.А. Назарбаева. По его настоянию в Алматы был создан Международный фонд К.И. Сатпаева, и ЮНЕСКО включило празднование 100 – летия со дня рождения Каныша Имантаевича в 1999 году в календарь памятных и юбилейных дат. В Алматы, Жезказгане и Караганде открыли великолепные памятники нашему великому современнику. Н.А. Назарбаев обратил внимание казахстанцев на творческое наследие Каныша Имантаевича. Его творческое и глубокое изучение, отметил Президент, - это лучший памятник Сатпаеву.

Хочу отметить, что написанию этого очерка о доблестном сыне Казахстана способствовали также мои незабываемые встречи с дочерью Каныша Имантаевича – Меиз Канышевной Сатпаевой, писателями Какимбеком Салыковым, Макеном Торегельдиным и Медеу Сарсекеевым. Автор документальной повести «Сатпаев», изданной в издательстве «Молодая гвардия» в Москве, Медеу Сарсекеев подарил мне свою книгу с надписью: «Могильницкому Валерию, коллеге. Останемся до конца жизни верными нашей теме. 22 августа 2003 года». Как видите, остаюсь верным нашему великому современнику – дорогому Канышу Имантаевичу Сатпаеву.

Глава вторая

Любовь дочери

Долгие годы я переписывался с дочерью К.И. Сатпаева Меиз Канышевной. И переписка с ней меня убедила в том, что она – достойная дочь великого Сатпаева.

Почему я пришел к такому выводу? Да потому что ни в одном письме Меиз Канышевна не забывала упомянуть добрым словом своих родителей – отца и мать, которые дали ей большое дыхание жить творчески, привили ей любовь к родной Сарыарке, к уникальной профессии геолога – минералога.

Меиз Канышевна с детства была воспитана на большом поклоне и почтении своих родителей. И это было, как говорится, взаимно, ибо Каныш Имантаевич и Таисия Алексеевна уважительно относились к своим детям, не повышали на них голос, не дергали попусту и не «наставляли». Их личный пример трудолюбия, взаимного согласия действовал лучше всяких назидательных и правильных «речей».

Меиз Канышевна как-то мне написала, что про ее отца сочинено, издано очень много, а вот ее маму писатели зачастую забывают даже упомянуть. А если пишут о ней, то больше как о заботливой домохозяйке, гостеприимном человеке. Она, де, и блинчики изготовит и подаст, и пельменями угостит. А ведь все было не так ...

Меиз Канышевна писала: «Мне за мою маму обидно в таком плане: когда пишут о нашем карсакпайском периоде жизни, то почему-то многие писатели изображают ее больше домохозяйкой: то она жарит блинчики, то готовит чай для гостей... И это ведь неправда, все хозяйство у нас вела бабушка Фелицата Васильевна... А мама ведь в Карсакпае работала усердно, так же, как папа, в геологическом отделе... Она ведь была отличным минералогом и наладила в Карсакпае прекрасную лабораторию, не уступающую столичным (ей-Богу!), и создала там редкостный геологический музей. Я в том музее часто бывала. Там таинственно пахло, но не цветами, а рудой... Мама умела увлекательно рассказывать о минералах, их пользе для людей. Я все это впитывала, как губка».

Далее Меиз Канышевна писала, что давно задумала издать книгу о матери, о ее верности и преданности отцу. Если бы ни ее трогательная забота о Каныше Имантаевиче, то, может быть, и не засияла бы так ярко и притягательно звезда Сатпасва. Мужчины добиваются успеха только тогда, когда у них есть крепкая семья, надежный тыл. Таким надежным тылом для Сатпаева стала Таисия Алексеевна Кошкина, его супруга, друг, соратница по борьбе за Большой Джекказган. Именно благодаря ей в Карсакпае впервые были организованы не только прекрасная ми-

нералогическая лаборатория, но и фотолаборатория, отличный минералогический музей.

И я несколько не удивился, когда получил от Меиз Канышевны абсолютно новую книгу Таисии Алексеевны Сатпаевой о своем великом муже, выпущенную в издательстве «Гылым». Составителем и ответственным редактором этой книги выступила дочь Сатпаева. Она же написала предисловие к книге матери, ее совместной жизни с Канышем Имантаевичем, сполна наполненной трудом и большими свершениями во имя процветания Казахстана.

Книга получилась удачной – в ней много нового и полезного для читателя о жизни семьи великого геолога и ученого. Мало кто знает, например, что в 1934 году в Москве на сессии Академии наук СССР, посвященной проблеме Большого Джекказгана, с докладами о результатах изучения джекказганского месторождения выступали не только Каныш Имантаевич Сатпаев и Михаил Петрович Русаков, но и Таисия Алексеевна Сатпаева (Кошкина). Чуть позже ее доклад был опубликован в сборнике «Большой Джекказган».

Однако считаю, что особой заслугой Таисии Алексеевны стало открытие в рудах Джекказгана рения – серебристо-белого тугоплавкого металла. На Джекказганском медьзаводе его получали и получают в виде перенната аммония, рениевой кислоты и металлического порошка. Как известно, это очень ценный металл, его применяют для изготовления деталей электронных приборов, катодов, масс-спектрометров, термодар. Рениевые покрытия служат для защиты других металлов от коррозии. . .

Не упоминая Таисию Алексеевну в связи с обнаружением рения в джекказганской руде, писатели поступают несправедливо. Тем более, что ей посмертно присвоили за это открытие диплом и медаль Министерства геологии СССР «Первооткрыватель месторождения рения в Джекказгане».

Меиз Канышевна перечисляла в книге и другие заслуги ее матери перед отечественной геологией. И тут же добавляла, что не занимайся Таисия Алексеевна наукой, а будь просто супругой Сатпаева, то и тогда бы ее имя осталось навечно жить в истории Казахстана. Ведь она оставалась верной подругой Каныша Имантаевича даже в самые тяжелые для него годы, поддерживала его морально и вновь поднимала на трудовые подвиги. Особенно это ярко проявилось в те дни, когда Сатпаева сместили с должности Президента Академии наук Казахстана, несправедливо упрекнув в развале Академии и национализме. Она не дала ему упасть, заболеть, выехав с ним в Москву и Кисловодск. Она же поддержала Каныша Имантаевича в написании письма Сталину, что и спасло его имя, и славу, и честь, и творчество.

Известный казахстанский поэт Какимбек Салыков назвал период совместной жизни К.И.Сатпаева и Таисии Алексеевны в Карсакпае «временем роз». Действительно, их сад жизни не был запущенным и сиротливым, они вырастили в нем немало прекрасных цветов, в том числе любящую их Меиз.

Жаль, что в книгу о матери не вошли ее эмоциональные воспоминания о Карсакпае, том времени, когда она была еще маленькой девочкой, делающей свои первые шаги в этот огромный тревожный мир... Между тем, в ее письмах, адресованных мне, было немало добрых слов о жизни в Карсакпае семьи Сатпаевых.

«Карсакпай – это моя родина. Я там жила до второго класса,- читаю в письме.- Это самое удивительное место на земле. В тридцатые годы там жили редкостные люди... Это был центр огромного края, оторванного от Большой земли (связь только через Джусалы – 400 километров по Бетпакдале). И как полнокровно, дружно и жизнерадостно мы там жили!

В Карсакпае в те времена были исключительно умные и сердечные учителя. Например, моя старшая сестра Ханиса Канышевна в 1939 году после окончания Карсакпайской школы с блеском поступила в Алматинский медицинский институт... А мальчик Кемаль, племянник папы, который жил у нас с семилетнего возраста, учился в Карсакпайской школе. стал сейчас известным археологом Кемалем Акишевичем Акишевым. Он был ближайшим сподвижником академика А.Х.Маргулана, одним из авторов книги «Древняя культура Центрального Казахстана». Именно он открыл «Золотого человека», о котором нынче знает весь мир. Так любовь Каныша Имантаевича к истории республики передалась его воспитаннику, племяннику Кемалю Акишеву, много лет отдавшему изучению археологии в Сарыарке, яркой и самобытной культуры казахов в Центральном Казахстане».

И далее Меиз Канышевна писала:

«Однажды папа вспомнил, как на отдыхе в Крыму, сидя со мной на лавочке под пальмой, он спросил меня (мне было четыре года): «Мизенька, где лучше – здесь или в Карсакпае?» На это я ему ответила с жаром: «Конечно, в Карсакпае!»

И так я считаю до сих пор, так для меня и осталось. И не только для меня – для всех, кто работал вместе с папой, кто жил в Карсакпае...»

А сколько удивительно теплых слов, идущих из самых глубин души, находила Меиз Канышевна для своей родной матери Таисии Алексеевны Кошкиной. К.И.Сатпаев познакомился с ней еще в Семипалатинске, где она работала лаборанткой в учительской семинарии. Затем они встретились в Томске, вместе учились в технологическом институте, где решили окончательно связать в одну судьбу свои судьбы. Так что в Карсакпай они уже приехали вместе, одной молодой семьей. И окрыленные любовью и дружбой, они делали на славной земле Сарыарки открытие за открытием. Имя Сатпаева навсегда будет связано с крупными месторождениями меди, имя Кошкиной-Сатпаевой - с рением и осмием.

Я долгое время дружил с коллектором геологической партии в Карсакпае Сергеем Александровичем Рожновым. Он занимался фото, сделал несколько выдающихся снимков Сатпаева во время поиска место-

рождений ... Самый первый из них - это каменная плита Тимура Хромого на сопке Алтын-Шоки в Улугтау. Она была впервые опубликована в газете «Комсомольская правда», имела большой общественный резонанс. Сейчас памятная плита хранится в Эрмитаже. Не пора ли ее вернуть в Улугтау на прежнее место?

Так вот Сергей Александрович Рожнов мне говорил, что обстановка в семье Сатпаевых была спокойная, благожелательная. Никаких ссор, раздоров, ибо каждый был занят творческим делом. Для всех маяком больших поисков был Каныш Имантаевич Сатпаев, который, кроме меди, открыл в джезказганских степях залежи марганца близ речки Джездинки. Это помогло в годы войны с фашизмом выпускать танки с крепкой броней в Магнитогорске, выигрывать крупные сражения. На счету Каныша Имантаевича - идея строительства в Темиртау Казахстанской Магнитки, создание Академии наук в республике...

На многих фотоснимках С. А. Рожнова Сатпаев запечатлен с семьей на отдыхе у подножья гор Улугтау, в робе геолога на разведке месторождений в Дездезах и Актасе, в рабочем кабинете в Карсакапае со шкатулкой минералов... К сожалению, многие снимки Рожнова так и не были опубликованы в печати, они остались на многочисленных пластинках и пленках, проявленных и сложенных в кассеты. Заболев, Сергей Александрович с грустью писал мне в Караганду из больницы поселка Джезказган, что никто не интересуется уже Сатпаевым, и фото, связанные с его жизнью, лежат недвижимо. Вскоре С. А. Рожнова не стало... По моему совету мой друг, писатель Куаныш Ахметов бросился в дом Рожнова изучать его фотонаследие, но близкие Сергея Александровича не пустили его даже на порог... И только Меиз Канышевна была удостоена чести войти в фотолабораторию Рожнова. Ей родственники Сергея Александровича подарили часть кассет с редкими снимками. Некоторые из них дочь Сатпаева переслала мне в Караганду для иллюстрации книги «Медь Жезказгана». Так в книгу вошли уникальные снимки «К.И. Сатпаев в Жезказгане», «К.И. Сатпаев в одной из шахт Жезказгана». В своих публикациях я использовал фотографии «К.И. Сатпаев и Михаил Русаков», «К.И. Сатпаев на разведке месторождений в улытауских степях», «Сатпаев и Кассин в Каражале» и другие.

Неоднократно мне приходилось встречаться со знатными людьми Центрального Казахстана Василием Ивановичем Штифановым, Макеном Торегельдиным, Какимбеком Салыковым, и каждый раз они высоко отзывались о дочери К.И. Сатпаева – Меиз Канышевне. Василий Иванович говорил мне о том, что она вобрала лучшие качества отца – трудолюбие, настойчивость, стремление к высокой цели. Когда не стало Тасии Алексеевны, то Меиз взяла на свои хрупкие плечи заботу о сохранении творческого наследия отца, его популяризации. И, вникая в архивы Каныша Имантаевича Сатпаева, она пришла к выводу, что огромная часть его наследия оставалась «белым пятном» для историков, писате-

лей, геологов. Разве так должно быть? Целых три тома абсолютно новых материалов набежало, каких не было в пятитомнике Сатпаева и в помине. Взять труды Каныша Имантаевича по вопросам литературы и искусства. Надо бы включить в собрание сочинений публикации в «Казахстанской правде». Вот его статья «Ждем кинофильмов о Казахстане», опубликованная в «Казахстанской правде» в 1944 году 11 января. Обращаясь к работникам искусства, он предьявляет им огромный счет. Каныш Имантаевич пишет: «К сожалению, кроме фильма о Турксибе, ни одно из гигантских сооружений в Советском Казахстане не отражено пока в киноискусстве. Яркая и насыщенная энтузиазмом история строительства таких важных индустриальных центров Казахстана, как Караганда, Балхаш, Алтай, Джезказган, Чимкент и другие еще не имеет своего надлежащего отражения в кино. Между тем, она могла бы дать материалы для создания целого ряда ярких и волнующих кинофильмов, как художественных, так и документальных».

Эта критика злободневна и поныне. А как не напечатать сегодня письмо К.И. Сатпаева И.В. Сталину о тех гонениях, которые устроили ему на родине, обвинив его в национализме при публикации народного сказания об Едиге! Как не опубликовать его предисловие к поэме «Ер Едиге», исключенное из печати цензурой в предыдущем издании?

Меиз Канышевна выходит в правительство с предложением о выпуске 8- томника Сатпаева, и ее поддерживают. Тем более, что впереди празднование 100 – летия со дня рождения К.И. Сатпаева, и его по предложению Н.А. Назарбаева Юнеско включило в 1999 году в календарь памятных и юбилейных дат, которые проводятся под эгидой и при участии этой влиятельной крупнейшей Международной организации по вопросам образования, науки и культуры.

Высказывания Нурсултана Абишевича Назарбаева о Сатпаеве все более красноречивы. Выступая на совещании в Павлодаре 25 ноября 1998 года, он обратил внимание казахстанцев на творческое наследие великого ученого – геолога. Его тщательное и глубокое изучение – это лучший памятник К.И. Сатпаеву, отметил Президент.

Меиз Канышевна не раз и не два лично выражала благодарность Нурсултану Абишевичу Назарбаеву за то, что открыл мыслимые и немыслимые шлюзы, чтобы корабль трудов Сатпаева благополучно причалил к людям. Долгие годы (более 30 лет) имя Каныша Сатпаева - нашей национальной гордости – третировалось бывшими руководителями республики. Наконец – то, длинный коридор темного тоннеля кончился, и впереди засиял яркий свет любви народа.

Меиз Канышевна трудилась над созданием 8 – томного собрания сочинений К.И. Сатпаева, не покладая рук. Сегодня его трудами пользуются и ученые, и писатели, и преподаватели, и студенты. Высоко оценил усилия М.К. Сатпаевой по воскрешению архивов отца поэт Какимбек Салыков.

- Ей надо отдать должное, - сказал он мне. - До поздней ночи она трудилась над материалами своего отца в геологическом институте, а затем до утра в типографии, вычитывая набранные тексты. Ее трудолюбию можно было только позавидовать.

- Я любил Меиз Канышевну, ее доброту и отзывчивость, - говорил мне Макен Торегельдин, тогдашний директор музея истории горных и шлавильных дел в Дездедах. - Она хорошо помогала мне в создании экспозиции, посвященной Канышу Имантаевичу. Великий был человек во всех отношениях. Когда я был подростком, он приголубил меня, голодного и оборванного, дал работу в геологической партии, настоял, чтобы я продолжил учиться в вечерней школе... По сути, он поставил меня на ноги, открыл путь к нормальной творческой жизни...

Когда я работал собкором республиканской газеты «Казахстанская правда» по Дездеказганской области, то где только не приходилось мне бывать; и в Улытау, и в Карсакпае, и в Балхаше, и в Жайреме, и в Дездедах... И всюду люди тепло отзывались о Каныше Имантаевиче, слышанные о его больших делах по геологоразведке крупных месторождений в республике. Моя мама Софья Павловна Колчина была знаменитым цветоводом в городе Никольском (позже г. Сатпаев). Однажды приезжаю к ней из Дездеказгана, она ведет меня в сад и показывает выращенные ею цветы.

- Я сейчас тебя удивлю! - говорит она мне и срывает красивый гордый цветок с клумбы. - Знаешь, что это? Это гладиолус «Академик Сатпаев»! Я за луковками этого цветка ездила в Ботанический сад Академии наук!

А еще в саду мамы росла сирень «Памяти К.И. Сатпаева». Она привезла саженцы из Алма-аты где-то в 1977 году. Этот сорт сирени благоухал прямо под окнами нашего дома, и ее очаровательный запах проникал в комнаты, на кухню, в столовую...

В Дездеказгане, Алматы, Карсакпае, Алмалы, Чимкенте и Туркестане есть школы, носящие имя К.И. Сатпаева. Когда я приехал в Караганду, то был прямо - таки поражен тем, что здесь нет ни одной школы имени Сатпаева. Во многих школах, вузах республики созданы музеи К.И. Сатпаева или специальные экспозиции, ему посвященные. В Караганде этого нет! Это тем более удивительно, что Сатпаев всегда с восхищением говорил о Караганде, ее будущем, называя шахтерский город гордостью не только республики, но и всего Советского Союза. Тут начало индустриальной эры завтрашнего Казахстана, отмечал он.

Первые выездные сессии Академии наук Казахстана К.И. Сатпаев провел в Караганде. У меня до сих пор сохранилась фотография, на которой запечатлены знаменитый ученый - металлург, академик И.П. Бардин и К.И. Сатпаев на Федоровском углерезе. Неоднократно бывал Каныш Имантаевич на строительстве своего детища - Казахстанской Магнитки. Но в местных музеях вы не найдете ничего о пребывании К.И. Сатпаева в Караганде и Темиртау.

Об этом мне с волнением говорила Меиз Канышевна. Воспитывать молодых на примере жизни и деятельности К.И. Сатпаева - к этому она не раз призывала преподавателей, учителей всех рангов.

Моя дружба с Меиз Канышевной продолжалась бы бесконечно... Но в 2007 году мне позвонил ее супруг Толыбай Альжапов и сказал, что Меиз Канышевны не стало. Вскоре он прислал мне книгу М.К. Сатпаевой «Я в царстве подземном - внутри Джекказгана». Со слезами на глазах я читал стихи Меиз Канышевны:

*Смерть. Что такое смерть?
Как можно умереть?
Ведь человек рожден
Для жизни, для движенья.*

*Работа. Уйма дел.
И вдруг всему конец?
Немыслимо. Нет, нет.
Да это – наваждение.*

*И все же... многих нет,
И самых близких нет.
Зачем же мы живем?
Зачем эти волненья?*

*Извечное «зачем».
А жизнь спешит, бурлит.
И средь земных сует –
Уходят поколенья.*

Глава третья

Это было последнее лето

Однажды я навестил в Алматы дочь К.И. Сатпаева - Меиз Канышевну Сатпаеву. Вместе с ней провел несколько часов в музее выдающегося ученого-геолога, осматривал его личные вещи, книги, редкие фотографии. Меиз Канышевна много рассказывала мне об алма-атинском периоде жизни Сатпаева. А затем неожиданно произнесла:

- Когда оглядываюсь на послевоенные годы, неизменно рядом с папой вижу фигуру Николая Григорьевича Кассина. Ростом он был невысок, никогда не выделялся среди людей, но человеком был щедрым на доброту и участие, ученым редкого таланта. К сожалению, его совсем забыли, даже когда пишут о Сатпаеве, не вспоминают. А ведь Николай Григорьевич был первым советником папы в Алма-Ате...

И попросила:

- Напомните, напишите о Кассине, - я вам помогу, пришлю в Караганду все необходимые материалы о нем.

Как говорится, пока суд да дело, я сам заинтересовался жизнью Николая Григорьевича Кассина. И сразу выяснил, что его путь в геологии начинался намного раньше, чем Сатпаева. Каныш Имантаевич еще учился в двухклассном училище в Павлодаре, а Николай Григорьевич уже провел в центральной части Тургайского уезда гидрогеологические исследования, обнаружив там огромные запасы подземных вод. Было это в 1912 году. Тогда Кассину исполнилось 27 лет, а Сатпаев еще был 13-летним подростком.

Сидя в библиотеках, я мысленно повторял вслед за Кассиным его геологические маршруты по Казахстану, сделанные им еще до того, как Сатпаев получил диплом инженера-геолога. Где только ни побывал Николай Григорьевич! К 1927 году он уже опубликовал более 20 научных трудов в самых различных журналах, но больше всего в «Вестнике Геологического Комитета СССР».

Судя по ним, сразу отметил, что Кассин никогда не принадлежал к представителям так называемой «чистой» науки. Любую свою работу, будь то наукоемкая большая монография или малюсенькая журнальная публикация, он начинал полезными для практиков-геологов и эксплуатационников сведениями. Уже будучи на работе в геологоразведочной службе треста «Атбасцветмет» в Карсаклае, К.И. Сатпаев и его коллеги с упоением читали труды Кассина о геологических обследованиях крупных месторождений по верховьям реки Чидерты к западу от Баянаула, о Тасадырском и Амантауском месторождениях меди, Кетменском полезном ископаемом самородной меди.

В 1931 году Кассин открывает и описывает Бошекульское месторождение меди, а в 1935-36 годах - золоторудное месторождение Кумак, Тургайское сурьмяное месторождение и Актюбинское месторождение никеля. К этому времени он сближается с выпускниками Петербургского горного института, геологами Михаилом Петровичем Русаковым и Иваном Степановичем Яговкиным, вместе с ними пишет целую главу «Медные месторождения северо-восточного Казахстана» в книгу «Главнейшие медные, свинцовые и цинковые месторождения в СССР».

Вскоре после этого геологи Москвы и Ленинграда признают всех трех коллег-товарищей лучшими знатоками недр Казахстана. Причем предпочтение отдают Н.Г. Кассину, так как он был, действительно, великолепным геологом с большой интуицией, много ходил-ездил в казахстанской степи, изучил, как свои пять пальцев, месторождения республики.

Кстати, на его квартире в Ленинграде зимой часто собирались молодые геологи, студенты. Они обсуждали результаты летних изысканий дяди Коли, советовались с ним насчет будущей жизни... И довольно часто Николай Григорьевич называл им новый адрес приложения сил: «Джезказган». И пояснял: «Там появился талантливый геолог Каньш Сатпаев, он открывает одно месторождение за другим... Я ему верю, его прогнозы - не лина. Кто будет работать с ним, обретет славу».

Правда, о Сатпаеве дядя Коля говорил со слов М.П. Русакова, который побывал в Карсакапе в 1927 году, а затем неожиданно для всех решил навсегда связать свою судьбу с Казахстаном. Сам же Кассин еще был далек от мысли ехать навечно в Казахстан, чтобы постоянно жить там. Но вскоре обстоятельства сложились так, что Николай Григорьевич вынужден был покинуть Ленинград.

Именно тогда, в тридцатые годы, ему и его жене Прасковье Степановне был нанесен первый удар тоталитарной советской системой, хотя Кассины всегда старались быть вне политики, избегали разговоров о Сталине, членах Политбюро и так далее.

А пострадали они из-за «мудрой линии» С.М.Кирова, решившего прямо-таки по-большевистски разрубить «гордиев узел» проблем с жильем в Ленинграде.

Сейчас мало кто помнит, что после революции в городе на Неве новых домов практически не строили. Население же, как бурный поток по вссне, увеличивалось не по дням, а по часам за счет хлынувших на заводы из голодающих деревень крестьян. И вот вместо того, чтобы взяться всерьез за организацию строительства нового жилья, быстрое сооружение кирпичных и цементных заводов, С.М.Киров дает поспешное указание: выселить десятки тысяч лиц непролетарского происхождения из квартир, отправить их в административном порядке в Сибирь, пусть обживают мертвые и глухие края, нечего, мол, буржуазные кости в тепле держать. При этом прогнозировалось выселять только бывших сановников, финансистов, коммерсантов, фабрикантов да дворян. А на поверку

пострадала вся интеллигенция Питера. Вышвыривали из квартир так называемую «белую кость», а это и музыканты, и врачи, и поэты, и юристы, и ученые. Попала под выселение и семья Кассиных.

А все дело в том, что квартира в Ленинграде принадлежала родителям жены Кассина Прасковьи Степановны. Были они из дворян, рано скончались. Еще при жизни «очарованная далью» Прасковья Степановна бежала из родительского дома на Дальний Восток, служила там медсестрой в царской армии, принимала участие в русско-японской войне 1905 года, за что была награждена Георгиевским Крестом. Николай Григорьевич очень гордился этим, и всегда, когда знакомил с кем-нибудь свою жену, непременно говорил:

- Она у меня уникальный человек - кавалер Георгиевского Креста.

И вот именно потому что Прасковья Степановна была отмечена столь высокой царской наградой, ее попросили вместе с мужем освободить жилплощадь. Ведь она служила не революции, а царю-батюшке.

Сам Николай Григорьевич был родом из деревни Гнусино, что расположена близ города Вятки, из крестьянской семьи. Но в глазах Кировских Шариковых он выглядел никчемным профессориком, ибо, во-первых, окончил не советский, а царский Санкт-Петербургский горный институт, а, во-вторых, имел ряд трудов, изданных опять же в царское время в царских журналах. То, что геология не подвластна политическим веяниям и конъюнктуре, в расчет не бралось.

Правда, со временем местные власти исправили свою «грубую ошибку». Н.Г.Кассину выделили так называемую профессорскую квартиру при горном институте, в котором он преподавал. Она была значительно меньше прежней, но места для книг и письменного стола хватило. И все же пожить в ней Кассиным не удалось. Вскоре они, обиженные ленинградскими властями, выехали на постоянное местожительство в Алма-Ату, где Николай Григорьевич становится главным консультантом почти всех геологических работ, осуществляемых на территории Казахстана. Позже его ученик, геолог Г.Ц. Медоев напишет в своей статье «Неутомимый исследователь Казахстана»: «Каждое лето, вплоть до конца своей жизни, Николай Григорьевич путешествовал из края в край по всему Казахстану. Во время поездок он посещал почти все геологические экспедиции, знакомился с их результатами, разъяснял, когда нужно было, и направлял дальнейшие работы, будь они поисково-съёмочными или разведочными. В этих объездах многочисленных экспедиций у него не было «мертвых», пустых маршрутов: он всюду неустанно наблюдал, собирал и описывал все новые и новые факты. Это было время, когда Николай Григорьевич являлся как бы аккумулятором огромного количества новых сведений по геологии Казахстана, направлявшихся к нему «полноводными потоками». Оттого его научные труды всегда насыщены новыми данными, синтез их - оригинальными выводами, исправляющими или дополняющими ранее выполненные работы».

Необычайно велик список научных трудов Н.Г. Кассина, написан-

ных в Казахстане. Здесь у Николая Григорьевича не было такого года, когда бы он не опубликовал своих сочинений. И многие из них не потеряли своей ценности и в наши дни. Скажем, гидрогеологические исследования, произведенные Кассиным в центральной части Тургайского уезда, в юго-западной части Иргизского уезда, в бассейне озера Иссык-Куль, в области Кетменского хребта и бассейна реки Чарын позволили ему составить десятиверстные геологические карты, которые он сопровождал обстоятельными описаниями всего комплекса геологических проблем, начиная с вопросов стратиграфии и кончая перспективами разведки недр. Ими до сих пор пользуются геологи.

Изучая глубинные подземные процессы, Кассин сам стал первооткрывателем многих полезных ископаемых в республике. Так, с его именем навсегда связано изучение и оформление геологии Карагандинского угольного бассейна, ставшего первой кочегаркой Казахстана. Он является одним из открывателей Бошекульского медного месторождения, значительных запасов подземных вод в так называемых долинах Центрального Казахстана. Эти глубокие озера и поныне остаются базой водоснабжения ряда крупных железнодорожных станций и промышленных предприятий республики.

Как мы знаем, в июне 1941 года К.И. Сатпаева приглашают из Дзезказгана в Алма-Ату возглавить Институт геологии республики. Николай Григорьевич Кассин первым восторженно встречает в академических апартаментах столицы Сатпаева, ибо давно симпатизирует ему и поддерживает его, как Русаков. Эта симпатия позже выльется в статью «Каныш Имантаевич Сатпаев» (к 50-летию со дня рождения), опубликованную в 11 выпуске «Известий Академии наук КазССР» за 1949 год. А тогда, в 1941 году, они сразу при встрече нашли «общий язык дружбы» и не изменяли ему до конца жизни. Это было время, когда Сатпаев особенно нуждался в надежных товарищах, их поддержке. Ведь он только начинал свой путь в Большую Науку на новой для него должности директора Института геологии республики.

В тот период, когда К.И. Сатпаев сблизился с Николаем Григорьевичем, положение Кассина в научном мире Казахстана было особенно прочным. Имея большой практический опыт геолога, Кассин все больше ударяется в теорию и небезуспешно. Он написал ряд тематических очерков: «Вулканизм в северном Казахстане», «Вулканизм Казахстана», «Тектоника Казахстана», «Металлогенические циклы Казахстана», «Рудные зоны Казахстана» и другие. В последующие годы Кассин на базе изучения более чем 150 рудных месторождений республики обобщает огромный многолетний геологоразведочный и геологографический материал по металлогении, в период 1937-1941 годов в разных изданиях публикует десятки трудов на эти темы. Не зря в своей статье «Труды Н.Г. Кассина в области прикладной геологии и металлогении» Михаил Петрович Русаков в 1960 году пишет: «Металлогенические обобщения и схемы Н.Г. Кассина от 30-х годов в настоящее время

значительно дополнены и уточнены, но пионерная роль в изучении металлогении, структур и вулканизма Центрального Казахстана принадлежит именно ему».

В 1947 году Н.Г. Кассин напечатал замечательную книгу «Материалы по палеографии Казахстана». Несмотря на ее такое название ученый-геолог изложил в ней много данных по металлогении и полезным ископаемым на территории республики. Это своего рода краткая энциклопедия месторождений Казахстана, систематизированных по металлогеническим эпохам и привязанных к стратиграфическим подразделениям.

К.И. Сатпаев удивлялся широте познаний и интересов Кассина, высоко ценил его и всегда прислушивался к мнению старшего товарища. Не зря во многие поездки по республике он брал с собой именно Николая Григорьевича.

В своей статье, написанной в 1960 году совместно с геологом И.И.Боксом под заголовком «Вклад Н.Г. Кассина в геологическую науку и развитие минерально-сырьевой базы Казахстана и СССР» Каныш Имантаевич отмечал, что Николай Григорьевич был «в курсе всех новейших по своему времени достижений, показывая при этом глубокую эрудированность во многих разделах геологической науки». И далее: «Из русских геологов-универсалов особенно выделялись такие крупнейшие представители нашей науки, как А.П.Карпинский, В.А.Обручев, М.А.Усов и некоторые другие. Н.Г. Кассин являлся едва ли не самым последним по времени геологом с подобным универсализмом».

Если мы будем внимательно читать страницы судьбы Сатпаева, то на многих из них ощутим присутствие Кассина. Именно он внушил Канышу Имантаевичу мысль о том, что необходимо загодя работать над структурно-геологической картой Казахстана, ибо только на ее основе можно составить прогнозные карты. Именно он подсказал идею проведения выездных сессий Академии наук республики в Гурьеве и в Караганде по развитию производительных сил регионов. Причем сам активно готовился к этим сессиям и других воодушевлял своей энергией.

Да, он был великолепным советчиком, и работал, не жалея себя, на износ. Только в 1947 году он напечатал семь крупных работ, в том числе уже упомянутую мной книгу «Материалы по палеогеографии Казахстана», ставшую учебником для будущих геологов.

Н.Г. Кассин, безусловно, мог бы написать еще больше научных работ. Но нельзя забывать, что он жил в эпоху сталинизма, когда всякая свежая мысль подавлялась, а ученые, особенно прогрессивно мыслящие, находились под «колпаком» Берии и его верноподданных.

... Однажды по какому-то делу К.И. Сатпаев заглянул утром в рабочий кабинет Кассина и ужаснулся, увидев его бледное лицо, одутловатые щеки, опухшие глаза. Николай Григорьевич так увлекся работой, что забыл даже выключить свет в настольной лампе, хотя солнечные лучи уже давно падали на письменный стол и книги.

- Вам немедленно нужен отдых! - наставительно сказал Сатпаев. -

Давайте вечером съездим ко мне на дачу, там нас ждет Таисия Алексеевна, посидим, поужинаем, походим по саду...

- Не до отдыха сейчас, Каныш Имантаевич, - резко ответил Кассин и совсем помрачнел. - Какая дача, когда вокруг такая несправедливость! Надо писать, бороться! Кому как не нам заступиться за тех, кто погибает без вины виноватый...

Сатпаев сразу понял Кассина. Сложность, противоречивость и жестокость сталинской эпохи становились все очевиднее. Росло количество арестованных ученых в Казахстане. Арестовали даже друга Сатпаева и Кассина - ученого-геолога Михаила Петровича Русакова. Значит, мог дойти черед и до них. Ведь одни аресты порождали другие, ибо в НКВД выявляли новых «соучастников», «врагов народа». Шла цепная реакция уничтожения лучших кадров в науке, литературе, искусстве, культуре...

Каныш Имантаевич догадывался, что Кассин начал борьбу за справедливость, так раздражавшую казахстанскую бериевскую рать. Куда только он не посылал письма в защиту Русакова и других незаслуженно репрессированных ученых!

Сатпаеву он говорил:

- Ну, подумай, Канеке, какой же он американский шпион - наш Михаил Петрович Русаков? Этак ведь и тебя могут упечь ни за что, ни про что в тюрьму, ты ведь за границами тоже бывал, как Русаков. Только он в Америке, а ты в Англии. И получал из Лондона посылки с драгоценными камнями руды. За что? Ясное дело за что, «за услуги Черчиллю».

Да, тогда в стране всюду господствовали беззаконие, обман, подлость, братоубийство, доносы. Волна репрессий, начатая Берия в Москве и Ленинграде, докатилась, как говорится, до самых до окраин. Кассин не мог, конечно, своей защитой отдельных талантливых личностей изменить кровавый ход событий. И все же этот симпатичный пожилой ученый-геолог с седыми усами и маленькой бородкой клином в своем упрямстве восстановить справедливость стал неугоден местным органам НКВД. Его до поры до времени терпели, ибо он все-таки был крупным ученым, академиком, и довольно знаменитым. Молодые геологи даже говорили друг другу: «Если хочешь, чтобы твой отчет прошел блестяще, процитируй что-нибудь из трудов Кассина».

Но вот что-то поломалось с терпением местного НКВД, и Кассина вызвали на душеспасительную беседу в «темный казенный дом» и предупредили, чтобы он не беспокоил больше своими письмами «верхние кабинеты». Но Кассин не унялся! Писал опять и опять...

Конечно, все это осложняло его работу, отрывало от серьезных научных исследований. И все же он умудрялся тянуть «воз науки», выкраивал время для участия в научных сессиях АН республики. Особенно запомнилось Сатпаеву и Кассину заседание выездной сессии Академии наук в шахтерской столице Казахстана - Караганде. В ее работе принял участие и вице-президент АН СССР Иван Павлович Бардин. Вместе с

ним Сатпаев и Кассин осмотрели в Караганде ботанический сад, Федоровский угольный разрез, шахты...

Это было их последнее совместное счастливое лето, когда они были свободны от кабинетов, то и дело тревожащих душу телефонных звонков, разных комиссий, проверяющих их преданность «делу Сталина». Никто не трепал им нервы, и они радовались карагандинским тополям и кленам, солнечным улицам, как дети... Неизвестный мне фотограф так и запечатлел их втроем в Караганде - веселыми и довольными проведенной на сессии работой. Этот снимок прислала мне дочь Сатпаева - Меиз Каньшевна Сатпаева. Тут же вложенный в конверт листок письма - ее пояснение:

«В то лето, которое запечатлено на фотографии, после карагандинской сессии, они в вагоне Бардина съездили в Магнитогорск, возвращаясь, уже вдвоем, осмотрели ряд месторождений в Центральном Казахстане. Помню, папа рассказывал, как радовался Николай Григорьевич, встречая на пути знакомые за всю свою геологическую жизнь сопки, урочища, реки. Каждый раз, подъезжая к такому месту, он восклицал: «Спасибо, господи, еще раз дал увидеть!» И с точностью необыкновенной называл местность. Папа тогда восхищался, как он все-все знает и помнит».

Но в Алма-Ате их снова ожидала душная атмосфера подозрений, подлых анонимных писем. Недоброжелателей, клеветников в то время хватало. Было их в избытке и в стенах казахстанского филиала Академии наук, которым начал руководить Сатпаев. Им было мало невинно пострадавшего Русакова - они хотели упечь в сталинские лагеря смерти и Кассина, и Сатпаева.

Осенью 1949 года нападки НКВД на Кассина достигают кульминации. Николая Григорьевича опять вызывают на допрос. Сломленный очередным вызовом в НКВД, он больше не выдерживает. Вот как описывает смерть Н.Г. Кассина в своем последнем письме Меиз Каньшевна: «Умер Николай Григорьевич осенью 1949 года, можно сказать трагически. Утром пришел к папе в кабинет, а там люди. Посидел-посидел и ушел. Встретил маму и сказал ей так: «Вчера вызывали в НКВД. Оказывается, мы с Каньшем враги народа. Кого он на груди греет, тот на него и пишет. Хотел ему рассказать да людей у него много. Пойду домой, потом расскажу». Пришел домой и дома у него случился удар (не знаю точно, наверное, кровоизлияние), его увезли в больницу, и он там умер. И ничего не успел сказать.

Редкий был человек. Папа его как-то особенно тепло любил».

Да, Каньш Имантаевич Сатпаев очень любил Кассина. Когда он узнал, что Николая Григорьевича увезли в больницу, сразу бросился туда. Но было уже поздно: Кассина сразил инсульт.

- Какая огромная потеря, - печально сказал Сатпасв своей жене Таисии Алексеевне.

Трагедия Николая Григорьевича Кассина - этого рано умершего

большого ученого-геолога встревожила многих видных ученых, писателей, журналистов. На его похоронах они поклялись быть верными светлой памяти Н.Г. Кассина, выпустить сборник-книгу, посвященную ему, чтобы показать значение идей крупнейшего геолога в развитии Казахстана. Вскоре была организована редакционная коллегия в составе К.И. Сатпаева, Г.Ц. Медоева, Е.Д. Шлыгина. Но сразу издать книгу не удалось, сталинские чиновники долго подавляли все усилия редколлегии выпустить ее. Лишь спустя семь лет после смерти Сталина, когда пришел первый благодатный, освежающий дождь демократических процессов в стране, в 1960 году, наконец-то книга увидела свет. Она так и называлась: «Основные идеи Н.Г. Кассина в геологии Казахстана».

Сейчас это очень редкая книга, библиографическая ценность, ведь она вышла тиражом всего 1800 экземпляров. Мне прислала ее Меиз Канышевна. Я снова и снова перечитывал статьи Н.Г. Кассина и с горечью думал о том, что проживи Николай Григорьевич дольше, он мог бы написать еще немало превосходных книг и статей по геологии, таких книг, о которых принято говорить, что они написаны не чернилами, а кровью сердца и светлым умом. И верю, горячо и страстно, что имя Кассина, его бескорыстная дружба с Канышем Имантаевичем Сатпаевым никогда не канут в неизвестность.

Глава четвертая

«Папа, Русаков вернулся!»

Давно мне хотелось рассказать о дружбе двух замечательных геологов К.И. Сатпаева и М.П. Русакова. В личном архиве первого академика республики до сих пор хранятся десятки писем от русского ученого. Точно также в почте Русакова собрано немало весточек от дорогого друга Канеке. Их дружба длилась десятилетия, этой дружбе черной завистью завидовали недруги, даже пытались вбить клин между ними. Но что бы ни предпринимали недоброжелатели, им так и не удалось посеять семена неприязни между большими учеными. Наоборот - чем больше старались им «насолить», тем ближе и роднее становились они, проявляя при этом искреннюю заботливость, усердные хлопоты, беспокойство друг о друге...

Друголюбие, расположение к миру, согласию, взаимному уважению и услугам было в их крови. И эти качества родственных душ крепко помогали ученым в жизни, многотрудной и даже очень тяжелой в сталинские недобрые времена.

В 1947 году в составе делегации Верховного Совета СССР Каныш Имантаевич Сатпасв, бывший в то время президентом Академии наук Казахстана, впервые выезжал за рубеж, в Англию. Когда собирался в поездку, у него в гостях побывал Михаил Русаков. Оглядываясь по сторонам, тихо прошептал: «Ты уж там поосторожнее, в капстране, Канеке. Ничего лишнего не говори, как бы чего не вышло. Интересуйся только геологией. И привези нам на память несколько камней из Британского музея. Говорят, это богатейший в мире музей, нам бы такой занять».

Несмотря на создавшиеся после войны разногласия между Англией и СССР, английские ученые, политики и лично Уинстон Черчилль тепло встретили советских парламентариев. Гостям была предоставлена возможность побывать там, где они хотели. К.И. Сатпаев вспомнил совет своего товарища и в один из первых же дней заглянул в знаменитый Британский музей, долго изучал там коллекции драгоценных камней разных веков и земель. Наконец, спросил у хранителя музея:

- А что, медных руд Джекказгана у вас нет?

- К сожалению, нет, - ответил сотрудник музея, - Зато мы богаты на руды из северной Родезии. Можем вам подарить. Говорят, эти руды близки по содержанию к джекказганским.

И записал алма-атинский адрес Сатпаева, чтобы выслать ему коллекцию камней из Африки. Со временем она заняла достойное место в геологическом музее Алма-Аты, созданном Сатпаевым совместно с Русаковым.

Совместно... Это слово можно повторять до бесконечности, ставя рядом два имени: Сатпаев и Русаков. Хотя у них была разница в возрасте в семь лет, они не чувствовали ее, так были привязаны друг к другу.

Впервые я обратил внимание на связь этих имен, читая материалы III сессии ученого совета Академии наук СССР, посвященной проблемам Большого Алтая и Большого Джекказгана. Она проходила в Москве в 1934 году. Среди материалов сессии я нашел статью «Месторождения руд железа и марганца в Джекказган-Улутавском и Атасуйском районах», написанную совместно Русаковым и Сатпаевым. Впервые в этой работе подробно сообщалось о месторождении Улькун-Джекзды, расположенном в четырех километрах от урочища Найзатас на правом берегу реки Джекзды, давался детальный геологический план коренных выходов марганцевых руд. Да, да, именно здесь позже, в 1942 году, будет построен знаменитый Джекздинский марганцевый рудник, который покроет дефицит в ценном металле, вызванный фашистской оккупацией Чиа-тур и Никополя.

Почему я так подробно останавливаюсь на этой статье? Да потому что она впервые серьезно проливали свет на те огромные запасы железа и марганца, которые хранили недра Сары-Арки. В ней впервые ставился вопрос о необходимости развития рудного края, строительстве железнодорожной линии, которая должна связать Караганду с Большим Джекказганом. Густонаселенные долины рек Сарысу и Атасу, благоприятные сельскохозяйственные перспективы, близость карагандинского угля и кокса - все это должно было привлечь внимание к данному району. «Наличие марганца в месторождениях Малый Ктай и Устанын близ Каражалских гор, а также в окрестностях Успенского рудника и близ Джекказгана - дополнительные плюсы в планах черной металлургии для этого региона», - такими пророческими словами завершали статью друзья-геологи Русаков и Сатпаев.

... Их дружба началась в двадцатые годы в Томском технологическом институте. Сатпаев был еще студентом, а Михаил Петрович уже дипломированным инженером-геологом. Приходил он в технологический, чтобы послушать лекции академика М.А.Усова, перед умом которого склонял голову. Кстати, и Каньш Имантаевич всегда с любовью говорил о своем учителе Михаиле Антоновиче, называл его «пионером в деле зарождения и расцвета сибирской школы геологов».

На лекции Усова ходили не только студенты, но и опытные специалисты-геологи. Именно в перерывах между лекциями Усова сдружились Сатпаев и Русаков. А в народе не зря говорится: какого друга заведешь, такую и жизнь поведешь. Геолог Русаков был человеком поиска, творческих устремлений, у него было чему поучиться. Поэтому, когда пришла пора практики, студент Сатпаев попросился в геологическую партию к Русакову, которая разведывала в то время месторождения в долинах рек Шерубай-Нура и Сарысу.

Михаил Петрович, тогда уже опытный инженер-геолог, охотно учил

Сатпаева вести геологические работы в глухой степи в урочище Бесшоки. Позже академик Академии наук Казахстана М.П.Русаков в своих воспоминаниях тепло напишет о практиканте-студенте Сатпаеве, их совместной работе по геологической съемке, осмотру целого ряда медных и других месторождений в 1923 году. «Больше всего его интересовали руды, их минералогия, условия залегания: и в рудничных выработках Каныш Имантаевич засиживался дотемна», - писал Михаил Петрович. И дальше: «Расстались мы в августе 1923 года с большими чувствами и интересом друг к другу, даже не догадываясь, что в будущем жизнь столкнет нас на совместной работе».

Уже с 1927 года их пути сближаются. Именно в тот год в Москве проходило второе всесоюзное совещание по цветным металлам. На нем Русаков делает доклад «К дальнейшему развитию геологических работ в Казахской степи», в котором аргументирует необходимость расширения фронта работ по поиску месторождений в Центральном Казахстане. К.И. Сатпаев поддержал своего русского друга, ибо уже начал колонковое бурение на рудосодержащих площадках Джекказгана и открыл там рудные тела большой мощности. «Интуиция геолога мне подсказывает, что в джекказганской степи огромные пласты руды с большим содержанием меди, марганца, железа!» - взволнованно говорил Сатпаев, вторя Русакову, требуя расширить объем буровых работ в Центральном Казахстане.

Поддерживая Сатпаева, Михаил Петрович не раз и не два выезжает в Карсакпай, знакомится с джекказганским рудным месторождением. Специалисты Главцветмета не верили в перспективы крупного медного месторождения под Карсакпаем, и всячески тормозили развитие буровых работ в безлюдных степях. М.П.Русаков писал: «По-прежнему в главке исходили из цифр запасов, оставленных нам в наследство концессионерами... Уже в 1927 году Каныш Имантаевич сделал установку на опровержение этих представлений: не сотни тысяч, а миллионы тонн меди должны лежать в недрах Джекказгана». И в 1929 году правительство выделило большие средства для ускоренного развития цветной металлургии в Джекказгане. В руках у Сатпаева, его товарищей появились отменная по тем временам техника и значительные средства.

Надо сказать, Михаил Петрович всю жизнь будет помогать Сатпаеву как самому близкому человеку, поддерживать его. В 1930 году, когда над прогнозами Сатпаева опять нависает дамоклов меч, когда ученые Яговкин и Котульский свирепствуют, опровергая пятилетний план широкой разведки Джекказгана, составленный Канышем Имантаевичем, М.П. Русаков снова приходит на помощь. Чтобы решить конфликты между Сатпаевым и Геолкомом, Совнарком посылает в Карсакпай экспертом Всесоюзной комиссии по запросам полезных ископаемых не кого-нибудь, а именно Михаила Петровича Русакова. И он в своей докладной напишет: «К.И. Сатпаев совершенно правильно и впервые в истории этого рудно-

го поля определил его масштаб и масштаб перспективных запасов меди в недрах Джекказгана».

А молодому геологу Сатпаеву перед отъездом в Москву Михаил Петрович скажет:

- Живи, веря в себя, за другими не тянись, с моим советом все твори... Как любовь между нами да совет, так и горя нет...

И все же Русакову не сразу удалось защитить Сатпаева в Геолкоме. После его отъезда в Москву оттуда последовал снова неожиданный удар! В то время, когда Сатпаев начал делать открытия за открытием, когда в керне пошла медь, Главцветмет, еще ориентированный на прогнозы Яговкина и Котульского, решил резко уменьшить ассигнования на геологоразведочные работы в Джекказгане. «Фантазеру» Сатпаеву выделялось всего 0,1 процента той суммы денег, которую он просил для расширения своих работ. Этих средств явно не хватило даже для выдачи заработной платы буровикам и геологам!

На месте Сатпаева другой бы растерялся, запаниковал, а то и вовсе махнул рукой на Карсакапай, бросился искать, где поспокойнее да пожирнее. Но уже тогда Каныш Иммантаевич чувствовал, что он стоит у истоков большой медной реки. И если ее не дать людям, то какой же он геолог? Все дело в том, что надо было психологически сломать отношение чиновников в центре к Карсакапаю, джекказганским месторождениям. Как всякое новое дело рождается в борьбе со старым, так Большой Джекказган должен был появиться в соперничестве с такими признанными гигантами как Магнитогорск, Донбасс, Кузнецк. И непременно надо было это доказать, отстоять, убедить всех, в том числе Яговкина и его компанию, что Джекказганский меднорудный район - это будущее казахстанской геологии, основа цветной металлургии. И в 1933 году Сатпаев выступает в газете «Казахстанская правда» (№ 195) со статьей «Пора знать Джекказган», в которой доказывает существование грандиозных запасов меди в джекказганской степи, требует строительства Большого Джекказганского завода. Он пишет о том, что устойчивость вмещающих руду горных пород, почти не требующих крепления при разработке, неглубокое залегание рудных тел, исключительно высокое содержание меди - таковы особенности Джекказганского месторождения. И далее решительно заявляет: «Очевидные преимущества Джекказгана не только решительно подавляют Алмалык, Бошекуль, Дегтярку, но и оставляют далеко позади новую сокровищницу меди - «Коунрад». А потому «с имевшимися до последнего времени равнодушием, неосведомленностью, недооценкой джекказганского вопроса нужно решительно покончить».

Но не сразу исчезли угрозы катастрофического свертывания исследований джекказганских недр. Если бы Сатпаев, как говорится, с ходу не бросился в бой за Джекказган, то долго, видимо, Карсакапай оставался белым, неизученным пятном в геологии. Но в том-то и дело, что молодой геолог нисколько не мешкал и, минуя Алма-Ату, рванул со своими

планами и расчетами прямо в Москву. Здесь, правда, его не очень ждали, и чиновники от геологии продолжали настаивать на своем. А потому и в Наркомцветмете ничего не добился поначалу Сатпаев. Зато другие ведомства и тресты он весьма и весьма заинтересовал. Так, трест «Золоторазведка» отпустил ему немало денег на поиски золота в Улытау, угольный институт - на разведку угля, трест «Лакикраска» - на розыск окисленных медных руд, из которых можно было изготавливать такую отличную краску как ярь-медянку. Словом, с миру по нитке, а в конце концов получились тысячи, на которые можно было продолжить вести разведку медных месторождений!

И чем больше разворачивал свои работы Сатпаев в горной джезказганской степи, тем больше убеждался, что это самое крупное медное месторождение в Европе и Азии, больше того - ему нет равных в мире по качественным параметрам. Джезказганская руда в отличие от других не содержит в себе ни капли мышьяка, висмута и других вредных примесей. Это позволяет ее относительно просто и дешево перерабатывать в высококачественную черновую медь, минуя предварительный процесс рафинирования. А наличие в руде не менее 50-60 процентов кремнезема позволяет вести плавку концентратов в отражательных печах при высоком проценте извлечения из нее меди.

В конце концов Сатпаев не без помощи Михаила Петровича Русакова пробивает первую брешь в айсберге холодного равнодушия чиновников Геолкома к джезказганским месторождениям. В 1934 году он и его геологическая экспедиция получают необходимые ассигнования на проведение разведочных работ по запасам меди, свинца, цинка, серебра в джезказганских степях.

Справедливости ради надо сказать, что и Сатпаев не раз и не два выручал своего старшего друга, пособлял ему на изломах и крутых поворотах жизни. Когда многие спецы в Геолкоме хотели завалить М.П. Русакова с его открытием Коунрадского месторождения, Сатпаев горячо отстаивал необходимость разработки детища Михаила Петровича и строительства завода-гиганта на берегу Балхаша. М.П. Русакову Каныш Имантаевич говорил откровенно: «Я очень ценю и понимаю твои крупнейшие достижения, такие, как Коунрад, Алмалык...»

Узнав, что я хочу написать очерк о дружбе К.И. Сатпаева с Русаковым, дочь Каныша Имантаевича, доктор геолого-минералогических наук Меиз Канышевна Сатпаева прислала мне из Алматы бандероль.

«Посылаю Вам фотографии из семейного альбома, где папа с М.П. Русаковым, - написала она в своем письме. - К сожалению, не нашла еще одну - карсакапайских времен. Если найду, пришлю. Писать о их дружбе, наверное, непросто - это было великое, чистое чувство, которое, как родник, питало поиск, творческую работу по открытиям богатых месторождений Казахстана. Они ведь были знатоками в этом деле, поднимали на своих плечах геологию республики. И уважали друг друга за это...».

И это так. Теперь можно смело сказать, что медь Джезказгана, мар-

ганец Джебды и железо Каражала, открытые К.И. Сатпаевым, до сих пор кормят и поят республику. Медь Коунрада тоже идет в зачет богатств Казахстана. И все это состоялось благодаря крепкой дружбе Сатпаева и Русакова.

Михаил Петрович в свое время взялся опровергнуть ошибочные взгляды спесов на Джебказган и опроверг их! В свою очередь К.И. Сатпаев аргументированно доказал, что надо смелее разрабатывать коунрадское месторождение.

И, как мы знаем, дела сдвинулись с мертвой точки. Уже в тридцатые годы Коунрадский рудник стал мощным предприятием. На нем работало свыше 60 буровых станков, 16 паровозов и мотовозов, 10 экскаваторов... В марте 1938 года началось опробование всех механизмов новой обогатительной фабрики, и 23 апреля был получен медный концентрат из коунрадской руды. А 13 июля заработала первая отражательная печь, вскоре вступил в строй и первый конвертор. В семь часов вечера 24 ноября конвертор был выведен из-под дутья и в ковш огненной струей потекла первая балхашская медь.

25 ноября того же года газета «Правда» сообщала: «В восемнадцати километрах от Коунрада, на пустынных прежде берегах Балхаша, у залива Бертыс, строится Балхашский комбинат... Уже вступили в промышленную эксплуатацию многие цеха, агрегаты этого гиганта социалистической индустрии... Выпущенные вчера 45 тонн черновой меди - конечный продукт комбината - только начало».

Вместе с М.П. Русаковым радовался развитию медного гиганта на берегах Балхаша и К.И. Сатпаев. Став президентом Академии наук республики, Каныш Имантаевич довольно часто бывал в командировках в Прибалхашье, на металлургическом комбинате. А если не хватало самому времени вырваться на балхашский простор, то обязательно поручал это своим ученикам, конечно же, не ради прогулок по набережной Балхаша, а ради новых больших дел. Член-корреспондент Академии наук Ф.В. Чухров в своей статье «Выдающийся ученый, поборник братства народов», опубликованной в книге «Академик К.И. Сатпаев» (Алма-Ата, 1965 год), писал:

«Вспоминаю также, как быстро реагировал К.И.Сатпаев на все сообщения о геологических открытиях, которые могли бы иметь значение для дела нашей победы. Например, как только Каныш Имантаевич получил сведения об открытии на Саяне кобальтовой минерализации, он тотчас же предложил мне срочно выехать, вникал во все практические детали организации этой поездки, и буквально в считанные дни все было готово для ведения полевых работ.

Несколько позже, когда я занимался изучением Восточно-Коунрадского молибденового месторождения, я получил большую поддержку в своей работе от Каныша Имантаевича, который всегда проявлял к ней живой интерес и во многом способствовал ее завершению.

При посещении Восточно-Коунрадской геологоразведочной партии

(совместно с Н.Г.Кассиным) в 1944 году К.И. Сатпаев показал исключительную осведомленность о месторождении и результатах его изучения.

Михаил Петрович Русаков прожил немалую, до предела насыщенную творческую жизнь. Родился он 20 ноября 1892 года в городе Юхнове ныне Калужской области, а умер 24 октября 1963 года в Москве. Но большая часть его жизни прошла в Казахстане, здесь он обрел свою Мекку. Здесь в 1946 году стал академиком Академии наук республики, заслуженным деятелем науки и техники Казахстана. Открытие Коунрадского месторождения стало для него той высотой, на которую не всегда способны подняться его многочисленные коллеги-геологи. Так и остается до сих пор: если говорим Коунрад, вспоминаем Русакова, если говорим Русаков, вспоминаем Коунрад... И обязательно близко, очень близко рядом с именем Русакова имя Сатпаева, и наоборот. Они вместе жили и работали, не могли друг без друга, так вместе и вошли в историю геологии.

В письме, датированном 24 августа 1992 года, Меиз Канышевна мне писала:

«Когда будете писать о дружбе Сатпаева и Русакова, не забудьте о той большой совместной научной работе, которую они провели бок о бок в стенах Академии наук республики. А то их вспоминают только в связи с открытием месторождений в Джекказгане и Коунраде. Это - неверно. Они были не только геологами, но и крупными учеными, вместе создали ряд больших крупных трудов. Прежде всего я имею в виду их общие усилия по созданию металлогении Казахстана.

Что это такое? Как правильно отмечал в своей книге писатель Алексей Брагин, металлогению следует считать отраслью геологии, отраслью узкой и в известной мере самостоятельной. Это тот раздел учения о полезных ископаемых, который рассматривает закономерности размещения рудных месторождений в земной коре. Металлогения - рождение металла, вот буквальный перевод.

Металлогенические прогнозные карты, как определил однажды Каныш Имантаевич, венчают пирамиду всех наших современных фактических знаний решительно о всех аспектах геологии и металлогении данного района. Они служат энциклопедией соответственного региона или, как чаще принято говорить, металлогенической провинции. Прогнозные карты - компасы для геологов-практиков. Их составление - трудоемкий процесс, требующий большого материала, высокой геологической образованности, упорства, времени.

Металлогения - это наука древняя, все геологи пытаются понять законы рудообразования. И заслуга Сатпаева - именно создание такого жизнеспособного коллектива, который смог поднять этот колоссальный труд, - составить прогнозные карты Центрального Казахстана. Идея была и есть у многих. И сейчас многие наши казахстанские геологи спокойно предали идею Сатпаева, и живут спокойнее и веселее.

Но тогда именно отец смог объединить и ученых, и производствен-

ников, собрать воедино огромный материал, синтезировать его, создать эти карты, собрать в Алма-Ате I Всесоюзное металлогеническое совещание, выдержать жесткую дискуссию. И коллектив получил Ленинскую премию. И в этом коллективе был и Русаков, великолепный геолог-ученый, его верный друг и, можно сказать, наставник... Это был коллективный труд, но душой дела был Сатпаев... Его крепко поддерживал Русаков».

«В этой области у К.И. Сатпаева не было предшественников, не было примеров, которые можно было бы взять за исходные и далее творчески развивать и совершенствовать. Здесь он был пионером и новатором в полном смысле этих слов», - сказано в одном из редакционных предисловий к его знаменитой монографии «Металлогенические прогнозные карты Центрального Казахстана», изданной после вручения ему и группе ученых Института геологических наук Ленинской премии за эту выдающуюся научную работу. Благодаря трудам академика Сатпаева, его верных товарищей Казахстан стал подлинной родиной металлогенической науки.

Подготавливая этот материал, я неожиданно поймал себя на мысли - как мало мы знаем о Михаиле Петровиче Русакове. Если Каныш Имантаевичу посвящены книги А. Брагина, М. Сарсекеева, то о Русакове нет ни одной, даже маленькой брошюры... Но где же мне лучше начать сбор материалов о Русакове? После долгих раздумий пришел к выводу: конечно же, в Коунраде. Может быть, я смогу найти людей, которые близко знали Русакова, они допишут портрет человека, дружившего с Сатпаевым.

Приехав на «русаковские слои», я сразу стал искать свидетелей его пребывания в Коунраде. В конце концов поиски привели меня к начальнику тепловодоснабжения рудника, геологу Василию Владимировичу Червинскому. В геологоразведочной службе Казахстана он проработал около трех десятилетий. Когда был еще студентом горно-геологического техникума, немало поколесил на практике в Красноярском крае. Было это в 1952 году, когда начались первые детальные разведки сокровищ Сибири. Именно в тот год его определили в партию шестидесятилетнего М.П. Русакова.

- Меня сразу поразили его трудолюбие, удивительная способность оценивать запасы месторождений, - говорил В.В.Червинский. - И, конечно, его необычайная требовательность к себе и к товарищам.

- Именно в Сибири я впервые услышал от Михаила Петровича о богатствах Прибалхашья, крупнейшем по мощности меднопорфировом месторождении, - продолжал Червинский. - Михаил Петрович часто говорил мне: «Будь я свободнее, обязательно продолжил бы обследование этого удивительного края».

И тут Червинский поведал мне о «черных» страницах из жизни Русакова. Оказывается, по ложным доносам 31 мая 1949 года Михаил Петрович был арестован и сослан в Сибирь. Каныш Имантаевич узнал об

аресте Русакова от его матери, она написала Сатпаеву: «Обращаюсь к вам как мать, прожившая трудную девяностолетнюю жизнь, с мольбой - отнестись внимательно к моей просьбе...»

Будучи в Москве, Каныш Имантаевич заходил на Лубянку, требовал справедливости в отношении Русакова, убеждал, что с ним поступили нечестно. Ведь Русаков - гордость Казахстана, в сорок шестом за заслуги перед республикой его избрали академиком Академии наук Казахстана. Русаков - это Коунрад, это - карагайлинский свинец и барит, это - Бошккуль, Алмалык. Его именем назван минерал ванадий Каратауского месторождения.

Ничто не действовало на твердолобых сталинских чиновников. Больше того - сам Сатпаев к тому времени уже находился у них на подозрении, как и многие талантливые люди того времени. А вскоре и на Сатпаева «завели дело». Как вы знаете, его обвинили в крупных политических ошибках по воспитанию местных кадров, в национализме, допущенном якобы в юношеские годы. Может быть, его ожидала участь Русакова, но, как в свое время, спасая свою честь и свободу, писатель Михаил Александрович Шолохов выслал письмо кормчему И.В. Сталину о том, что его преследуют, с просьбой защитить от необоснованных нападок, так и Каныш Имантаевич дал телеграмму в Кремль вождю всех народов. «В настоящее время, - сообщал он, - группа лиц, спекулируя на неправильном освещении некоторых материалов времен моего юношества, подвергает меня травле».

И, о чудо, как был в свое время спасен от тюрьмы М.А. Шолохов, так не попал в политзэки и Сатпаев. Вождь любил, чтобы его просили о снисхождении талантливые люди, правда, не всех он прощал, а только тех, чье имя было слишком популярно в народе. Тут уже ничего не поделаешь, чтобы не возмущать людей, надо поменьше казнить их любимцев.

После настоятельных просьб Сатпаева уменьшили срок и его другу Русакову, так и не понявшему до конца дней своих, за что же он так пострадал. Как бы там ни было, в 1954 году Михаил Петрович вернулся из мест не столь отдаленных и сразу к Сатпаеву. Постучал в его квартиру в Алма-Ате, спросил:

- Странников на ночлег не берете?

Дочь Сатпаева, Меиз Канышевна, которая открыла дверь, не узнала его поначалу. Она мне рассказывала: «Я помнила его по Карсакпаю молодым, красивым. А тут передо мной стоял согбенный старец, с огромной длинной седой бородой. Вроде пришел за милостыней... И только когда взглянула в его горящие светом глаза, вспомнила - точно такие были у Михаила Петровича. И я крикнула: «Папа, Русаков вернулся!» Они обнялись. Папа сказал: «Вовремя ты вернулся, Михаил. Производители хотят закрыть твой Коунрад, мол, запасы руд истощились. Я в это не верю, надо отстоять Коунрад».

И тут Русаков радостно вздохнул: «Конечно, отстоим!»

В.В. Червинский в 1954 году попросился на работу в Восточно-Коунрадскую геолого-разведочную партию. Она в тот год возобновляла разведку недр Коунрада. Эксплуатационники считали, что рудник будет скоро выработан. Геологи по совету К.И. Сатпаева стремились опровергнуть это мнение.

В 1955 году, когда Червинский вел документацию керн на буровых вышках, туда приехал Русаков.

- Да никак это мой юный сибирский коллега Васютка! - обнял бывшего студента-практиканта Михаил Петрович. И тут же, смахнув ладонью набежавшую слезу, одобрительно сказал: «Правильно, Василий, сделал, что приехал в Коунрад. Мы непременно должны доказать эксплуатационникам, что они не правы. Запасы Коунрадского месторождения во много раз больше, чем они предполагают.

Всего с неделю пробыл тогда Русаков в Прибалхашье. Он сделал несколько докладов о будущем Коунрада, доказывая, что отказываться от разработки ценного месторождения было бы нелепо. Ведь его основное рудное тело скрывается в глубинах земли. Это были последние встречи Михаила Петровича с рабочими и специалистами рудника, геологами.

Я не раз посещал Балхашский краеведческий музей и всегда оставался в уголке М.П. Русакова. Здесь с большой точностью воспроизведен кабинет Михаила Петровича в ленинградской квартире, в которой он жил с 1920 года. Очень много личных вещей Русакова: письменный стол, стул, чернильница, минералы, найденные Михаилом Петровичем в Прибалхашье. Есть личная библиотека ученого-геолога, тут же его книга «Медное месторождение Коунрада», изданная в 1934 году. Все это передали в дар музею сноха видного ученого Нина Павловна Русакова и его сын - геофизик Игорь Михайлович Русаков. Нина Павловна до сих пор живет со своим сыном Михаилом, названным в честь деда, в ленинградской русаковской квартире, часто переписывается с сотрудниками музея.

В музее бережно хранят ее письма. Некоторые из них я переписал в свой блокнот. Видимо, нет необходимости всех их цитировать. Однако одно из них приведу полностью.

«М.П. Русакова помню, начиная с 1950 года. Мы тогда только что поженились с его сыном Игорем. Михаил Петрович писал нам из Красноярска чудесные письма. Я их берегу, мы их перечитываем с сыном. Внук Михаила Петровича назван в честь своего деда. Я стараюсь сохранить в целостности все документы, фотографии, библиотеку, вещи Михаила Петровича. Но многое мы уже передали музею Октябрьской революции в Москве, часть вещей увезли в Балхаш. Но письма и семейные фото - у меня. Они передаются из поколения в поколение. Это - по-русаковски, - говорят друзья. Да и живем мы с сыном в ленинградской русаковской квартире. Михаил Петрович жил здесь с 1920 года. Сюда приезжают балхашцы, геологи из Казахстана, Магадана, заходят просто друзья Русаковых...

Академик А.Е. Ферсман называл Михаила Петровича «Бурно-пламенный Русаков». Всю свою жизнь он поклонялся «богине Геологии», он самозабвенно любил избранную им специальность и, надо сказать, «богиня Геология» отвечала ему взаимностью (им открыто свыше 50 месторождений). Врожденные способности подкреплялись глубокими знаниями, полученными в результате кропотливого изучения недр, специфики исследуемых им районов.

Русаков был одним из зачинателей школы геологов-разведчиков-экономистов, что являлось особенно ценным в те годы - в период зарождавшейся индустриализации. Писал он очень много, быстро, пространно, без всяких черновиков и был одаренным оратором. Самые большие, ответственные доклады делал без текста, записывая на память только основные цифры и разделы.

Михаил Петрович душевно любил молодежь, которая отвечала ему взаимностью. Ни при каких обстоятельствах он не отказывал молодому геологу в совете, материальной помощи, в поддержке. Охотно помогал в приобретении книг, был очень гостеприимен...»

Есть в музее несколько фотографий, на которых М.П. Русаков изображен вместе с Канышем Имантаевичем Сатпаевым. Вот они вместе гуляют в березовой роще в Алма-Ате, вот склонились над металлогеническими картами Центрального Казахстана, вот вместе рассказывают о несметных богатствах Казахстана в музее Института геологических наук в 1957 году. Сатпаев и Русаков всегда были неразлучны, их взаимная привязанность друг к другу, бескорыстная, стойкая, помогала им в работе.

... Покидая поселок Коунрад, попросил водителя машины остановиться у памятника первооткрывателю Коунрадского месторождения М.П. Русакову. Мы проезжаем по улице, носящей его имя, сворачиваем в небольшой опрятный сквер. А вот и стела с барельефом геолога, рядом - огромный кусок медной руды с прозеленью. Я долго смотрю на памятник и с благодарностью думаю о друзьях-геологах Сатпаеве и Русакове, которые поставили месторождения Центрального Казахстана на службу нашей республики. И думаю, как было бы хорошо, если бы на пьедестале памятника они тоже были вместе, как в жизни.

Глава пятая

«Джезказгану я не изменю»

Некоторые журналисты, писатели, перечисляя открытия новых месторождений, которые сделал известный геолог, ученый Каныш Имантаевич Сатпаев, непременно добавляют: он обладал даром предвидения. Сам же Каныш Имантаевич по этому поводу говорил: «Да, у каждого настоящего геолога бывает чувство угадывания, но в одиночку не совершить крупных открытий. Мне, например, всегда помогали энтузиасты из народа, мои добрые помощники – буровики и геологи, которых постоянно отличали мужество, отвага и трудолюбие»...

Кто же эти люди? О многих из них рассказал в своей книге «Сатпаев» писатель Медеу Сарсекеев. Но как-то вскольз он упомянул имя сподвижника Каныша Имантаевича, его верного соратника, товарища по геологу – разведочной партии Павла Васильевича Прокопьева. В прошлом году ему исполнилось бы сто лет. Вместе с Канышем Имантаевичем бок о бок он проработал с 1932 по 1942 годы – целых десять лет, помогая ему в открытиях медных руд в Джезказгане, а также марганцевых руд в Дездезах... Когда Каныш Имантаевич уезжал с отчетами в Москву, то вместо себя начальником геологу – разведочной партии оставлял Павла Васильевича Прокопьева. Он верил ему и доверял во всем, как и геологу, позже Герою Социалистического Труда Василию Ивановичу Штифанову. Он прямо говорил Прокопьеву: «Я верю тебе, Паша, как себе, как Штифанову, вы оба любое порученное дело выполните добросовестно. Это всегда видно по вашей работе, вашей преданности Богине Геологии».

Павел Васильевич Прокопьев родился в 1913 году в станице Сандыктау Балкашинского района Акмолинской области в семье крестьянина - середняка. С юных лет мечтал стать геологом. А поскольку его сестра жила в Карсакпае, где разворачивалась одна из великих строек коммунизма в Казахстане - медсплавильный комбинат с заводом и рудниками по производству меди, где трудился большой отряд геологов и где хотели открыть горный техникум, то Павел, окончив семилетку, устремился туда. Он страстно желал выучиться на геолога, но этому желанию не сразу дано было сбыться. Началось с огорчений - в связи с нехваткой у государства финансов на открытие горного техникума в Карсакпае, оно так и не состоялось. Что делать? Сестра посоветовала:

- Иди в геологическую службу к Сатпаеву, он подскажет, как быть?

Павел, грустный и печальный, чуть ли не со слезами на глазах предстал перед высоким, красивым, кучерявым мужчиной в кирзовых сапогах и с молотком геолога в руках.

- Нам такие преданные геологии ребята нужны! – выслушав Павлушу, воскликнул Сатпаев, садясь за огромный письменный стол. – Пиши заявление!

И он продиктовал текст, из коего следовало, что его, Павла Васильевича Прокопьева, зачислят на курсы коллекторов. Так Каныш Имантаевич сразу определил судьбу мечтательного юноши, одновременно оформив его на работу в коллекторскую лабораторию. И, по - отечески посмотрев на Павла огромными добрыми карими глазами, Сатпаев воскликнул:

- Будет тебе и теория, и сразу практика. А там посмотрим - и в геологи оформим! Так что ты уже у верной цели!

Эти тридцатые годы на всю жизнь остались в памяти П. В. Прокопьева. В 1932 году он окончил курсы старших коллекторов – прорабов, и сразу на буровую. И только здесь он стал понимать, каково приходится самому Канышу Имантаевичу Сатпаеву. Как раз в это время Главцветмет, Главное геологическое управление прекратили финансировать геологоразведку в Карсакпае. Известный геолог Яговкин в верхах в Москве во всеулышанье заявил: «Миллионные запасы меди в районе Джезказгана – бред Сатпаева». И все настаивал, чтобы в Карсакпае окончательно свернуть все работы. Слава Богу, против Яговкина выступил другой известный геолог Михаил Петрович Русаков. Он даже несколько раз приезжал в Карсакпай в геолого-разведочную партию, чтобы убедить в верных расчетах Сатпаева и поддержать его.

Вспоминая то тяжелое время, Павел Васильевич Прокопьев говорил позже писателю Медеу Сарсекееву: «Меня до сих пор удивляет стойкость тех парней. Ей – богу, ежедневно мы работали по 15-16 часов. Часто не возвращались в общежитие, а оставались ночевать на буровой. И зарабатывали – то совсем немного, почти гроши. Таков был энтузиазм людей!.. Я был холостым. Исполнял обязанности старшего коллектора, а зарплату получал за младшего рабочего. Иногда и этого не доставалось. Только я виду не подавал, терпел. Сейчас вот думаю, как же терпели те, кто имел семью, детей. Все видели, как тяжело Каныш Имантаевич переживал неудачи. Кстати, в тот год он больше бывал в Москве, чем в Джезказгане. Как вернется, сразу на буровую – одного угостит куревом, другого «насыбаем», расспросит, как дела, внимательно осмотрит сделанную работу. Даст указания о дальнейшем ведении разведки и, попросив: «Потерпите, ребята!», снова уезжает ходатайствовать за нас. Иногда выезжал в Коунрад, Ачисай и оттуда привозил инструменты, запчасти. Мы, правда, не сидели сложа руки, если случались поломки, составляли из старых деталей исправные узлы, а чего не было, ухитрялись изготавливать сами».

Сам Павел Васильевич старался во - всю помогать Сатпаеву. Он знал одно с его слов, что страна нуждалась в меди, а трудности, связанные с финансированием, временные, пройдут. Придут времена: все в Москве, в Алма - Ате повернутся к богатому джезказганскому месторождению,

правда восторжествует! В глухой степи появится новый город-сад геологов, металлургов, горняков и строителей, пустыня отступит, и на ее месте поднимутся современный медеплавильный завод, рудники, обогащательные фабрики, заплещет голубыми волнами искусственное море!

Так оно и произошло. Дальновидность Сатпаева подтвердила сама жизнь. А тогда скептиков хватало. И чтобы разбить их позиции (англичане усомнились в свое время в сокровищах джезказганских степей, где уж нам?), П.В. Прокопьев берется за перо, становится рабкором карсакпайской газеты «За медь». Его сын Валерий Павлович Прокопьев прислал мне из Москвы вырезки из этой газеты со статьями, корреспонденциями, заметками Павла Васильевича. По ним можно судить о тех разительных переменах, что стали происходить в степи под Карасакпаем вплоть до последних дней П.В. Прокопьева. Вся его жизнь – вот яркий пример преданности не только своей профессии, но и газете! Буквально из номера в номер он сообщал о трудовых успехах геологов, буровиков, проблемах развития Джезказганской геолого-разведочной экспедиции. С непонятным чувством недоверия сегодня читаешь выступления некоторых руководителей и акимов, которые прибегают к газетному слову только раз в году, накануне своих отчетов перед населением. Иное дело В.П. Прокопьев! Вот заголовки его материалов тех лет: «Добьемся новых успехов», «Выполним двухмесячный план», «Победы геологоразведчиков», «Всегда в поисках», «Человек на первом плане»... Особенно много публикаций было у Павла Васильевича в годы Великой Отечественной войны. Он первым откликнулся на вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз. В статье «Больше разведать металла» он писал: «В ответ на наглое нападение на Советский Союз кровожадного Гитлера и его приспешников рабочие и служащие Джезказганской геолого - разведочной партии ответили небывалым подъемом в работе. Каждый заинтересован открыть и разведать новые месторождения промышленного сырья, чтобы увеличить добычу меди, нужной для обороны страны».

Многие документы, присланные мне сыном П.В. Прокопьева Валерием Павловичем, свидетельствуют о его крепкой дружбе с Сатпаевым. После выезда в 1941 году Каныша Имаптаевича из Карсакпая в Алма-Ату в связи с назначением его директором геологического института В.П. Прокопьева назначают начальником Джезказганской ГРП. В этом качестве он пробудет нелегкие для геологов годы вплоть до смерти Иосифа Сталина. Меня удивляет, что до сих пор в книгах, статьях писателей, журналистов, которые пишут об открытии Джездинского марганцевого месторождения в годы войны, не упоминают пезабвенного Прокопьева. А ведь именно он руководил в то время геологами Джезказгана по разведке марганцевой руды в Джездах. Да, первым указал на это месторождение Каныш Имаптаевич Сатпаев! Но поставил на практические рельсы работу по разведке марганца Павел Васильевич Прокопьев. И эта работа продолжалась всю войну. В номере за 6 мая 1943 года в га-

зете «За медь» он называет лучших мастеров - буровиков на джездинском месторождении, которые не подводят. А затем пишет: «Здесь знают и помнят: чем больше разведывают оборонного металла, тем скорее Красная Армия победит врага».

Сам Прокопьев всю жизнь всегда находился на передовой, там, где буровые вышки, всегда с рядовыми геологами в степи. Это он в зимы военных лет осуществил идею Сатпаева - поставить буровые станки в юрты, чтобы мастерам и рабочим было тепло и уютно на них работать.

Дружбу с Сатпаевым Павел Васильевич пронесет через всю жизнь. Его приглашали работать на Урал, в Москву, но он отказывался, говорил: «Джезказгану я не изменю, это моя судьба, мой дом, мое сердце». По стопам Павла Васильевича пошел и его сын Валерий Павлович Прокопьев, одно время работавший заместителем генерального директора НПО «Джезказганцветмет» по кадрам. Он мне звонил из Москвы, рассказывал: «Во время войны мой отец возглавлял геологическую контору в Карсакпае.. Он уезжал из дома, когда сходил снег, и возвращался домой, когда выпадал снег. Помню еще. Было мне чуть больше трех лет... В нашем доме играл патефон, было много гостей и среди них Каныш Имантаевич Сатпаев... Я пошел к патефону прямо по кровати... Сатпаев заметил меня, протянул руки, обнял... Этот момент помнится мне и сейчас...»

В папку воспоминаний об отце Валерий Павлович вложил и газеты, журналы, которые дарила семья Сатпаевых Павлу Васильевичу с автографами великого геолога. В 1949 году К.И. Сатпаев высылает ему два номера журнала «Вестник Академии наук Казахской ССР». На одном из них пишет: «В память совместной работы и борьбы за большой Джезказган». На другом жена Сатпаева Таисия Алексеевна добавляет: «Одному из первых наших сослуживцев по многолетнему изучению богатств Джезказгана и его районов».

Изучая документы, которые мне прислал Валерий Павлович Прокопьев, я думал о том, как мало мы знаем еще о людях, которые отважно и стойко покоряли пустыню, в конце концов поставив ее богатства недр на службу республике, народу. Среди них прекрасный специалист - практик, настоящий человек Павел Васильевич Прокопьев, много сделавший для нашего родного Жезказгана. Его имя необходимо накрепко связать с судьбой Сатпаева, ибо он был его преданным другом и надежным соратником. Хорошо бы в преддверии 60 - летия города назвать одну из улиц именем славного В.П. Прокопьева.

Глава шестая

«Желающего судьба ведет»

В мае 1959 года по запыленным улицам Дзезказгана с небольшим чемоданчиком в руке шел высокий молодой человек. Вокруг стояли двухэтажные дома, сооруженные заключенными Степлага. Кроме Дворца культуры металлургов, смотреть-то было не на что. Но радовали приветливые взгляды дзезказганцев, их уверенные шаги... А вот и здание института «Дзезказгангипроцветмет», куда на работу был направлен выпускник Семипалатинского техникума топографии Виктор Попов. В отделе кадров ему сказали:

– Вас ждет наш директор Иван Николаевич Соболев...

В большом кабинете навстречу Виктору вышел невысокого роста, седой человек плотного телосложения. Он крепко пожал руку молодому специалисту и сообщил:

– Я только что подписал приказ о назначении вас инженером института. Хорошо поработаете, покажете себя – повысим. Всегда помните, что вы здесь просто необходимы. Еще древнегреческий философ Сенека заметил: «Желающего судьба ведет, не желающего – тащит».

Мне Виктор Никитович Попов говорил, как важно с первых шагов на работе поддержать молодого человека, и для этого ведь многого не надо – несколько добрых слов поддержки. Может, потому и запомнил В.Н. Попов на всю жизнь Ивана Николаевича Соболева? Он, по сути, стал его первым наставником, всячески способствовал его карьере, уже в марте 1960 года назначив старшим инженером института.

О Соболеве Виктор Никитович мне сказал кратко: «легендарная личность». Действительно, это так. Я сам лично много раз встречался с Иваном Николаевичем в восьмидесятые годы в редакции областной газеты «Дзезказганская правда». Хотя он уже был на пенсии, все равно оставался радушным человеком. О его жизни я узнавал из статей Ивана Николаевича, которые он время от времени приносил в редакцию и которые охотно печатали в газете. Именно из них я узнал, что Иван Николаевич Соболев персональный пенсионер союзного значения, родился в 1901 году в деревне Рябинская Богородского района Кировской области в семье рабочего. Трудовую деятельность начал в 1916 году рабочим изумрудного Троицкого прииска. В 1919 году был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии. В том же году вступил в ряды ленинской партии. Защищая революцию, прошел трудными дорогами гражданской войны, командовал полком, дружил с писателем Аркадием Гайдаром.

У меня в архиве до сих пор хранится статья Ивана Николаевича

Соболева «Встречи с Гайдаром». Теплая, дружелюбная статья. Встретились они в редакции пермской газеты «Звезда» в 1925 году. Гайдар (он же Голиков) работал там фельетонистом. Соболев в то время командовал артиллерийским подразделением, как положено, носил наган, шашку. Но в отличие от других командиров он любил еще одно «оружие» - перо, уже тогда писал публицистические статьи и даже рассказы.

- Молодец! – говорил ему Гайдар. - Я вот с 1919 года воевал на гражданке, но получил ранение и в 1924 меня списали по инвалидности. Здесь-то и пригодилось мое умение писать. Сейчас, кроме фельетонов, думаю взяться за книги для детей и юношества. Взрослые, как правило, равнодушны к литературе. Иное дело – дети, юноши и девушки, они более восприимчивы к нашим трудам. Советую тебе никогда не расставаться с пером. Судя по твоим публикациям, ты тоже сумеешь писать книги.

При редакции «Звездь» существовало литературное объединение молодых прозаиков и поэтов. Гайдар не любил ходить на его собрания, он иронически говорил:

- Какой союз, какое объединение? Зачем? Писатель – это всегда человек – одиночка, оригинал, талант, он не должен быть похож ни на кого другого, подчиняться коллективным, общим правилам. Иное дело – клуб, познакомиться друг с другом, почитать коллегам стихи, рассказы. Но объединение, союз – это пахнет стадностью, не более... а творчество требует уединения, самостоятельной работы над собой...

Нередко Гайдар встречался с Соболевым в небольшой столовой недалеко от редакции. Писатель очень любил сибирские пельмени, запивал их молоком. Он тогда не пил спиртного и не курил. Он считал, что водка и папиросы притупляют мысли, а это большая помеха для пишущих.

Гайдар советовал Соболеву всю жизнь учиться, больше читать и писать, развивать свой интеллект. Следуя этим советам, Иван Николаевич поступил в академию имени Жуковского. Он слушал там лекции Бухарина, Тухачевского, которых уважал за смелость мысли, неординарность, самобытность. Он был приверженцем идей Тухачевского отказаться от кавалерии, настойчивее вооружать Красную Армию танками, самолетами. Уже тогда Тухачевский говорил о «катюшах», по его настоянию в СССР был создан институт по созданию ракетного оружия. Тухачевский считал, что именно «катюши» будут приносить победы доблестной армии Советов.

К великому горю, вскоре Бухарина, а затем и Тухачевского арестовали, сделали врагами народа. Как приверженца их идей, желающего гибели Сталина, в 1938 году репрессировали и Соболева. Его реабилитировали только в 1955 году.

Находясь в лагерях смерти Сталина, Иван Николаевич записывал отдельные эпизоды себе в блокнот. Это помогло ему позже написать повесть «Неприкаянные», опубликованную в сборнике «Дело №...» в 1989

году (Алма-Ата). Себя он показал в повести в образе Ивана Опенкина. Осужденный по 58 статье, тот в лагерях смерти держался с достоинством, его боялись воры и жулики, растратчики, хулиганы и даже убийцы. Он и внешне старался выглядеть нормальным человеком, как подобает офицеру. Это очень не нравилось начальнику штрафной колонны Чечеву, который провозглашал при всех: «Арестант должен быть так одет, чтобы всем внушал отвращение». И если Чечев видел заключенного, у которого исправная чистая одежда, то кричал дежурному: «Приведи его в норму!» И тот спускал на зека свору собак, и они его «катали» до тех пор, пока все обмундирование не превращалось в ремки.

Однако Ивана Чечев не трогал. Он знал, что этот человек еще в 1935 году окончил академию имени Жуковского, был награжден медалями, несколько раз видел и слушал в Кремле в Георгиевском зале и на Центральном московском аэродроме самого Сталина... Сейчас этот офицер находился в бараке, а в Кремле, возможно, решалась его судьба. Ведь опер показывал Чечеву письмо Ивана, адресованное Сталину. Опенкин писал: «Дорогой Иосиф Виссарионович! В эти трудные для Родины дни нашествия фашистов на русскую землю я клянусь отдать жизнь за Советскую власть и прошу отправить меня на передовую хотя бы рядовым бойцом, где я снова докажу свою преданность родной стране и народу...»

Кто знает, думал лагерный начальник, может, бывший командир — ныне заключенный снова станет офицером Красной Армии? Некоторых политических уже отправили на фронт, сняв с них клеймо «врага народа». Жизнь переменчива, как ветер в степи...

Но нашего Ивана на фронт не взяли, а отправили под Ленинград корчевать и рубить лес для военных трасс. Ведь его вина перед Сталиным была слишком велика — он вроде как участвовал в «заговоре Тухачевского».

Сам Иван Николаевич рассказывал мне, что «дело военных» получило мировую огласку. Ведь в рядах «антисоветской троцкистско-военной организации» оказались такие видные советские военачальники как маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский, командармы I ранга И.П. Уборевич и И.Э. Якир, комиссар I ранга Я.Б. Гамарник. Они неоднократно награждались орденами Красного Знамени, а М.Н. Тухачевский и Я.Б. Гамарник — также орденами Ленина. Они были членами ЦК ВКП(б). И вот якобы под их руководством была организована тайная военная организация, которая ставила своей целью свержение власти великого Сталина. В нее вошли 408 военных, в том числе Иван Николаевич Соболев. В пятидесятых годах после кончины Иосифа Сталина его дело, как и других участников заговора, было прекращено за отсутствием состава преступления, а сам Иван Николаевич реабилитирован, восстановлен в партии.

А тогда, в сороковые, еще не пришло время реабилитации. И Со-

болева на фронт не пустили. Здесь на глухих лесных трассах под Ленинградом и встретил Иван с зеками первых нацистов. Однако силы были неравными, и лагпункт легко захватили фашистские автоматчики. Вскоре приехали эсэсовцы-офицеры, стали вербовать зеков на работу на предприятия великой Германии. Всех, кто отказался служить фашистам, расстреляли. Иван спасся, вовремя сбежав из лагпункта, незаметно проскочив под колючим ограждением.

После побега из лагеря под Ленинградом он попадает к своим, но его опять отправляют в Гулаг, на этот раз он становится узником Карлага. В 1955 году Ивана Николаевича реабилитируют, он мог бы вернуться в Москву, но Соболев остается на стройках Дзезказгана. Два года он трудился в проектно-конструкторском бюро медеплавильного завода. А в 1957 году его назначают директором научно-исследовательского и проектного института «Дзезказгангипроцветмет». По сути, он стал основателем этого института. И многим бывшим зекам повезло – Соболев охотно брал их на работу в институт. Долгое время в нем трудился, например, знаменитый узник Карлага, автор книги «Спина земли», двух поэтических сборников Юрий Васильевич Грунин.

Виктор Никитович Попов работал в стенах института рядом с этим уникальным человеком, и всегда радовался его литературным успехам. Позже он узнал, что Ю.В.Грунина в трудные времена после войны поддерживал Какимбек Салыков. А заслуженный работник культуры Казахстана Зинаида Чумакова впервые представила его многочисленным читателям, написав полную восхищения вступительную статью к книге Ю.В.Грунина «Спина земли», изданную в Астане.

Хорошо знал Виктор Никитович Попов и бывшего зека, первого биографа Ленина Владимира Георгиевича Кикоина, тоже в то время работавшего в институте. Несмотря на то, что Владимир Георгиевич был осужден по 58 статье как за антисоветскую пропаганду и агитацию, Иван Николаевич Соболев принял его на работу.

Привлекая в институт широко эрудированных, с богатым жизненным опытом людей, Иван Николаевич в то же время заботился о воспитании молодых инженеров и ученых. Как я уже писал, тепло принял он выпускника Семипалатинского топографического техникума Виктора Попова, сразу определил его на должность инженера института, а спустя год назначил старшим инженером, ибо высоко оценил его старательность, прилежание, исполнительность. Он способствовал тому, чтобы семье молодого инженера предоставили квартиру в двухэтажном доме.

К сожалению, Иван Николаевич пробыл на должности директора института всего четыре года (с 1957 по 1961 год). Но и за это время он успел воспитать целую плеяду молодых талантливых ученых. Под руководством И.Н.Соболева коллектив института начал усердно заниматься осуществлением идей Каныша Имантаевича Сатпаева по внедрению новых, высокоэффективных машин для добычи руды, строительству

высококомеханизированных карьеров и рудников. В забоях медных шахт стали интенсивно внедрять буровые агрегаты на самоходной установке, экскаваторы, на транспортировке руды – гиганты-самосвалы.

До конца дней своей жизни Иван Николаевич Соболев посещал институт, встречался с молодыми учеными. Он пророчил большое будущее Виктору Попову при условии, если тот будет работать над собой, продолжит свою учебу в вузе. Забегая вперед, скажу, что именно по его совету В.Н.Попов поступил в Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, и в 1973 году получил диплом геодезиста. В 1977 году он оканчивает заочную аспирантуру при этом же институте, защищает кандидатскую диссертацию. В июне 1990 года В.Н.Попов становится директором Карагандинского института инженерных изысканий, защищает докторскую диссертацию. Как порадовался бы его карьерному и научному росту Иван Николаевич! К большому огорчению, 18 февраля 1989 года его не стало. Ему шел уже 89 год. И хотя он назвал свою книгу «Неприкаянные», судьба распорядилась так, что он оказался в русле больших дел в Дзезказгане.

Глава седьмая

Призвание Виктора Попова

Мне много раз приходилось встречаться с известным ученым - изыскателем, генеральным директором ТОО «Караганда ГИИЗ и К*», доктором технических наук, почетным строителем РК, вице-президентом Казахстанской геотехнической ассоциации, почетным профессором международного Венского университета Виктором Никитовичем Поповым. Он считает себя счастливым человеком. Почему? Отвечая на этот вопрос в своей автобиографии, он написал, что еще в молодости сумел найти свое призвание к геотехнике и топографии, а затем всю жизнь – вот уже более 50 лет – остается верным этому призванию. Это позволило ему быть участником строительства с чистого листа молодых городов Дзезказгана, Темиртау, рабочих поселков Жайрема, Акжала и Акчатау, новой столицы Казахстана – Астаны. Это большая удача Виктора Никитовича Попова, он благодарен своей судьбе за это и готов трудиться на благо родного Казахстана, не покладая рук, не жалея своего таланта, своих способностей.

Виктор Никитович Попов родился в многодетной крестьянской семье в селе Смирненькое Кулундинского района Алтайского края России 22 декабря 1938 года. Его родители – отец и мать Никита Парфенович и Анна Ивановна Поповы не были учеными, академиками, но они были прирожденными воспитателями, а потому и смогли распознать стремление своих детей к знаниям, к той или иной профессии. И когда возник вопрос о будущем Виктора, то они поддержали его желание стать топографом, изыскателем, первопроходцем новых земель. Так он после окончания средней школы № 4 в Кулунде поступил с их благословения в 1956 году в Семипалатинский топографический техникум. В 1959 году по собственному желанию В.Н. Попов был направлен после окончания техникума на работу инженером в молодой город Дзезказган в институт «Дзезказгангипроцветмет».

С марта 1959 года по ноябрь 1962 года, будучи старшим инженером института, Виктор Никитович участвует в осуществлении многих проектов Министерства цветной металлургии СССР. Именно в это время зарождается слава проектно-исследовательского института в Дзезказгане. Его коллектив внес большой неоценимый вклад в решение задач, поставленных семилетним планом развития народного хозяйства на 1959-1965 годы. За семилетку добыча руды в Дзезказгане должна была увеличиться в 2,7 раза, а ее переработка – в 3,1 раза. Этого можно было достичь только за счет строительства и ввода в строй новых шахт, крупнейших Анненского и Златоуст-Беловского карьеров, новой крупной обогатительной фабрики и увеличения мощности существующей.

Особое внимание ученые Джезказганпроцветмета уделяли инженерным изысканиям под новые объекты. Виктор Никитович принимал участие в работах по инженерным изысканиям под шахту № 32, крупнейшее горнорудное предприятие Златоуст-Беловский карьер, Северо-Джезказганский рудник, что позволило ускорить и улучшить организацию строительства в этой зоне.

Немало трудовых усилий потратил Виктор Никитович на работах по инженерным изысканиям под строительство второй обогатительной фабрики ДГМК в 1961-1962 годах. Сейчас многие стали забывать, что возведение этой мощной фабрики было объявлено Всесоюзной ударной стройкой. Комсомол Казахстана, Украины, Белоруссии, РСФСР направил сюда сотни своих посланцев. Десятки заводов страны отправляют в Джезказган оборудование, машины, металл, цемент, лес для возведения обогатительной фабрики.

На материалах изысканий В.Н.Попова была построена первая шахта-гигант № 55, которую ввели в строй в 1965 году, когда молодой инженер-изыскатель уже служил в рядах Советской Армии. Да и обогатительная фабрика № 2 вступила в строй во время его службы в армии в 1963 году и стала давать медеплавильным заводам тысячи тонн высококачественного концентрата.

Так или иначе, но Виктор Никитович Попов оказался причастен и к строительству таких крупных объектов в Джезказганском регионе как теплоэлектроцентраль, Джездинская обогатительная фабрика, холодильник, мясокомбинат, домостроительный комбинат и других. За годы семилетки мощности треста «Казмедьстрой» возросли почти в три раза, соответственно увеличивались объемы работ и у джезказганских изыскателей, проектировщиков.

В.Н.Попов, прямо скажем, не вылезал из командировок, все дни отдавая топографической работе на объектах. Спасала его, вела по жизни одна мысль: все это не напрасно, все это необходимо людям. И он был постоянно в форме, как говорят спортсмены, потому что знал: дома его ждут Люба, сын Игорь. Ему как молодому специалисту выделили небольшую квартиру в двухэтажном доме по улице имени Гагарина, и Люба приехала с сыном, навсегда покинув Семипалатинск.

Ах, Люба, Люба... Как много она дала ему, устраивая семейный уют дома. Весь день она работала медсестрой в детской поликлинике, а затем, забрав Игоря из детского садика, спешила с ним в магазины, на рынок... Она умела хорошо приготовить ужин. Бывало, вместе, всей семьей ходили в кинотеатр или во Дворец культуры металлургов... А если Виктор Никитович задерживался в командировках на несколько дней, то по вечерам, ожидая его, Люба вязала ему и Игорю свитер, теплые перчатки. В Джезказгане она впервые по-серьезному взялась за вышивание картин известных художников.

Работая старшим инженером института, Виктор Никитович глубже окупился в местную научную среду, познакомился с рядом интересных людей того времени.

Писатель В.М. Могильницкий –
лауреат международных наград «Святая София», «Интеллект нации».

Нурсултан Абишевич Назарбаев дает интервью собственному корреспонденту "Казахстанской правды" Валерию Могильницкому на шахте имени Тусупа Кузембаева в июне 1991 года.

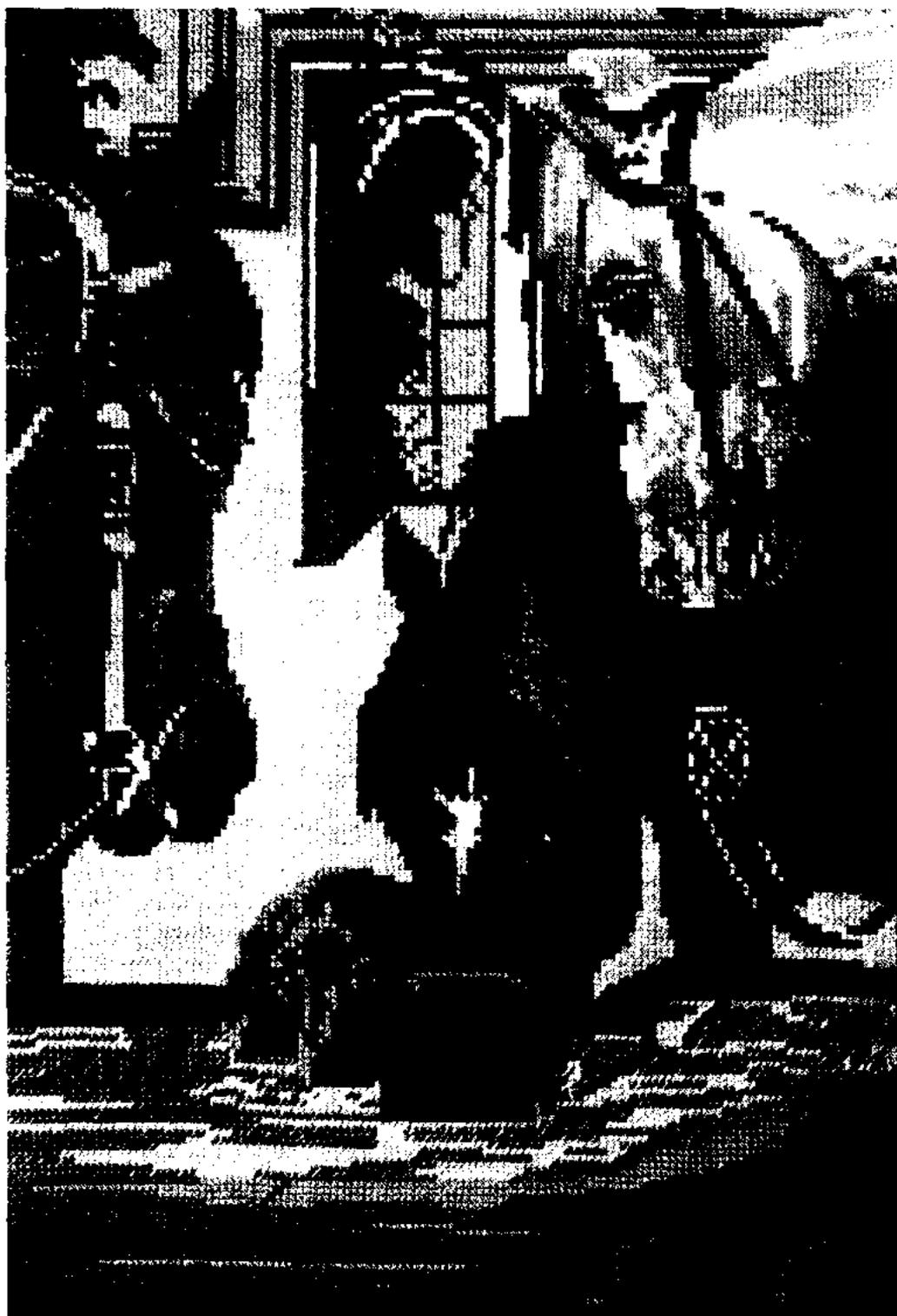
С коллегами по перу
в Каркаралинске.
Слева направо: А. Азиев,
В. Широкобородов, Б. Макеев,
Ю. Попов, В. Могильницкий.
1992 год.

Интервью с генеральным директором ТОО «КарагандаГИИЗ и К*», доктором технических наук, лауреатом многочисленных отечественных и международных наград Виктором Никитовичем Поповым по поводу строительства столицы Казахстана – Астаны.

Портрет самодеятельной художницы Любви Константиновны Поповой.
Автор – ее супруг
Виктор Никитович Попов.

Лошади на водопае. Вышивка крестом Любови Константиновны Поповой. 52*38 см.

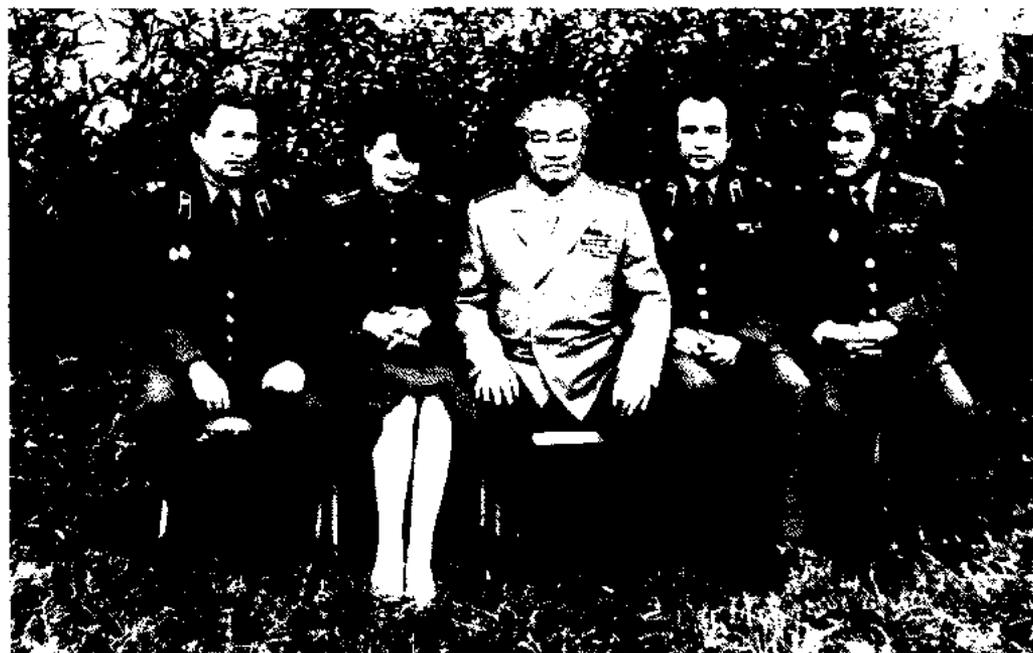
Собкор республиканской газеты «Казахстанская правда» В.М. Могильницкий берет интервью у бригадира Южного рудника, Героя Социалистического Труда Дембергена Баймагамбетова в городе Сатпаеве. 1983 год.

Члены областного литературного объединения «Слиток» в Дзезказгане в 1984 году (слева направо) Наталья Карпова, Валерий Могильницкий, Сагин-Гирей Байменов, Ольга Шиленко, Людмила Каменская, Надежда Кирсанова.

Полковник
Георгий Николаевич Князев
воспитал целую плеяду
отличных офицеров полиции
из резерва УВД Джезказганской области.

Руководители УВД Джезказганской области (слева направо): Г.Н. Князев,
В.Г. Мурзина, М. Курманов, А.П. Филиппенко, Д.К. Адамбек в 1985 году.

В Алма-Ате на хлопчатобумажном комбинате с коллегами. 1985 год.

Встречи с мамой в городе Сатпаеве - всегда радость. 1986 год.

На всю жизнь Виктор Никитович запомнил проведение в Джезказгане объединенной научной сессии АН Казахстана, Министерства геологии и охраны недр КазССР, Карагандинского совнархоза и Джезказганского комбината по проблемам развития производительных сил Джезказганского промышленного района. Она состоялась 26 марта – 1 апреля 1961 года в Джезказгане. На этой сессии присутствовал Каныш Имантаевич Сатпаев, который произвел на всех сильное впечатление. На всю жизнь люди запомнили его добрые, пронизательные глаза, приветливую улыбку, тихий, но твердый голос.

Открывая памятную сессию, Каныш Имантаевич говорил о том важном месте в истории Казахстана, которое занимает Джезказган. Он стал колыбелью мощной индустриализации республики. А началом всех начал был Карсакапский медеплавильный комбинат – первенец цветной металлургии Казахской ССР, Средней Азии, всего Востока СССР. В дни октябрьских торжеств в 1928 году он выдал стране первую джезказганскую медь. С тех пор эта медь служит людям.

Нельзя не вспомнить в этой связи, отметил Сатпаев, мудрого приказа «командарма тяжелой промышленности СССР» Серго Орджоникидзе в 1936 году о строительстве Большого Джезказганского комбината. «Советские геологи вывели Джезказган на ведущее место по запасам меди и свинца».

А в годы Великой Отечественной войны знаменитый Джездинский рудник близ Джезказгана спас СССР от марганцевого голода. Всего за 36 дней и ночей в улытауской степи было построено это мощное предприятие по добыче марганца, найденного К.И.Сатпаевым. Оно дало в то время более 50 процентов марганца, добываемого в СССР.

В своем небольшом выступлении К.И.Сатпаев отметил тех выдающихся новаторов производства, инженеров, ученых, чей упорный труд раскрыл богатейшие недра Джезказгана. Это, по мнению Каныша Имантаевича, – Сафин, Харламов, Байконуров, Анаркулов, Филимонов, Сальков, Букежанов, Гурба – в области горного дела; Стригин, Матвеевко и другие – в области обогащения руды; Наумов, Шахновский, Иванов, Сушков, Атаев и другие – в области металлургии... Геологическая служба Джезказгана всегда шла впереди всех геологов республики – особо отмечал в ней Каныш Имантаевич Штифанова, Богданчикова, Сейфуллина...

Работа сессии обсуждалась в коллективе института. Перспективы развития меднорудного края захватывали, воодушевляли... Речь шла о строительстве крупного Джезказганского медеплавильного завода, новых шахт и рудников... Джезказган станет городом, утопающим в зелени, его проспекты украсят девяти- и 11-этажные дома, новые стелы, памятники.

Виктор Попов был доволен тем, что он причастен к великим делам советского времени. Он настраивал себя на длительную работу в этом степном краю, который давал стране медь.

Но тут неожиданно пришла повестка из военкомата. С большой грустью и печалью в душе Виктор Попов покидал родной Джезказган. Да, да, родной и незабываемый. Таким он стал для него за несколько лет работы в институте. И хотя Попов за это время не добился высоких чинов и регалий, он приобрел самое главное – опыт, тягу к творчеству, закалил свой характер.

Он служил в рядах Советской Армии в качестве военного топографа в довольно трудных местах Средней Азии – пустынях Туркменистана, Таджикистана.

У Виктора Никитовича сохранился фотопортрет того времени. Как свидетельствует снимок, в свои 24 года Попов выглядел блестяще: высокий, стройный. В его взгляде отражались уверенность и твердость характера. Судя по всему, он был счастлив, что получил профессию топографа. Его путешествие в большую жизнь началось, и довольно оригинально: с джезказганских каменистых степей, желтых туркменских пустынь, Памира, где тоже все только начиналось...

Три года службы в Советской Армии пролетели, как один день. Конечно, они были для молодого Попова непростыми, но он всегда помнил наставление своего отца Никиты Парфеновича: «Береги честь смолоду». Своими успехами рядовой Попов завоевал право быть занесенным в книгу Почета воинской части № 16907, что было в то время весьма престижно.

Тут надо добавить, что тяготы службы в армии ему помогали переносить письма его первой и единственной любви. Оставшись в Джезказгане с маленьким Игорем, Люба не забывала писать ему почти каждый день хотя бы несколько строк поддержки... Виктор Никитович до сих пор хранит эти письма, полные надежды на его благополучное возвращение.

И оно состоялось! В «Джезказгангипроцветмете» ему сказали:

– Во время ты демобилизовался из армии, Виктор Никитович. В Джезказгане скоро начнется строительство крупнейшего в стране медеплавильного завода. Работы, учитывая твой опыт, невпроворот. Назначаем тебя главным специалистом...

Не густо, конечно, но порадовало, что за ним осталась любимая работа. А дома его как ждали, словами не передать! Люба вручила ему связанный ею свитер, на столе появились желанные пельмени. Букеты цветов – любимые ромашки, розы, астры – украсили этот праздник долгожданной встречи. Игорек нрямо-таки повис на шее отца, ни на шаг не отходил от него. Было сыну уже шесть лет!

Около двух лет Виктор Никитович занимался инженерными изысканиями на территории планируемого строительства Джезказганского медеплавильного завода, его административного здания, цехов, определял оптимальные варианты фундаментостроения под те или иные здания... И вдруг неожиданный звонок из дирекции института в октябре 1967 года: его вызывают в Алма-Ату. Оказалось, что в республике при

Госстрое Казахской ССР организован специализированный государственный институт инженерных изысканий КазГИИЗ. Ему не хватало квалифицированных кадров – руководителей, особенно на местах в филиалах. Виктору Никитовичу предложили должность главного инженера Джекказганского отдела Балхашского филиала КазГИИЗа.

Главный инженер КазГИИЗа Муталлап Темиргалиевич Адиков уговаривал его:

– Соглашайся, дорогой. Будешь работать, как прежде, в Джекказгане, который ты хорошо знаешь. «Мхом» не обрассешь, ибо зона твоего обслуживания строителей теперь расширяется от Карсакпая до Балхаша. Помощников себе сам подберешь.

Немного подумав, Виктор Никитович дал согласие. Давно надо было в республике создать специализированный институт инженерных изысканий. Во-первых, у инженеров-изыскателей появится больше самостоятельности, во-вторых, улучшится качество работ, ибо в нем будут трудиться профессионалы, и профессионалы же будут руководить.

Главным инженером Джекказганского отдела КазГИИЗа Виктор Никитович проработал одиннадцать лет. Не напрасно потраченные это были годы! В своей книге мемуаров, недавно вышедшей в издательстве «Гласир» в Караганде, Муталлап Темиргалиевич Адиков отмсчает, что без низовых подразделений на местах казахстанский институт не смог бы освоить того объема работ, что заказывало ему правительство. Особо он выделил усилия коллектива изыскателей Джекказгана, который возглавлял В.Н. Попов.

Прежде всего большой заслугой В.Н. Попова и его коллектива было то, что они проделали большую работу по проведению инженерных изысканий под строительство крупнейшего в стране Джекказганского медеплавильного завода. Сложность проведения исследования заключалась в том, что на площадке строительства медеплавильного завода были выявлены набухающие грунты, а нормативных документов, регламентирующих строительство на набухающих грунтах, еще не было. Поэтому одновременно проводились и исследовательские работы на опытных площадках по изучению интенсивности набухания при замачивании водой и серной кислотой, так как на заводе должен был строиться цех по производству серной кислоты. Эти работы были успешно проведены, а полученные результаты использовались НИОСПом под руководством доктора технических наук, профессора Е.А. Сорочана при разработке СНиПа и Пособия для проектирования на набухающих грунтах. Уже тогда В.Н. Попов начал приобщаться к науке и написал первую научную статью: «Опыт применения геодезических методов при изучении динамики набухающих грунтов». Она была опубликована в издательстве «КазЦНТИС» в Алма-Ате в 1975 году. Через два года в том же издательстве печатается новый серьезный труд Виктора Никитовича Попова в соавторстве с М.Т. Адиковым и Н.А. Корниленко, посвященный деформации породного отвала Златоуст-Беловского карьера Джекказганского медно-рудного месторождения.

В 1977 году, учась заочно в аспирантуре Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, Виктор Никитович устанавливает в Москве тесные связи с редакциями научных журналов и издательствами. В результате этого сотрудничества в изданиях Москвы появляются его научные труды, написанные на материалах исследований в джезказганском меднорудном регионе. Среди них наиболее значимые – это статья «Геодезические сети для наблюдения за динамикой породных отвалов» в московском журнале «Геодезии и картография» (№ 10 за 1977 год), а также статья «Некоторые исследования деформации бортов отвалообразований горных пород методами линейной алгебры» в издании «Известия высших учебных заведений. Геодезия и Аэрофотосъемка» (№ 4 за 1977 год).

С тех пор Виктор Никитович Попов никогда не порывал с научным творчеством. Подобно К.И. Сатпаеву, Е.А. Букетову, А.С. Сагинову, он рос как ученый на стыке производства и науки, и потому достиг вершин творчества в лучших своих работах по геодезии и картографии. А начинал Виктор Никитович свои научные изыскания с исследования площадок под строительство Джезказганского медеплавильного завода.

Его уважали в этом городе металлургов, в обязательном порядке приглашали на все торжественные мероприятия.

До сих пор Виктор Никитович помнит сдачу в эксплуатацию первой очереди медного гиганта.

Его пригласили присутствовать на митинге, посвященном пуску первой очереди завода, и он хорошо помнит, что в президиуме тогда находились Какимбек Салыков, Виктор Васильевич Гурба, Иван Евгеньевич Ли, Леонид Николаевич Иванченков... Он всех этих людей хорошо знал, неоднократно встречался с ними, уважал их за большую эрудицию, профессионализм...

В 1990 году В.Н. Попов был избран директором Карагандинского государственного института инженерных изысканий, и ему пришлось распрощаться с Джезказганом. Но он до сих пор тепло и сердечно вспоминает город меди, ведь развитию меднорудного края Виктор Никитович отдал более тридцати лет. Там произошло его становление и как инженера, и как ученого, и как руководителя. Там он прошел первые ступени карьерного роста – от рядового специалиста до начальника Джезказганского отдела института «Караганда ГИИЗ», там был отмечен медалью «Ветеран труда», орденом «Знак почета».

Хорошо отзывался о работе Виктора Никитовича Попова в меднорудном крае начальник Джезказганской геолого - разведочной экспедиции, Герой Социалистического Труда Василий Иванович Штифанов. Он говорил мне еще в 1983 году:

- Если на новом месторождении появлялся Попов со своими ребятами, то, считайте, оно уже разрабатывается. Виктор Никитович – хороший предвестник больших строительных работ в нашем крае, ведь все начинается с изысканий, любая стройка, любой дом... Геологи без ге-

отехников, изыскателей не смогли бы довести свои месторождения до эксплуатации.

Василий Иванович Штифанов отмечал большой вклад изыскателей отдела В.Н. Попова в строительство шахты-гиганта №55, ее копра высотой 86 метров, Анненского, Северного и Южного рудников.

- Тогда у строителей был поистине богатырский размах, - говорил мне В.И. Штифанов. - И этому способствовали инженерные изыскания В.Н. Попова и его подчиненных. Мы верили в его звезду как специалиста, большого ученого...

Правы оказались наши уважаемые джезказганцы. Особенно ярко вспыхнула звезда Виктора Никитовича Попова, когда коллектив Карагандинского государственного института инженерных изысканий избрал его в 1990 году своим руководителем. Трудные это были времена, начался распад СССР, а затем глубокий экономический кризис. Однако В.Н. Попову в эпоху перехода к рыночным отношениям удалось сохранить институт и основной костяк трудового коллектива, вывести компанию на качественно новый уровень. Этому способствовали огромные усилия нашего Президента Нурсултана Абишевича Назарбаева по возрождению в стране строительства, а затем и возведению столичного мегаполиса в центре Евразии. Придавая огромное значение новой столице, Виктор Никитович сразу открыл в Астане дополнительно офис ТОО «Караганда ГИИЗ и К*» (тогда АО). Вооружив фирму самой современной техникой и новейшими технологиями, он со своими коллегами смело взялись за осуществление мечты Нурсултана Абишевича – построить в степях Сарыарки чудо-город. И это всем миром удалось сделать! Уже сегодня Астана приобрела сказочные контуры настоящего столичного мегаполиса. В.Н. Попов гордится тем, что 80 процентов замечательных сооружений в столице появились на основе исследований и рекомендаций коллектива карагандинских изыскателей. По инженерным изысканиям ТОО в Астане было возведено более двух тысяч строительных объектов, в том числе таких уникальных как «Байтерек», «Транспорт Тауэр», гостиница «Интерконтиненталь», резиденция Президента «Акорда», жилой комплекс «Триумф Астаны», развлекательный комплекс «Думан», памятник казахскому полководцу Кенесары Касымову. Дворец Мира и Согласия (знаменитая Пирамида), столичная мечеть «Хазрет Султан», здание театра оперы и балета, другие архитектурные шедевры.

Высоко оцениваются изыскательские работы Попова и его коллег не только в Астане, но и в других городах и районах республики. Так, достойно оценили заказчики изыскания, по которым велось строительство ледового Дворца, теннисного центра, казахского драматического театра и мечети в Караганде, возведение Монумента металлургам, а также историко – культурного центра Первого Президента в Темиртау.

Немал вклад Попова и его соратников - коллег изыскателей в индустриализацию всей страны. По их изысканиям были построены де-

сятки новых предприятий, железных дорог, мостов и путепроводов. Если взять последние три года, то в перечне оказания услуг ТОО найдем крупные изыскания под строительство новых железнодорожных линий Жетыген-Коргас, Жезказган-Бейнеу, заводов по сборке и техническому обслуживанию вертолетов, по производству трансформаторных подстанций в Астане, Бозшакольского горно-обогательного комбината, крупного цементного завода вблизи поселка Шетке и многих других.

Как-то я побывал в Астане, познакомился с заслуженным архитектором РК, академиком Международной Академии Архитектуры, директором проектной компании ТОО «ОРТА» С.А. Рустамбековым, и он организовал для меня поездку по местам изысканий В.Н. Попова и его коллег. И показывая Байтерек, Круглую площадь, жилой комплекс «Триумф Астаны», С.А. Рустамбеков сказал мне:

- Я удивляюсь многогранности творческой личности Виктора Никитовича. Он не только успевает и ладит с производством изысканий, он уже создал и руководит целой научной школой геотехников республики. За короткий срок Виктор Никитович опубликовал более ста научных статей, защитил авторство на несколько патентов, выступил со своими докладами на многих международных конференциях по геотехнике.

Отмечая высокие личностные качества В.Н. Попова, С.А. Рустамбеков подчеркнул, что Виктор Никитович первым в республике взялся за изучение проблем фундаментостроения в условиях Астаны, дал по этому поводу полноценные с точки зрения науки рекомендации, разработал методологию возведения фундаментов и свай в столице. Большая заслуга его школы в том, что в ней разработаны методы защиты Астаны от паводковых вод, раскрыт опыт внедрения новейших технологий бурения, анализа грунтовых оснований. В списке больших работ В.Н. Попова и руководителя ТОО «ОРТА» С.А. Рустамбекова – организация судоходства на реке Есиль, реконструкция ее русла. На основе инженерных изысканий ТОО вокруг Астаны создается зеленый пояс, а в самой столице – огромная лесопарковая зона.

Наконец, отмстил Рустамбеков, при всей загруженности текущей и научной работой Виктор Никитович всегда выкраивает время для воспитания молодых ученых, активно участвуя в работе Диссертационных советов и государственных аттестационных комиссий при ведущих университетах страны.

Профессор, кандидат технических наук, преподаватель Карагандинского технического университета Ербол Оразалы рассказывал мне:

- При первой же встрече с Виктором Никитовичем Поповым я был покорен его научным кругозором, огромным багажом знаний. Это ученый – практик, обладающий исключительно великолепным трудолюбием. Когда-то Лев Толстой говорил: «Без труда не может человек обрести свое человеческое достоинство». Так вот Виктор Никитович очень трудолюбив, и потому он не только не отстает от других ученых, а значительно опережает их.

Это давно заметили за рубежом. Генеральный директор Европейской Бизнес Ассамблеи, профессор (Великобритания) Дж. В.А. Неттин отмечает, что достижения В.Н.Попова «вышли за рамки отдельной страны, и служат будущему прогрессу и развитию нашей цивилизации». И далее: «Нам приятно констатировать, что вы, уважаемый господин Попов, принадлежите именно к таким личностям, лидерам, чья профессиональная, научная и общественная деятельность способствует формированию позитивного имиджа Республики Казахстан на международной арене».

Большим свидетельством признания заслуг Виктора Никитовича Попова во всем мире являются многочисленные международные награды. Только в последние годы он был отмечен в Оксфорде знаком и подвеской международной награды имени Королевы Виктории, международной Сократовской премией, в Париже – золотой медалью Наполеона, в Москве – «Золотой звездой содружества». Европейская Ассамблея Бизнеса (Лондон) отметила его достижения в области научных исследований международной премией «Имя в науке». Он стал обладателем Диплома и Знака «За вклад в мировую науку», его имя внесено в реестр лучших ученых мира. Наконец, еще одно событие – международный университет Вены и клуб ректоров Европы присудили ему звание «Почетный профессор Международного Венского университета».

Прав русский писатель Максим Горький, когда говорил о том, что ученые насчитываются сотнями, а крупные – десятками, да только десяток крупных ученых делают настоящую науку. Думаю: к такой десятке крупных ученых относится Виктор Никитович, если пытаться итожить его творчество. Его соратник – президент Казахстанской геотехнической ассоциации, директор геотехнического института Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, почетный строитель Казахстана, доктор технических наук, профессор А.Ж. Жусупбеков, доктора технических наук В.Н. Бронин, А.Л. Готман, А. В. Филатов считают, что Виктор Никитович велик своим вкладом в науку, строительство, опубликованными трудами и учениками, а самое главное – внедрением своих исследований на практике. Не каждому ученому в жизни дано увидеть плоды своего труда. Тот же Ербол Оразалы напомнил мне об инженерных изысканиях Попова и его коллег под Байтерек и добавил:

– Одного этого уже достаточно, чтобы имя Попова не было забыто в истории развития геотехники в Казахстане. Его научная школа полна высококвалифицированных кадров, и она будет развиваться все более масштабно, за ней – будущее.

Преданность своему призванию, своей профессии, большое трудолюбие, огромный вклад в развитие науки, геотехники и фундаментостроения сделали В.Н. Попова человеком, полезным нашему обществу, государству и людям.

Глава восьмая

Верность и талант подруги

В то далекое, но близкое сердцу время я со своей семьей жил в Джекказгане в доме 20-А по улице Ленина. Здесь же обитала семья Поповых, только не в первом, а во втором подъезде. И нередко я встречал на улице супругу Виктора Никитовича Любовь Константиновну Попову. Здороваясь, она непременно передавала мне привет от супруга, при этом доверительно сообщала:

– Вчера Виктор Никитович читал Вашу критическую корреспонденцию, поддерживает Вас. Мне тоже понравилось, что Вы по делу выступаете...

Да, Поповы любили поддерживать других добрым словом, это было в их правилах. Наблюдая за ними, я все больше убеждался, что это была образцовая семья, построенная на любви и взаимном уважении. В Джекказгане Любовь Константиновна родила Виктору Никитовичу второго сына Юрия, чем еще больше укрепила семью. Мне Виктор Никитович говорил:

– Я благодарен судьбе за то, что встретил Любу и прожил с ней большую часть своей жизни – 44 года. Не знаю, удалось бы мне добиться осуществления своих планов и помыслов, если бы не она.

Люба всегда поддерживала меня в творческих исканиях, учебе, написании кандидатской, а затем докторской диссертаций. Она была оплотом и надежной основой моей жизни... Я даже говорил ей: «Пока ты со мной, у нас ничего плохого не случится, мы будем счастливы».

Так оно и было на самом деле. Наверное, самое высшее проявление любви людей друг к другу – это взаимопонимание и взаимная помощь. Тишина и покой царили в квартире Поповых, когда они жили в Джекказгане. Как я уже говорил, мы были соседями, и моя супруга Екатерина не раз и не два говорила мне:

– Вот достойная пара для подражания, как надо строить семейную жизнь. Сразу видно, что их спаяла не только любовь, но и творчество, дети...

Да, они были крепко дружны, жили в согласии и взаимном понимании. В то время Виктор Никитович работал начальником джекказганского отдела Балхашского филиала института «КарагандаГИИЗ», и объем работ у него был немал. Если я напомним, что по его инженерным изысканиям в то время были построены многие шахты не только на рудничной площадке Джекказганского горно-металлургического комбината, но и Жайремского ГОКа, рудниках Каражала, Акчатау и Акжала, то вам станет понятно, почему он был часто в долгих отлучках и командировках. И всегда Любовь Константиновна терпеливо ждала его воз-

вращения. Она, фельдшер по образованию, все дни отдавала проблемам лечения ребят в Джезказганской детской поликлинике, где работала, а по вечерам, когда солнце закатывалось за горизонт, и засыпали сыновья Игорь и Юрий, она одна без мужа не знала, куда себя деть. И не тогда ли ее волнебные руки снова, как в юности, потянулись к вышиванию? Чтобы не грустить, не печалиться по мужу, надо и в свободное вечернее время заниматься чем-то полезным для себя, для людей. Этим занятием и стала для Л.К.Поповой вышивка – один из распространенных видов декоративно-прикладного искусства, весьма доступный и обожаемый женщинами. Правда, не каждая из них может научиться вышивке, это – труд нелегкий, требующий усидчивости, воображения, полета мысли и ... таланта. Да, да, таланта, дара Божьего, ибо не каждая женщина может свободно владеть иглой с нитью, как художник кистью, чтобы запечатлеть полюбившиеся тебе образы, сюжеты, которые то и дело возникают в голове, просясь быстрее на полотно.

У Любови Константиновны Поповой это получалось. Об этом свидетельствует и член Союза художников республики, академик Академии художеств Казахстана, искусствовед Наталия Иванина. Она высоко оценивает рукодельные работы самодельной художницы, яркой представительницы народного творчества в Сарыарке. Я же только отмечу, что меня лично давно взяли в плен картины-вышивки Л.К.Поповой. Часами я могу рассматривать их, в душе выражая сердечную благодарность ей за ее великолепные работы.

Судя по всему, Любовь Константиновна любила русского живописца В.М.Васнецова, в чьих картинах воссоздавались чарующие красотой и поэтичностью образы сказок, былин, песен, выражались народные представления, думы и чаяния о будущей власти человека над природой, о счастливой, безбедной жизни простых людей, о смелых защитниках земли русской. Всем известны картины В.М.Васнецова «Коверсамолет», «Иван-царевич на Сером Волке», «Богатыри». Но Любовь Константиновна выбрала картину В.М.Васнецова «Аленушка», которая, видимо, привлекла ее своим лиризмом, большой печалью девушки, изрядно хлебнувшей пугающего одиночества и горя горького. Ее вышивка-копия буквально околдовывает своей любовью к художнику-передвижнику, мастерством передачи настроения его картины.

Неплохо смотрятся и другие работы Л.К.Поповой. Более сорока картин-вышивок создала она в Джезказгане, и все они как на подбор – загляденье. Судя по всему, немало труда отдала Любовь Константиновна таким работам как «В чердачной комнате», «Уроки музыки», «Лошадь на водопое», «Девушка у источника»... Хорошо воспринимались и воспринимаются вышивки- копии картин французского художника П.А. Ренуара «Час игры на фортепьяно», Франкойса Боухера «Мадам Помпадур», Помпео Батони «Кающаяся Магдалина», Франкойса Барона Герарда «Мадам Рекамье».

Любовь Константиновна постоянно расширяла диапазон любви к

зарубежным живописцам. Сербский художник Пая Иованович тоже заслужил внимание рукодельной мастерицы, ведь он был основателем национального искусства, умело передавал душевное состояние героев своего времени.

Немало у Любви Константиновны работ, посвященных вопросам нравственности на религиозные и мифологические сюжеты. Таковы потрясающей силы ее картины-вышивки: икона «Казанская Божья мать. Россия. 18 век» и «Пасхальное утро» Герарда Ван Хонхорста. Это ее подлинные шедевры. Иисус Христос как бы возвращается к нам, благословляя каждого на светлые деяния и высокие помыслы. Икона Казанской Божьей матери наполняет нашу душу негасимым светом любви к ближнему, окружающему нас бытию, природе.

Знакомись с творчеством Л.К.Поповой и ощущаешь ее богатый внутренний мир. Он был воспитан, конечно же, стремлением Любви Константиновны ко всему прекрасному, возвышенному, богообразному. Она любила читать художественную прозу и поэзию, особенно увлекалась стихами Александра Сергеевича Пушкина и Михаила Юрьевича Лермонтова.

Семья Поповых в то время дружила с семьей Князевых. Георгий Николаевич Князев был заместителем начальника УВД Джезказганской области. Его супруга Эрна Ивановна говорила мне:

– У Поповых в гостях нам было уютно и комфортно. Поражала их огромная библиотека, в которой было собрано более двух тысяч книг. Любовь Константиновна показывала мне альбомы с репродукциями. Я всегда удивлялась, откуда она так много все знает о художниках, их жизни, картинах.

Познакомились мы в детской поликлинике где-то в 1977 году. Моя дочь Наташа простыла, и Любовь Константиновна лечила ее. Я узнала, что Попова увлекалась вязанием, и попросила ее связать головной убор для Наташи. Любовь Константиновна охотно откликнулась на мою просьбу, и вскоре подарила моей дочери удивительной красоты шапку. Наташа долго не расставалась с ней.

Любовь Константиновна была добрым, простым, честным и трудолюбивым человеком. К любому делу она подходила творчески, учитывая опыт предшественников. Когда она узнала, что мой брат живет в Германии, то попросила меня, чтобы он приобрел там для нее каталог картин знаменитых художников для вышивок. Благодаря этому каталогу она сумела выбрать себе по вкусу сюжеты для вышивания.

Я всегда восхищалась ее мастерством, талантом. Под влиянием Любы я сама взялась за вышивание, но не нитью, а бисером. И у меня есть удачные картины на темы природы: «Зима», «Весна»... Люба хвалила меня за них.

Я горжусь дружбой с Поповыми. Как драгоценные семейные реликвии храню дома картины, которые дарила мне Любовь Константиновна.

Она вообще считала, что самый лучший подарок подруге на день рождения - это картины. Она любила искусство самозабвенно, искренне.

Люба мне рассказывала, что с детства увлекалась коллекционированием репродукций картин, а в старших классах впервые взялась за вязание, а затем и за вышивку крестом. Это ее увлечение немного позже поддержал и ее возлюбленный, а затем супруг Виктор Никитович Попов, тогда студент Семипалатинского топографического техникума. И он тоже очень любил искусство, сам умел рисовать. Написанный его мастеровой рукой прекрасный портрет Любы Виктор Никитович до сих пор держит на самом видном месте в своей квартире в Караганде.

Надо сказать, не только портрет супруги держит в своей квартире Виктор Никитович, но и все ее картины-вышивки. Однажды он вывез их для фотосъемки, и сразу ему стало сиротливо. «Такую пустоту в душе ощутил, что страшно сказать, - признался мне Виктор Никитович. – Успокоился только тогда, когда картины-вышивки вернули на прежние места».

Эрне Ивановне Князевой вторила подруга Л.К. Поповой Евдокия Васильевна Адамбекова. Она трудилась медсестрой вместе с Любовью Константиновной в Джекказганской детской поликлинике. Каково ее мнение о Л.К. Поповой? В ответ услышал:

– Она была жизнелюбом, ее любили и взрослые, и дети. Маленькие пациенты буквально рвались к ней на прием, ибо от нее исходил свет доброты, материнской ласки и нежности.

Любовь Константиновна находила «общий язык» со всеми, она была врожденным психологом и учителем. И к вышивке как к народному искусству она стремилась приобщить всех подруг. Вовлекла и меня, это стало нашим общим делом.

Вскоре в Джекказгане организовали филиал Карагандинского политехнического института, и тогдашний ректор, профессор Г.К. Жакенов решил открыть там химическую лабораторию. И попросил меня помочь ему в этом деле. И я перешла на работу в филиал политеха. Но дружбу с Любовью Константиновной не теряла. Однажды, видя, как кропотливо и долго она работает над картинами, я сказала ей: «Не лучше ли готовые вышивки купить в магазине или на рынке? Или денег не хватает?» «Причем тут деньги? – ответила Любовь Константиновна. – Весь секрет – в творчестве. Вышивание крестом – это великое дело души и рук, ему цены нет».

Когда Любови Константиновны не стало, я поняла, какой верной подруги навсегда лишилась. А люди потеряли в ее лице и добрую медсестру, в одночасье снимавшую боль с ребятишек, и талантливую мастерицу художественной вышивки, и вообще человека, влюбленного в этот большой мир. Она ведь любила не только литературу, живопись, вязание, но и цветы. Да, да, в квартире Поповых всегда было море домашних цветов. Любовь Константиновна собирала их настойчиво десятилетия-

ми. И гостям она могла рассказать многое неведомое о каждом из комнатных растений.

Как-то накануне дня рождения Любви Константиновны я спросила ее, что бы ей подарить в этот праздничный и прекрасный день. «Знаешь, Евдокия Васильевна, все у меня есть, – ответила Попова. – Но если очень настаиваешь, то подари мне бегонию – этого цветка нет в моей коллекции».

Я с мужем объехала все магазины Караганды в поисках бегонии, нет и нет. Наконец, нахожу в павильоне близ рынка бегонию королевскую с красными листьями с перламутровым отливом. Любовь Константиновна очень обрадовалась этому редкому растению. Она мне сказала: «Смотри: цветки у бегонии розовые, вроде невзрачные, но все равно какие красивые».

Она находила красоту во всем, и считала, как писатель Достоевский, что красота спасет мир. Она верила в красоту любви, нежных чувств, очень любила своего мужа. И потому она была преданной и верной ему одному всю жизнь.

Ее похоронили на Майкудукском кладбище. И я не удивилась, когда прочитала на ее памятнике слова мужа: «Той, которую любил, от того, кого любила ты».

Любовь к искусству объединяла их души и цементировала их семью, очень порядочную и дружную.

Сама Любовь Константиновна верила в большую животворную и целебную силу искусства. Оно способно и врачевать, и залечивать душевные травмы и раны. Тот, кто соприкасается с искусством, живет большой осмысленной, полной благоденствия жизнью. Поэтому она передавала свою любовь к искусству окружающим ее людям, привлекая к рукоделию своих подруг и коллег по школе, медицинскому училищу, детской поликлинике. Я лично не знаком с семипалатинской мастерицей рукоделия Эммой Подгаецкой, но со слов Виктора Никитовича точно знаю, что мастерству вышивать ее научила Любовь Константиновна.

В Караганде тоже немало последователей у Л. К. Поповой. Среди них – дочь первого директора института «Караганда ГИИЗ», ветерана Великой Отечественной войны Виктора Ануфриевича Калеева – Ольга Викторовна Калеева. Она представила на уникальной выставке «Ретро и современность» в здании областного общества «Немецкий центр «Видергебурт» восемь картин-вышивок, и все они были тепло встречены любителями искусства. А всего на выставке было показано более ста картин – вышивок местных мастериц.

И, глядя на них, я тогда подумал: жива Любовь Константиновна, осуществляются ее надежды и мечты о том, что люди потянутся к прикладному искусству, когда жить станет значительно лучше, чем при советской власти. Сегодня такое время пришло и, видимо, пора во весь голос заговорить о приобщении людей к миру искусства, о воспитании в новом поколении бережного отношения к прекрасному и удивительному.

К счастью, любовь Л.К.Поповой к вышиванию передалась ее внучкам Рите и Насте. И в этом я черпаю уверенность в том, что в будущем мы откроем еще не одну страницу народного творчества в Центральном Казахстане. А первой у нас в Джекказгане и Караганде в этом деле была и остается народная самодеятельная художница, замечательная супруга и мать большой семьи Поповых - Любовь Константиновна Попова. Низкий поклон ей за это!

В Джекказгане до сих пор Любовь Константиновну помнят как нежно любящую мать и жену. Да и в Караганде, куда со временем переехали Поповы, о ней сохранили добрую память. Моя жена Екатерина несколько раз встречалась с Любовью Константиновной в Караганде, та с вдохновением говорила ей о своих новых вышивках, радовалась успехам своего мужа, который в 1990 году стал директором «КарагандаГИИЗа», защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук... В 2005 году Виктор Никитович станет доктором технических наук. К большому огорчению, эту радость он уже не сможет разделить вместе с Любовью Константиновной. 28 апреля 2003 года ее не станет.

Но она продолжала и продолжает жить в его мыслях, чувствах, делах. Он осуществил ее пожелание не порывать с наукой, и нашел в себе силы спустя два года после ее кончины защитить диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук. В 2007 году Виктор Никитович выпускает книгу-альбом картин ручной вышивки Любови Константиновны Поповой «Свет любви негасимый». Альбом открывается портретом любимой жены, который написал маслом сам Виктор Никитович. Особенно выразительны большие темные глаза Любови Константиновны, ее добрые губы...Смотришь на этот портрет, листаешь книгу-альбом и думаешь: как надо любить жену, чтобы спустя годы и годы сохранить верность ее памяти! Да ведь так и должно быть: на верность подруги надо отвечать своей верностью до конца жизни, до самого последнего дыхания. Жаль, что многие молодые нынче этого не понимают, считают, что любовь слепа... А ведь не зря в народе говорят: «Где любовь, там и Бог», «Божья любовь безгранична», «Союз истины и любви рождает премудрость», «Старая любовь долго помнится», «Нет выше той любви, как за друга душу свою положить».

В предисловии к книге-альбому «Свет любви негасимый» искусствовед, член Союза художников РК, академик Академии художеств РК Наталья Иванина пишет: «Произведения Любови Константиновны Поповой, будь то жанровая сцена, портрет или икона – это отражение ее художественных интересов, духовных пристрастий, эстетических устремлений, всего богатства внутренней жизни, которую не перескажешь словами, но которую можно выразить линией и цветом. В ее творчестве точность чувствования мира, понимание его сущностных законов, законов Красоты, Гармонии. В нем – воплощенный талант большой, тонкой художницы».

Наверное, лучше не скажешь!

Глава девятая

Труд его благословенный

Имя Какимбека Салыкова популярно в народе, его поэзию хорошо знают и в больших городах, и в аулах. Помню, когда я работал в «Казахстанской правде», то часто выезжал по заданию редакции в Улытау. И что меня сразу поразило – это песенность казахского народа, его музыкальность, тяга к возвышенному. Тогдашний директор совхоза имени Амангельды Алипбек Бекетаев во время сенокоса проводил для участников зеленой жатвы прямо на джайляу концерты художественной самодеятельности хозяйства. Все слушатели располагались под сенью карагачей у ручья, девушки в нарядных национальных костюмах исполняли нежно, искренне народные песни. Среди них особо запомнилась мне «Жезкиик» - о медной лани, которая мчится на крыльях по степи и несет людям счастье.

*«Медная лань! В дни, когда меня губит тоска,
Мне без тебя и в степной беспредельности тесно».*

«Кто написал эти прекрасные слова?» - не удержался, спросил я у Алипбека Бекетаева.

И он, довольный, что заинтриговал меня, вдыхая ароматы степных трав, назвал имя автора песни – Какимбека Салыкова. И рассказал о нем все, что знал, мол, Какимбек – наш казахстанец, по образованию горный инженер, прошел большой трудовой путь после окончания Московского института цветных металлов и золота на джезказганских шахтах от мастера до секретаря парткома Джезказганского горно-металлургического комбината, а затем первого секретаря горкома и второго секретаря обкома партии. В свободное от партийной работы время Какимбек Салыкович писал стихи и публиковал их в республиканских газетах и журналах. Его поэзию восторженно восприняли корифеи казахской литературы, мастера пера, академики Мухаметжан Каратаев, Малик Габдуллин, Турсынбек Какишев, Серик Кирабаев, а также выдающийся общественный деятель Ильяс Омаров. И вполне закономерно, что вскоре в Алма-Ате и Москве появились на свет первые сборники стихов Какимбека Салыкова «Сокровенное», «Жезкиик», «Добрые дни», «Медная лань».

Как раз последний из названных сборников и попал в мои руки в селе Сарлык Улытауского района. Его подарил мне Алипбек Бекетаев, приговаривая:

- Вот так пиши, как Салыков – звучно, чистосердечно и просто...

В то время в Джезказгане меня избрали председателем областно-го литературного объединения «Слиток». И, конечно, я сразу поспешил поделиться с местными поэтами своей радостью: открыл, де, для себя

нового большого поэта Казахстана, у которого есть чему поучиться. Но мое заявление не всеми было воспринято однозначно. Геолог Виссарион Пшеницын, как оказалось, давно интересовался поэзией Какимбека Салыкова и даже процитировал его стихи:

*«Нет, я не помышляю о секрете,
Который пыл вдохнет в мои стихи.
Я с чистотою джезказганской меди
Сверяю чистоту своей строки».*

- А знаешь, что такое чистота джезказганской меди? - спрашивал меня Виссарион. - Это три девятки на лондонской бирже, это высшая оценка и проба металла...

Да, сверять с чистотой меди чистоту своих стихов – рискованное дело, не каждому поэту удастся добиться успеха на тернистом нелегком пути. Но у Какимбека Салыкова это получается, убежденно говорил мне Виссарион, хорошо знавший все его сборники стихов. И тут Пшеницына активно поддержал до сего времени молчавший горный инженер Куаныш Ахметов:

- Достойный поэт нашего времени - Какимбек Салыков! Давайте на очередном собрании «Слитка» поговорим о его поэзии... Он близок нам, горнякам, тем, что сам горняк, что в его творчестве горняцкий труд, романтика добычи меди, дружба шахтеров – первая скрипка...

Члены «Слитка» решили пригласить на собрание и местного композитора Жаксыгельды Сеилова, который написал музыку на слова К. Салыкова к песне «Жезкиик». Тут надо заметить, что эта песня в те восьмидесятые годы была популярна в Казахстане точно также как «Подмосковные вечера» в России.

Знакомство с поэзией Какимбека Салыкова превратилось в большой незабываемый праздник. Он был для нас первопроходцем горняцкой темы в поэзии, как я убедился, бывая на рудниках Джезказгана, его стихи знали и седоволосые директора шахт, и молодые инженеры, рабочие. Мне, только-только приехавшему из Ростова-на-Дону в Джезказган, интересно было слушать высказывания поэтов-горняков о Какимбеке Салыкове как о родоначальнике рудничного слогана. Действительно, повторяюсь, тревоги и радости горняков, их упорный труд на шахтах стали основными источниками поэзии Какимбека Салыкова.

Его стихотворения «Ода шахте», «Забой», «Радость шахтера» - вершины творческого мастерства поэта.

*И если б кто-нибудь
Меня спросил:
«Что делать,
Если силы покидают?» -
Я б так ответил:*

*«Чтоб набраться сил,
Спустишь в забой,
Где слабых не бывает».*

Это верно и хорошо подмечено: в забое слабых не бывает. Я сам много раз спускался в подземные коридоры, встречался со знатными горняками – бригадиром Южного рудника ДГМК, Героем Социалистического Труда Дембергенем Баймагамбетовым, бригадиром Джезказганского шахтопроходческого треста, лауреатом Госпремии СССР Александром Николаевичем Калининным, бригадиром проходчиков шахты №57-бис Восточного рудника Владимиром Мерзляковым... Славные богатыри рудничных дел, непревзойденные мастера добычи меди, они с уважением и нескрываемой симпатией говорили о душе коллектива горняков и металлургов Джезказгана - секретаре парткома комбината Какимбеке Салыкове. Они считали его душевной чистоты поэтом. Он, де, даже свои доклады на партийных собраниях обильно пересыпал стихами, которые посвящал труженикам подземных коридоров. Потому и завершались доклады Салыкова непременно горячими аплодисментами горнорабочих.

*«Здесь от себя, как ветви, гонит штреки
Стол шахты – и могучий, и прямой.
Нет, трус здесь не освоится вовеки...
Так поклонись идущему в забой!
Здесь труд и взрывы ротодействию чужды.
А похвальбе заносчивой – стократ.
Здесь люди знают, что такое дружба,
И тем богаты,
И на том стоят.»*

Многие мои собеседники отмечали, что Какимбек Салыков – личность неординарная, а в чем-то и легендарная. Ведь вся его судьба была тесно связана с развитием меднорудного края, городов Джезказгана и Сатпаева, Джезказганского горно-металлургического комбината, медных рудников и медеплавильного завода. С необычайным уважением он относился к людям, опираясь на них в своей партийной работе и доверяя им. Позже в своей книге «Они – гордость Жезказгана» (Алматы, 2004 год) он создает замечательные портреты этих людей, которыми гордятся в Жезказгане. И первое слово его о гении казахского народа, ученом-геологе Каныше Имантаевиче Сатпаеве, благодаря великим открытиям которого и возникли десятки медных шахт, рудников в Сарыарке, а затем и медеплавильный завод в Джезказгане, металлургический в Темиртау. Вспомнил в книге Какимбек Салыкович и своих друзей-побратимов того отнюдь не застойного времени – первого директора Джезказганского горно-металлургического комбината, Героя Социалистического Труда Виктора Васильевича Гурбу, бывшего директора рудоуправле-

ния, горного инженера Мухита Кульжановича Бупежанова, заслуженного геолога-разведчика республики, Героя Социалистического Труда Василия Ивановича Штифанова, бурильщика шахты №11 Исхака Ивановича Анаркулова и многих-многих других... Но, конечно же, выше всех для него был и будет Каньш Имантаевич Сатпаев, «честь, ум, душа народа своего...» Не зря ему Какимбек Сальков посвящает поэму «Каньш и Карсакбай». Она блистательно зазвучала в его книге «Под звуки домбры» (Москва, «Художественная литература», 2011 г.) в переводе Валерия Антонова.

*«... Мы честно нашей Родине служили,
Щедры в работе, на подъем легки.
Хочу я, чтоб в моих поэмах жили
Душа Каньша и Сары-Арки».*

Так взволнованно заявляет поэт, и у него получалось – в его поэмах, очерках, стихах, действительно, живут «душа Каньша и Сары-Арки». И не только они – обо всех людях, с которыми встречался Какимбек, работал бок-о-бок, он рассказывает сердечно и тепло, и неповторимо по-своему... И веришь, что в груди Какимбека Салькова такое щедрое сердце, которое бьется всегда для людей, ради счастья людей.

Генеральный директор ТОО «КарагандаГИИЗ», главный изыскатель Астаны Виктор Никитович Попов говорил мне:

- В Какимбеке Салькове удачно воедино соединились и поэт, и партийный работник. И один дополнял, обогащал другого. А что их объединяло? Конечно же, любовь и уважительное отношение к людям, желание помогать им во всем, открывать верные пути решения самых сложных проблем.

Виктор Никитович вспомнил такой эпизод. Когда он работал в Джекказгане главным инженером отдела КазГИИЗ, то во время бурения на рудничной промышленной площадке ГОКа представители Госгортехнадзора, не разобравшись в деле, опломбировали буровой станок и остановили его работу, так как он бурил трехсотметровую скважину, а по техническому паспорту ему разрешалось бурить до 150 метров. Они не учли, что по рационализаторскому предложению В.Н. Попова этот станок был усовершенствован по согласованию с заводом-изготовителем и тот дал добро на бурение им до 300 метров. К сожалению, Госгортехнадзор не внял объяснениям Попова и остановил работу. Что делать?

Коллеги подсказали В.Н. Попову: «Сходи к секретарю Джекказганского горкома партии Какимбеку Салькову – он тоже человек творческий, поймет тебя, поддержит».

Какимбек Салькович оказался простым, доступным и открытым человеком. Выслушав Попова, он возмутился формальным отношением Госгортехнадзора к рационализатору. Вскоре этот вопрос он вынес на бюро горкома партии, и руководители местного Госгортехнадзора по-

лучили по «строгачу». Усовершенствованный Поповым буровой станок стал бурить до 300 метров.

Однажды, встретившись с поседевшим Какимбеком Салыковым в Астане в культурном Центре Президента, я вспомнил об этом эпизоде. Он оживился:

- Как же, как же... Хорошо помню, как поддержал Виктора Никитовича Попова. Плодотворно работал он в Джекказгане, мы его очень ценили как специалиста...

Судя по всему, ценил Какимбек Салыкович всех людей, кто обращался к нему. И каждому помогал, как мог. В городе Сатпаеве почетный горняк Тулеш Тиев любил рассказывать товарищам, как ему помог Какимбек Салыков в приобретении квартиры для дочери и ремонте собственного старого дома. Для этого привез к нему прямо на рабочее место – отгрузку руды директора Джекказганского рудоуправления Мухита Булужанова и сказал Тиеву:

- Поведай, Тулеш, Мухиту Кульжановичу о своих бедах – он сразу все решит.

Тиев вытащил из пиджака заранее заготовленное заявление Булужанову, и директор сразу подписал его. Все просьбы горняка были выполнены.

Партийного работника, поэта Какимбека Салыкова заметили в Москве, предложили работать в ЦК КПСС. Жаль было ему расставаться с джекказганскими копиями, городом меди, меднорудным краем, которым было отдано около 20 лет! За это время, в основном, было завершено строительство Большого Джекказгана, вступили в строй новые шахты-гиганты, во всю заработал Джекказганский медеплавильный завод... Город металлургов, окольцованный Кенгирским водохранилищем, покрылся парками и цветниками, широкими площадями и высокими памятниками Первостроителям и воинам-сарбазам. Из пыльного заштатного поселка он превратился в подлинную жемчужину Сары-Арки. Все это произошло при крепком участии Салыкова, его заботах о развитии цветной металлургии страны. Он хотел было отказаться от работы в Кремле, но ему сказали:

- Ты – солдат партии, ты должен быть там, где нужен...

Его избрали депутатом Верховного Совета СССР, он стал председателем Комитета по экологии советского парламента. Долгие годы он занимался экологическими проблемами Аральского и Каспийского морей, Балхаша, Восточного Казахстана и Семипалатинского полигона. Под его руководством был разработан «Закон о мерах помощи лицам, пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС».

Около десяти лет проработал Какимбек Салыкович инспектором ЦК КПСС, стал крупным советским политическим деятелем, известным за пределами страны. За большие заслуги перед государством К.Салыков был награжден орденами Ленина, «Дружбы народов», дважды – орденом Трудового Красного Знамени, его имя было внесено в «Большую

Советскую энциклопедию» и «Энциклопедический словарь СССР» (в 1986 году). Москва открыла ему двери всех редакций газет и журналов. Опубликованные в «Правде» подборки его стихов покоряли читателей своим лиризмом, откровенностью и высоким, почти пушкинским настроением. Поэма Какимбека Салыкова «Мгновенье, равное годам», посвященная подвигу Александра Матросова, была удостоена в Москве диплома Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского. За поэму «Эдельвейс» редакция журнала «Огонек» присудила ему премию.

В Москве Какимбек знакомится с поэтической элитой страны. Его поэзия привлекает великолепных переводчиков – знаменитых поэтов России Татьяну Кузовлеву, Римму Казакову, Владимира Михановского, Владимира Савельева и других. Его стихи постоянно печатались в журналах «Дружба народов», «Новый мир», «Звезда». Слава заслуженно приходит к Какимбеку Салыкову как поэту и публицисту.

Но Москва не вскружила ему голову. Прогуливаясь по Александровскому парку, он вспоминает далекие огни Джезказгана, высокие копи шахт, журавлей, летящих над просторами родного Улытау...

*И знойным летом,
И зимою вьюжной
Мне дорог мир горняцких городов.*

*Там терриконы,
Как горбы верблюжьи,
Касаются высоких облаков...*

*Живые горы, молодые горы,
Откуда открывал я все пути.*

*Уйти от вас –
истосковаться скоро.*

*Вернуться к вам –
Вновь радость обрести!*

Поэтому так крепнет связь Какимбека Салыкова с Казахстаном, его людьми. И не только с горняками, но и с поэтами. Помню, в первые годы моего приезда в Казахстан меня почему-то не печатали в республиканских изданиях (незнакомое имя!). Я обратился за помощью к Какимбеку Салыкову, написав ему письмо в Москву. И вот приходит его совет: обратиться в журнал «Простор» к Валерию Антонову, в издательстве «Жалын» к Лидии Степановой, дела обязательно сдвинутся с мертвого якоря. Я так и сделал. Вскоре мои стихи появились в журнале «Простор», а также в коллективных сборниках поэзии. Это уже что-то было!

На вечере в Джездах, посвященном 80-летию основателя музея горного и плавильного дела Макена Торегельдина, я напомнил Какимбеку Салыковичу о моем письме в Москву. Он дружески потрепал меня по плечу:

- Я рад, что ты состоялся.

С легкой руки Какимбека Салыкова состоялись и многие другие писатели Казахстана. Вспоминаю жезказганского поэта Юрия Васильевича Грунина. Было время, его теснили со всех сторон за мрачное прошлое, за плен в Германии, сдачу оружия, за десять лет отсидки в Степлаге. «Он не наш, не советский»- шептали мне со всех сторон в Жезказгане. - Он враг народа, а таких не надо печатать».

Золотое зерно в поэзии Грунина нашел Какимбек Салыков, и поддержал «опального поэта». «Он наш,- твердо сказал о Грунине Салыков и пояснил: он талантливо воспеваает металлургов и горняков Жезказгана, степи и горы, он радуется искренне переменам в нашей жизни. Поэтому он – наш».

И совсем по-другому стали смотреть на Юрия Грунина в Жезказгане. У всех оттаяло на душе, а то по – старинке враг, враг и только... И когда Юрий Васильевич, воодушевленный поддержкой Салыкова, написал роман «Живая собака» и опубликовал его в жезказганской газете «Подробности», Какимбек Салыкович снова поддержал его, выступив с большой статьей «Высота Юрия Грунина» в журнале «Нива».

Мне понятна и любя поэзия Какимбека Салыкова. Человек непорочный, высоких идеалов, он, вернувшись на круги своя в родной Казахстан, опять попадает в пучину кипучих дел на благо культуры и литературы родного края. Из-под его пера выходят новые поэмы, посвященные великим людям Сары-Арки – Абаю, Таттимбету Казангапову, Мухтару Ауэзову, Евнею Арстановичу Букетову... Он читает их с высоких трибун, читает в кругу друзей.

Я встречал Какимбека Салыкова и в Астане, и в Жезказгане, и в Караганде. Огромное впечатление производит на меня чтение им «Реквиема», посвященного Евнею Арстановичу Букетову, замордованному клеветниками – чиновниками высокого ранга... Он читал, как Есенин, скорбя и плача душой, но и возвышенно... Нет, не умирают в памяти людей те, кто отдает им весь жар сердца. Клеветники бессильны перед Мечом Правды, рано или поздно он покарает их, падет на их неразумные головы.

Надо отдать должное Какимбеку Салыкову и за его огромные хлопоты о памяти дорогого нам Каныша Имантаевича Сатпаева. Он добивается, чтобы в Центре Жезказгана установили памятник великому сыну степей. В год 100-летия со дня рождения К.И. Сатпаева он пробивает идею выпуска его восьми томов сочинений.

Какимбека Салыкова назначают руководителем Международного фонда К.И. Сатпаева, и он целиком и полностью оправдывает это доверие.

Дочь великого ученого-геолога, доктор наук Меиз Канышевна Сатпаева мне говорила:

- Не было удачнее кандидатуры чем Какимбек Салыков! Он до самозабвения любил моего папу, хорошо знал Жезказган, Улытау, исто-

рию возникновения шахт и рудников... Он - патриот междурудного края, и в самые тяжкие времена, когда папу преследовали власти, продолжал воспевать его...

Целая серия книг вышла к юбилею академика Сатпаева. Через ко-то годы я вновь услышал по телефону голос Какимбека Салыкова:

- Пиши очерк о Сатпаеве в книгу «Яркая звезда».

Книгу подготовила знакомая нам редактор-поэт Лидия Степанова. Она вышла в издательстве «Гылым» с рубрикой «Академик Сатпаев в воспоминаниях современников» в 2008 году.

Как быстро летит время! Какимбеку Салыковичу исполнилось во-семьдесят лет. Я встретился с ним накануне юбилея в Астане в кафе «Дархан», как договорились, и весь зимний вечер мы проговорили о по-эзии... Для меня стало приятной неожиданностью, что Какимбек Салы-ков не выпускал перо из рук, и постоянно обращался к великому Пуш-кину. Он завершил перевод на казахский язык его поэмы «Евгений Оне-гин» (переводил 25 лет), подготовил рукопись книги «Крылатые слова и афоризмы Пушкина», написал новые стихи о великом зодчем русской поэзии...

*«Я лирой пушкинской согрет,
Недаром ведь сдружил поэт
Родные братские народы.
И породнили с краем край
Его Татьяна, наш Абай,
Объединив над нами своды».*

Прекрасные строки! Труд Какимбека Салыковича давно благослов-лен народом. Свидетельством тому стала и огромная архитектурно-мемориальная композиция - памятник на месте захоронения поэта. Да, да, как ни трудно это писать, ровно год тому назад замечательного поэ-та, человека, гражданина Какимбека Салыкова не стало. На поэтическом небосклоне Казахстана погасла еще одна крупная, неповторимая звезда.

Глава десятая

Его называли батей

Полковник внутренней службы в отставке Георгий Николаевич Князев позвонил мне и сказал:

- Надо бы написать о первом генерале милиции в Джекказгане Мурате Курмановиче Курманове. К сожалению, многие стали забывать об этом замечательном человеке, а зря. Его жизнь была как пламя, он - яркий пример бескорыстного служения Отечеству.

Во время нашей встречи Георгий Николаевич подарил мне пахнущую типографской краской книгу «Мурат Курманов». Оказывается, она была издана к 90 - летию прославленного генерала. Это воспоминания о нем сослуживцев, подчиненных, ветеранов милиции, всего около тридцати статей и заметок. Собрал их и отредактировал Георгий Николаевич Князев, автор проекта, проработавший с Курмановым более десяти лет.

Читая книгу, я сам вспомнил легендарного генерала, ведь неоднократно встречался с ним в Джекказгане то на бюро обкома партии, то на сессиях областного Совета. В то время я работал собкором республиканской газеты «Казахстанская правда» по Джекказганской области. И вот, помню, где-то в июне 1982 года мне позвонил мой друг из города Никольского (ныне Сагпаев) и кричит во всю в телефонную трубку:

- Тебе нужны жарфакты? У нас из следственного изолятора милиции бежали девять арестованных преступников. Один из них по кличке «Гроза» в свое время был приговорен к смертной казни за убийство. Весь город в страхе...

Бегу в областную милицию. Дежурный сообщает: по этому факту уже приняты меры. Сам Курманов (тогда он был полковником) выехал в Никольский, значит, будет полный порядок! И, действительно, уже через два дня беглецы снова были в изоляторе. Причем, убийцу задержал сам Курманов, выбив из его рук выточенный зсками острый нож из стального бруска.

Меня заинтересовал удачливый полковник. Выяснилось, его везение - результат большого опыта жизни. С детства Курманов мечтал стать великим художником, после окончания средней школы в Караганде поступил в Алма-атинское художественное училище... Но тут - война. В военно-пехотном училище его учили при встрече с фашистами всегда задавать себе вопрос: «Кто кого сильнее?» И отрабатывать реакцию на скорый спуск курка, быстрый бросок ножа... На фронте он в первом же рукопашном бою встретился в окопе один на один с немецким офицером. У того в руках был пистолет, а у него штык - нож. Кто кого сильнее? Молодой Курманов на всю жизнь запомнил бледное перекосившееся от боли лицо фрица, когда он штыком проткнул ему грудь. И, работая

уже в милиции после Отечественной войны, Мурат Курманов при встрече с преступниками опять задавал себе тот же вопрос: «Кто кого сильнее?» И всякий раз опережал бандитов, и побеждал.

«Нельзя им, подонкам преступного мира, брать верх над нами,- часто говорил Курманов молодым офицерам милиции, и сам показывал им примеры мужества и ума в ходе борьбы с убийцами и ворами.

Опыт – великое дело! За годы работы в милиции на счет Курманова записаны сотни раскрытых преступлений. Это удавалось ему, как Шерлоку Холмсу, потому что всегда действовал неординарно, хитроумно и неожиданно. Завистники говорили: у него необычная интуиция. Как сказать...

Когда Мурата Курмановича в 1973 году назначили начальником УВД вновь организованной Джезказганской области, он сразу обратил внимание на то, что в вверенном ему регионе довольно вольно чувствуют себя скотокрады. Особенно увеличиваются случаи краж лошадей и коров холодной осенью, поближе к «согыму». А стационарные посты ГАИ «дремлют», скотокрады объезжают их со всех сторон, предпочитая сельские грунтовые дороги. И вот Курманов принимает единственно правильное решение: создать круглосуточные передвижные посты, чтобы перекрыть все проселочные дороги, которые ведут в большие города. Результаты не замедлили себя ждать – уже на второй день на перекрестке степных дорог был остановлен «Москвич», в багажнике которого милиционеры нашли тушу только что украденной лошади. Конокрадом оказался механик городской автобазы. В его доме провели обыск и нашли еще четыре шкуры лошадей.

Десятки скотокрадов тогда были арестованы на глухих дорогах области. Обо всех этих случаях сообщали местные газеты и телевидение. В результате кражи скота прекратились. Директор совхоза имени Амангельды Иманова Алипбек Бекетаев мне рассказывал, что руководители хозяйств намеревались за это отблагодарить Курманова, подарить ему белого коня. Но он только замахал руками:

- Что вы, друзья! Это мой служебный долг - убирать из общества нечисть...

Надо сказать, в те годы я постоянно встречался с разными людьми области. И нередко у нас заходил разговор о генерале Курманове. Тогдашний председатель Джезказганского облисполкома Камза Бижанович Жумабеков уважал Мурата Курмановича и за дар сыщика - милиционера, и за созданные в новой области структуры УВД. Курманов у Жумабекова был всегда почетным посетителем, ибо приходил только по делам. Мне Камза Бижанович сказал, что благодаря энтузиазму, инициативе Мурата Курмановича в молодой тогда еще области в короткие сроки были построены новые административные здания управления, Жанаркинского, Шетского, Улытауского ОВД, 50 – квартирный дом для сотрудников в городе Джезказгане. Все офицеры и рядовые Джезказганского гарнизона были обеспечены квартирами. Курманов добился, что-

бы для работников милиции в областном центре построили поликлинику с госпиталем, оснастили их современной медтехникой, стрелковый тир при УВД, зону отдыха на берегу Кенгирского водохранилища. На базе исправительно-трудовой колонии в Каражале он создал подсобное хозяйство, которое обеспечивало свежим мясом и молоком все столовые УВД области.

Сам подтянутый, как говорится, всегда в форме, Курманов требовал от подчиненных, чтобы они также выглядели молодцевато, по – богатырски. Для этого поднимал престиж спортивного общества «Динамо». Все работники милиции сдавали нормативы служебно-спортивного комплекса. Полковник полиции в отставке Владимир Александрович Бузук в книге «Мурат Курманов» вспоминает, что генерал призывал всех подчиненных вести здоровый образ жизни, заниматься физкультурой и спортом, всячески поощрял разрядников и мастеров. Когда В.А. Бузук на чемпионате МВД СССР во Львове по самбо завоевал бронзовую медаль, Курманов вручил ему денежную премию, а также ключи от новой квартиры.

Он любил поощрять особо отличившихся подчиненных, представлять к наградам, присвоению более высокого звания. Среди его учеников было немало замечательных талантливых офицеров милиции. К таковым можно отнести, например, бывшего начальника УВД Карагандинского облисполкома, генерала-майора милиции Владимира Петровича Шумиленко (ныне покойного). Во время встречи со мной в марте 1990 года он высоко отозвался о своем старшем товарище Мурате Курманове.

- Мы называли его уважительно «батей», - говорил Владимир Петрович. - Я долгое время работал с ним в Караганде бок о – бок, и скажу вам: ему всегда была понятна, как говорил Маяковский, «теплота любви, друзей и семей».

Когда в 1981 году за обезвреживание банды «Волчья стая» Корольчука меня наградили медалью «За отличную службу», он позвонил мне из Джекказгана: «Безмерно горжусь тобой, сынок. Так держи нашу марку и дальше».

У нас была разница в возрасте 25 лет, он имел право так сказать, ведь это он учил меня работать в уголовном розыске, охотно передавал мне опыт поиска и обезвреживания преступников. Причем, сам показывал личный пример, не раз и не два надевал наручники на убийц и наркоманов.

Шумиленко особо отметил богатый организаторский талант М.К. Курманова. Будучи заместителем начальника УВД Карагандинской области, Мурат Курманович немало сделал для привлечения общественности к борьбе с преступлениями, организации народных дружин и бригад содействия милиции, товарищеских судов. Этот опыт он использовал, став начальником УВД Джекказганской области. Народные дружины Джекказгана не раз ставили в пример на республиканском уровне. А

подвиг народного дружинника, слесаря Николая Филипповича Казакова, ценой собственной жизни задержавшего преступника – рецидивиста, был отмечен орденом «Красной звезды».

Немало сил отдавал Мурат Курманович подъему сельского хозяйства и освоению целинных земель в нашем крае. Во всех весенне-полевых работах, а также на уборке урожая участвовали сотни работников милиции. Как заместитель начальника УВД Карагандинской области Мурат Курманов курировал эти вопросы, поэтому часто бывал в хозяйствах. Как-то приехал он в Нурунский район, в совхоз имени Пржевальского. Директор совхоза Я.Я. Шмидт сразу заволновался, надо высокое начальство угостить богатым достарханом. Узнал об этом Мурат Курманов и говорит своему помощнику:

- Пусть директор не беспокоится, мы, солдаты, будем есть то, что едят простые хлеборобы...

И он присел на полевом стане к столу участников жатвы, вместе с ними хлебал простой борщ, ел черный хлеб... А главное – узнавал, в чем они нуждаются, что тормозит проведение жатвы в срок. А затем добивался исполнения их замечаний, и на полевые станы вовремя привозили нужные запчасти к комбайнам, спецодежду для водителей сельхозмашин.

Около тринадцати лет М.К. Курманов возглавлял УВД Джезказганской области, и ни разу не отказывал в оказании шефской помощи сельчанам, посылая на самые трудные участки весеннего сева и жатвы хлебов самых добросовестных водителей УВД, необходимую технику. Он любил говорить о том, что надо делать все зависящее для того, чтобы милицию не боялись, а уважали. И поэтому коллектив УВД Джезказганской области откликнулся и на беды в Чернобыле, Армении, Семее, перечисляя в фонд милосердия десятки тысяч рублей, сдавая кровь для пострадавших.

В работе с людьми Мурат Курманович всегда придерживался правила: доверяй, но проверяй, а потом опять доверяй... Используя этот принцип, он многих в милиции поднял на ноги, дал им большое дыхание. Глядя на него, и ближайшие его помощники также поступали. Георгий Николаевич дал мне свои воспоминания о полковнике Евгении Петровиче Логвинове. Он был ближе всех к Курманову, ибо работал на посту его первого заместителя, при необходимости замещал Курманова. Г.Н. Князев написал: «Е.П. Логвинов также, как и мои коллеги А. Филиппенко, Д. Адамбеков, относились к людям очень заботливо, бережно и трогательно. Мурат Курманович как бы объединял нас всех. И между нами всегда были согласие, взаимопонимание и единодушие при решении всех служебных вопросов. Мы даже дружили семьями».

Во время войны, когда М.К. Курманов командовал на фронте взводом, во главе роты стоял отважный офицер М.М. Третьяк, который в послевоенное время получил звание генерала армии. Мурат Курманович

тепло поздравил его с этим событием. А в ответ получил телеграмму: «Дорогой Мурат! Ты тоже будешь генералом»...

Курманов никогда не мечтал быть генералом. Он просто честно и добросовестно работал в милиции - оперуполномоченным в Сарани, начальником отделения уголовного розыска в Темиртау, начальником уголовного розыска УВД Карагандинской области, заместителем начальника УВД Карагандинской области. Должности менялись, но суть работы оставалась одна: непрерывная и безжалостная борьба с преступниками. Курманов порой походил на начальника УГРО в исполнении Высоцкого в своем стремлении убрать «накипь общества». Но был, конечно же, куда спокойнее и мудрее героя фильма «Место встречи изменить нельзя».

Да, спокойствие не покидало его даже, казалось, в самые критические моменты жизни. Никогда он не кричал на подчиненных, не бил себя взволнованно в грудь или по столу, а брал в руки мольберт и кисть и рисовал... Мурат Курманович вспоминал свое детство в Каркаралинске, где родился, веселые, полные берез и сосен скалы, беспокойную речку Каркаралинку и добрые руки матери, несущие по утрам сыну кусок хлеба и пиалу кумыса... Эти воспоминания питали его силу воли, возвращали к суровой действительности, в которой хватало воров и наркоманов, убийц и насильников. «Нет, рано еще заниматься художественным творчеством, - говорил он себе. - Преступный мир еще дышит, не дает покоя мирным законопослушным гражданам». И Мурат Курманович откладывал в сторону мольберт с кистью и вновь принимался за будничные и трудные дела...

Как и предполагал однопольчанин М.М. Третьяк, за большие заслуги перед Родиной по обеспечению безопасности граждан, активное участие в Великой Отечественной войне М.К. Курманову было присвоено высокое звание генерал-майора милиции. Надо было слышать радостные голоса его подчиненных, когда весть об этом пришла в Джекказган. М.К. Курманов стал первым генералом в Джекказганской области!

Сегодня о большой титанической работе в милиции генерала М.К. Курманова рассказывают его современники, соратники в новой книге. Они же с гордостью сообщают о том, что в Джекказгане одна из центральных улиц названа его именем.

Что сказать по этому поводу? Видимо, только одно: велика память о великих людях.

Глава одиннадцатая

Люди с чистой совестью

Любого полковника издалека видно по погонам с тремя звездами и выправке. Но когда по улицам города идет Георгий Николаевич Князев, то в его походке ощущается что-то свободное, вольное, возвышенное и весеннее. Он как бы хочет сказать: «Дайте мне слово, и я Вам почитаю чудесные стихи. Вы ведь любите книги?»

Георгию Николаевичу Князеву уже исполнилось 77 лет. Но в его жилах течет молодая кровь, ибо он считает, что любовь к книгам, доброму писательскому слову продлевает жизнь человеку, делает ее более интересной, осмысленной. И он мне говорит:

- Я благодарен судьбе за то, что она послала мне дружбу с прекрасным человеком, страстным любителем литературного слога Леонидом Давыдовичем Фонаревым. Как золотые зерна, перебирал он слова и фразы Горького, Паустовского, Рождественского, учил нас с чувством, тактом, внятно доносить их до сердец слушателей...

Кто же такой Леонид Давыдович Фонарев? Это был большой мастер слова, актер художественного чтения, толковый организатор самодеятельности. Он никогда не был печален, дружелюбно улыбался, ибо судьба дала ему светлую силу любви к жизни.

Леонид Давыдович получил специальное образование в театральной студии Харьковского губоно, где преподавали довольно известные педагоги М.М. Тарханов, И.А. Хворостов. Окончив студию, он получил профессию педагога по технике речи и сценическому мастерству. Затем совершенствовал свое мастерство под руководством народного артиста СССР И.А. Марьяненко. Иван Александрович 35 лет проработал в Украинском театре имени Т.Г. Шевченко, его учителями называли М.Л. Кропивницкого, Н.К. Садовского. Он сам был профессором Харьковского института театрального искусства. И он охотно учил Фонарева правильному, изящному слововыражению, игре на сцене.

И тут мне хотелось бы отметить, что Леонид Давыдович достиг таких вершин мастерства, что вскоре сам стал учить молодежь. В Харькове он создал в клубе «Молодой большевик» первый в Советском Союзе театр рабочей молодежи («Терамбол»). В Украинской государственной филармонии организовал профессиональный Ансамбль художественного слова. Кроме того, он читал лекции по выразительному чтению в Харьковском библиотечном институте. Позже Леонид Давыдович стал участником Первого Всесоюзного конкурса мастеров художественного слова в Москве.

Но в 1941 году его арестовали, кажется, за анекдоты о Сталине, от-

правили в Степлаг. После освобождения в Харьков не пустили, а любезно предоставили ссылку в Караганде. И здесь он с первых дней пребывания в шахтерском городе устраивается методистом облуправления культуры и сразу берется за воспитание культурной речи у молодых, учит их любви к художественному чтению, ярко звучащему живому слову. Друзья из Харькова выслали ему граммофонные записи выступлений Валерия Брюсова, Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Демьяна Бедного. И, ставя пластинки, он восклицал:

- Вот у кого учитесь, как надо читать стихи, как надо беречь родниковую чистоту языка, и доносить все это сердечно людям...

Уже тогда Леонид Давыдович Фонарев мечтал о создании в Караганде Института живого языка (оказывается, существовал такой в России и СССР до 30-х годов). Но что не удалось сделать, то не удалось! Зато он организовал в Караганде при областной библиотеке имени Гоголя студию художественного слова, которая переросла в молодежный литературный театр.

Георгий Николаевич Князев мне пояснял:

- Повезло Караганде, что ветер судьбы занес к нам сюда из Харькова этого обаятельного, интеллигентного человека. Тогда о культуре речи в шахтерском городе никаких мыслей быть не могло... Всюду – мат, грязь и смрад, как писал Солженицын. И вдруг («я помню чудное мгновенье») – впервые заговорили со слов Фонарева о Пушкине, Лермонтове, Горьком, о чистоте и высоком предназначении русского языка. Он нес молодым любовь к литературе, культурному слову с такой силой, что вскоре у нас перестали возводить мат в средство общения людей.

Князев передал мне в черновом варианте свое первое выступление, санкционированное Леонидом Давыдовичем, - «Любите книгу» (по повести А.М. Горького «В людях»). Читал он горьковский текст так выразительно, эмоционально, что на глазах многих зрителей выступали слезы. А когда с пафосом произносил слова: «Любите книгу – источник знаний! Она обогатит ваш жизненный опыт, она поможет вам разобраться в сложной путанице жизни», то громкие аплодисменты сотрясли Дворец культуры горняков.

В сентябре 1960 года на городском конкурсе молодых чтецов Георгий Князев завоевал первое место, получив ценный подарок и грамоту городского управления культуры. Ему присудили все это за упомянутую литературную композицию «Любите книгу», ее актуальность. В то время, действительно, интерес к книгам проявляли только студенты да и те, окончив вузы, отбрасывали прочь литературу. Им, казалось, что «с нас хватит, почитали-помучались и точка!» Но учиться-то надо всю жизнь, если хочешь достичь профессионализма и душевного богатства. И в этом деле книга – первая и неперемнная помощница. Во всяком случае так наставлял молодых Леонид Давыдович, и он был прав.

Князев до сих пор признателен Фонареву за то, что приобщил к книжному миру, устному творчеству. Ведь вслед за книгами Максима

Горького Георгий взялся за создание литературных композиций по произведениям Пушкина, Серафимовича, Маяковского, а позже – Роберта Рождественского. Я удивился, когда он показал мне огромные афиши о литературных концертах, спектаклях, просто чтениях, проводимых молодежным литературным театром-студией Фонарева. Одна из них извещала о театрализованном концерте, посвященном творчеству Тараса Григорьевича Шевченко, под названием «Слово Правды». И тут же шло перечисление всех чтецов, местных поэтов, кто принимал участие в литературном концерте. Рядом с именем нашего собеседника Г. Князева упоминались студийцы А. Бейдер, Л. Телешенко, И. Тишмагамбетов, А. Фокин, Л. Ястребова, В. Ефанов, А. Галкина, Н. Валитов, Л. Нестерук и другие. Указывалось имя художественного руководителя Л.Д. Фонарева.

Другая афиша извещала о том, что «сегодня 19 июня 1955 года в парке культуры и отдыха имени 30-летия ВЛКСМ состоится литературный вечер, посвященный творчеству А.М. Горького». И опять – подробно программа, кто участвует... А вот очередное приглашение на литературный вечер, посвященный 70-летию со дня рождения великого казахского поэта Сакена Сейфуллина. Это уже в голубом зале Дворца культуры горняков. «Песни борьбы» - так назвали это мероприятие участники молодежного литературного театра-студии под руководством Л.Д. Фонарева.

Я смотрел на эти афиши-приглашения и думал: куда же все это исчезло? Почему в нашем городе сегодня не слышно художественных чтецов, местных поэтов? Почему афиши извещают только о «залётных птицах» из Москвы, Алматы? Неужели в Караганде перевелись литературные таланты, чтецы? Неправда это! Все дело в косности местных чиновников, их нежелании работать с творческими людьми. Дальше хозяйств у них фантазии нет... И зеленая скука одолевает наши библиотеки, парки и Дворцы... Да, нет уже таких энтузиастов культуры как Л.Д. Фонарев и его подопечные, а вместе с их уходом ушли и славные дела по культурному возрождению Караганды, воспитанию новых поэтов и чтецов художественного жанра...

И напрасно! Тот же Георгий Николаевич Князев немало рассказывал мне о благотворном влиянии Леонида Давыдовича, его театра на людей. Именно Фонарев привил ему любовь к книгам, искусству, поставил ему голос и культуру речи. И это все очень пригодилось Князеву во время работы в горкоме и обкоме комсомола, а он был там инструктором отдела пропаганды и агитации, заведующим сектором по культурно-воспитательной работе. Тогда ему приходилось часто бывать на ударных комсомольских стройках – Казахстанской Магнитке, Топарской ГРЭС, выступать перед молодежью и организовывать культурно-массовые мероприятия. Его деятельность в комсомоле была высоко оценена – Г.Н. Князева удостоили высшей комсомольской награды «За активную работу в комсомоле», почетными грамотами ЦК ВЛКСМ и ЦК ЛКСМ Казахстана, обкома комсомола.

Уроки Леонида Давыдовича Фонарева по культуре речи, поведению, психологии Георгий Николаевич часто вспоминал и на службе в органах внутренних дел Карагандинской области. А ему приходилось быть инструктором, старшим инструктором по политико-воспитательной работе УООП, заместителем начальника ОВД Советского райисполкома, начальником отделения по делам несовершеннолетних отдела уголовного розыска УВД. В январе 1973 года его назначили на должность инструктора отдела административных органов Карагандинского обкома партии, он курировал деятельность всех правоохранительных структур области. А в 1975 году Г.Н. Князева направили в Джезказган заместителем начальника УВД Джезказганского облисполкома по кадрам. И тут он проработал около 13 лет. Его всюду уважали за начитанность, высокую культуру поведения и речи, душевное отношение к людям. Очень многое он сделал для становления милиции в новой области, ее эффективной работы, воспитания людей. Он создал в милиции замечательную художественную самодеятельность, драматические кружки. Во время службы Георгий Николаевич Князев был награжден медалями «За безупречную службу» всех трех степеней, «За отличную службу по охране общественного порядка», «50 лет Советской милиции», «За доблестный труд», «Ветеран труда», грамотой исполкома Джезказганского облисполвета народных депутатов, знаками «Отличник милиции», «За безупречную службу в МВД», «Отличный пропагандист МВД СССР». Позже как активист ветеранского движения он был награжден знаками «15 лет казахстанской полиции», «20 лет казахстанской полиции», «Почетный ветеран МВД РК», медалью «20 лет Независимости РК». Так что, даже уйдя в отставку, Георгий Николаевич не порвал с милицией. Его избрали заместителем председателя областного Совета ветеранов ОВД, и он более 15 лет занимался общественной работой. Немало он сделал по увековечиванию достойных людей милиции, руководя музеем истории боевой и трудовой славы ОВД. В 2012 году по его инициативе и при активном авторском участии была издана книга воспоминаний о бывшем начальнике УВД Джезказганской области, генерал-майоре милиции, участнике Великой Отечественной войны Мурате Курмановиче Курманове, с которым он проработал бок-о-бок более десяти лет. А еще раньше в 2008 году он был инициатором создания сборника «Надежный щит Сары-Арки (страницы истории органов внутренних дел Карагандинской области)».

Словом, можно смело сказать, что Леонид Давыдович Фонарев воспитал в лице полковника Князева достойного гражданина общества, преданного идеалам человека. Даже сегодня во сне Георгий Николаевич видит своего далекого наставника, слышит, как тот читает ему прозу Максима Горького, стихи Владимира Маяковского, вразумляя интонациям в каждом слове... «Из золотых зерен рождается хлеб, - говорит он, - из драгоценных слов душа человека. Помни об этом, Георгий!»

Немало у нас еще забытых ярких страниц истории развития Кара-

ганды. Одна из них – это становление и расцвет литературного театра-студии, которым руководил человек удивительной судьбы, мастер живого художественного слова Леонид Давыдович Фонарев. Наверно, не мешало бы его опыт работы с молодежью использовать и сегодня.

Мне много раз приходилось встречаться в Караганде с Георгием Николаевичем Князевым. Знал я его еще по Джекказгану, когда он работал там заместителем начальника УВД облисполкома по кадрам. Однажды он дал команду пригласить меня в конференц-зал здания управления, чтобы я как писатель поздравил всех работников с днем милиции и почитал им свои стихи, что и было сделано.

Именно тогда я впервые услышал много хорошего о Князеве, его умении работать с людьми, растить кадры. Многие офицеры милиции были благодарны ему за добрые советы по службе, за новые звезды на погонах, награды. Среди них можно назвать, например, Ивана Николаевича Голикова, который прошел большой путь от рядового милиционера до первого руководителя областного управления, от сержанта – до полковника. Начал он свою карьеру в милиции в Каражале рядовым милиционером в октябре 1973 года. И вскоре начальник Каражальского горотдела милиции М.Г. Габбасов настоял, чтобы его назначили на должность инспектора уголовного розыска, мол, у него особое чутье на преступников, как у Шерлока Холмса, врожденное умение распутывать сложные клубки преступлений. Не прошло и четырех лет, Габбасов требует назначить Голикова старшим инспектором уголовного розыска. В своих мемуарах, адресованных мне, Князев пишет: «Кто-то из моих коллег при разговоре высказал сомнение, справится ли он с такой работой, мол, не имеет высшего юридического образования да и физически не выглядит богатырем, мал росточком. Но я уже хорошо знал его – трудолюбив, настойчив, честен. Он самостоятельно работал над расширением своего кругозора, увеличением знаний, изучал специальную юридическую литературу. И у меня невольно из уст вырвалась фраза: «Мал золотник да дорог». Наш шеф Мурат Курманович Курманов поддержал меня и добавил: «Этот паренек со временем далеко пойдет, будет сидеть на моем месте».

И Голикова назначили старшим инспектором уголовного розыска в Каражале. Князев посоветовал ему поступить в высшую школу милиции, чтобы стать юристом большой квалификации. Голиков так и сделал, позже он будет благодарить всю жизнь Георгия Николаевича за дельный совет. Потому что после окончания высшей школы МВД его сразу выдвинули на руководящую работу – заместителем начальника Никольского ГОВД, затем – начальником милиции в Каражале, затем – заместителем начальника УВД области. Он дошел до должности начальника Управления Государственного Следственного Комитета по Джекказганской области.

И этот пример воспитания молодых в жизни Князева был не единственным. Георгий Николаевич любил выдвигать людей на руководящие

должности, воспитывать в них чувство высокой ответственности за порученное дело, любовь к профессии милиционера. За время службы в Джезказганском УВД он подготовил из резерва кадров около 30 сотрудников на более высокие должности. Восемь из них впоследствии стали заместителями начальника УВД - это К. Кишпакбаев, Ж. Ауқенов, А. Штукерт, И. Голиков, А. Мухатаев, В. Пушкaш, Б. Шалкибаев, К. Ураков, а Е.Р. Бульгужанов заслужил звание генерал-майора милиции, работал начальником УВД Атырауской и Павлодарской областей. Многие из воспитанников Князева до сих пор пишут ему, поздравляя с днем рождения, праздниками.

Но у полковников, как и у всех обычных людей, дорога жизни не бесконечна, пришла пора Князеву уходить на пенсию, расставаться с погонами и серой шинелью. И только переехал из Джезказгана в Караганду, как его вызвал мэр города Шаймерден Уразалинов.

- Помоги, Георгий Николаевич, с организацией городского архива, дела с этим никак не ладятся.

Семь лет отдал архиву Князев, навел там порядок. Опять засобирались было на заслуженный отдых, а его вызывают в УВД области:

- Пойдешь начальником нашего музея?

Что делать? «Покой нам только снится», - произнес Князев вслух, вспомнив стихи Николая Заболоцкого.

С другой стороны, он даже обрадовался этому предложению, ведь музей - живая работа с людьми, не архивная пыль...

Словом, 17 октября 2002 года Георгия Николаевича Князева назначают начальником Музея истории боевой и трудовой славы карагандинской полиции. Прежде на этой должности целых двадцать три года находился ветеран Великой Отечественной войны Иван Алексеевич Васильев. Именно он, опираясь на энтузиастов, в 1981 году организовал музей, который позже неоднократно награждался дипломами Министерства культуры СССР. Надо отдать должное Ивану Алексеевичу - музей находился в отличном состоянии, в нём было представлено более 600 экспонатов. Но возраст взял свое, давно Васильев подыскивал себе преемника, и в конце концов остановился на кандидатуре Князева. Ему-то он и передал в торжественной обстановке свою указку экскурсовода, а также ключи от музея, что и зафиксировали на снимке местные фотографы.

Георгий Николаевич никогда к славе не стремился, но, подобно Данко, хотел приносить пользу людям до конца дней своих, нести им свет любви и культуры. Не раз и не два вспоминал он своего наставника в юности Леонида Давыдовича Фонарева, который учил его ораторскому искусству, педагогике общения с людьми, умению организовывать различные мероприятия по воспитанию патриотизма у молодых. То было время больших строек коммунизма, на которых выступала со своими концертами литературно-театральная студия Караганды великого ма-

стера художественного слова Леонида Давыдовича Фонарева, активистом которой долгие годы состоял Князев.

И, работая начальником музея, Георгий Николаевич очень многое сделал для воспитания молодых милиционеров, увековечивания памяти ветеранов органов внутренних дел. Он дважды составлял и выпускал фотоальбомы – буклеты, посвященные участникам ВОВ. В них прозвучали имена более 100 фронтовиков. Георгий Николаевич неоднократно встречался со многими из них, уточнял их боевые биографии, и прекрасный мир людей с чистой совестью открывался перед ним.

Он до сих пор дружит с полковником милиции в отставке, ветераном ВОВ Константином Ивановичем Барановым. В мае тот отметил 91 год. Это – уникальной судьбы человек. Во время Великой Отечественной войны он был бойцом партизанского отряда «Мститель» в белорусских лесах. После освобождения Белоруссии сражался за родную землю в рядах Красной Армии. Его ратные подвиги были отмечены орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией».

В органах внутренних дел Константин Иванович прослужил более 20 лет, вырос до заместителя начальника следственного отдела УВД Жезказганской области. Как лучший работник он был занесен в юбилейную книгу Почета МВД СССР. Когда его чествовали на 90-летию, он танцевал, пел песни боевых лет, как в годы военной юности у партизанского костра. Будто груз прошедших десятилетий и не тронул его.

Интересными получились рассказы об участниках ВОВ – майоре милиции Жунусе Абдрахманове, полковнике милиции Мукане Балапанове, сержанте Павле Барсамове, старшине милиции Василии Бриткове, полковнике Николае Волдыреве, подполковниках Григории Дорошенко, Владимире Заикине, прапорщике Василии Крышине... И не только мужчины уходили на фронт, в рядах Советской армии сражались за правое дело и многие женщины. Старшина милиции в отставке Мария Алексеевна Григорьева в конце 1942 года написала заявление в военкомат: «Прошу принять меня добровольцем в Красную Армию, чтобы бороться с врагом». Пройдя обучение в школе молодого бойца, она попала на Калининский, затем на Белорусский и Прибалтийский фронты, служила связисткой в стрелковой дивизии, затем телефонисткой. Прошла боевой путь от Калинина до Кенигсберга, в 1944 году за освобождение Витебска была награждена медалью «За боевые заслуги». А подполковник милиции Дора Ивановна Луценко в годы войны служила в особом отделе НКВД 10 резервной Армии, затем в отделе контрразведки «Смерш» 5 и 11 Армий Белорусского фронта. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

В 2007 году ДВД издает второй фотоальбом, посвященный ветеранам-сотрудникам органов внутренних дел, которых уже нет в живых. В альбоме Князев собрал фотографии и рассказы о 90 участниках войны. Среди них орденами Отечественной войны 1 и 2 степени были

награждены 40 ветеранов, Красной Звезды – 31, Красного Знамени – четыре, Трудового Красного Знамени – два человека. Орден Славы 3-й степени получили четыре ветерана-сотрудника МВД.

Это огромный и бесценный труд! Как и альбом памяти, выпущенный в 2008 году, с подробным описанием сотрудников милиции, погибших при исполнении служебного долга в борьбе с преступностью. В честь многих из них сегодня в Караганде названы улицы, а в сквере у здания департамента внутренних дел по улице Ерубаяева им сооружён памятник. В том же 2008 году в издательстве «Классик» - «Арко» выходит книга «Надежный щит Сары-Арки» о доблестных страницах истории органов внутренних дел области под общей редакцией генерал-майора полиции К.О. Кожаметова. Наш Князев выступает в качестве редактора-составителя, опять внося достойный вклад в развитие книгоиздательства области, воспитание патриотизма в молодых.

Книгу «Надежный щит Сары-Арки» высоко оценивает прежний аким Карагандинской области, доктор политических наук Нурлан Нигматулин. Обращаясь к читателям, он пишет: «Книга, которую вы держите в руках – необычная. Она рассказывает о богатой истории органов внутренних дел области, о героических людях. Мы гордимся ими – настоящими профессионалами, достойно выполнявшими свой служебный долг».

Георгий Николаевич подарил мне эту книгу, написав: «Уважаемому Валерию Михайловичу в знак дружбы и дальнейшего сотрудничества от автора идеи и редактора-составителя Г.Н. Князева». При этом он не забыл мне сказать, что над книгой усердно работали журналист Светлана Коханова и особенно полковник Виктор Васильевич Горецкий, бывший начальник Центра правовой статистики и информации при прокуратуре области. Я хорошо знал этих замечательных людей, много сделавших для духовного развития области, и порадовался, что Князев дружен с ними, всегда привлекал их к созданию новых книг, фотоальбомов, буклетов по работе местной полиции.

Нынешний начальник музея Айна Бекишевна Айтжанова мне говорила о Г.Н. Князеве:

- Георгий Николаевич внес не одну живую струю в работу музея. Опережая время, он превратил его из холодного хранилища документов, экспонатов в теплое место встреч людей. Посетители могли окунуться не только в историю местной милиции, но и в культуру. Я тогда работала руководителем клуба УВД, и мы вместе с Георгием Николаевичем провели немало праздников, вечеров, торжеств в музее, привлекая к ним художественную самодеятельность клуба, хор полка патрульной полиции. Сам Георгий Николаевич великолепно читал по памяти произведения писателей России и Казахстана. Помню, бывший председатель областного совета ветеранов УВД А.И. Зайцев давал высокую оценку работе Князева в музее. Он говорил, что Георгий Николаевич читает сти-

хи и монологи так проникновенно, живо, как будто перед нами настоящий Василий Теркин.

К большой удаче Георгия Николаевича Айна Бекишевна относит его идею о проведении в музее вечеров - портретов выдающихся людей милиции и полиции, встреч с ветеранами войны и тыла.

- Их осталось так мало,- говорил всем Г.Н. Князев.- И пусть они на встречах с молодыми заговорят, ведь это последние живые свидетельства о ратных подвигах наших отцов. Их рассказы надо записывать, чтобы в дальнейшем использовать для научно-публицистической работы, издания книг.

По сути, Георгий Николаевич создал и собрал огромную видео и фототеку многочисленных мероприятий, проводимых в музее, записал голоса живых ветеранов. Позже на основе этих материалов он создал и выпустил фотоальманах о музее, который до сих пор является единственным путеводителем по годам истории становления и развития карагандинской полиции. Так, из него узнаешь, что первым начальником карагандинской городской рабоче-крестьянской милиции был майор Александр Григорьевич Мелкунов. С марта 1932 по декабрь 1935 года он, работая в Караганде, отличился в борьбе с преступниками, за что благодарные горожане наградили его белой кавалерийской лошадью. В музее представлены документы А.Г. Мелкунова, именной револьвер. Здесь же скульптурная композиция, изображающая первого начальника милиции города на белом коне. Работники музея записали его воспоминания на магнитофонную ленту, и каждый кто пожелает, может сегодня послушать взволнованный голос легендарного милиционера, рассказывающего о пламенном прошлом. А вот экспонаты, связанные с именем подполковника внутренней службы Ефима Сергеевича Афанасьева. Он проработал в народной милиции с 1918 по 1950 годы. В музее хранится его награда – серебряный портсигар с надписью «За преданность делу пролетарской революции». Портсигар был выдан ему вместе с грамотой в бывшей столице Казахской ССР городе Кызыл-Орде. Тут же карманные часы, выданные Е.С. Афанасьеву «за блестящее выполнение задания правительства Союза от коллегии ОГПУ».

Еще один шаг в историю, и перед нами удостоверение, записная книжка и авторучка, принадлежавшие бывшему оперуполномоченному уголовного розыска Осакаровского РОВД, старшему лейтенанту милиции Беслану Аушеву. В августе 1985 года при задержании особо опасного преступника сердце Беслана защитила от пули эта металлическая ручка. И он бы остался жив, если бы не последующие три выстрела бандитов в грудь.

А вот еще один интересный экспонат – памятный вымпел Олимпиады-80 с медалью, выданный нашим милиционерам за то, что отлично охраняли порядок и спокойствие в Москве, на стадионе. На имя местных руководителей тогда пришла благодарственная телеграмма от самого министра МВД СССР Щелокова: «Примите благодарность милицио-

нерам Караганды. Они сделали все для того, чтобы игры в Москве стали наиболее значительным и ярким явлением за всю историю олимпийского движения». Эта телеграмма тоже хранится в музее. Правда, фамилию Министра на ней пришлось заклеить, ибо Щелоков одно время попал в опалу.

Когда я сказал Айне Бекишевне, что хорошо знаком с фотоальманхом Князева, Айна Бекишевна провела для меня небольшую экскурсию по залам музея. А затем сказала:

- Теперь вы убедились, что в фотоальбоме все отражено правдиво, по уму и совести.

Она познакомила меня с книгой отзывов посетителей. И тут я узнал, что за период деятельности музея его посетили около тридцати тысяч человек, в том числе делегации США, КНР, Кубы, Монголии, Афганистана... С опытом работы музея знакомились представители УВД всех областей республики. В книге отзывов посетителей они отмечают не только ценные экспонаты, книги, но и массово-политическую работу музея, проводимую Князевым и его коллегами. И это так. К примеру, республиканская газета «На страже» в номере от 27 февраля 2003 года рассказала о вечере-портрете участника Великой Отечественной войны, полковника в отставке Ивана Романовича Овсиенко. Он прошел боевой путь от Москвы до Вены, был трижды ранен, отмечен 31 наградой. О нем впервые упомянул в своей повести «Горячий снег» писатель Юрий Бондарев. Дивизия, в которой служил Иван Овсиенко, была под Котельниково окружена фашистскими танками, но не сдавалась. Батарея уничтожила восемь танков, подбила пять. Закончились боеприпасы, но артиллеристы орудия не покинули, уничтожали эсесовцев гранатами и пулями из личного оружия. Они сражались до тех пор, пока не были раздавлены фашистскими «Тиграми». Из 36 бойцов в живых осталось только четверо тяжелораненых, среди них Иван Овсиенко. За ратные подвиги он был отмечен не только отечественными наградами, американцы наградили его медалью «Бронзовая звезда».

Надолго запомнился молодым полицейским вечер – встреча с подполковником в отставке Василием Никитовичем Елфимовым. На лацканах его парадного костюма 25 наград, большинство из них он заслужил, сражаясь на фронтах от Кавказа до Берлина. Давая отчет о чествовании ветеранов ВОВ в музее, газета «Криминальные новости» 25 апреля 2003 года писала:

- Война – страшная вещь,- сказал ветеран, - в окопах от усталости и изнеможения не раз мелькала мысль: «Хоть бы ранило, зацепило немножко, чтобы в госпитале отдохнуть от крови и пота...»

Но, то ли судьба хранила бойца, то ли оправдалась поговорка, что храбрых пуля не берет, только все два с половиной года Василий Никитович отвоевал без единой царапины. Форсировал Днепр, Буг, Днестр, освобождал Варшаву, брал Берлин.

- Над рейхстагом уже красный флаг развевался, а мы, бойцы пятой

ударной армии, вели ожесточенный бой у рейхканцелярии, - вспоминал Василий Никитович. – Чтобы окончательно морально сломить гитлеровцев, решили незаметно пробраться к зданию и водрузить знамя. Однако каждое окно, каждый выступ укрепленного помещения оцетинились дулами автоматов и пулеметов. Погибло немало товарищей. И все-таки кумачовое полотнище на последнем фашистском оплоте русские солдаты водрузили. Елфимов с двумя такими же смельчаками, как он сам, привязали его к ограде канцелярии.

Демобилизовавшись в 1947 году, Василий Никитович какое-то время находился на партийной работе. Но очень скоро сменил серую солдатскую шинель на форменное обмундирование работника внутренних дел. 20 лет безупречной службы на одном месте, в одном отделе. Елфимов по праву снискал уважение и почести своих коллег.

Памятны сотрудникам полиции встречи с участниками битвы на Курской дуге - Александром Михайловичем Эпштейном и Николаем Степановичем Пастуховым, а также с участниками Сталинградской битвы - подполковниками внутренней службы Каргапом Уразбековым, Всеволодом Байковым, подполковником милиции Александром Пермилловским. На «ура» прошла встреча двух поколений, на которой с воспоминаниями перед молодёжью выступили участники ВОВ, орденоносцы подполковник Есжан Бекенович Бекенов, бывший командир батальона на II Белорусском фронте; Василий Михайлович Киселев, который храбро сражался в битве за Сталинград в составе 64 армии 169 стрелковой дивизии в качестве старшины роты.

Василий Михайлович после ранения долгое время работал в органах МВД, службу завершил в должности заместителя начальника Ленинского РОВД. Есжан Бекенович участвовал в обороне Москвы, освобождал Кенигсберг. На войне командовал батальоном на II Белорусском фронте. После Победы служил в органах внутренних дел заместителем начальника ИТК-38.

За воспоминания ветеранов поблагодарил рядовой в\ч 5451 Марат Смаилов. Обращаясь к работникам музея, он сказал, что такие встречи надо проводить чаще, ибо они дают больше, чем уроки истории в школе, книги, газеты, ибо учат настоящему патриотизму и воспитывают любовь к Родине.

Подполковник милиции, заместитель председателя Совета ветеранов Департамента внутренних дел Талгат Кудобаев мне говорил:

- С Георгием Николаевичем Князевым было работать легко и приятно. Он – знающий человек, по сути, ходячая энциклопедия милиции и полиции области. В этом я убедился, когда работал вместе с ним над фотоальбомом-буклетом, посвященным 60-летию Великой Победы. По сути, он – автор текстов о многих участниках ВОВ, особенно тех, кто служил в милиции в Джекказганской области. Именно его перо впервые открыло нам имя полковника милиции Константина Ивановича Баранова, генерала Мурата Курманова.

Да, о всех замечательных людях милиции Георгий Николаевич Князев стремится подробно рассказать на страницах книг, газет и журналов республики. В республиканской газете «На страже» (8-14 июня 2011 года) он печатает очерк об организаторе музея УВД области Иване Алексеевиче Васильеве, в газете «Вестник Фемиды» (24 февраля 2012 года) – о первом начальнике областной карагандинской милиции Омирбеке Галиуллине. В книге «Мурат Курманов» он пишет целую главу о первом генерале милиции в Жезказгане.

Журналисты, писатели, когда пишут о Князеве, нередко называют его коллегой. И они правы – он хорошо знает свои темы, умело разрабатывает их своим пером, не забывая о литературном языке.

О Георгии Николаевиче Князеве охотно писали журналисты Виктор Минин, Зинаида Алексеева, Наталья Чистякова, Татьяна Шарипова, Виктор Горецкий, Светлана Коханова.

З. Алексеева, Н. Чистякова в газете «Авиатрек-регион» от 30 июля 2003 года сообщали: «О каждом экспонате Георгий Николаевич может рассказать целую историю так, что просто невозможно остаться равнодушным, слушая его. Поневоле начинаешь уважать труд людей, вышагивающих по улице в серой шинели».

Мне во время нашей последней встречи Г. Н. Князев сказал:

- Не на страх, а на совесть работаю. Так, как учили меня мои любимые наставники Фонарев и Курманов – люди с чистой совестью и щедрым сердцем. Так что все еще впереди, жизнь продолжается. Покой мне даже не снится.

Глава двенадцатая

Легких путей не искал

Кучер, зоотехник, председатель колхоза, директор совхоза, председатель Баянаульского райисполкома, второй секретарь Карагандинского обкома партии, председатель Жезказганского облисполкома – он прошел большую школу жизни, сформировавшую характер истинного патриота республики и крупного руководителя. А если к этому добавить, что Камза Бижанович – автор книг «Край трудом славен», «Годы. Судьбы», «О пройденном пути», кандидат сельскохозяйственных наук, то сам по себе возникает вывод: человек он творческий, мыслящий неординарно и с перспективой.

Надо сказать, К.Б. Жумабекова я знаю давно и не только по анкетным данным. Когда он работал в должности председателя Жезказганского облисполкома, я был собственным корреспондентом республиканской газеты «Казахстанская правда» по этому региону.

Помню, в январе 1987 года ночью меня разбудил неожиданный звонок. Звонил первый секретарь Жездинского райкома партии Касымбек Медиев:

– Сообщите, пожалуйста, в газету, что в байконурских степях одиннадцать суток бушевал ураган невиданной силы. Косяки лошадей, тысячи овец ушли в Приаральские Каракумы и Мойынкүм. Спасибо Камзе Бижановичу – он в оперативном порядке организовал спасательную бригаду, пригнал в наш район тракторы «К-700» с бульдозерными навесами, мобилизовал для помощи жителей города Сатпаева. Табуны лошадей, отары овец спасены.

Так впервые я услышал о добрых делах Жумабекова.

В народе говорят: дома жить – чина не нажить. Эту поговорку Камза Бижанович, может, и не знал, но дороги в народ он постоянно мерил. И я как корреспондент нередко натякался на его «следы».

В том же Жездинском районе я побывал ранней весной 1987 года. Из-за обильных снегопадов и резкого потепления здесь затопило тальми водами ряд зимовок. Касымбек Медиевич тепло встретил меня и с огорчением сказал:

– Только что уехал из района Камза Бижанович. Жаль, что вы разминулись...

И он снова произнес похвальное слово о Жумабекове:

– Я его прямо с сессии Верховного Совета республики выдернул. Дозвонился в Алматы и кричу в телефонную трубку: спасай, ага, если завтра не будут доставлены корма на дальние затопленные зимовки, то от бескормицы десятки тысяч овец погибнут. И что вы думаете? Утром

в район прилетели сразу три вертолета с прессованным сеном. На одном из них сам Камза Бижанович прибыл.

Оказывается, он прямо из столицы, даже не заглянув домой, не сняв выходной костюм, направился к вертолетам, находившимся в распоряжении областной паводковой комиссии, и поднял их в воздух, загрузив сеном. А затем здесь, в Жездах, вместе со мной, полетел на зимовки и, как рабочий, помогал нам выгружать тюки для овец. Скажете: не дело командира «за плутом ходить», как писал в свое время Шолохов, его дело – командовать. Но в экстремальных ситуациях, когда и рабочих-то рук не хватает, чиновник должен личным примером показать, на что способен, что он такой же человек, как другие, плоть от плоти народа. И это у Камзы Бижановича получалось.

Ушедший недавно на пенсию Серик Макенович Торегельдин в восьмидесятые годы был председателем исполкома Сатпаевского городского Совета. Вспоминая Жумабекова, он мне говорил:

– Камза Бижанович никогда не был кабинетным работником, как многие другие партийные чины. Все его время было подчинено делам жизнеспособности области, потому и стал он человеком-легендой. Песня ладом крепка, а человек своими действиями.

– Помню, в Сатпаеве случилась беда, – продолжал С. Торегельдин. – Из-за ограниченности подпитки воды центральная котельная города оказалась на грани остановки. Я послал специалистов выяснить причины ЧП на магистральный Эскулинский водовод, но дороги к нему так занесло, что люди вернулись, несолоно хлебавши. Что делать? Набираю номер телефона Камзы Бижановича. И что вы думаете? Через какое-то время на пороге моего кабинета стоит Жумабеков, а рядом с ним все руководство НПО «Жезказганцветмет». Они быстро организовали аварийную бригаду и вместе с ней в 12 часов ночи выехали на «Кировцах» на Эскулинский водовод. Но там все было в порядке. Тогда бригада поехала, ориентируясь по линии электропередач, к третьей насосной станции. Может, там поломка? Вскоре нашли место обрыва электропередачи. Центральная котельная заработала на полную мощность.

Много таких историй довелось мне слышать. Камза Бижанович всегда был на «горячих точках», не считаясь со временем, здоровьем, расшивал «узкие места». Глядя на него, и подчиненные стремились работать в полную силу. А команда у Камзы Бижановича тогда была сильная – он до сих пор добрым словом вспоминает Владимира Ивановича Рогова, Дмитрия Дмитриевича Грудя, Аипа Асановича Рахимажанова, Калкена Макенбаева, Леонида Николаевича Иванченкова, Ошакбая Асылбекова... Все они со временем стали почетными гражданами Жезказгана, ибо отдали немало сил развитию города меди и всего меднорудного края. Сам Камза Бижанович тоже был избран почетным гражданином Жезказгана, награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Знак Почета, орденом «Курмет», многочисленными медалями.

Бывший заместитель акима города Жезказгана Станислав Валентинович Филиппович считает Камзу Бижановича своим Учителем. И он мне говорил:

– Камза Бижанович не зря прожил свои годы. Он встречался, дружил с выдающимися людьми нашего времени – Канышем Имантаевичем Саптаевым, Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым, Байкеном Ашимовичем Ашимовым, Султаном Капаровичем Досмагамбетовым, Константином Семеновичем Лосевым, Какимбеком Салыковичем Салыковым, Зейнуллою Мулдахметовичем Мулдахметовым, Нариманом Оспаповичем Тулеповым, Макеном Торегельдиным ... И, конечно же, с нашим первым Президентом Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым...

С 1973 года, то есть со времени избрания К.Б.Жумабекова председателем облисполкома, земля жезказганская обросла десятками строек. Нынешний генеральный директор ТОО «Караганда ГИИЗ и К*», доктор технических наук, выдающийся топограф-геодезист Виктор Никитович Попов в беседе со мной подчеркнул, что с активным участием Камзы Бижановича в жезказганском регионе были построены Жайремский горно - обогатительный комбинат, рудник имени Джамбула, Акчий-Спасский карьер, третья обогатительная фабрика, комбикормовой завод, областная многопрофильная больница... Только в одном 1983 году в жезказганской степи было протянуто 627 километров линий электропередач, в том числе в самые отдаленные провинции Сарыарки - совхозы «Урожайный», «Терсаканский», «Жетыконурский».

Кстати, развитию сельского хозяйства в Жезказганской области Камза Бижанович уделял самое пристальное внимание, это был его конек, как говорили чиновники. Он всячески способствовал подъему племенных заводов «Просторненский», «Красная поляна», их рекордсмены красно-степной и белоголовой пород коров, бычков постоянно выставлялись на ВДНХ в Москве. Высокое развитие в то время получили овцеводство и земледелие. К.Б. Жумабеков прямо-таки настоял на том, чтобы в области всерьез занимались орошением, поливом, особенно в зоне строящегося канала Иртыш - Караганда до Жезказгана. Он доказал, что и в засушливой зоне на малопродуктивных землях можно получать высокие урожаи зерновых и овощей. Под его руководством в области вывели новую породу так называемых дегересских овец с полугрубой, ковровой шерстью. Такие овцы выгодны тем, что дают не только высококлассную шерсть, но и отличное мясо.

Приверженец политики Н.А. Назарбаева Камза Бижанович поддержал его идеи о внедрении частной собственности в агропромышленном комплексе. Он первым посоветовал и помог знатному чабану Зикирию Копбаеву, жителю Актогайского района, создать свое личное крестьянское хозяйство «Бабатай». В ноябре 2001 года 90-летний чабан побывал на приеме у Президента и доложил ему, что в его личном хозяйстве 2200 овец, 80 лошадей, 150 голов крупного рогатого скота. За год он производит 20 тонн мяса, 45 тонн молока, 4 тонны шерсти. Не забыл упомя-

нуть аксакал и Камзу Бижановича, с которым его связывала многолетняя дружба, исполнение добрых советов и наставлений Жумабекова.

А сколько сделал Камза Бижанович по линии, так сказать, социальной! Вместе с секретарем обкома партии Жилкибаем Оралбаевым он добился установок телевизионных вышек в самых отдаленных районах Бетпақдалы, и голубые экраны засветились в домах всех жителей области. Он способствовал созданию многих музеев в Сарыарке, в том числе областного историко-краеведческого в Жезказгане, мемориального академика К.И. Сагпаева в Карсақпае, истории горного и плавильного дела в Жездах.

Хотел бы отметить еще одну примечательную черту Камзы Бижановича – в своей работе он всегда умело опирался на журналистов, писателей. Помню, Жумабеков всегда по-деловому откликался на мои критические статьи в «Казахстанской правде», принимал по ним экстренные и действенные меры. Благодаря этому поправились дела на строительстве социальных объектов и жилья в Жайреме, со сдачей молока государству в Приозерном районе и т.д.

Во главу угла своей деятельности Камза Бижанович всегда ставил людей труда, поднимая их имена на щит славы. Так, по его инициативе чабан Сатан Искаков из совхоза «Женис» стал Героем Социалистического Труда. Он воспитал таких корифеев сельского хозяйства как Герой Социалистического Труда старший чабан из Улытау Мынбай Берденов, управляющий фермой, Герой Социалистического Труда Абылкас Сыздыков и других.

О Камзу Бижановиче как о крупном руководителе, живущем по законам веры и любви к людям, мне много и охотно рассказывали кавалеры орденов «Отан» и Отечественной войны Первой степени, заслуженный работник культуры РК Калкен Макенбаев, заслуженный металлург республики, кавалер орденов «Құрмет» и Дружбы народов Толеукул Абылқенов, заслуженный врач РК Умирбек Муканов... Бывший премьер-министр РК Сергей Терещенко сказал мне: «Годы работы Камзы Бижановича в Карагандинской, а затем в Жезказганской областях не прошли бесследно, это было время созидания, роста экономики регионов, грандиозныхстроек, больших урожаев зерновых и привесов животных... Весь свой незаурядный талант руководителя, опыт и организаторские способности Камза Бижанович посвятил самому дорогому на земле – счастью людей труда. Не зря его недавно избрали почетным гражданином Карагандинской области».

Более 15 лет Жумабеков проработал председателем Жезказганского облисполкома, много сил и энергии отдал он становлению и развитию меднорудного края. В небольшом материале не расскажешь обо всех добрых делах Камзы Бижановича, тем более что он работал не только в бывшей Жезказганской, но и в Павлодарской, Карагандинской, Алмадинской областях. И всюду его сопровождала и сопровождает верная супруга Турсын Искаковна, с которой Камза Бижанович вырастил достой-

ных сыновей Нурлана и Болата, дочь Баглан, с любовью они воспитывают трех внучек, троих внуков и трех правнучек. Нурлан, окончив Карагандинский политехнический институт, долгое время руководил вспомогательной шахтой № 65 шахтопроходческого треста в Сатпаеве, сейчас занимается бизнесом. Болат тоже, как старший брат, получив диплом горного инженера, работал на шахте имени Кузембаева, заместителем акима Жезказганской области, акимом города Шахтинска, первым заместителем председателя областной организации партии «Нур Отан», сейчас - начальник инспекции транспортного контроля по Карагандинской области. Дочь Баглан - доктор медицинских наук, преподает в Карагандинском государственном медицинском университете. Ее муж - Арстан Мауленович Газалиев – академик НАН РК, ректор Карагандинского государственного технического университета. Книга К.Б. Жумабекова «Годы. Судьбы» лишний раз свидетельствует о том, как он горячо любит свою семью, детей, родной Жезказган, степи Сары-Арки, ее людей-тружеников. Не могу устоять, чтобы не привести эти строки из его книги: «Ты не стареешь, родная моя Степь! Над тобой не властны ни события, ни время. Ты всё такая же: родная и милая моему сердцу, раздольная степь...»

Вместе с родной степью не стареет и Камза Бижанович. И после ухода на пенсию, поселившись в Караганде, он довольно часто бывает в регионах. Встречался я с ним на празднике Победы в Улытау, на 75-летию нашего друга Макена Торсгельдина, организатора музея в Жездах, в Казахстанско-Российском университете в Караганде, где он работает советником ректора по воспитанию молодых.

Камза Бижанович, как прежде, сам молод, энергичен, полон творческих замыслов. По-всякому приходилось ему в жизни, но никогда он не искал себе легких путей. И был счастлив, ибо старался и старается жить для людей, родного Казахстана.

Глава тринадцатая
Всегда с людьми

В своем дневнике я нашел такую запись, сделанную в 1993 году: «Реформы Назарбаева успешны, ибо их проводят люди – энтузиасты нового времени. К таким людям можно смело отнести Владимира Николаевича Малышева, немало сделавшего для развития Жезказгана, Сатпаева, Балхаша».

Владимира Николаевича Малышева я знал более десяти лет. Познакомился с ним в 1991 году, когда он был избран первым секретарем Никольского горкома партии. К тому времени Владимир Николаевич уже прошел немалый путь от рядового проходчика, горного мастера Жезказганского горно-металлургического комбината до руководителя крупного ранга — секретаря парткома БГМК. Особенно много он сделал на Коунрадском руднике, где работал старшим мастером по буровзрывным работам, а затем начальником производственно-технического отдела.

Уже тогда (в семидесятые годы) в «верхах» поговаривали о закрытии Коунрада. Но Владимир Николаевич со своими коллегами отстоял детище знаменитого геолога Михаила Петровича Русакова, доказывая, что запасы меди на этом руднике еще не исчерпаны, что они могут долго служить людям. И он сделал все возможное, чтобы во - время провести реконструкцию этого рудодобывающего предприятия, внедрить комплекс механизированного приготовления взрывчатых веществ, новую технологию повышения устойчивости бортов открытого карьера.

Когда В.Н. Малышева избрали секретарем парткома Балхашского горно-металлургического комбината, он не порвал с инженерным творчеством — при его самом активном участии на медьзаводе была проведена реконструкция медеплавильного цеха, внедрена и освоена прогрессивная технология переработки медесодержащего сырья — плавка в жидкой ванне.

В том, что Владимир Николаевич — настоящий инженер-интеллигент, я убеждался много раз, встречаясь с ним в городе Никольском. Он сразу привлекал к себе людей широким кругозором знаний, разносторонними интересами. С ним можно было беседовать на любую тему: от космоса, природы до земных забот людей. Тогда он остро переживал за свой город, его будущее - и все устремления души Малышева сводились к тому, чтобы горняцким семьям жилось лучше, чтобы их духовное благосостояние росло, как добыча меди на шахтах Жезказгана.

И сегодня мне хочется напомнить о таком забытом факте. Если бы не смелость и решительность В.Н. Малышева, то долгое время маленький город в степи носил бы никому непонятное название Никольский.

Конечно, и до Малышева предпринимались попытки дать городу горняков и геологов имя Каныша Имантаевича Сатпаева. Так, в разные высокие инстанции с подобными просьбами обращались писатель Медеу Сарсекеев, краевед Сутемген Букуров, ваш покорный слуга и другие. Но «добил», как говорится, чиновников своими челобитными Владимир Николаевич Малышев. Что интересно — в самый разгар этой битвы ему приходит письмо от дочери К.И. Сатпаева — Меиз Канышевны. Она прямо-таки просит, умоляет Владимира Николаевича «отступить», «не поднимать шума вокруг имени папы...» Но справедливость восторжествовала! И когда Указом Президиума Верховного Совета город Никольский был переименован в Сатпаев, то первое благодарственное письмо Малышеву прислала Меиз Канышевна.

Довольно часто вспоминаю Владимира Николаевича, когда приезжаю в Сатпаев к знакомым и иду к акимату через большой сквер ветеранов Великой Отечественной. Когда-то этот сквер был запущенным, весь зарос крапивой и чертополохом, а нежную зелень кустов поедали чинно разгуливающие здесь коровы... И вот с легкой руки Владимира Николаевича Малышева этот сквер преобразили — здесь поставили мемориал героям Великой Отечественной, чугунная ограда надежно защищает зелень и цветники. В сквере тогда установили аттракционы, игровые автоматы для детей, заработал открытый плавательный бассейн с голубоватой водой.

Не было бы Малышева — не было бы памятника К.И. Сатпаеву в тогдашнем Никольском, а также памятника М.П. Русакову в поселке Коунрад... Конечно, он их сам, своими руками не лепил, не строил, но он во - время выдал идею увековечить величие дел ученых и довел этот замысел, отвечающий чаяниям народным, до практического воплощения.

О Малышеве писали мало, между тем, это сложная и богатая натура, как и наше время. Родился он 17 декабря 1947 года, его знак Зодиака — Стрелец. Достоинств у него — великое множество: тут и дальновидность, и чувство справедливости, благородство и возможность роста, расширения и развития. Кстати, эти байки из астрологического календаря подтверждаются всей его жизнью. Так, Владимир Николаевич всю жизнь свою «развивается»: в 1967 году он окончил Балхашский горно-металлургический техникум, в 1980 — Карагандинский политехнический институт, в 1985 — Алматинский институт политологии, в 1994 — Московскую Академию наук труда и социальных отношений. В 1999 году Владимир Николаевич успешно защитил в Московском государственном университете кандидатскую диссертацию по теме: «Изыскание эффективных способов добычи руд на глубинных горизонтах Жезказганского месторождения», стал кандидатом технических наук.

Занимая высокие должности, где только ни побывал Владимир Николаевич Малышев — в Болгарии, Румынии, Индии, Турции, Италии. Но лучше земли, считал он, чем Сарыарка, нигде не встречал. Ибо здесь «душа его в смятенье шла за счастье в сраженье».

Да, в пору, когда Владимир Николаевич Малышев был руководителем города горняков, началось как бы второе рождение бывшего Никольского. В городе был построен седьмой микрорайон новой улучшенной серии, широко развернулось возведение коттеджей для горняков. Наконец, заработал завод сборного железобетона, организован трест «Металлургстрой». Конечно, все это — коллективное детище, но немалый вклад внес и В.Н. Малышев. Правда, о себе он не очень любил рассказывать...

— Я всегда работал в тесном контакте с руководителями ДГМК, — говорил Владимир Николаевич Малышев. — Ведь что такое город Сатпаев? Это прежде всего крупный центр большой рудничной площадки акционерного общества «Жезказганцветмет», здесь строят новые шахты и рудники, здесь, в основном, живут семьи горняков. И все заботы о городе, считайте, все 99 процентов лежали на плечах акционерного общества. И если что надо городу, я всякий раз обращался за помощью к руководителям комбината, мы действовали сообща.

Что ж, разве это плохо — действовать сообща? В городе Сатпаеве я бывал по нескольку раз за год, ведь здесь жила моя мама! И она всякий раз отмечала большие перемены на горняцкой земле, одобряя мою творческую дружбу с Малышевым.

Вместе с Владимиром Николаевичем (а он тогда уже был главой городской администрации Сатпаева) я неоднократно посещал новые стройки, новые предприятия. При нем в городе были сданы в эксплуатацию завод по глубокой переработке мяса, банно-прачечный комбинат, детская поликлиника, стоматологическая больница. Да и строительство жилья не прекращалось, как в Караганде, а наоборот — во всю разворачивалось. Помню даже цифру: в 1993 году в Сатпаеве было сдано 20 тысяч квадратных метров жилья. А сдавалось в год обычно не более 10 тысяч.

Конечно, во всем этом была большая заслуга Малышева. Его умению организовать людей, опираясь на руководителей среднего звена, можно было только позавидовать! И я, поверьте, совсем не удивился, когда вскоре Малышев стал вице-президентом холдинговой компании «Казахмыс», а затем исполнительным директором АО «Жезказганцветмет».

Во время перестройки к руководству крупными предприятиями приходили инженеры новой генерации, которые умели работать с иностранными инвестициями, вкладывать их в производство, модернизировать технологии, доводить продукцию до мировых качественных стандартов.

В Жезказгане таковыми стали Владимир Сергеевич Ким, Руслан Борисович Юн, Гафура Нуртазаевна Ибраева... И рядом с ними можно смело поставить имя Малышева. Ведь никто не посмеет отрицать его роли, скажем, в становлении или, что будет точнее, в возрождении Балхашского горно-металлургического комбината, который не выдер-

жал шторма в море рыночных отношений и завалился на берегу долгого простоя. Мне тогда многие ветераны металлургии и горного дела говорили о том, что руководители акционерного общества «Жезказганцветмет» правильно сделали, послав на БГМК генеральным директором В.Н. Малышева. Герой Социалистического Труда Газиз Омарович Омаров (ныне покойный) тогда сказал мне:

— Лучшей кандидатуры не найти! Давно знаю Малышева — это разумный человек, который любит заниматься творческим трудом, превосходный организатор больших дел.

Все мы помним: и года не прошло, как БГМК вновь обрел былую славу. Резко увеличился объем производства черновой и рафинированной меди. Был пущен в эксплуатацию завод по производству драгоценных металлов, начал выпускать продукцию цех эмалипровода. По инициативе Малышева БГМК принял на свой баланс семь детских дошкольных учреждений, Дворец культуры металлургов, медико-санитарную часть, зону отдыха «Зеленый мыс», стадион, водно-спортивную станцию... Деятельность Владимира Николаевича по возрождению Балхаша высоко оценил Нурсултан Абишевич Назарбаев после отчета Владимира Николаевича в дни празднования юбилея Балхаша, что демонстрировалось по республиканскому телевидению.

Нет, добрые дела Малышева по подъему экономики БГМК, его социальной сферы никогда не забудут люди, прежде всего балхашские металлурги!

Вскоре Владимира Николаевича Малышева избирают вице - председателем правления корпорации «Казахмыс», он снова в Жезказгане, в верхнем эшелоне власти, отвечает за подбор и расстановку кадров, ведет административный контроль за их деятельностью. Работать с людьми он умеет, прежде чем принять то или иное решение, посоветуется с десятками руководителей, инженеров. Да и к голосам простых рабочих прислушивается, часто бывает на шахтах, спускается в забой.

Жаль, что Владимира Николаевича Малышева в 2008 году не стало. Не стало поборника идей Назарбаева, приверженца его политики. Он скончался, едва отметив свое 60 – летие.

Этот человек мне дорог еще и потому, что большая часть его плодотворной жизни прошла на моих глазах. Он помогал мне в сборе материалов о металлургах, работающих в новых условиях «Самсунга», издании книги и буклета «Медь Жезказгана».

Глава четырнадцатая

Верность долгу

Недавно исполнилось 90 лет со дня рождения неутомимого краеведа, писателя, большого государственного и общественного деятеля Макена Торегельдиновича Торегельдина. С болью душевной я пишу сегодня о том, что в декабрьские лютые морозы Сарыарка потеряла одного из самых верных и талантливых своих сыновей.

Говорят: незаменимых людей не бывает. Неправда это! Как ни вглядываюсь вокруг в племя живущих, замсны Макену – аге не нахожу. Его личное обаяние, большой кругозор, интеллигентность всегда покоряли людей, они делали его вожаком в любом коллективе районного или областного масштабов, в любом благородном деле ...

Свою документально – историческую книгу «Вечное наследие» Макен Торегельдин начал с простой фразы: «Значимость человека не в том, сколько прожил, а в том, какой он след оставил после себя». Если итожить большую жизнь самого Макена, то его след в нашем бытии и сознании глубокий и яркий. Он – этот след – определяется его глобальными делами по становлению и развитию джезказганского региона, его сельского хозяйства и промышленности, обустройству бывшего районного центра Джебды, памятников старины, созданию музея истории горного и шпавильного дела. Он был человеком творческим, и его тянуло воспеть родной край, начиная с каменного очага предков и кончая космической ракетой с Юрием Гагариным на борту, которая стартовала с близкой его сердцу байконурской земли.

Он самозабвенно любил Каньша Имантаевича Сатпаева, в геологическом отделе которого работал в тридцатые годы на буровой, собирая образцы керна ... И помню, когда я приехал в 1982 году в Джебды и поделился с ним замыслом написать большой очерк о великом геологе, он сразу воскликнул, радостно улыбаясь:

- Давно пора!

Тут надо сказать, что в то время имя Сатпаева еще замалчивали в большой прессе, чиновники боялись, что оно затмит славу Кунаева. У всех в памяти свежо было событие, когда книгу Медеу Сарсекеева о Каньше Имантаевиче в республиканском издательстве по указанию сверху пустили под «нож», и писатель вынужден был ехать в Москву ее издавать.

И можете себе представить, Макен Торегельдин, в ту пору первый секретарь Джебдинского райкома партии, едет со мной в Карсакпай, ведет меня в музей Каньша Имантаевича Сатпаева, и с восхищением подробно рассказывает о своих встречах со знаменитым ученым, о своей работе в его геологической партии.

Вот тогда я впервые узнал и о том, что Макен - участник Великой Отечественной войны, что в далеком 1941 году ему пришлось сменить рюкзак полевого рабочего на огнемёт. И с этим огнемётом он прошагал пол-Европы от Сталинграда до белоснежных Альп, сменив не одну пару кирзовых сапог и гимнастеров, пропитанных солью собственного пота.

Уже тогда, в Карсакпае, я обратил внимание на дружелюбие Макена, его открытую приязнь к людям. И когда он тепло заговорил о фронтовом побратиме, капитане Николае Петровиче Ельцове, погибшим близ Альп, то я спросил его:

- А почему бы вам, Маке, не написать книгу о вашей фронтовой дружбе?

И он, немного опустив голову, неожиданно сказал твердо:

- Это мой долг...

И что вы думаете? Макен в последние годы сильно болел, но он не позволял себе расслабиться, и написал задуманную книгу. Недавно его сын Серик Макенович Торегельдин передал мне пахнущую типографской краской новую книгу отца. Назвал он ее «Мой долг». И я еще раз удивился настойчивости Макена, его преданности слову, верности фронтовой дружбе.

Я уже знал, что, будучи в годы Великой Отечественной войны командиром огнемётного взвода 107 отдельной огнемётной роты легендарной 62 армии, Маке своей храбростью, отвагой и уважением к рядовым солдатам заслужил большой авторитет среди однополчан. Сам Торегельдин в книге пишет: «С первых дней фронтовой жизни я старался заслужить доверие и уважение рядовых солдат. Понимал: без этого не может быть успеха».

Да, Макен войну знал не понаслышке. И тем ценнее его свидетельства о тех кровавых событиях, героизме наших воинов. Нигде в литературе я до сих пор не читал, что под Сталинградом фашисты из трупов своих солдат делали амбразуры. И что советские солдаты и офицеры штрафного батальона брали «языков» прямо на передовой, вытаскивая их, как раков, из вражеских окопов. Такие малоизвестные детали, факты придают книге достоверность, правдивость.

Но самое ценное в книге - фронтовая дружба. В Австрии погиб его боевой товарищ - капитан Николай Петрович Ельцов, который не дожил буквально считанные дни до Великой Победы. После его гибели Торегельдин дал себе слово рассказать о нем, его жизни, ратных подвигах в книге. Для осуществления задуманного он начал творческий поиск - разыскал адрес родителей Николая, его родственников, долго переписывался с ними, а затем выехал на малую родину друга - в Краснодарский край. В книге напечатана эта волнующая сердце переписка, а также воспоминания родственников, архивные документы, наградные листы. Из всего написанного встает образ бесстрашного капитана, кавалера орденов Ленина, Отечественной войны, Красной звезды Николая Петровича

Глава четырнадцатая

Верность долгу

Недавно исполнилось 90 лет со дня рождения неутомимого краеведа, писателя, большого государственного и общественного деятеля Макена Торегельдиновича Торегельдина. С болью душевной я пишу сегодня о том, что в декабрьские лютые морозы Сарыарка потеряла одного из самых верных и талантливых своих сыновей.

Говорят: незаменимых людей не бывает. Неправда это! Как ни вглядываюсь вокруг в племя живущих, замены Макену – аге не нахожу. Его личное обаяние, большой кругозор, интеллигентность всегда покоряли людей, они делали его вожаком в любом коллективе районного или областного масштабов, в любом благородном деле ...

Свою документально – историческую книгу «Вечное наследие» Макен Торегельдин начал с простой фразы: «Значимость человека не в том, сколько прожил, а в том, какой он след оставил после себя». Если итожить большую жизнь самого Макена, то его след в нашем бытии и сознании глубокий и яркий. Он – этот след – определяется его глобальными делами по становлению и развитию джезказганского региона, его сельского хозяйства и промышленности, обустройству бывшего районного центра Джезды, памятников старины, созданию музея истории горного и плавильного дела. Он был человеком творческим, и его тянуло воспеть родной край, начиная с каменного очага предков и кончая космической ракетой с Юрием Гагариным на борту, которая стартовала с близкой его сердцу байконурской земли.

Он самозабвенно любил Каныша Имантаевича Сатпаева, в геологическом отделе которого работал в тридцатые годы на буровой, собирая образцы керна ... И помню, когда я приехал в 1982 году в Джезды и поделился с ним замыслом написать большой очерк о великом геологе, он сразу воскликнул, радостно улыбаясь:

- Давно пора!

Тут надо сказать, что в то время имя Сатпаева еще замалчивали в большой прессе, чиновники боялись, что оно затмит славу Кунаева. У всех в памяти свежо было событие, когда книгу Медеу Сарсекеева о Каныше Имантаевиче в республиканском издательстве по указанию сверху пустили под «нож», и писатель вынужден был ехать в Москву ее издавать.

И можете себе представить, Макен Торегельдин, в ту пору первый секретарь Джездинского райкома партии, едет со мной в Карсакпай, ведет меня в музей Каныша Имантаевича Сатпаева, и с восхищением подробно рассказывает о своих встречах со знаменитым ученым, о своей работе в его геологической партии.

Вот тогда я впервые узнал и о том, что Макен - участник Великой Отечественной войны, что в далеком 1941 году ему пришлось сменить рюкзак полевого рабочего на огнемет. И с этим огнеметом он прошагал пол-Европы от Сталинграда до белоснежных Альп, сменив не одну пару кирзовых сапог и гимнастеров, пропитанных солью собственного пота.

Уже тогда, в Карсакпае, я обратил внимание на дружелюбие Макена, его открытую приязнь к людям. И когда он тепло заговорил о фронтовом побратиме, капитане Николае Петровиче Ельцове, погибшим близ Альп, то я спросил его:

- А почему бы вам, Маке, не написать книгу о вашей фронтовой дружбе?

И он, немного опустив голову, неожиданно сказал твердо:

- Это мой долг....

И что вы думаете? Макен в последние годы сильно болел, но он не позволял себе расслабиться, и написал задуманную книгу. Недавно его сын Серик Макенович Торегельдин передал мне пахнущую типографской краской новую книгу отца. Назвал он ее «Мой долг». И я еще раз удивился настойчивости Макена, его преданности слову, верности фронтовой дружбе.

Я уже знал, что, будучи в годы Великой Отечественной войны командиром огнеметного взвода 107 отдельной огнеметной роты легендарной 62 армии, Маке своей храбростью, отвагой и уважением к рядовым солдатам заслужил большой авторитет среди однополчан. Сам Торегельдин в книге пишет: «С первых дней фронтовой жизни я старался заслужить доверие и уважение рядовых солдат. Понимал: без этого не может быть успеха».

Да, Макен войну знал не понаслышке. И тем ценнее его свидетельства о тех кровавых событиях, героизме наших воинов. Нигде в литературе я до сих пор не читал, что под Сталинградом фашисты из трупов своих солдат делали амбразуры. И что советские солдаты и офицеры штрафного батальона брали «языков» прямо на передовой, вытаскивая их, как раков, из вражеских окопов. Такие малоизвестные детали, факты придают книге достоверность, правдивость.

Но самое ценное в книге - фронтовая дружба. В Австрии погиб его боевой товарищ - капитан Николай Петрович Ельцов, который не дожил буквально считанные дни до Великой Победы. После его гибели Торегельдин дал себе слово рассказать о нем, его жизни, ратных подвигах в книге. Для осуществления задуманного он начал творческий поиск - разыскал адрес родителей Николая, его родственников, долго переписывался с ними, а затем выехал на малую родину друга - в Краснодарский край. В книге напечатана эта волнующая сердце переписка, а также воспоминания родственников, архивные документы, наградные листы. Из всего написанного встает образ бесстрашного капитана, кавалера орденов Ленина, Отечественной войны, Красной звезды Николая Петровича

Ельцова, человека-воина, воспитанного в духе патриотизма, любви к Родине, дружбы народов.

Можно смело сказать, что свой долг перед памятью фронтового друга-товарища Макен Торегельдин выполнил. И на примере этой яркой дружбы показал, что русские и казахи - близнецы-братья, что победа приходит только к тем, кто умеет дружить, помогать друг другу.

В своей книге Макен немало страниц посвятил подвигу джездинцев в тылу, а также на полях сражений, назвал десятки фамилий земляков-героев Великой Отечественной войны. Он всех их знает, как свои пять пальцев, он изучил их биографии, их жизнь, когда всерьез занялся созданием музея истории горного и плавильного дела республики. Вместе с ними он посадил березовую рощу на территории музея, сосны в честь погибших, тех, кто не вернулся с полей сражений. Как жаль, что Макен никогда уже не придет сюда ... Деревья стали большими, крепкими, капли смолы на них как слезы.

Огромные усилия Макена Торегельдина по созданию музея в Жездах были высоко оценены в свое время нашим Президентом Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым.

Музей начинается с открытой площадки, на которой установлены и показываются экспонаты горнорудной промышленности и металлургического производства разных эпох. Здесь с помощью карсакпайских металлургов построены действующие макеты медеплавильных печей, сооруженные нашими предками на участках Милыкудук и Атасу. Первую пробную плавку на них в 1994 году сделал никто иной как Президент нашей республики Н.А. Назарбаев. Как вы знаете, Нурсултан Абишевич долгое время трудился в Темиртау старшим горновым в доменном цехе. Уж кто-кто, а он плавить руду умеет!

Тут же на открытой площадке - перфораторы, буровые каретки, экскаваторы... Есть старенький «АМО», на котором ездил первый казах-геолог Каныш Имантаевич Сатпаев. Есть первый карсакпайский паровоз с двумя вагонами, который по узкоколейной железной дороге Жезказган-Карсакпай, пыхтя и посвистывая, возил руду из карьеров к медеплавильным печам...

Какие это объемные экспонаты - таких не увидишь нигде в музеях Казахстана. Для перевозки только одного старенького паровоза из Карсакпая понадобилось два стотонных «Моаза»!

- Если бы не руководители нашей области, нам не видать музея, как своих ушей, - взволнованно говорил Маке. - Представляете: когда бывший генеральный директор НПО «Жезказганцветмет» Тамерлан Михайлович Урумов узнал о моей затее, то собрал ведущих специалистов и на оперативке объявил, что музей в Жездах - это прежде всего музей горно-металлургического комбината, акционерного общества «Жезказганцветмет». И поручил им оказывать максимальную помощь мне... И они зачастили ко мне с визитами в Жезды, беспокоясь о создании музея... Помогали директор Карсакпайского медьзавода К.М. Маткенов, бывший ди-

ректор Жезказганского медьзавода Т.Л.Абдрахманов, бывший генеральный директор акционерного общества «Балхашмедь» Д.Т.Хагеджеев...

Нынче музей притягивает к себе как магнит. В его экспозиционных залах, хранилищах собрано более 13 тысяч экспонатов, около тысячи разных минералов. Здесь можно теперь, как говорится, подетально и глубоко познакомиться с историей поиска медных месторождений, производства металла - одного из древнейших человеческих ремесел, зачатую возводимого в ранг искусства и даже колдовства.

Знакомя с экспонатами музея, Макен Торегельдинович сказал мне:

- История - вещь священная, и делать ее надо по-уму, по-разуму. Как говорят, свет плоти - солнце, свет духа - правда истории. Искажать, уродовать прошлое нельзя. Оно любит бережного отношения к себе. И постоянного поиска новых материалов о нем. Их надо искать, как люди ищут праведного хлеба.

Сам Маке был человеком ищущим, домогательным, инициативным. Ему ничто не стоило покинуть Жезды, чтобы побывать в Караганде, Темиртау, разыскивая новые материалы истории. Теперь в музее установлены стенды, рассказывающие о прошлом и настоящем металлургической промышленности Темиртау и Карагандинского угольного бассейна. Неугомонный краевед!

Тем более приятно мне было прочитать в книге отзывов, заведенной в музее в Жездах, запись Президента нашей республики Нурсултана Абишевича Назарбаева: «Металлургия - ведущая отрасль в нашей истории... Людям, которые вложили свой труд в организацию музея горного и плавильного дела, выражаю огромную благодарность, желаю счастья и прекрасного будущего».

В последние годы Макен Торегельдин был озабочен реконструкцией и ремонтом Дома-музея Каныша Имантаевича Сатпаева в Карсакапае. По его инициативе там восстановили в первоизданном виде кабинет Каныша Имантаевича, библиотеку ученого... Так что к 100-летию со дня рождения видного ученого-геолога Дом-музей принял тысячи посетителей.

Имя Макена Торегельдина сегодня хорошо известно в республике. Долгое время работая первым секретарем Жездинского райкома партии, он ничем не запятнал себя на этой должности, жил для района, для его процветания. Когда я бывал в командировках от «Казахстанской правды» в Жездинском районе, то всякий раз слышал о Торегельдине самые лестные отзывы рядовых рабочих, хлеборобов, чабанов. Хорошо отзывались о нем тракторист Алпысбай Булышбаев, лауреат Госпремии республики, Уалишер Тынымбаев, кавалер ордена Ленина, чабан Мейрам Жакаев, управляющий фермой, Герой Социалистического Труда Абылкас Сыздыков. Они чуть ли не в один голос говорили о том, как много сделал Маке для развития сельского хозяйства в районе. Если взять земледелие, то Торегельдин прямо - таки настоял на том, чтобы в районе по - серьезному взялись за выращивание зерновых и овощей, и своего

добился. Маке доказал, что и в засушливой зоне на малопригодных землях, если внедрять орошение, полив, можно получать неплохие урожаи пшеницы, ржи, овощей. Он заметно укрепил кормовую базу в районе, увеличивая год от года лиманное орошение под эспарцет и другие многолетние травы. При нем стада овец в районе насчитывали почти полмиллиона голов.

А сколько сделал Маке по линии, так сказать, духовной! При нем в поселке Джезды была обустроена центральная площадь, поставлен памятник В. И. Ленину, реконструирован Дворец культуры горняков. Он добился (дошел вплоть до министра в Москве!) установки телевизионной вышки близ поселка для трансляции телепередач в дома джездинцев. Наконец, создал музей истории горного и плавильного дела, равно которому нет не только в республике, но и в странах СНГ.

Время идет быстро... Но такие люди как Маке остаются в памяти людей вечно.

Глава пятнадцатая

**Антисоветская «выдумка»
Кикоина**

Мы с ним долго переписывались. Последнее письмо от него из Джекказгана в Караганду пришло 28 июня 1989 года. Он радовался, что все еще жив, готовился отметить 91 год своего дня рождения.

«Валерий Михайлович! Если бы я задумал написать книгу мемуаров, то назвал бы ее «Гимн жизни». Молодые не все представляют себе, что жизнь быстротечна и не дорожат каждым часом, каждой минутой... И напрасно. Только тот счастлив, кто трудится, не ленится, много читает, рвется к определенной цели», - писал мне бывший узник Степлага, страстный книголюб Владимир Георгиевич Кикоин. На самом деле по документам он Вульф Гешелевич Кикоин, но всюду его звали Владимир Георгиевич, так он представлялся новым людям и так он входил в жизнь молодых.

Помню, чуть ли не каждое занятие областного литературного объединения «Слиток» во Дворце культуры горняков у нас заканчивалось призывом: «Давайте сходим к Кикоину, надо поменять книги, узнать о новинках». И мы все дружно, как говорится, в одну ногу шли по проспекту Мира на улицу Гагарина, 13, в дом, где жил Владимир Георгиевич.

А все дело в том, что у него была богатая библиотека (порядка тысячи книг), он сделал ее общественной, заводя на каждого читателя формуляр. И он очень радовался, когда мы гурьбой вваливались в его небогатую квартиру, торопился подать всем чашку чая... И начинались его рассказы о книгах, о былом, невозвратном...

Владимиру Георгиевичу везло в жизни на встречи с интересными людьми. Он был близко знаком с академиком Евгением Викторовичем Тарле, писателем Алексеем Толстым, известным кинорежиссером Фридрихом Эрмлером. Неоднократно приходилось ему присутствовать в клубе Дома книги на Невском проспекте в Петрограде на встречах с Корнеем Чуковским, Константином Фединым, Самуилом Маршаком.

В свое время Кикоин был техническим секретарем ленинградского журнала «Красная летопись», работал в Истпарте. Заведовала тогда Истпартом большевичка Прасковья Францевна Куделли. В феврале 1924 года она предложила Кикоину составить под ее редакцией биографию В.И.Ленина в хронологической канве, дать основные даты его жизни и деятельности. В мае 1924 года книжечка в 43 страницы под названием «Биография В.И.Ленина в датах и числах» была издана тиражом в 40 тысяч экземпляров и разошлась в течение двух недель.

У Владимира Георгиевича сохранилась только фотокопия этой книжки. Как бесценную реликвию хранил он ее. Ведь это была первая попытка в истории книгоиздательского дела в стране дать массовому читателю биографию В.И.Ленина.

Надо сказать, этим изданием поиски материалов к биографии В.И.Ленина не ограничились, а были продолжены работниками Истпарта. Владимир Георгиевич Кикоин обратился к архивам дооктябрьских министерств просвещения и юстиции. Дело в том, что при подготовке первого издания «Биографии» у Истпарта не было документов о том, как В.И.Ленину, исключенному из Казанского университета за участие в политической сходке студентов и находящемуся под негласным надзором полиции, удалось добиться разрешения на сдачу экзаменов экстерном за курс юридического факультета Петербургского университета.

И вот в архивах департамента просвещения нашлась тонкая синяя папка, в которой находилась переписка об этом деле. Здесь хранились и прошения В.И.Ленина (Ульянова), в том числе от 26 марта (7 апреля) 1891 года, о допуске держать экстерном экзамен с приложением фотографии просителя.

Найденную в делах департамента просвещения уникальную фотографию молодого Ильича, приложенную к его прошению, Владимир Георгиевич передал Куделли. По ее совету снимок Ильича был опубликован в журнале «Красная летопись» № 2 за 1924 год.

Как известно, позже найденный В.Г.Кикоиным снимок был передан в Институт марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). А затем фотография молодого Ильича была напечатана в первом томе Полного собрания сочинений В.И.Ленина.

Безусловно, в настоящее время работа В.Г.Кикоина под редакцией П.Ф.Куделли, изданная в 1924 году, потеряла свое значение. Но для книголюбов небезынтересна была история создания биографии Владимира Ильича Ленина и поиска его уникального снимка.

Долго дружил В.Г.Кикоин с известным кинорежиссером Фридрихом Эрмлером. Они родились в одном латвийском городе Резекне, вместе, будучи подростками, бегали в кинотеатр «Диана», торговали пирожками и лекарствами. Затем их пути разошлись – В.Г.Кикоин поехал поступать в ремесленное училище в Одессу, а Фридрих Эрмлер – в Москву во ВГИК. Встретились они уже в Ленинграде после Великой Отечественной, когда Фридрих Эрмлер стал известным режиссером. Созданный им фильм «Она защищает Родину» имел огромный успех на фронте у наших воинов-освободителей, он работал на Победу. Этот фильм отметил сам Сталин. Попыхивая своей трубкой, он сказал:

– Не знаю, как с точки зрения мастерства, но с точки зрения патриотизма этот фильм – пример режиссерам, как надо показывать любовь народа к Родине, бесстрашие советских людей в битве с врагом...

Как-то я спросил у Владимира Георгиевича, как он попал в Жезказган.

- Милый ты мой, разве об этом спрашивают? – грустно посмотрел он на меня. – Конечно, не по своей воле. Обвинили в антисоветской агитации – и тюрьма.

Оказывается, в тяжелые дни Великой Отечественной войны В.Г. Кикоина эвакуировали из Ленинграда по замерзшей Ладоге, так называемой трассе жизни, в Кабан, оттуда в теплушках в Омск, где работал в горьбтресте. Из-за болезни жены пришлось податься на юг Казахстана, долго искал себе работу, наконец, в тресте «Казцветмедразведка» приняли его начальником планового отдела Каратауской группы (Чимкентская область). 3 мая 1950 года его арестовали прямо в конторе за антисоветскую пропаганду и агитацию. А все дело в том, что однажды он рассказал рабочим о том, что в СССР довольно часто проводились биоопыты над людьми. Бухарин, поддерживая эксперименты профессора Павлова по изучению высшей нервной деятельности на собаках, предложил их проводить прямо на людях. И вскоре профессор Илья Иванов, известный как экспериментатор, разработавший метод искусственного осеменения, решил взяться за это дело. Ведь у него был опыт скрещивания разных видов животных в заповеднике «Аксания-Нова». Там он вывел овцебыка, гибрид мыши и крысы, зеброидов... Теперь он предложил скрестить обезьяну с человеком, чтобы изменить природу людей, разделив их на руководителей и бессловесных рабов – «трудящихся».

И что вы думаете? 30 сентября 1925 года Президиум Академии наук СССР принял решение выделить профессору Иванову валюту и направить его в Африку для отлова человекообразных обезьян «для организации опытов гибридизации». В 1927 году определили место, где проводить биоэксперименты: им стал Сухумский заповедник. Именно в нем создали спецлабораторию (секретную), где предполагалось поставить искусственное осеменение обезьян разных видов между собой и с человеком. В виде опытов намечалось искусственное оплодотворение женщин от обезьян и обезьян от мужчин. Несколько лет спустя бельгийский биолог Б. Эйвельсон сообщил, что в Сухумском заповеднике русским удалось получить, таким образом, расу обезьянолюдей. Они имеют рост 1,8 метра, покрыты шерстью... Растут быстрее, чем люди, очень послушны, пригодны к любой работе...

Среди разных материалов, которые печатались в журнале «Красная летопись», где работал Кикоин, были и эти сообщения о создании людей нового типа. Может, они живы и где-то работают до сих пор?

Среди рабочих, слушавших рассказ Кикоина, нашелся стукач, и вскоре его по доносу арестовали. Чимкентский областной суд осудил его за антисоветскую пропаганду и агитацию на срок 10 лет (статья 58, пункт 10). Все, о чем говорил Кикоин, судьи посчитали страшной ничемной выдумкой, наносящей вред советскому обществу.

Его отправили в Джезказган в Степлаг, где он пробыл до июня 1954 года. От Владимира Георгиевича я впервые услышал о восстании заключенных Степлага, которое было подавлено танками, с применением ог-

нестрельного оружия. «Вот ведь где пригодились нелюди – обезьяночеловеки, - взволнованно говорил мне Кикоин. – Они послушно по команде «сверху» расстреливали политических заключенных, давили их гусеницами танков. Когда оставшихся, живых, вывезли в степь и заставили лежать на земле, эти обезьяночеловеки посбрасывали рубашки, майки, чтобы позагорать, и все увидели обезьянью шерсть на их телах и их тупые холодные взгляды... Винтовок они не бросали, и если кто из зеков начинал шевелиться, стреляли в них, визгливо посмеиваясь...

И позже после реабилитации Кикоин проникновенно утверждал, что не раз и не два встречал человеко-обезьян даже на руководящих должностях. Но он с ними никогда не дружил, не протягивал им руки. Он был склонен дружить с людьми творческими, сам много занимался самообразованием. Это позволило ему плодотворно трудиться в научно-исследовательском институте «Джезказгангипроцветмет». Он был главным инженером многих проектов, затем его назначили руководителем Балхашского филиала «Джезказгангипроцветмета». Последняя его блестящая работа – проект постройки Балхашского телецентра.

Выйдя на пенсию, Владимир Георгиевич не порывал с общественной жизнью. Был он заместителем председателя городского Совета пенсионеров, народным заседателем в суде, помощником прокурора города на общественных началах, заведующим общественно-юридической консультацией областной газеты «Джезказганская правда».

Меня Владимир Георгиевич привлекал легкостью обращения с людьми, большой любовью к книгам, желанием быть полезным обществу. Таким его запомнили и многие мои коллеги по перу – побратимы.

Что касается человекообезьян, то Владимир Георгиевич, действительно, не выдумал эту историю. Недавно я приобрел книгу бывшего чекиста Сергея Цыркуна «Сталин против «красных олигархов». Секретная предыстория 1937 года» (Москва, издательства «Яуза», «Эксмо», 2014 год), в которой он рассказал о тайных лабораториях для экспериментов над живыми людьми, в том числе о скрещивании человека с обезьяной. Тут же в книге Цыркун сообщил, что со временем эксперименты над людьми в Сухуми по указанию Сталина были прекращены, а самого профессора Иванова арестовали и отправили за колючую проволоку в Карлаг, где он и скончался в 1932 году. Но об этом Кикоин не знал...

Глава шестнадцатая

Первостроители парков

Еще в двадцатые годы Каныш Имантаевич Сатпаев мечтал превратить джезказганскую пустыню в цветущий оазис. И уже тогда, работая в Карсакапае, он всячески заботился о создании зеленой зоны в рабочем поселке. И крепко поддерживал первого садовода Сарыарки Григория Павловича Зуба, который вырастил в центре Карсакапия большой тенистый парк. Посадочный материал – двух-, трехлетние саженцы – Григорий Павлович привозил из Кызылорды. Так в Карсакапае в 1929 году появились карагач, тополь, ясень, белая акация, черная смородина... Второй крупный оазис в жезказганском регионе возник в поселке Рудник. В 1933 году он был заложен по инициативе К.И. Сатпаева на площади в один гектар под руководством агронома Солодовникова. И ассортимент деревьев и кустарников здесь уже был значительно богаче, появились ива, лох серебристый, клен, акация желтая, жимолость и аморфа. А вскоре сами жители Рудника стали выращивать у своих домов плодово-ягодные культуры: яблони, груши, сливы, вишни, смородину, малину, крыжовник и даже клубнику. Саженцы привозили из разных мест, откуда могли, даже из Красноярска, Ростова-на-Дону, Петропавловска.

И все же зеленых насаждений не хватало. Об арбузах, помидорах, картофеле, цветах, винограде и говорить не приходилось.

И вот К.И. Сатпаев в 1934 году в Москве на научной конференции, посвященной проблемам Большого Джезказгана, впервые серьезно ставит вопрос о необходимости создания в нашем карагандинском крае Ботанического сада для проведения работ по интродукции и озеленению горняцких поселков. Зелень – враг пыли и грязи, легким горняков нужен озон, а для этого следует выращивать деревья, сады, парки, огороды, цветники.

Только в 1939 году в Жезказгане в низовьях реки Кенгир создается опытная станция. Весной 1939 года дендролог Алма-Атинского ботанического сада П. Чабан привез сюда 4500 саженцев из Караганды, а весной 1940 года уже 5000 саженцев из Алма-Аты. Они-то и образовали зеленый щит опытной станции и будущий сад. Ведь в этих партиях саженцев были яблони, вишни, смородина. Появились первые березы, тамариск.

В мае 1942 года К.И. Сатпаев выступает по республиканскому радио, ставя перед учеными задачи по оказанию наибольшей помощи фронту. И говоря о необходимости увеличения разработок медных, марганцевых, железных руд, угля, он поднимает проблемы по освоению пустынных земель района Большого Джезказгана и созданию на месте плодовоовощной базы для промышленных предприятий. «Исследова-

ния на Джезказганской опытной станции, - говорил он, - доказали, что сельскохозяйственное освоение пустынных земель вполне осуществимо». И тут он ставит задачу перед работниками опытной станции: добиться на ее полях среднего урожая овощных культур: огурцов – 200 центнеров с каждого гектара, помидор соответственно 140, картофеля – 160, арбузов – 150 центнеров с гектара. Он планирует сдать с опытного участка в 10 гектаров 120 тонн свежих овощей для коллектива медеплавильного завода.

Надо ли говорить о том, что все это было выполнено? Более того – джезказганские огурцы, помидоры, картофель, арбузы оказались вкуснее и лучше тех, что привозили из Узбекистана, Киргизии и других мест. С полей опытной станции овощи шагнули на совхозные и личные огороды. Джезказган сам стал обеспечивать своих жителей зеленой витаминной продукцией.

Грех будет не вспомнить многих ученых – заключенных Степлага, которых привлекали в то время к изучению почв Джезказгана, топографическим, гидротехническим, ботаническим и другим исследованиям. Среди них – крупный агроном-селекционер Игорь Константинович Фортунатов. В 1931 году он окончил сельскохозяйственную Академию имени К.А. Тимирязева по специальности агроном-садовод. В январе 1933 года Игорь Константинович был арестован за «контрреволюционную деятельность», осужден особым совещанием НКВД на пять лет по 58 статье, направлен в Степлаг. В Джезказгане он испытал 125 видов древесных и кустарниковых пород, из них сорок – плодово-ягодных. Для озеленения Джезказгана он рекомендовал сажать акацию желтую, жимолость татарскую, жужгун, лох узколистый, тамариск, шиповник, карагач, клен американский, тополь белый. Из плодовых – абрикос сибирский, миндаль калмыкский, сливу канадскую, смородину золотистую, крыжовник алтайский.

В 1957 году опять же по инициативе К.И. Сатпаева в Джезказгане было организовано отделение института ботаники с зональным Ботаническим садом. Это дало дальнейший толчок созданию новых лесополос, парков, скверов, дачных массивов в городе металлургов и строителей. С участков Ботанического сада на улицы и площади Джезказгана стали перекочевывать новые деревья и кустарники, трава и цветы.

И тут хочется отметить работников Ботанического сада – кандидата сельскохозяйственных наук М. Биржанова, кандидатов биологических наук В. Шаталину, Т. Дмитриеву, К. Хохлову. Они многое сделали для озеленения города, его красоты.

Первый экспериментальный участок по обогащению ассортимента декоративных цветочных растений в пустынной зоне в Ботаническом саду заложила почти 35 лет тому назад Ксения Николаевна Хохлова. Она приехала в Джезказган по собственной воле после окончания Томского университета. Все приходилось ей делать собственными руками – проводить озимые посевы семян, сооружать необычные грядки с

углублениями-чеками, чтобы в них дольше держалась поливная вода. И как же радовалась она, когда несла показать всем работникам Ботанического сада свой первый огромный букет цветов!

За тридцать лет работы К. Хохлова привлекла к испытанию более тысячи видов и сортов цветочных растений. Однако выделила среди них только немногим более трехсот, пригодных для применения в озеленении Джезказгана. Особое внимание Хохлова уделила работе с тюльпанами – самыми стойкими цветами в условиях Центрального Казахстана. 36 сортов тюльпанов получили «постоянную прописку» на улицах и площадях города. Хорошо прижились здесь и хризантемы, каллы огненные, астры новобельгийские.

Не зря темой кандидатской диссертации Ксении Николаевны Хохловой стала интродукция декоративных цветочных растений в Джезказгане. Она ее защитила с большим успехом, став кандидатом биологических наук.

Те, кому приходилось бывать в нынешнем Жезказгане на площади Первостроителей, все обращают внимание на то, что возведенная здесь стела, бассейн с фонтаном, каменные плиты прекрасно смотрятся в сочетании с газоном, покрытым сочной зеленью и пурпурными тюльпанами, розовыми хризантемами, выведенными Ксенией Николаевной Хохловой.

Поэтому я всегда отношу ветеранов Ботанического сада к первостроителям Джезказгана. В год 60 – летия города меди они заслужили такой же большой славы и признания жезказганцев, благодарных им за цветущие оазисы в полупустыне Бетпакадалы.

Глава семнадцатая

«Песни ее как птицы...»

Журналист Максат Таж-Мурат как-то посоветовал мне:

- Напиши, пожалуйста, о Бибигуль Ахметовне Тулегеновой – она лучшая из певиц нашей республики, а мы о ней пишем мало, как-то вскользь, мимоходом...

Конечно, написать о Бибигуль Тулегеновой труда особого не составляло, ведь уже в далекие восьмидесятые годы она была народной артисткой СССР, лауреатом Государственной премии СССР, известной казахской оперной певицей... Ее голос (колоратурное сопрано) сразу покорял слушателей, а манера держаться на сцене мягко, обаятельно усиливала воздействие на людей исполняемых ею песен...

Впервые на высокое имя певицы, ее талант мне указали, как ни странно, не мои земляки, а дальневосточники. Как-то я побывал на путине в Тихом океане в заливе Петра Великого вместе с рыбаками сейнера «Рында». Во время подъема траловых сетей с рыбой на борт судна радист Вячеслав Довгаль во-всю включал в радиорубке песни в исполнении Бибигуль Тулегеновой, чтобы поддержать «боевой дух побратимов», поднять им настроение.

- Поет твоя землячка – казахский соловей,- пояснял Вячеслав мне.- Я присутствовал на ее концерте на Сахалине, и с тех пор зауважал ее за серебряный голос, а еще за истинное женское мужество. Представляешь, в Александровске она простыла, у нее поднялась температура, врач укладывает ее в теплую постель, отпаивает лекарствами, а она в последнюю минуту вскакивает с койки и – на сцену, укуталась в пуховый платок и запела...

«Чайка смело пролетела

Над седой волной...»

До сих пор на Дальнем Востоке ходят легенды о нашей Бибигуль Тулегеновой. Говорят, например, что рыбаки Сахалина хотели подарить ей шубу из меха нерпы – она отказалась... Тогда ей решили вручить небольшую куклу в шапке из куницы – этот скромный сувенир Бибигуль приняла с благодарностью, он до сих пор хранится у нее дома в Алматы как память о встречах с дальневосточными рыбаками.

Когда я вернулся в Казахстан, то не удивился, что люди республики с большой любовью и почтением произносят имя Бибигуль Ахметовны Тулегеновой. Моя мама – первый садовод города Никольского (ныне Сатпаев) Колчина Софья Павловна внешне была похожа на знаменитую певицу. И песни она любила напевать те, что исполняла Бибигуль – «Чайка», «Ласточка», «Пусть всегда будет солнце», «Катюша»... Мама всегда восторгалась большим талантом Тулегеновой, ее голосом.

В феврале 1995 года мне довелось участвовать в городе Сатпаеве в празднике юных дарований «Энши балапан». Ребятам из детсада поселка Рудник я подарил книги своих стихов «Строки любви». Вместе с Бибигуль Ахметовой Тулегеновой выступил в средней школе №4 города Сатпаева перед учителями и школьниками, прочитал свои казахстанские стихи «Я не казах, но был рожден», «На вершинах Улытау»... Затем запела Бибигуль Ахметовна... Меня до глубины души взволновал ее красивый серебристый тембр голоса. Хотя ей исполнилось тогда уже 69 лет, это совсем не чувствовалось. Обращаясь к школьникам и преподавателям, она говорила:

- Нам надо возрождать духовную жизнь республики. Бездуховность порождает жестокость. Поэтому нам всегда нужны будут талантливые певцы, музыканты, поэты, садоводы... Народный артист Ермек Серкебаев как-то говорил, что в духовном смысле деятели искусства, литературы – тоже миллионеры...

Тогда я подумал: как образно певица сказала, образно и точно. Сама Бибигуль Тулегенова, - наш казахстанский соловей – из этих духовных миллионеров. Она довольна своей судьбой, ибо была ее собственным дирижером. Этому она желает научить и молодых.

Нам подарили в школе цветы. Букетики красных гвоздик в белом метельном феврале. По заснеженному городу трепетно я нес их своей маме... Она обрадовалась, спросила: «От кого?» Я ответил: от Тулегеновой. Мама сначала не поверила, а затем с осуждением сказала: что же ты не пригласил ее в гости?

Об этом эпизоде своей жизни я рассказал в 1996 году в изданной в Караганде документальной книге «Медь Жезказгана». И, прочитав мои строки, мама воскликнула:

- Скупое, очень скупое ты написал о Бибигуль, она ведь давно поэмы заслуживает...

Тут мама подошла к книжной полке, немного «поколдовала» в ящиках и протянула мне вырезку из газеты... Это был Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Б.А. Тулегеновой звания Героя Социалистического Труда.

А история его появления была такова. В 1991 году М.С. Горбачев во время встречи в Москве с Н.А. Назарбаевым заявил ему: «Тут ко мне группа секретарей ЦК и обкомов партии обратилась с просьбой удостоить тебя Звезды Героя. Как считаешь?» Нурсултан Абишевич немного подумал и ответил: «Я еще не заслужил такой высокой награды. Дайте лучше Звезду Героя нашей Бибигуль Тулегеновой».

Так с подачи Назарбаева великолепная казахстанская певица стала Героем Социалистического Труда СССР. Надо заметить, что она последней в истории Советского Союза была удостоена немеркнувшей Звезды. Вскоре СССР распался, а вместе с ним ушла в прошлое и эта бесценная почетная награда. Но в торжественные моменты своей жизни Бибигуль

Ахметовна не забывает прикрепить к лацкану пиджака золотую Звезду Героя. С ней она не расстается и в наши дни.

- Заслуженно получила! – резюмировала мама. – Вот почитай-ка, что о Бибигуль говорят люди.

И она опять протянула мне вырезки из газет и журналов – большое количество собранных ею отзывов о таланте Б.А. Тулегеновой и ее растущем мастерстве. Среди них особо хотелось бы мне отметить слова композитора Тихона Хренникова: «Бибигуль – казахский соловей, Бибигуль исполняет песни как птица... Если говорить чистосердечно, в национальном искусстве нет равной Бибигуль Тулегеновой». Известный писатель Чингиз Айтматов писал: «Голос ее звучит – божественно. Но не только это я бы хотел отметить. Мне хочется обратить внимание на ее исключительную способность перевоплощаться и давать типы, диаметрально противоположные... Перед нами... великая певица. Манера пения – какая-то особенная упрощенность звука и неровный темп – производит впечатление трогательной, наивной первой любви...»

Высокое признание великих людей – оно, конечно, приходит не сразу. На встрече с поклонниками своего таланта в Караганде в кинотеатре «Сарьжайлау» 19 октября 2011 года Бибигуль Ахметовна несколько раз повторила, что мало иметь талант, надо уметь трудиться всю жизнь, развивать и утверждать его. Этому ее научила русская писательница Галина Серебрякова, которая первой рассмотрела в Бибигуль ее прекрасное будущее певицы. Произошло это в городе Семипалатинске в начале 1948 года, во время областного смотра художественной самодеятельности. Бибигуль выступила от жестяно - баночного цеха мясокомбината, где работала, с песней Л.Хамиди «Казахский вальс» и получила довольно высокую оценку жюри. Первой ее поздравила Галина Серебрякова, которая в то время находилась в ссылке в Семипалатинске как «социально опасный элемент». Ей запретили писать, но разрешали давать уроки музыки молодым.

Мало кто знает, что Галина Иосифовна была разносторонне одаренным человеком. Она не только умела писать превосходные очерки и книги, но и петь, играть на пианино. Исполнительскому мастерству она училась у самой А.Неждановой, известного режиссера Ф. Комиссаржевского, а также за рубежом. И вот Серебрякова выделила среди участников художественной самодеятельности Семипалатинска Бибигуль Тулегену и предложила давать ей уроки для последующего поступления в консерваторию... Начиная певица с восторгом и благодарностью согласилась, тем более что Галина Иосифовна сказала: «Не поставит такой голос – преступление».

Бибигуль называла Г.И. Серебрякову «Мама Галя». Никто не заставлял ее произносить эти слова, они вырывались из глубин ее души сами по себе, без всяких понуканий, искренне. В гостях у Серебряковой девушка чувствовала себя как дома. Этому в немалой степени способствовала мать Галины Иосифовны – Бронислава Сигизмундовна Кра-

суцкая, очень отзывчивая и добрая женщина, которая всегда поила «голодного ребенка» чаем с сахаром, угощала пирожками с картошкой... «На пустой желудок петь нельзя,- говорила она Бибигуль.- Будет не песня, а волчий вой».

Сама Галина Иосифовна Серебрякова была покорена солнечным голосом Бибигуль... В своей книге «О других и о себе» (Москва, 1971 год) она написала по этому поводу: «Хотя голос был не поставленный, поэтому напряженный и неуверенный, тембр его поразил меня неожиданным сходством с одним из лучших колоратурных сопрано века. В 1931 году в лондонском «Альберт-Холле» я слышала неповторимую Гелли Курчи. И вот в далеком Семипалатинске в голосе дебютантки-певицы, никогда еще не учившейся петь, прозвучали те же лучистые, нежные, как пух одуванчика, ноты».

Б.А. Тулегенова до сих пор благодарна Галине Иосифовне Серебряковой за первые уроки музыки, за то, что она «подковала» ее голос, дала ему певческое дыхание. С помощью первой учительницы пения она подготовила сольную программу для поступления в Алма-Атинскую консерваторию. В нее включила такие серьезные вещи как ария Джильды из оперы Д. Верди «Риголетто», «Весенние голоса» И. Штрауса, арию мадам Баттерфляй из оперы Д. Пуччини «Чио-Чио-сан» на итальянском языке... Все были очарованы и потрясены голосом Бибигуль, когда она в августе 1948 года выступила на республиканской Олимпиаде художественной самодеятельности. По ходатайству членов жюри Олимпиады М. Тулебаева, Л. Хамиди, К. Байсеитовой, Н. Куклиной, Н. Нагулиной Бибигуль Тулегенова без сдачи экзаменов была зачислена в Алматинскую консерваторию имени Курмангазы. Ошеломляющий успех!

В Семипалатинске больше всех радовалась этому мама Галя. Только сейчас, спустя годы, Бибигуль Ахметовна по-настоящему понимает, какой отважной и сердечно щедрой надо было быть Г.И. Серебряковой, чтобы в условиях сталинской ссылки не только не пасть духом, но и поддерживать морально и профессионально людей, рвущихся к вершинам искусства. Такой была Галина Серебрякова, скромная во всех отношениях женщина, готовая отдать ближнему последний кусок хлеба и последнюю одежду! Бибигуль тогда заметила, что у мамы Гали в гардеробе по сути ничего не было кроме одного праздничного белого платья и пары черных лакированных туфель... Почти всю одежду и обувь, привезенные из Москвы, она раздала нищим! Вот, действительно, миллионер души!

Конечно, после Галины Серебряковой у Бибигуль будет немало новых учительниц пения и музыки. Но первая – это на всю жизнь в воспоминаниях и сердце.

Во время встречи с Бибигуль Тулегеновой в кинотеатре «Сарыжайлау» некоторые карагандинцы имели неосторожность называть ее великой эстрадной певицей и даже великой киноактрисой. Бибигуль Ахметовна с этим не согласилась, называя себя скромно: профессиональной

певицей. Конечно, ей под силу любая сцена, но она всю жизнь предпочитала дружить с оперой, классикой. И творческое становление ее произошло в стенах Казахского академического театра оперы и балета имени Абая. Помню, близ здания этого театра летом 1989 года я впервые встретился с дочерью великого ученого-геолога К.И. Сатпаева Меиз Канышевной Сатпаевой. И она мне сказала:

- Я люблю этот театр. Я побывала почти на всех премьерах опер, в которых была занята Бибигуль Тулегенова. Папа очень уважал ее, любил ее голос... Я на всю жизнь запомнила Бибигуль в «Травиате», ее партнером был Ермек Серкебаев. Это был неповторимый замечательный дуэт двух талантливых артистов.

Меиз Канышевна особо отметила вклад Бибигуль Тулегеновой в развитие национальной оперы. Она создала дорогой и любимый для дочери Сатпаева образ Кыз-Жибек из одноименной оперы Е. Брусиловского. Во всю раскрывала свой талант Бибигуль в опере Еркегали Рахмадиева «Алпамыс», исполняя партию Гульбаршын. Она стала первой исполнительницей партии Енлик в знаменитой теперь опере «Енлик-Кебек» Газизы Жубановой...

- Бибигуль Тулегенова многое сделала для расцвета культуры Казахстана,- говорила мне Меиз Канышевна.- Она несла свое искусство в массы, не боясь преодолевать огромные расстояния на самолетах и поездах. Я встречала ее на рудниках Джезказгана и Балхаша, в шахтах Караганды, в тех местах, куда иных певцов и калачом не заманишь...

Сама Бибигуль Тулегенова мне рассказывала в городе Сатпаеве, что она очень дорожит подарками горняков Караганды шахтерской каской, добытчиков руды Джезказгана – слитком меди с прозеленью...

Жезказганский поэт и композитор Каирбек Садвакасов утверждал:

- Бибигуль Ахметовна воистину народная артистка, плоть от плоти нашего племени. Когда она приезжает в Жезказган, все вокруг оживает, становится прекраснее и теплее. От ее песен расцветают розы и яблони, мир светлеет и душа рвется к Поэзии...

Жезказганская писательница Зинаида Чумакова, долгое время работавшая заведующей отделом культуры города меди, рассказывала:

- Если во Дворце культуры металлургов концерт Тулегеновой, то двери ДК нельзя закрыть, народ валит со всех концов города, приезжают даже из далеких районов Улытау, Джездов, Жанаарки... Зал Дворца не может вместить всех желающих послушать Тулегенову. Что же делать? Выносим динамики на площадь перед ДК, чтобы концерт слушали все, кто не успел приобрести билеты... И тут возгласы радости, одобрения, люди подхватывают песни, которые исполняет Тулегенова, танцуют. Приезд Бибигуль – всегда огромный праздник города, его жителей...

Неоднократно на концертах Б.А. Тулегеновой бывал бригадир забойщиков Западного рудника ДГМК, житель города Сатпаева, кавалер ордена Ленина Леонид Кириллович Скоробогатов. По его мнению, не

зря в 1970 году Бибигуль была удостоена за свои концертные программы Государственной премии СССР.

- Она поет для народа как соловей, - говорил мне Скоробогатов. - И песни она подбирает подходящие для сердца простого человека.

Леонид Кириллович записал на своем магнитофоне песни советских композиторов «Чайка», «Река Лаба», «Сад мой», «Вальс радости», некоторые русские романсы в исполнении Бибигуль. Он брал с собой магнитофон в забой, и включал его во время небольших технических перерывов. И его друзья-горняки, смахивая пот со лба, присаживались у горячего комбайна и слушали Бибигуль. «Ее песни помогали нам обрести покой и хорошее настроение, желание трудиться с душой,- утверждал Леонид Кириллович.- Мы Тулегену считали почетным членом нашей бригады».

«Наша Русланова»,- сказал как-то в своем выступлении бывший мэр города Сатпаева Серик Макенович Торсгельдин, характеризуя Тулегену. И в этом есть огромная доля правды. Она также талантлива как Лидия Русланова, и также глубоко народна... Больше того - Бибигуль Тулегенова немало сделала для популяризации песенного творчества казахов за рубежом, как Русланова для признания русских народных песен в Европе.

Так, наша Бибигуль дважды побывала во Франции. Об этом неоднократно писала бывшая заведующая отделом культуры и литературы редакции республиканской газеты «Казахстанская правда» Светлана Петровна Ягмурова. И она мне поведала, что в 1972 году на Фестивале искусств народов СССР во Франции Бибигуль впервые приобрела мировую славу благодаря тому, что великолепно исполняла казахские народные песни «Гаухар-тас», «Ахау, Семей», а также песню Латифа Хамиди «Булбул». Зал Дворца спорта у Версальских ворот был переполнен. Около 6 тысяч зрителей вмещал он, но этого оказалось мало. Пришлось давать по два концерта в день. Выступления Бибигуль Тулегеновой высоко оценили президент Франции Жорж Помпиду, генеральный секретарь ЦК Французской Коммунистической партии Жорж Марше... Но приятнее всего Бибигуль было услышать из уст простой пожилой француженки, которая с большим трудом прорвалась к ней в номер с букетом алых роз, слова признания и любви к песням казахского народа, которые та услышала впервые в жизни. Француженка говорила взхлеб: «Это очаровательно! Это трогательно! Не забывайте Францию – мы будем ждать Вас, Бибигуль!»

И уже в октябре 1975 года Тулегенова опять во Франции, на этот раз по приглашению Общества дружбы «Франция – СССР». Она проехала по стране мушкетеров Александра Дюма около четырех тысяч километров, дала более 20 концертов, которые прослушали более двадцати тысяч зрителей.

На одном из этих концертов побывал Олжас Сулейменов. Это было в городе Шампиньи. Вот как он пишет о незабываемой встрече: «...

Стал волноваться, когда начались сольные выступления. Ведь французский зритель, который слышал выдающихся мастеров итальянской школы, ничему не удивится... На сцену словно выпорхнула Бибигуль Тулегенова, и когда она запела «Бул Бул» поистине соловьиным голосом, я понял силу искусства. Ей была устроена настоящая овация. Вообще, Бибигуль очень понравилась французам... Красота казахских песен, певучесть мелодий, их изящество, ироничность для французов были новостью, которую они никогда не встречали раньше. Они открывали для себя новую культуру, новый народ...»

Бибигуль Тулегенова открыла культуру казахского народа, его несенность и в других странах мира. А побывать ей с концертами пришлось и в Индии, и в Венгрии, и в Швеции, и в Финляндии; и в Англии, и в США, и в Германии... Весь мир рукоплескал песням нашей Бибигуль, талантливой певице казахских степей!

Хорошую инициативу проявил Нурлан Зайруллаевич Нигматулин в бытность акимом Карагандинской области, когда открыл в городе шахтеров аллею звезд Казахстана, и первой на ней представил Бибигуль Тулегенову. Она по достоинству получила это право – увековечить свое имя в граните. В интервью журналистам Бибигуль Ахметовна говорила о высокой миссии искусства, вспоминала свою первую учительницу пения Галину Серебрякову, отца Ахмета, подарившего ей в детстве скрипку...

Да, любовь к музыке, пению надо воспитывать в детях с малых лет, приучать их трудиться творчески со школьной скамьи... Она благодарила Президента Н.А. Назарбаева за создание атмосферы творчества, дружбы в республике. У Бибигуль – большая семья, в ней более десяти национальностей. Отец певицы – казах, мать Майнур – татарка. Ее первая учительница музыки Галина Серебрякова была русской. Стоит ли ломать эту вековую дружбу людей разных национальностей? Ведь только в тишине, спокойствии, единстве создаются великие песни и рождаются великие певцы. И пусть в этом плане наша республика остается примером для других стран.

Это было в 2008 году. И вот спустя несколько лет Бибигуль Ахметовна снова в Караганде, во Дворце горняков ее снова встречают признательные ей за великое пение слушатели... Огромный букет из двадцати больших алых роз лег у ног знаменитой певицы... 16 декабря 2014 года ей исполнилось 85 лет. Но ведет она себя так, как будто ей 28. Жизнерадостной, полной оптимизма, многоголосой запомнили ее карагандинцы. Оставайтесь такой до 100 лет, Бибигуль Ахметовна!

Глава восемнадцатая

**Верный компас
Зинаиды Чумаковой**

В Карагандинской областной библиотеке имени Гоголя писательнице Зинаиде Степановне Чумаковой (Зулпе Супьяновне Джабраиловой) вручили золотую медаль имени Константина Симонова. Поздравляя ее с этой высокой литературной наградой, я сказал, что успех Зинаиды Степановны закономерен – она не только талантлива, но и трудолюбива. Она никогда не изменяет своему верному компасу – жить для людей, быть вровень с теми писателями, кто создает великой силы моральные ценности.

«Делать человека лучше, чем есть», - это выражение было в свое время любимым девизом Константина Симонова. Собственно говоря, к этому стремились все советские писатели – Александр Фадеев, Борис Полевой, Константин Паустовский... Все они были оптимистами, и в их устах часто звучало: прекрасно, превосходно, а Александр Фадеев даже повторял слово «расчудесно». Зинаида Чумакова любит слово «диво». И у нее в стихах живут «дивный миг», «всем на диво», «дивная осень», «дивные грезы», «дивные строки». Но самое главное «диво» на земле, считает Чумакова, - это дружба людей, народов разных национальностей. Без этого дива не может быть жизни на планете, любви, согласия и спокойствия, чтобы заниматься творчеством, созидать.

*«Нас Казахстан по долгу чести,
Как кровных братьев, приютил.
Он эту долю с нами вместе
Судьбой единой разделит.
Все помню. Детям завещала
Священной дружбой дорожить...»*

Дорожить дружбой... Да, это в крови Зинаиды Чумаковой и не только как поэта, но и просто как человека, рвущегося к небесам.

Большое чувство первой настоящей дружбы она испытала, встречаясь в городе Никольском с поэтом-горняком Георгием Гайдуком. Вместе они выступали перед рабочим людом на шахтах и в ДК, только Георгий в качестве поэта, а Зинаида – ведущей вечеров чествования лучших горняков. Помните, в то время была такая всесоюзная телепередача «От всей души», когда ведущая рассказывала о биографии рабочих, представляли их, в их честь исполняли их любимые песни? Точно такие же вечера проводила Зинаида у нас на рудниках, в шахтопроходческом тресте, в ДК.

Я в то время был руководителем областного литературного объединения «Слиток». И вот Зинаида звонит мне в Дзезказган и приглашает всех членов литобъединения в кафе в Никольский, чтобы познакомить нас с местными поэтами горняцкого городка. На вечере мы впервые и познакомились с Георгием Гайдуком. Он уже был признанным поэтом, без отрыва от производства окончил заочное отделение Литературного института имени М.Горького, но изменять горняцкой профессии не собирался, продолжая работать машинистом экскаватора шахты-гиганта № 57 Восточного рудника.

На том вечере он читал стихи медленно, не очень громко, душевно, как бы отливая медь. Запомнились строки его стихов:

*«Не страшись больших и малых дел.
Доберись во всем до самой сути,
Чтоб потом, скорбя, сказали люди:
Он все сделал. Большие – не успел».*

Вскоре Георгия Гайдука не стало. Он многого не успел сделать, но остались жить его стихи! И это произошло благодаря усилиям Зинаиды Чумаковой, которая собрала стихи своего друга в одну книгу «Колесо жизни», издав ее.

Под влиянием Гайдука Зинаида еще при его жизни стала писать собственные стихи. Георгий одобрял их, помогал править, добиваться ясности строк. После кончины поэта Зинаида Чумакова как-то побывала на его даче. Там родились ее печальные строки:

*«Никогда не сидеть тебе
Между низко склоненных слив...
Моя грусть – по твоей судьбе.
Ах, как мир без тебя тосклив».*

Стихи понравились дзезказганскому поэту Юрию Грунину, он посоветовал Чумаковой «замахнуться» на книгу поэзии. И с тех пор – больше тридцати лет – они дружили душа в душу, помогая друг другу. И неизвестно, кто кому принес больше пользы. Во всяком случае не без помощи Зинаиды Степановны в алматинском издательстве «Газета» в 1993 году вышла первая книга стихов Ю. Грунина «Пелена плена». Она была издана по ее настоянию и многочисленным просьбам за счет средств Жезказганского областного отделения республиканского фонда развития культуры, науки и образования. Помогла Чумакова Юрию Васильевичу Грунину и в издании книги мемуаров «Спина земли», вышедшей в Астане в 1999 году. В предисловии к этой книге она отметила трудную и сложную судьбу автора, попавшего в плен в годы Отечественной войны, а затем отсидевшего за этот плен более 10 лет в концлагерях Сталина, в том числе в Степлаге. И если бы не Поэзия, не выжить бы нашему герою. Сочиняя стихи за колючей проволокой, Грунин закалял свой характер, укрепляя веру в светлое будущее, освобождение.

Умению З. Чумаковой организовывать добрые дела можно только позавидовать. Еще в 1980 году я отметил эту прекрасную черту ее жизнедеятельности. Тогда Зинаиду Степановну назначили директором Дворца культуры строителей в городе Никольском. Она только что окончила Карагандинский педагогический институт, и, ясное дело, опыта культработника у нее еще было мало. Но это ее не испугало – опираясь на энтузиастов-культармейцев, она заметно оживила работу ДК, создав там ансамбль песни и танца, эстрадно-симфонический оркестр, клуб «Гренада». Она впервые организовала в ДК музей трудовой славы прославленного треста «Казмедьстрой», провела вечера чествования заметных строителей города. Именно тогда она привлекла местных поэтов к участию в мероприятиях ДК. И ей сегодня непонятно и больно слышать о том, что в больших городах области до сих пор писателей не привлекают к культурной жизни, сторонятся их. А ведь как прекрасно читали свои стихи с подмостков эстрады и сцен тот же Георгий Гайдук, Юрий Грунин! А поэт Куаныш Ахметов! Это же образец для подражания молодым.

Можно смело сказать, что я первым в прессе отметил большой организаторский талант З.С. Чумаковой, опубликовав о ней очерк «Чем взволнована Зинаида?» в областной газете «Джезказганская правда». Вскоре ее приметили в «верхах», назначив начальником городского отдела культуры города Никольского (ныне Сатпаева). Ее работу на этом ответственном посту не раз отмечал первый секретарь горкома партии, а затем аким города Владимир Николаевич Малышев.

Мне постоянно приходилось бывать в те времена в Сатпаеве (там жила моя мама), и скажу: ДК, кинотеатры, библиотеки в то время не пустовали, как сейчас. Как-то довелось мне присутствовать на спектаклях народного театра ДК горняков, там встретился с Чумаковой, она была довольна, что этот народный театр победил на республиканском уровне, о нем писали в газетах.

Я не удивился, когда Зинаиду Степановну назначили начальником отдела культуры областного центра – Жезказгана. Интеллигенты города ликовали – наконец-то, они получили достойного лидера. С ее приходом во всю заработали клуб интеллигенции города, литературное объединение... Я до сих пор благодарен Зинаиде Степановне за организацию и проведение моего 60-летия во Дворце культуры металлургов. Это был аншлаг! Весь зал был до отказа заполнен зрителями, мои книги расходились, как у Маяковского... Это памятная зарубка на всю жизнь!

Работая с интеллигентами города, Зинаида Степановна не забывала о большом доверии к ним, всегда проявляла большое уважение к каждой личности. В этом я убедился, когда она подарила мне свою книгу «Земные звезды Жезказгана», изданную в 1996 году. Тут она воедино в один букет собрала разноцветье личностей города. О каждом таланте она хочет рассказать как можно больше и как можно ярче, теплее. Конкретны, запоминаются нарисованные ею образы местного композитора,

певца и музыканта Бориса Рыбакова, поэта, режиссера и сценариста Каирбека Садвакасова, художника, скульптора Виталия Хлебова, писателя-драматурга Албаза Каражигитова и других. Многих из них я знаю лично не понаслышке, и скажу: в описании их Чумакова была правдива и точна.

Уехав в Караганду, я продолжал следить за карьерным ростом Зинаиды Степановны. В последние годы работала она пресс-секретарем акима города, а затем ее назначили директором Жезказганского историко-археологического музея. И на новой должности она отличилась, став автором ряда музейных проектов: «Их имена – на улицах нашего города», «Имя – на скрижалях истории», «Аул – золотая моя колыбель». Она создала двухгодичную школу музейных работников, в которой обучает молодых риторике, психологии общения, ораторскому искусству. Как прежде, она ведет клуб творческой интеллигенции города, не порывая с поэтами и прозаиками.

За это время Зинаида Чумакова стала членом Союза писателей Казахстана и России, заслуженным работником РК. Кроме золотой медали имени Константина Симонова ей вручили литературную премию и орден имени Гавриила Державина. В свет вышло около десяти ее книг, в том числе сборники эссе «Свет и тени», «Диалектика души», повесть «Иволга», книга поэзии «Осенняя рапсодия» и другие.

Десять лет Зинаида Степановна возглавляла Жезказганский областной общественно-культурный центр чеченцев и ингушей «Вайнах». Она была членом Ассамблеи народа Казахстана первого созыва, делегатом первого форума народов РК. Недавно она выступила на 20 Ассамблее народа Казахстана, которая прошла под девизом: «Стратегия Казахстана – 2050: один народ – одна страна – одна судьба». В ее выступлении ярко обозначилась тема любви к Отчизне, ее людям. Она даже прочитала свои стихи:

*«Мне край этот с детства –
единственный рай.
Я песни люблю про Марьям с Дударай.
И звуки домбры
мое сердце пленят,
они меня с жизнью казахов
роднят!»*

Прочитав в газетах сообщения о выступлении Зинаиды Чумаковой на Ассамблее народа Казахстана, я подумал: у нее все хорошо, порадовался за нее, что она, как прежде, востребована, продолжает придерживаться своего верного компаса – служить людям. И я мысленно пожелал ей удачи в творческих поисках, создании новых книг.

Глава девятнадцатая

Прощай, Куаныш!

В 2008 году неожиданно скончался мой друг, товарищ, коллега по перу – известный казахстанский писатель-краевед, переводчик, поэт, инженер-горняк Куаныш Ахметов.

Судьба свела нас в Жезказгане. Он приходил на занятия областного литературного объединения «Слиток», которым я в то время руководил, и всегда покорял нас глубокими знаниями о русской и казахской литературе, жизни и творчестве многих писателей, одаренных людей советской эпохи. Однажды он подошел ко мне с газетой, в которой была опубликована моя статья о Герое Советского Союза Вере Хоружей, и спросил:

- А ты знаешь, что твоя героиня в Балхаше была исключена из партии, а затем арестована как враг народа? Поищи в архиве эти материалы, вот будет сенсация!

Когда Куаныш узнал, что я пишу книгу «На земле Сатпаева» - о первопроходцах Сарыарки, то принес мне дневник ленинградского топографа, геодезиста Олега Григорьевича Чистовского, который проводил в джездинской степи впервые топографические съемки Шагырлинской поймы, урочища Белый Камень, сопки Карамола. Олег Григорьевич по просьбе Каныша Имантаевича Сатпаева первым составил топографический план Актасского месторождения уникальных кварцевых руд в масштабе 1: 2000. Безусловно, эти материалы я использовал в своей книге, и Куаныш был рад, что тем самым обогатил мой документальный рассказ о первопроходцах нашего меднорудного края.

Куаныш удивлял меня тем, что он знал многие «белые пятна» в истории, дотошно искал в архивах правду о том или ином явлении, великих людях. Он впервые установил точную дату появления села Улытау. Он доказал, что в жилах великого русского полководца Александра Невского текла кровь кипчаков, что тот бывал в отрогах большой горы в ставке родного брата хана Батыя-Ежена. В своей статье об Александре Невском Куаныш взволнованно писал: «Разве такой человек может быть нам чужим? Он – сын и казахского, и русского народов, общая наша гордость!»

Куаныш Ахметов убедительно доказал, что в Улытау находилась зимняя резиденция хана Кенесары. В Омском областном государственном архиве он нашел документы о том, что Кенесары с сообщниками своими зимовал обыкновенно в горах Улытау, у Куаныша дома хранилась копия сообщения об этом Оренбургского генерал-губернатора министру иностранных дел России.

Сколько таких открытий было на счету нашего Куаныша! Помню, накануне празднования 1500-летия Туркестана Международный

фонд ЮНЕСКО объявил конкурс на лучшие исторические и историко-публицистические произведения. В числе победителей из Казахстана был назван и мой друг Куаныш Ахметов. Его очерк на историческую тему «Туркестан и Улытау» жюри отметило поощрительной премией. Как ребенок, радовался он сотовому телефону, который ему вручили вместе с Дипломом лауреата конкурса. Он мне позвонил из Туркестана:

- Я тебе звоню по сотке, которую мне тут подарили.

И пояснил с гордостью:

- Это – награда ЮНЕСКО за Улытау.

Улытауские края он любил незабвенной сыновьей любовью. В 1999 году в Омске вышла его первая книга «Улытау – священная гора Великой Степи». Незадолго до его кончины в издательстве «Фолиант» была издана его вторая книга об Улытау, довольно увесистый том с многочисленными цветными фотографиями и документами. Этому труду по своему объему и содержанию цены нет!

Я благодарен Куанышу за то, что он первым перевел мои стихи на казахский язык и опубликовал их в печати, не раз поддерживал мои критические статьи в газетах. «Если мы не будем давать критики, то жизнь заглохнет», – говорил он. И сам нередко вступал в полемику с сильными мира сего, не терпел их чванства, фальши и малой грамотности. Он был признателен акиму города Жезказгана Жумамади Ибадильдину за то, что тот высоко ценил его книги, поддерживал и одобрял его творческий поиск, помогал ему находить спонсоров для поездок в архивы Омска и Оренбурга, издания своих замечательных книг.

Большого талантливого писателя потеряла казахстанская земля. Не могу свыкнуться с мыслью, что уже нет нашего Куаныша. Листаю его книги, вспоминаю встречи с ним. Тяжело мне и больно, как сегодня тяжело и больно тысячам его почитателей. Успокаивает одна мысль, что живут на радость нам книги Куаныша, написанные его щедрым сердцем и душой поэта – искателя духовных ценностей народа.

II

Карагандинские были

Глава двадцатая
Бесценное достояние

Читатели моих книг Т. Раисов, П. Сигалов, Е. Коротких, М. Жанибеков, Е. Тагиева обратились ко мне с просьбой рассказать о встречах с Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Дорогие мои, что вам сказать? О многих встречах с Президентом я рассказал в своей книге «Наш Назарбаев». Но поскольку она выходила небольшими тиражами, то, наверное, многие из Вас ее не видели, не знают. И я подумал: а почему бы не использовать Вашу просьбу и лишний раз не поведать о незабываемом, теперь для меня далеком и невозвратном? Тем более, что скоро мы будем отмечать 75-летие нашего Президента.

Да, мне много раз приходилось встречаться с Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. До сих пор, как бесценные реликвии, я храню фотографии, на которых запечатлены некоторые встречи. Конечно же, все они проходили в официальной обстановке, на глазах у людей.

Первая фотография запечатлела участников республиканского семинара по повышению эффективности сельского хозяйства РК в Нуринском районе, который проводил Нурсултан Абишевич Назарбаев. На нем шла речь о внедрении новой техники и технологий при севе зерновых и уборке урожая, о заготовке различных кормов для животноводства. Проходил семинар в опытном совхозе - институте, который возглавлял знаменитый ученый-хлебороб Александр Христенко. Он показал всем участникам семинара образцы новых комбайнов американских и российских фирм. А затем рассказал о своей поездке в Голландию, о применяемых там технологиях по выращиванию зеленого корма для животных.

Нурсултан Абишевич тогда говорил о необходимости увеличивать урожайность зерновых и кормовых культур, а для этого сильнее, лучше использовать опыт хозяйства - института Христенко. На память группа участников семинара сфотографировалась с Н.А. Назарбаевым. После этого семинара я неоднократно бывал в гостях у Христенко, писал о методах его работы по увеличению зерновых и кормовых культур на страницах республиканской газеты «Казахстанская правда».

Памятна мне вторая фотография - это момент моей беседы с Нурсултаном Абишевичем в июне 1991 года на шахте имени Тусупа Кузембаева. Тогда Н.А. Назарбаев был уже Президентом Казахстана. Но забастовочные страсти на шахтах Карагандинского бассейна еще не утихли. Одна шахта имени Кузембаева не бастовала, благодаря ее углю не остановилось производство металла на Казахской Магнитке в Темиртау. И в этом была большая заслуга тогдашнего директора шахты Альберта Гергардовича Саламатина и секретаря парткома Болата Жумабекова, ко-

торые нашли общий язык с шахтерами, применив всю силу ораторского искусства.

Показал всю мощь своего умения убеждать людей в тот памятный день и Нурсултан Абишевич. Он приехал к шахтерам посоветоваться насчет закрытия Семипалатинского полигона, и это было воспринято с восторгом. Только разоружение, мир, прекращение атомных испытаний могли стать гарантом благополучия страны. А мы, шахтеры, не подведем! Это было лейтмотивом выступлений многих горняков, представителей шахт. Вскоре после этого весь бассейн встал с колен, забастовки прекратились. Более подробно об этой встрече с Нурсултаном Абишевичем, а также об интервью с ним я рассказал в своей книге «Наш Назарбаев», которая выходила дважды в издательствах Караганды и Астаны.

Смотрю на снимок, и с благодарностью вспоминаю фотокорреспондента газеты «Шахтерская неделя» Александра Бирюкова, который сумел мастерски запечатлеть мою встречу с Нурсултаном Абишевичем на шахте имени Тусупа Кузембаева.

Листаю свой фотоальбом - еще один снимок: активисты области на открытии казахстанско-американского онкологического Центра в Караганде с Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Тогда пояснения по поводу нового Центра давал Сергазы Мынжасарович Адекенов - создатель противоопухолевого препарата «Арглабин», который стали производить из полыни гладкой, произрастающей только в степях Центрального Казахстана. Ряд ученых дальнего зарубежья, прежде всего США, подтвердили высокую противоопухолевую активность лекарства. Мне довелось разговаривать с американцами: мистером Робертом С. Томасом и доктором М. Вильямсом - они хорошо отозвались об «Арглабине».

Во время посещения казахстанско-американского Центра Н.А. Назарбаев высказал мысль о необходимости строительства фармацевтического завода в Караганде и организации более интенсивного выпуска «Арглабина». Намечалось это в 1996 году - сейчас все стало явью.

Еще один дорогой моему сердцу снимок сделал известный фотокорреспондент КазТАГ Валерий Петухов. В июле 1997 года после окончания пресс-конференции в здании тогдашней областной администрации я подарил Нурсултану Абишевичу только что выпущенную местным издательством мою книгу «Просторы Сарыарки» и попросил его сделать автограф на только что изданной его книге «На пороге XXI века». Он с удовольствием написал: «В.М. Могильницкому. Желаю дальнейших творческих успехов. Н. Назарбаев». И, вручая мне свою книгу с автографом, спросил меня:

- Уже прочитал? Каково мнение? Понравилось?

Я ответил:

- Буду использовать в своей работе.

Судя по реакции его лица, я понял: ответ мой ему пришелся по душе. Да и рассудите сами: для чего и для кого Нурсултан Абишевич пишет свои книги, для себя что ли? Нет, конечно. Это его прочная связь

с народом, с людьми. Писательской строкой, четкой и ясной, он передает свои мысли, переживания многочисленным читателям, вводит их в курс своей политики, больших дел по развитию республики.

Валерий Петухов сфотографировал Нурсултана Абишевича в тот момент, когда он делал для меня надпись на книге «На пороге XXI века». Я стоял рядом, поддерживал книгу. Не каждому журналисту выпадает такая радость: получить автограф Президента!

Поддержка Н.А. Назарбаева окрылила меня на новые литературные подвиги. Более 20 книг издал я после этой памятной встречи с Президентом, написал десятки статей о его политике мира и созидания, его замечательной трудовой биографии, которая начиналась в городе металлургов Темиртау.

Драгоценные фото... Обо всех не расскажешь, да и надо ли? Нескольким раз я стоял рядом с Назарбаевым в доменном цехе, наблюдая, как трудятся горновые, слушал его рассказ о своей молодости, о том, как закалялся его характер у настоящего огня. В Караганде я встречался с Нурсултаном Абишевичем и на шахте имени Костенко, и на хлебомакаронном комбинате, и на закладке театра имени Сакена Сейфуллина, и на открытии мемориала погибшим шахтерам... С группой журналистов я сопровождал его неоднократно в рабочих поездках в Темиртау, Сарань, Абай... Я присутствовал на открытии блестящего музея памяти жертв политических репрессий в Малиновке близ Астаны, где выступал Нурсултан Абишевич Назарбаев. Сам по собственной инициативе и на свои средства ездил в страну детства и юности Президента - Каскелен и Чемолган, чтобы рассказать людям о его родителях и первых учителях.

Весь этот богатый материал мне пригодился при написании книги «Наш Назарбаев». А свой текст я усиливал многочисленными фотоснимками, которые мне дарили мои друзья-коллеги, в том числе первый личный фотограф Президента Иосиф Львович Будневич. Фотографировал Назарбаева я порой и сам, надеясь на большую творческую удачу. И она приходила, потому что успех любит творческих людей, тех, кто не боится много работать, дерзать, а порой даже рисковать своим здоровьем и временем во имя высокой цели.

Свои книги и статьи о Нурсултане Абишевиче Назарбаеве я считаю моим бесценным достоянием. Я горжусь, что их читают, о них пишут, проводят их презентации, конференции и встречи со мной. Мне доводилось писать книги и статьи о многих замечательных людях республики и России. Ярким получился и образ нашего Нурсултана Абишевича Назарбаева, о чем свидетельствуют обращения многих читателей ко мне.

Я рад, что жил и живу в счастливые времена правления Н.А. Назарбаева, что он один из самых блистательных, мудрых и примерных моих современников.

Глава двадцать первая
Наш комиссар Клара

Не всем было дано «яблоком падать к чужим ногам». Не каждому суждено было стать партийным работником, чтобы посвятить всю свою жизнь людям, служению партии и Отечеству. А вот Кларе Агеевне Меркуловой повезло – в прошлом веке ей посчастливилось быть партработником, строить Казахстанскую Магнитку, работать с людьми на самой передовой – стройках, утверждать величие и неповторимость человека в борьбе за «лучшее будущее». Когда я впервые встретился с Кларой Агеевной, ей было уже 86 лет, пора подводить итоги жизни, и она говорила мне: «Я нисколько не жалею о пройденном мной пути, он был светел и чист, ибо все силы моей души были отданы самому ценному в мире – созиданию, строительству новых заводов и домов, скверов и площадей. Даже первые рельсы трамвая в Темиртау мы прокладывали, даже первые деревья, цветы во дворах и на пустырях города металлургов мы разводили...»

У Клары Агеевны, несмотря на ее возраст, сохранилась отличная память. И она хорошо помнила себя юной, пятнадцатилетней, когда ее привезли родители в Караганду из города Луганска в 1941 году. «Эвакуация» - страшное это слово она запомнила на всю жизнь. В Великую Отечественную эвакуировали не только людей, но и целые предприятия. Вместе с семьей Меркуловых приехал в Караганду из Луганска их родной машиностроительный завод имени Пархоменко. Он то и стал первым местом работы девушки – она была учеником статиста в отделе труда и заработной платы. В скромном стареньком платье ходила она по цехам, проставляя выработку в табелях для начисления зарплаты рабочим, бригадам. А вокруг – сквозняки, пыль от порога до крыши, запахи горячего металла, машинного масла и солярки... Но люди не жаловались, все делали для Победы над Германией, выпускали запчасти для пушек, мины, гильзы, даже пулеметы и автоматы.

И еще запомнила юная Клара вкус подушечек – первых конфет военного времени, которые начала выпускать в Караганде кондитерская фабрика, эвакуированная из Куйбышева. Казалось, ничего слаще на свете не было!

Окончив среднюю школу №8, Клара поступила в Карагандинский учительский институт на исторический факультет. Только получать диплом – беда. Еще в 1943-м с фронта вернулся тяжелобольной брат. Врачи поставили офицеру диагноз: крайне тяжелая форма туберкулеза. Клара старалась помочь брату, как могла, но было уже поздно. Через несколько месяцев он скончался, задохнувшись от крови, бьющей из легких.

Клара узнала, что заразилась от брата туберкулезом только через четыре года. Был очередной медицинский осмотр, и вот тебе раз: на рентгеновских снимках страшное затемнение обоих легких. Казалось, ничто уже не спасет – одолеть коварную болезнь в то время удавалось не каждому. Но лечение в Боровом, свежий воздух и целебный богатырский кумыс заставили туберкулез отступить. А затем курс лечения в Алма-Ате в специальном тубинституте. И, о чудо, она снова с людьми, преподает историю в горном техникуме. Там ее избирают комсоргом. В 1951 году на одной из комсомольских конференций она зачитывала письмо товарищу Сталину от имени молодежи области. Присутствовавший на конференции секретарь обкома партии, указывая на Клару, сказал директору техникума:

- Эту девушку мы заберем у Вас. В ней просматриваются хорошие задатки партийного работника.

Вскоре Клару Меркулову утвердили на бюро обкома партии инструктором отдела пропаганды и агитации. Она курировала партийные организации города Темиртау, налаживала там идеологическую работу, наглядную агитацию. В 1957 году ее направили на учебу в Алма-Атинскую высшую партийную школу, а затем снова вернули в Караганду. Работала консультантом-методистом Дома политического просвещения, директором вечернего университета марксизма-ленинизма. В характеристике на К.А. Меркулову секретарь парткома треста «Казметаллургстрой» Анатолий Васильевич Филатов отмечал: «16 лет работы в обкоме партии – это годы становления К.А. Меркуловой как истинного партийного работника, умело и настойчиво проводившего в жизнь политику партии». И далее: «С 1967 года К.А. Меркулова неразрывно связана со строительством Казахстанской Магнитки, 15 лет бессменно избирается заместителем секретаря парткома треста «Казметаллургстрой» по идеологии. К.И. Меркулову на этом посту отличали высокое чувство личной ответственности за все, что происходило на стройке, в тресте, в городе, умение работать самоотверженно, с полной отдачей сил. Благодаря ее чуткости, вниманию в работе с кадрами многие из тех, кто трудился вместе с Меркуловой, под ее началом сами стали сегодня хорошими руководителями, ответственными партийными работниками».

В тресте «Казметаллургстрой» ее называли комиссаром. Когда она появлялась на стройках, то рабочие восклицали: «Смотрите: комиссар Клара пришла!» И тянулись к ней как к магниту. Чтобы беречь драгоценное рабочее время, не транжирить его понапрасну, она беседовала со строителями кратко и емко, как правило, в обеденный перерыв. Тем более, что в то время на предприятиях города развернулось движение под девизом: «За казахстанский час». Идея проведения этого массового мероприятия принадлежала никому иному как Нурсултану Назарбаеву (тогда он был в тоге первого секретаря горкома комсомола). Его беспокоило, что на стройках Темиртау допускалось много простоев техники, перекуров, даже пьянок. Как бороться с этим злом?

Клара Агеевна заметила, что уже в то время Нурсултан Назарбаев пользовался большим авторитетом в городе. Ибо в стиле его работы с людьми главенствовали доверие и уважение к ним. Любимой фразой комсорга города были слова: «Давайте вначале посоветуемся со старшими». Выступая на одном из партактивов города, Нурсултан и высказал свою идею создания движения за экономию рабочего времени, каждого часа, каждой минуты. Его сразу поддержали коммунисты – строители Казахской Магнитки. Первым откликнулся Герой Социалистического Труда Петр Лаврентьевич Лисовенко, который заявил, что его коллективу под силу каждое сменное восьмичасовое задание выполнять за семь часов.

Вскоре Петр Лаврентьевич Лисовенко опубликовал на страницах многотиражки «Строитель» обращение к молодым, в котором призывал их эффективно использовать рабочее время. Его призыв подхватили комсомольско-молодежные бригады строителей Николая Нургалиева из управления Стальстрой, Веры Гущиной из Спецпромстроя, которые также решили восьмичасовые сменные задания выполнять за семь часов. И, как говорится, процесс пошел... В своей статье «Юность нашей Магнитки», напечатанной в газете «Темиртауский рабочий» 26 июня 1971 года, Клара Агеевна Меркулова приводила такие данные: «Работа без простоев на протяжении всей смены, бережное расходование каждой рабочей минуты позволили комсомольско-молодежным коллективам нашей стройки сэкономить в течение года 425529 человеко-часов и за счет этого выполнить дополнительно почти на триста тысяч рублей строительно-монтажных работ».

Сейчас некоторые историки-скептики не прочь позлорадствовать над починами советских времен, называя их то пустыми, то мертворожденными. Но не все ведь инициативы были такими! «Казахстанский час» до каждого рабочего доходил, под его эгидой велась большая идейно-воспитательная работа в комсомольских и партийных организациях строек. Один «Комсомольский прожектор», высмеивающий виновников потерь рабочего времени на производственных участках, чего стоил! Назарбаев всячески поддерживал критику, которая «не в бровь, а в глаз всяческую дрянь косила», сам выступал на пленумах и собраниях с критическим анализом положения дел на местах, поддерживая все возрастающий энтузиазм молодежи. У него хватало смелости критиковать и тех партийных руководителей, кто устранился от работы с молодежью, месяцами не бывал в комсомольских организациях, на собраниях комсомольцев... Клару Агеевну он уважал за то, что она сумела развернуть в строительных управлениях борьбу за производственную и трудовую дисциплину, наладила работу агитплощадок, хорошо организовала досуг молодых в ДК «Строитель», привлекла их к активному участию в художественной самодеятельности, спорте, техническом творчестве. Словом, К.А. Меркулову он считал настоящим комиссаром!

Общение с Назарбаевым, его добрые слова поддержки вдохновляли

Клару Агеевну на работу с людьми, молодежью... Видимо, поэтому она до сих пор бережно хранит фотоснимки, на которых запечатлена вместе с Назарбаевым то в президиумах различных пленумов и собраний, то на возложении цветов к памятнику В.И. Ленина...

В те годы Клара Агеевна то и дело перечитывала книги Николая Островского, его письма, обращенные к молодым. В одном из этих писем, рисуя образ молодого человека эпохи, он утверждал, что этот образ видоизменился по внешности, по культурному уровню по сравнению с прошлыми годами. Н. Островский писал: «Образ молодого человека нашей страны представляется нам в виде передового бойца, строителя, овладевающего высотами техники, культуры, жизнерадостного, бодрого, с ненасытной жаждой к знанию, безгранично преданного делу социализма». Именно таким, на взгляд Меркуловой, в то время был Нурсултан Назарбаев, это его образ как бы обрисовал писатель, шагнувший в бессмертие.

Клара Агеевна знала, что Нурсултан Назарбаев был рабочим СУ «Доменстрой», металлургом. Его плотная фигура, большие натруженные руки свидетельствовали о его пролетарском происхождении. Поэтому она удивлялась, откуда у этого молодого вожака молодежи такие глубокие знания литературы, марксизма-ленинизма, ораторское мастерство? На эти вопросы Нурсултан, улыбаясь, шутливо отвечал: «Нет таких «крепостей», которых не могли бы взять большевики».

Вскоре она убедилась, что высокая культура и образование у Нурсултана, действительно, шли от его умения брать «крепость за крепостью», большой самодисциплины и желания постоянно учиться. Еще в школе он писал статьи и заметки в республиканские газеты, знаком был с книгами Льва Толстого, Александра Пушкина, Мухтара Ауэзова... Работая на строительстве первой домны в Темиртау, мечтал выучиться на металлурга и при первой же возможности уехал в профессиональное училище в Днепродзержинск с группой ровесников. Когда стал горновым в металлургическом цехе, опять же не забывал об учебе – поступил в Карагандинский политехнический институт... И всюду отличался умом и прилежанием, всюду получал свидетельства и дипломы с отличием.

Что касается комсомольской работы, он познавал ее еще в школе, будучи бессменным комсоргом с седьмого по десятый классы. На Казахстанской Магнитке стал коммунистом, и его сразу избрали иарторгом цеха. После семи лет работы у огнедышащего вулкана Назарбаева заметили в партийных верхах и назначили заведующим промышленно-транспортным отделом Темиртауского горкома партии. А через полгода – опять комсомол, на этот раз комсомольцы города избрали его своим вожаком.

Он стал душой большого коллектива молодежи Темиртау, словом и делом зажигал ее на строительство металлургических бастионов коммунизма. И это ему удавалось – молодые строители в то время совершали

большой трудовой подвиг. Именно в те годы были построены и успешно сданы в эксплуатацию цех горячей прокатки листа, первый в СССР 250-тонный конвертер, комплекс доменной печи №3... Эти важные объекты индустрии строили, в основном, молодые!

Клара Агеевна мне говорила:

- Прямо-таки на моих глазах происходило становление Нурсултана Назарбаева как общественного и государственного деятеля. Его «Казахстанский час», созданный им «Комсомольский прожсктор», высмеивающий недостатки на стройках, создавали крепкий заслон потерям рабочего времени на производственных участках, поддерживали энтузиазм молодежи, желающей быстрее приблизить коммунизм...

Именно в те годы, считает Клара Агеевна, закалилось, окрепло ораторское мастерство Назарбаева. Он часто выступал на пленумах, акциях, конференциях, просто в цехах перед молодежью. Тексты выступлений, как правило, писал сам. Однажды он взбежал на трибуну, раскрыл папку и увидел, что она пуста. В суматохе разных дел он оставил свое выступление в кабинете. И что вы думаете? Нурсултан не растерялся, великолепно произнес свою речь и без «шпаргалки».

Хорошая практика публичных выступлений в комсомоле пригодится Н. Назарбаеву и позже на других высоких должностях. А он поднимался по партийной лестнице победоносно, ибо всегда опирался в своей работе на старших товарищей-коммунистов, прислушивался к их мнению, всегда находил время поговорить по душам с людьми. Выступая на собрании городского партийного актива 23 апреля 1971 года, он говорил: «Где бы ни работал советский молодой человек, он видит перед собой своего наставника, старшего брата, коммуниста... Только в нашем городе есть сотни примеров, когда гвардия рабочих дала путевку в жизнь, помогла найти счастье в труде не одной сотне юношей, девушек».

Довольно часто встречалась Клара Агеевна с Назарбаевым и тогда, когда его избрали вторым секретарем горкома партии. Он как раз ведал вопросами промышленности и капитального строительства, возглавлял городской штаб по возведению металлургического комбината. Его часто можно было увидеть на стройках, где он пропадал дни и ночи. Он не был кабинетным работником, его поле деятельности было невероятно большим – то ликвидировал «прорыв» на строительстве домны, то на конвертере расписывал графики сдачи объекта, то расширял узкие места с подачей бетона, металла, оборудования. Для него не существовало партийной работы в чистом бумажном виде, он считал для себя перво-степенным находиться с людьми, в гуще строек, помогать общему движению вперед. В газете «Темиртауский рабочий» в то время регулярно публиковались статьи секретаря горкома партии Назарбаева об общем положении дел на стройках, сколько продукции реализовали сверх плана, сколько ввели производственных площадей и социальных объектов. Помнится, в Темиртау заморозили строительство театра музыкаль-

ной комедии. Назарбаев сразу внес этот вопрос на рассмотрение бюро горкома партии. И после неллицеприятного разговора с руководителями стройки дела сдвинулись с «мертвого якоря» - вскоре горожане получили давно желанный театр.

Но основной крен в своей работе Назарбаев делал на возведение новых цехов комбината. Это благодаря его энергии, организаторским способностям как начальника штаба на Карметкомбинате тогда впервые в СССР были введены в строй 250-тонный конвертер, 600-тонные мартеновские печи и стан листового проката. Назарбаев был убежден, что его жизнь не проходит бесследно, она насыщена большим смыслом. И это было, действительно, так, считает Меркулова. Казахская Магнитка стала предтечей большой карьеры Назарбаева.

Свою настоящую партийную работу, подчеркивает она, Н.А. Назарбаев продолжил и в должности секретаря парткома Карагандинского металлургического комбината. И здесь он добился немало важных побед, настроив тридцатитысячный коллектив металлургов на выход из отставших, на увеличение производственных мощностей и улучшение качества продукции.

При всей своей чрезмерной занятости, «недосыпе» он оставался жизнерадостным и коммуникабельным. При встрече с Кларой Агеевной он всегда спрашивал: «Как настроение? Как ваши дела? Как семья?»

К тому времени Клара Агеевна уже была замужней женщиной. Избранником ее сердца стал начальник управления «Коксохимстрой» Александр Антонович Афонин. Он тоже долгое время был одинок, как она, и, кроме работы, ничего в этом мире не видел. Он был из племена последователей Корчагина, которые ради великой цели могли идти в дым и пекло, в сорокоградусные морозы и метели, лишь бы огни строек не гасли, не замирали ни на один час, лишь бы день и ночь шли потоки казахстанской стали на предприятия СССР. Он с Кларой был единомышленником, и сразу же во время первой встречи они нашли общий язык. А когда Александр Антонович с букетом алых роз (любимые цветы Клары) пришел к ней с просьбой объединиться в семью, признался в любви, то, казалось, счастью ее не было предела...

Но бесконечных безоблачных дней не бывает... Однажды Клара упала на стройке, потеряв сознание. Сказывались дни напряженного труда, последствия перенесенного в студенческие годы туберкулеза... Даже не хотелось жить, смотреть на небо, цветы, печаль и тоска охватили ее душу... И тут Афонин произнес слова, которые снова возродили молодую женщину, вернули ее к жизни:

- Ты же наш комиссар, Клара. Вспомни Николая Островского, его роман «Как закалялась сталь», вспомни Шепетовку, узкоколейку, которую прокладывал Павел Корчагин, весь больной, голодный, но не павший духом! Им было в тысячу раз труднее, хуже, чем нам, но они стояли. И тебя не сломить, болезни отступят, главное не хандрить, быть крепкой, как сталь.

И Клара вскоре выписалась из больницы. Окрыленная словами мужа, она продолжала нести свой крест комиссара с любовью и нескрываемой радостью. И в этом брала пример с молодого Нурсултана Назарбаева, который никогда не терял оптимизма, всегда шел к людям с обволакивающей улыбкой и теплым рукопожатием.

- Хотя Нурсултан был младше на целых 13 лет, я этой разницы в возрасте не чувствовала, - говорила мне Клара Агеевна. - Он часто давал дельные советы, касалось ли это организации труда бригад на стройке, или наглядной агитации... Но и к советам партийных работников охотно прислушивался... Кстати, дружбу с ними он пронес через всю жизнь, даже когда стал Президентом республики, награждал их орденами и медалями, хотя многие из них переехали жить в Россию...

В Москве сейчас существует так называемый Совет ветеранов Казахстана. До самых последних дней жизни в него входил Александр Гаврилович Коркин, ровесник Клары Агеевны. Начав свою трудовую деятельность прорабом в тресте «Казметаллургстрой», он затем стал его управляющим. Нурсултан считал Коркина своим старшим товарищем, ценил его слова, напутствия. И, поднимаясь по карьерной лестнице, он не забывал о Коркине – доверял ему самые высокие посты. Чтобы поднять экономику и культуру Центрального Казахстана, в 1979 году по рекомендации Назарбаева Коркина избирают первым секретарем Карагандинского обкома партии. И тот во всю раскрывает свой организаторский талант – на знамени Караганды появился орден Трудового Красного Знамени. А в 2010 году в Москве Александр Гаврилович получил по велению Назарбаева казахстанский орден «Достык» I степени.

О Коркине Нурсултан Абишевич тепло написал в своей книге «Стальной профиль Казахстана», изданной в 1985 году, особо отметив его плодотворную деятельность по развитию металлургического комбината, созданию необходимых условий для жизни темиртаусцев... Клара Агеевна гордится тем, что работала бок-о-бок с Александром Гавриловичем, обеспечивая партийное влияние на строителей, поднимая их боевой дух. Особо запомнилось ей время строительства доменной печи №3. Вначале на этой стройке было допущено серьезное отставание. Как выход?

И вот в тресте собирают партком. Меркулова присутствовала на этом памятном заседании, активно участвовала в обсуждении наиболее острых вопросов. Она помнит, что тогда решили направить на отстающие участки передовые бригады, возглавляемые коммунистами. На них возлагалась большая надежда, и эта ставка оправдала себя. Вскоре с отставанием было покончено, ускорились темпы работ, улучшилось их качество. Этому способствовало и внедрение передовых приемов труда, комплексной механизации земляных, бетонных, кровельных и отделочных работ. Хорошо помнит Клара Агеевна, как на строительстве третьей доменной впервые внедряли по настоянию Коркина железобетонные свайные фундаменты.

27 марта 1971 года доменная печь №3 была задута. Ее мощность составляла 1,4 миллиона тонн чугуна в год. Иными словами, она выплавляла за год металла больше, чем его производили такие страны как Турция, Дания и Норвегия, вместе взятые.

А затем были новые объекты – стан «1700» холодной прокатки, ТЭЦ-2, четвертая доменная печь, коксовая батарея №7 мощностью один миллион тонн кокса в год, шлакоперерабатывающий цех, углефабрика №2 мощностью 7,5 миллиона тонн черного топлива в год... Наконец, в 1982 году в честь 60-летия образования СССР на Казахстанской Магнитке был сдан в эксплуатацию уникальный цех белой жести! Руками треста «Казметаллургстрой» в городе было построено 553 тысячи квадратных метров жилья, магазины, клубы, кинотеатры, детские сады и зоны отдыха.

Клара Агеевна хватается за голову: какое это было героическое время, какие героические люди! Они несли в себе большой духовный заряд физической и моральной силы, они заложили мощную основу металлургического комбината, все основные его цеха и подразделения, которые и сегодня служат людям, давая чугун, сталь и прокат. Она всех-всех до сих пор помнит, кто шел впереди, кто отличался на Всесоюзной ударной комсомольской стройке... Особо отмечает она лауреатов премии Ленинского комсомола штукатуров-маляров Галину Кузнецову, Веру Гущину, монтажника Сергея Космынина, бетонщика Виктора Денисова... А разве забыть ей доблестную помощницу, комсорга управления Коксохимстрой Аню Андриюшко, которая умело вела за собой более 300 комсомольцев? Эта хрупкая на вид девушка с красной косынкой на плечах обладала твердым характером, ей был присущ дар убеждать людей... Она ежедневно посещала комсомольско-молодежные бригады, знала до мелочей их нужды, настроения, ее информация носила достоверный характер и объективность. Позже Аня Андриюшко (это её девичья фамилия) станет Анной Бондаренко, известной поэтессой края, секретарем парткома Каргормаша. Она создаст в ДК горняков в Караганде литературный клуб «Свеча», а в парке культуры и отдыха – Аллею любви и добра.

Таких комсомольских вожачков было немало... И не случайно коллектив треста в 1971 году наградили орденом Трудового Красного Знамени. В этом была большая заслуга комсомольской организации треста, нового поколения корчагинцев и молодогвардейцев...

Выступая перед молодежью в те памятные дни, Клара Агеевна говорила:

- Страна прикрепила к нашей груди орден Трудового Красного Знамени. Дело нашей чести – оправдать это высокое доверие партии и правительства. И мы его оправдаем! Иначе не стоит жить...

Иначе никто тогда не жил, никто не стремился быть вне строев, партии, комсомола. Нашим историкам еще предстоит изучить этот феномен патриотизма и огромной любви к труду, Родине наших строителей...

Подвиг в огромной казахстанской степи коммунистов и комсомольцев треста продолжался, обрастая новыми примерами трудовой отваги людей.

В 1972 году в тресте «Казметаллургстрой» побывал знаменитый писатель Иван Шухов. В своем очерке «Поэма огня» он показал трудности возведения маргеновских печей в суровой зимней степи, корчагинский задор молодых строителей... «Здоровые, ловкие и жадные на физический труд люди орудовали лопатами, кайлами и ломом с богатырской непринужденностью, удалью и почти озорством. Скинув с плеч ватники, они не чуяли стужи в пылу азартной и жаркой работы». Но вот забушевал снежный ураган небывалой силы, появились гигантские смерчи снега, сухого и жесткого, как песок... И что же? Люди не отступили, они продолжали работать во имя будущих огненных рек Казахстанской Магнитки. И буран отступил.

Очерк Шухова невелик по размеру, но он довольно мастерски передает атмосферу тех дней возведения Магнитки. Позже на стройку приезжали писатели Сабит Муканов, Дмитрий Снегин, Алексей Брагин, Михаил Балыкин, Вениамин Ларин, Жаик Бектуров, и все они отдали дань силе и героизму участников Всесоюзной стройки. Михаил Балыкин даже написал поэму «Юность Магнитки». Он читал ее Меркуловой нараспев, чеканя каждое слово:

*«Я убежден, что поздно или рано
В литом строю пройдет шеренга дней,
Строители Магнитки Казахстана
Расскажут нам о юности своей.
Как жили здесь и строили,
и пели,
И даже то, какие снились
сны.
Как в сумрачные зимние метели
Томились ожиданием весны...»*

- Нет, не томились строители ожиданием весны, - поправила поэта Клара Агеевна. - Им некогда было томиться, они трудились на эту весну и своим трудом приближали ее... Томиться некогда было...

Сам Балыкин говорил мне:

- В большом долгу мы, писатели, перед советскими женщинами – мало пишем о них. Вот когда я был в Темиртау, то всюду на строительных участках видел женщин. Они и в траншеях, котлованах работали, и на башенных кранах, и в столовых, детсадах. Заглянул в партком – и там женщина, да еще какая – высокая, статная, красивая, обаятельная – Меркулова Клара Агеевна. Она мне с час восторженно рассказывала о тресте «Казметаллургстрой», его доблестном пути. Тогда я задумал поэму только о наших женщинах-строителях написать да отступил – очень сложная и трудная это тема...

Не отступал местный писатель Дмитрий Васильевич Оськин (Трановский). «Мое перо и сердце принадлежали женщинам-строителям Казахстанской Магнитки, - говорил мне при встрече Оськин в Караганде. - В каждом очерке у меня - они вершители наших судеб и строек. Как же в хороших делах без муз любви?»

Я прочитал ряд книг Дмитрия Васильевича, действительно, нигде он не забывает о красавицах Магнитки. Он их не придумывает, не воображает, он их хорошо знает по совместной работе на стройплощадках, ведь сам Дмитрий трудился в тресте «Казметаллургстрой» каменщиком, отделочником, приехав в числе первых добровольцев на Всесоюзную ударную комсомольскую... Он знает каждую героиню по имени, по фамилии, по ударным делам... Ведь он с первых дней пребывания на стройке завел дневник, и туда записывал всех выдающихся женщин стройки. Сейчас их мало кто помнит, величает, слабы мы стали в последнее время на память, а Оськин им много очерков посвятил. Его героинями были заслуженные строители республики - Герой Социалистического Труда, крановщица Пелагея Григорьевна Захарова-Шевченко, бригадир, кавалер ордена Ленина Лидия Петровна Климова, маляр-штукатур Анастасия Раева, каменщица Анна Чемоданова, оператор Нина Масакова, начальник строительной лаборатории Нина Ефремова, старшие инженеры Любовь Екшатян и Нина Гора, бетонщица Кенжетай Кадаева... Когда в тресте решили выпустить книгу «Годы созидания» к 40-летию «Казметаллургстроя» и уже подготовили не только тексты, но и гранки, Оськин с ужасом обнаружил, что в этой книге забыли упомянуть главную из женщин треста - великолепную Клару Меркулову, комиссара стройки... И он крикнул ответственной за выпуск книги Л.М. Быковой:

- Да разве Клара Агеевна не заслуживает добрых строк о себе? И награды у нее тоже есть - орден «Знак Почета», например... Мало того, что она - наш комиссар, она уже 15 лет в Обществе советско-болгарской дружбы главенствует... Как можно это забыть?

- Что касается «главенствует», - поправила слова Оськина Меркулова, - то Дмитрий переборщил... Я была 15 лет не председателем, а заместителем председателя Общества советско-болгарской дружбы треста... Все равно спасибо Оськину, что не предал забвению мое имя... И даже поместил в книге фотографию, где я открываю очередной митинг по поводу Дня освобождения Болгарии Советской Армией от фашистской оккупации... Эти митинги мы проводили у памятника Георгию Димитрову, сооруженному в Темиртау на средства комсомольцев города.

И опять потекли ее воспоминания... Клара Агеевна напомнила мне, что на Всесоюзной стройке трудилось более тысячи рабочих и специалистов из Болгарии. Это были крепкие жилистые парни, они подавали пример трудовой отваги и мужества, и Меркулова, курировавшая многотиражку «Строитель», говорила редактору газеты:

- О наших братушках-болгарах не забывайте материалы печатать.

Так благодаря ее подсказу на страницах газеты появился очерк о

болгарском Маресьеве – лучшем экскаваторщике на строительстве Казахстанской Магнитки Владимире Кьяневе.

Он приехал в Темиртау, уже будучи опытным рабочим. В. Кьянев отличился в Болгарии на возведении гидроэлектростанции имени Александра Стамбулицкого, за что получил высокую награду – орден Георгия Димитрова. А затем с ним случилось несчастье – попал в аварию, ему ампутировали ногу. Но духом не пал – научился ходить на протезе, снова появился на стройке – принимайте, мол, побратимы, старую гвардию! И в доказательство своей прежней силы и ловкости даже станцевал на стройплощадке... И доверили ему снова экскаватор, и Владимир Кьянев опять отличился, и ему вручили второй орден Георгия Димитрова. А когда из газеты «Народна младеж» прославленный экскаваторщик Болгарии узнал о великой стройке коммунизма СССР = Казахстанской Магнитке и что там требуется рабочее пополнение, то решил показать личный пример молодым, и первым написал заявление в партком: дайте путевку на ударную стройку братской страны. И его в парткоме поддержали, и, по сути, он стал одним из первых болгар, кто ступил на казахстанскую землю...

- Владимир Кьянев оставил о себе добрую память на Магнитке, - продолжала рассказывать Клара Агеевна. – Он работал на наших стройках, как подобает герою, давал по две-три нормы за смену. И долго наши строители не догадывались, что он ходил на протезе...

- Наша многотиражка целые полосы посвящала болгарам, работающим на строительстве Казахстанской Магнитки, - продолжала вести рассказ Меркулова. – Интернационализм с ее страниц бил фонтаном! Помню репортаж о молодой семье болгар Малевых. Их первый ребенок родился в Темиртау, ну, и газета рассказала об этом. Сейчас они живут в Софии, но присылают дружеские письма в Темиртау...

Более тридцати лет прожила Клара Агеевна со своим мужем – Александром Антоновичем Афониним. Редкий специалист в области индустриального строительства, он в то же время был высокоэрудированным человеком – хорошо знал историю СССР, Казахстана, любил литературу... Когда его виски поседели, он взялся за организацию в тресте музея Трудовой Славы. Его идея понравилась всем, и, когда Афонин ушел на пенсию, его не отпустили на «вольные хлеба», а назначили директором этого музея. И Клара Агеевна всячески помогала ему в этом важном деле. Благодаря их усилиям в музее были собраны сотни уникальных материалов, фотографий из жизни строителей и металлургов Казахстанской Магнитки. Где вы теперь найдете снимки о получении первой стали в Темиртау в декабре 1944 года? Или фото о монтаже первой доменной печи Казахстанской Магнитки в декабре 1957 года? А наш энтузиаст нашел! Отыскал в Москве и приказ народного комиссара по строительству С. Гинзбурга от 3 сентября 1943 года об организации в Темиртау Казметаллургстроя, другие важные документы...

Клара Агеевна до сих пор хранит превосходные статьи Афонина из

газеты «Строитель» о прошлом треста – «За большую Казахстанскую сталь!», «Успех – в единстве действий» и другие. Александр Антонович думал написать книгу о первостроителях Казахской Магнитки, но не хватило времени и сил... Накануне своей кончины он беседовал с Анной Бондаренко и просил ее больше писать о первостроителях Темиртау. Последняя его фраза до сих пор звучит в памяти Меркуловой: «Они были героями».

Вот уже восемнадцатую зиму встречает Клара Агеевна без своего любимого. По вечерам она выходит из своего небольшого дома по улице Доскея в Караганде в заснеженный сад и долго смотрит на небо. Где же звезда Саши? В одном Клара Агеевна уверена: она есть и продолжает светить людям.

Ушла из жизни ее надежная опора – старшая сестра Анна... Она тоже придерживалась в жизни принципов, далеких от частной собственности, обогащения, любила книги Островского, бескорыстно служила людям. Она была первым председателем теркома угольщиков в Караганде, и шахтеры, опекаемые ею, не бастовали, не тревожились за свою судьбу, целиком доверяя ей. Перед своей кончиной Анна Агеевна рассказала местной поэтессе Анне Бондаренко об одном эпизоде своей жизни и та записала: «После крупной аварии на 20-й шахте 23 июня 1945 года пригласили меня секретарь обкома партии Галайдин Г.С. и начальник комбината «Каруголь» Спицин Г.Г. и попросили добиться в Москве получения для Караганды взрывобезопасного оборудования для шахт, жилья, денег для финских домиков и многого другого. Скажу прямо, что добиться было, ой, как непросто. Приходилось по нескольку раз входить в одну и ту же дверь. Зато какая была радость, когда в Караганду пошли вагоны с оборудованием и стройматериалами. Горняки еще больше зауважали меня. Айткулов – Герой Социалистического Труда, Кузембаев, Шарманбаев называли меня с любовью «айналайын». Да, меня любили, и я искренне любила людей. Просто не могла без общения, без своего активного участия в жизни. Это мой путь».

А путь Клары Агеевны? Она любила повторять, что она – боец партии, что она всегда была на передовой, там, где закалялась сталь, где в леса новостроек одевались степи... Ее современниками, товарищами по партийной работе были такие замечательные люди века как Нурсултан Абишевич Назарбаев, Александр Гаврилович Коркин, Дмитрий Васильевич Оськин, Аня Андрюшко... Это люди особой стати, особой закалки, умеющие ценить жизнь, видеть перспективу в обычных, отнюдь не серых буднях... Называет она фамилии и других партийных и комсомольских работников, бригадиров, рабочих, писателей. Скажем, дружбу с прозаиком, журналистом Василием Ефимовичем Скоробогатовым она пронесла через всю жизнь, всегда с ним перезванивалась... Он был ее надежным другом, помогал укреплять связи с республиканской и областной прессой. Василий Ефимович неоднократно бывал на стройках, встречался с ее тружениками. А он работал заместителем редактора

«Казахстанской правды», редактором «Социалистической Караганды», затем – заместителем Министра печати республики. Он был приверженцем политики Назарбаева, патриотом Казахстанской Магнитки, и охотно печатал материалы о ее становлении, героизме строителей «Казметаллургстроя»... «Для тебя, Клара, все двери редакций, издательств открыты – пиши, сколько душа желает, непременно напечатаем!» - говорил он обычно Меркуловой и слово свое держал.

Клара Агеевна всю жизнь тянулась к неординарным личностям, подобным себе. Занимаясь идеологией в тресте, она стремилась воспитательную работу с людьми делать интересной, доступной всем. Для этого использовала силу искусства, кино. При ней получил дальнейшее развитие и расцвел Народный ансамбль песни и танца Дворца культуры строителей треста. Она до сих пор хранит дома праздничное приглашение коллектива ансамбля на премьеру вокально-хореографического спектакля «Алдар-кесе» в 1980 году. Это был аншлаг! Дворец был заполнен зрителями до отказа, негде было яблоку упасть... И хотя артисты были доморожденные, свои, они играли не хуже профессионалов. Она до сих пор помнит их – Бобровников, Осипенко, Шапошников, Зюбенко, Макшанцев, Синьковский, Марченко, Мусуралиева... Если бы ее воля, она дала бы каждому из них звание заслуженных, народных...

После изнурительного тяжелого рабочего дня строители шли в свой Дворец культуры, чтобы сбросить усталость, поднять себе настроение, и всегда их встречала здесь гостеприимная Клара Агеевна. Она вместе с дирекцией ДК организовывала для них встречи с интересными людьми, концерты... Но не всегда получалось так, как хотелось бы.

Несколько раз отдел культуры города приглашал в гости к строителям композитора Александру Пахмутову. Ее песни были популярны в 70-80-е годы.

Но Александра Пахмутова не смогла приехать в Темиртау, хотя ее очень ждали. Ведь она девчонкой в годы войны жила в Темиртау, в Старом городе, училась там в школе... Сейчас в этой школе в музее целый уголок посвящен Пахмутовой, ее творчеству.

Зато Клара Агеевна хорошо помнила, как перед строителями выступали такие звезды эстрады и кино как Роза Рымбаева, Евгений Леонов, Олег Табаков, Лев Лещенко, Олег Ефремов... Клара Агеевна встречала их букетами своих любимых алых роз, обустроивала в гостинице... Творческие встречи с этими талантливыми людьми выливались в большие незабываемые праздники для строителей. Жаль, что некоторых из этих великолепных артистов уже нет в живых. Они все желали Кларе Агеевне долгих лет жизни, обнимали и целовали ее, благодарили за гостеприимство.

Увы, время никого не щадит. И бороться с этим бессмысленно, уверена Клара Агеевна. Потому молодым надо спешить жить, а это в ее понимании значит, - созидать и творить, отважно трудиться на благо Родины. Пока в груди бьется сердце...

Глава двадцать вторая

Ученый-металлург Муканов

Недавно вдова известного ученого - металлурга, дважды лауреата Государственной премии Казахстана Димкеша Мукановича Муканова Сара Балхашевна Абиева обратилась ко мне с просьбой написать очерк о ее покойном муже. Причем, не только как об ученом, но и просто как о человеке гуманном, чистосердечном.

Чтобы раскрыть яркие страницы жизни Димкеша Мукановича, его мировоззрение и любовь к людям, я вскоре пришел в гости к Саре Балхашевне за материалами и не пожалел. Впервые от нее узнал немало нового, доселе неизвестного о Димкеше Мукановиче, его дружбе с замечательными людьми нашего времени Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым, Олжасом Сулейменовым и другими.

Конечно же, в первую очередь меня заинтересовала дружба Димкеша Муканова с Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Когда она началась, сколько лет продолжалась? Оказалось, истоком ее стали их молодость, Кармет. Окончив в Ленинграде электротехнический институт связи имени Бонч Бруевича, Димкеш вернулся в Караганду, стал работать в Карагандинском научно-исследовательском угольном институте (КНИ-УИ), а затем на Карметзаводе, где организовал Базовую изотопную лабораторию. Там, на Казахстанской Магнитке, они и познакомились: металлург и ученый. О близкой дружбе Димкеша и Нурсултана Абишевича свидетельствует и тот факт, что Назарбаев пригласил его с супругой Сарой Балхашевой на свою комсомольско-молодежную свадьбу. Они подарили будущей семье огромный букет алых роз. А на самой свадьбе Сара Балхашевна исполнила любимую песню Нурсултана Назарбаева «Когда весна придет, не знаю» (из кинофильма «Весна на Заречной улице»). У Сары Балхашевны был прекрасный голос, она любила петь, постоянно участвовала в конкурсах художественной самодеятельности студентов историко-филологического факультета Карагандинского пединститута, где училась.

Нурсултан своим пением поддержал Сару Балхашевну, четко выводя каждую фразу своей любимой песни. Шутя, он говорил Димкешу:

- Давайте встретимся семьями лет через пятьдесят, поприветствуем друг друга новыми песнями...

- Может, так и случилось бы, если бы не трагическая гибель Димкеша, - говорила мне с печалью Сара Балхашевна. - Едва отпраздновав свое 70-летие, он попал под автомобиль, переходя улицу Кривогуза. Не стало любимого мной человека, с которым я прожила около 50 лет, не стало светоча нашей семьи...

Только ли светоча семьи Мукановых? Сегодня можно смело сказать: Димкеш Муканович был светочем для многих сотен людей, особенно молодых ученых, металлургов. Наверяд ли сейчас найдется в нашем крае ученый, который сделал бы больше для развития отечественной металлургии, автоматизации пусковых объектов Карагандинского металлургического комбината (ныне «АрселорМиттал Темиртау»): аглофабрики, доменных печей, кислородно - конверторного производства, листопрокатных печей, цеха жести. Он был главным конструктором по созданию АСУ шихтовки доменных печей Минчермета СССР. Разработки Муканова по созданию комплекса автоматизированных систем измерения влажности и дозирования шихтовых материалов на аглофабриках и доменных печах получили широкое распространение не только на территории бывшего СССР, но и за рубежом в Индии, Нигерии, Польше, Венгрии. За создание и внедрение на агрегатах большой мощности комплекса средств автоматического контроля влажности шихтовых материалов и систем управления технологическим процессом черной металлургии Димкешу Мукановичу в 1984 году была присуждена Государственная премия Казахской ССР в области науки и техники. А в 2005 году он получает вторую Государственную премию Республики Казахстан за свой труд: «Комплекс научно – технологических и информационно-аналитических работ, обеспечивающих выход Казахстана на мировой рынок высокотехнологичной продукции – стабильных изотопов».

Димкеш очень радовался, когда получал по этим случаям поздравительные телеграммы Н.А. Пазарбаева. Он бережно хранил и фотографии, на которых были запечатлены его встречи с Назарбаевым в Караганде и Астане. Нурсултан Абишевич высоко ценил творческую деятельность и талант Димкеша Мукановича, называя его мастером металлургии, любящим непрерывный поиск и труд.

- Да, мой Димкеш был настоящим трудоголиком, - подтвердила Сара Балхашевна. – Он мог работать по 18 часов в сутки. Бывало, ложусь спать, а он за письменным столом. Утром просыпаюсь, а он, казалось, и не вставал из-за стола. Анализируя жизненный путь супруга, я часто вспоминаю слова известного кардиолога Амосова из его дневника: «Жизни не было, была одна работа».

До самых последних дней, до самого последнего дыхания Димкеш не порывал с творчеством, создавая свои великолепные труды по металлургии и индустриально – инновационному развитию республики. Он спешил, ибо понимал, что жизнь человека слишком коротка, чтобы растрачивать ее на пустяки и светские развлечения... Живя последние годы в Алматы, казалось, он будет тратить больше времени на общение с природой, Алатау, лесом, горными реками и озерами... Ну, нет, всего несколько раз мы всей семьей побывали на Медео. Свое драгоценное время Димкеш тратил на создание новых трудов. За восемь лет пребывания в Алматы он написал девять книг, из них хотелось бы отметить его ше-

девр – монографию «Металлургия Казахстана: состояние, инновационный потенциал, тренд развития».

В свое время я прочитал эту книгу, как говорится, на одном дыхании. Дело в том, что у нас в республике издается мало литературы о металлургии, которую Н.А. Назарбаев назвал базовой в экономике и образовании. И вот вам огромный прорыв в научном мире – Д. Муканов выдает книгу, в которой представляет откровенную картину состояния современной металлургии в Казахстане, намечает пути ее развития, исходя из стратегии «Казахстан – 2030». Забегая вперед, скажу, что немалое из рекомендуемого Мукановым уже выполнено, и прежде всего это реконструкция многих металлургических переделов и ввод в действие установок непрерывной разливки стали, современного оборудования и прогрессивных нанотехнологий. Сегодня АО «АрселорМиттал Темиртау» вновь флагман отечественной и мировой металлургии.

Во многих своих строках Димкеш Муканович отдает должное своему другу молодости, а ныне Президенту страны Н.А. Назарбаеву. Все преобразования, происшедшие на Кармете в последние годы, он связывает с его именем. Он называет Н.А. Назарбаева гением металлургии Казахстана, ибо благодаря ему в трудные времена перехода к рыночным отношениям был спасен Кармет, получивший огромную помощь для своего развития в виде иностранных инвестиций. На предприятии начался устойчивый рост производства, уже с 1998 года АО «МитталСтил Темиртау» стал отгружать готовую продукцию по международным стандартам в 60 стран мира.

Однако появились скептики, которые прогнозировали резкий спад производства металла на комбинате из-за сокращения запасов сырья. В своей книге «Металлургия Казахстана: состояние, инновационный потенциал, тренд развития» Димкеш Муканов успокоил их: «Запасы руд Лисаковского, Кентюбинского и Каражальского месторождений обеспечивают потребности АО «МитталСтил Темиртау» более чем на 100 лет (при ежегодном потреблении 8-10 миллионов тонн)». Так что не будоражьте общественность, господа сомневающиеся!

Изучая труды Д. Муканова, я все больше отмечал и его духовную связь еще с одним великим сыном Казахстана, первым Президентом Академии наук республики ученым – геологом Канышем Имантаевичем Сатпаевым.

Когда в издательстве «Болашак – Баспа» готовили книгу «Кто есть кто в Караганде?», то Димкешу Муканову дали вопросник. И был там вопрос: «Ваш идеал в ученом мире?» И Димкеш Муканович быстро ответил: «Каныш Имантаевич Сатпаев». А супруге объяснил: «Если бы не было Сатпаева, то не было бы Академии наук в Казахстане, не было бы знаменитого Джекказганского месторождения медных руд, джездинского марганца и каражальского железа. Не было бы металлургии, ибо Каныш Имантаевич был и остается инициатором строительства Кармет-комбината, который еще при его жизни в декабре 1944 года дал пер-

вую казахстанскую сталь, которая стала разить армии фашистской Германии».

Дорог был Каныш Имантаевич Сатпаев Димкешу своим трудолюбием, большим научным кругозором, скромностью, стремлением служить людям, которых всегда любил и высоко ценил. Надо сказать, эти качества Муканов тоже воспитывал в себе с юных лет. Не зря студенты – комсомольцы Ленинградского института связи имени Бонч Бруевича неоднократно избирали его секретарем комсомольской организации вуза. Сара Балхашевна мне пояснила: «Для тех времен это был редкий случай - не кого-нибудь, а именно юношу из казахского аула признала молодежь института своим вожаком. Это говорит о многом, прежде всего об умении Димкеша общаться с людьми, быть для них примером в учебе, спорте, во всем».

Именно там, в Питере, и определился верный стиль работы Димкеша с людьми, основанный на доверии и большом уважении к каждому. И, видимо, логично, что вскоре и в Караганде Димкеша избрали первым секретарем горкома комсомола. Так он попал в резерв руководителей высшего разряда. А вскоре и стал им, возглавив НПО «Казчерметавтоматика» (позже АО), которым руководил в течение 35 лет. Одновременно он, не порывая с наукой, возглавлял кафедру «Радиофизика и электроника», созданную при университете имени Е.А. Букетова, а также филиал кафедры «Автоматизированные информационные системы» технического вуза (политеха). Ему не терпелось передавать свои знания, накопленные в цехах и лабораториях Кармета, различных библиотеках, молодым - будущим строителям республики. Ему было что рассказать студентам – он хорошо знал не только отечественную металлургию, информатизацию и автоматизацию, но и впитал в себя, как губка, опыт зарубежных ученых, производственников в этом направлении. Димкеш Муканов неоднократно был участником международных конференций и симпозиумов в России, Франции, Канаде, Германии, Венгрии, Болгарии и других странах. Имея большие знания и опыт, он написал для молодых ученых, преподавателей, студентов, производственников более 200 научных трудов, 11 монографий по технологическим и информационным проблемам черной металлургии. И все они получили прекрасные отзывы, вылились в Дипломы и Почетные грамоты, ордена и медали.

Добавлю к вышесказанному, что он был профессором, доктором технических наук (докторскую диссертацию защитил в институте ядерной физики НАН РК в Алматы, она посвящалась проблемам оптимизации металлургических процессов с использованием современных физических методов, а также информационной технологии). Ему было присвоено звание «Заслуженный работник промышленности Казахской ССР», он был избран Почетным гражданином Караганды, депутатом областного маслихата. Его вполне заслуженно наградили орденом «Дружба народов», медалью «Астана» и другими. Он всегда занимал ответственные должности. После работы руководителем АО «Казчерметавто-

матика» его пригласили в Алматы на должность первого заместителя генерального директора РГП «Национальный центр по комплексной переработке минерального сырья Республики Казахстан». Он был членом Союза журналистов РК, дважды избирался членом Комитета Республики Казахстан по присуждению Государственных премий в области науки и техники, членом Президиума Международной Академии информатизации, возглавлял Карагандинское областное отделение Союза научных и инженерных обществ.

О нем говорили: человек благополучной судьбы. Но такого ведь в жизни не бывает. Каждый человек благополучие себе и своей семье создает сам. Димкеш великое благо получал, когда приобретал в библиотеке или книжном магазине, киоске желанную книгу. Он возмущался, когда в условиях рынка стали закрываться в Караганде книжные магазины, а их места занял китайский или индийский ширпотреб одежды, продовольствия... Он был счастлив, когда приобрел книгу Н.А. Назарбаева «Стальной профиль Казахстана» с рук неизвестного книголюба. «А почему бы не восстановить магазин республиканских изданий? - всегда рассуждал он. - Чтобы видеть все новинки, чтобы понять, бурлит ли духовная жизнь страны или она еле – еле теплится?»

Его все это волновало, потому что он сам был творцом книг, научных мыслей, новых разработок. Он говорил Саре Балхашевне, что у сталеваров есть такое выражение: «Поймать плавку». Это значит вести ее уверенно, добавляя необходимые компоненты, регулируя заданную температуру. Точно также, говорил Димкеш, я хочу «поймать плавку», для меня это – вовремя написать научный труд и издать его. И писал он всегда уверенно, потому что прежде чем браться за перо, создавал конкретный план книги, и в нем расписывал по неделям, месяцам написание глав и разделов. И строго «держал свою плавку», ни на йоту не отступал от намеченного.

Личная библиотека у Димкеша была богатая, порядка трех тысяч книг. Пользовался он и книжными фондами «Казчерметавтоматики» и металлургического комбината. Но больше всего он опирался в своих книгах на собственные разработки и открытия. А в этом плане Димкеш был прямо – таки богачом – на его счету 48 авторских свидетельств и патентов. Он руководил созданием научных основ и разработкой высокоэффективных технологий переработки и освоения лисаковских (бурожелезняковых) руд на Кармете. В последние годы своей жизни по просьбе Назарбаева принимал активное участие в разработке «Стратегии индустриально-инновационного развития республики Казахстан на 2003 – 2015 годы».

Отдавая весь пыл своей души и силы развитию науки в Казахстане, Димкеш Муканович не удалялся от общественной жизни, как это делают некоторые ученые, прячась в башнях из слоновой кости. Он не скрывал, что был приверженцем политики Н. А. Назарбаева. Началось все с того, что Димкеш активно включился в движение общественности

по закрытию Семипалатинского полигона, начатого по инициативе известного поэта Олжаса Сулейменова. И когда Нурсултан Абишевич поддержал это движение, издав Указ о закрытии на веки вечные семипалатинского полигона по испытанию ядерного оружия, Димкеш еще больше проникся к нему уважением и большой симпатией. Эти же чувства испытал и Олжас Сулейменов, возглавивший в то время партию Народный Конгресс Казахстана. Кстати, Димкеш Муканович был председателем карагандинского областного политисполкома этой партии, часто общался с Олжасом Сулейменовым, к которому питал дружеские чувства. Ему нравилась поэзия Олжаса, особенно его поэма «Земля, поклонись Человеку». И когда в 2001 году Н.А. Назарбаев вручил высокую награду Казахстана – орден «Барыс» I степени Олжасу Сулейменову, первым его с этой важной наградой поздравил Димкеш.

Вообще, он был чутким, отзывчивым человеком, надежным товарищем, добрым семьянином. Сара Балхашевна как-то решила сама написать воспоминания о своем супруге и передала мне фрагменты будущей книги для ознакомления. Димкеш ей часто повторял, что все большие дела его рождались из большой любви к жене и трем дочерям – Саулеш, Зауреш и Даны (по паспорту Карлыгаш). И если за Сару Балхашевну он всегда был спокоен, то за дочерей своих тревожился и беспокоился невероятно. В результате его забот и правильного воспитания все три дочери получили высшее образование, стали полезными нашему обществу людьми. Старшая дочь Саулеш окончила Карагандинский государственный университет, долгое время работала директором областного центра «Дарын», сейчас живет в Астане, трудится на должности вице-президента Национальной Академии образования имени Алтынсарина. Она доктор педагогических наук, отличник просвещения РК. Зауреш Димкешевна окончила институт иностранных языков в Алматы, преподает в университете Туран. Дана Димкешевна получила высшее образование в КарГУ имени Е.А. Букетова, она кандидат наук, член Союзов художников Казахстана, России, Армении. О ее творчестве писали многие республиканские и зарубежные газеты. Она, как и ее отец, считает, что главное в жизни не карьера, не деньги, а высокий творческий статус.

И еще одна интересная мысль. Сара Балхашевна пишет: «Кто хоть раз встречался с Димкешем, работал вместе с ним, тот непременно пронесит любовь и уважение к нему через всю жизнь». Это сказано тепло и точно. О Димкеше высоко отзывались многие творческие люди республики – доктора технических наук А. Лысенков, Н. Буктуков, Е. Максимов, академик НАН РК А. Жарменов, профессор Н. Бектурганов и другие.

Помню, Нуралы Султанович Бектурганов мне советовал:

- Если будете писать о замечательных людях республики, обязательно напишите о Димкеше Муканове. Его можно назвать «первой скрипкой» нашей металлургической науки, человеком с большой буквы.

Глава двадцать третья

Яблони Бейсенова

Однажды весной я побывал на дачном массиве близ Темиртау, и был приятно удивлен роскошным цветением садов... Местные литераторы мне пояснили, что это цветет прекрасный сорт яблонь «Волжская красавица», которую завез в город металлургов бывший мэр Темиртау Саят Дюсенбаевич Бейсенов. Она, действительно, красивая, пленяет человека розовыми цветами, а еще важнее то, что эта яблоня зимостойкая, плодоносит уже на третий год после посадки.

Тогда Саят Дюсенбаевич был заведующим горкомхозом, и с первых дней пребывания на этой должности сразу взялся за расширение городского питомника плодово-ягодных культур, строительство оранжерейных теплиц, посадку деревьев в Темиртау... Он говорил своему другу, ныне почетному гражданину города А.П. Аркатову: «Ты посмотри, Петрович, у нас зеленых насаждений в городе, как у лысого три волосинки на голове... А ведь зелень – это враг пыльных бурь и дыма, это, по сути, легкие жилых кварталов, улиц и площадей...»

Меня заинтересовала личность С.Д. Бейсенова. И я выяснил, что Саят Дюсенбаевич – достойный сын Темиртау, по сути, первый их тех, кто всерьез занимался благоустройством города металлургов. А разыскал его в гуще народа никто иной как нынешний Президент РК Нурсултан Абишевич Назарбаев. В то время он работал в Темиртау заведующим промышленно-транспортным отделом горкома партии, и ему нужен был хороший и надежный помощник. В отделе кадров долго перебирали личные дела коммунистов города, и, наконец, остановились на нескольких «подходящих». Нурсултан Назарбаев выбрал кандидатуру С.Д. Бейсенова. Почему? Ну, во-первых, он – рабочая кость, из рядовой крестьянской семьи, после школы не рвался сразу в вуз, а пошел учиться в профтехучилище на электрослесаря. Как приобрел рабочую специальность – года два проработал в городском управлении электросетей Караганды. И, может, так бы и не получил дальше карьерного роста, да его прилежание и сноровку заметил главный инженер Камзабай Арстанович Букетов, брат знаменитого ученого-писателя. Он вызвал Саята к себе в кабинет и мудро сказал ему: «Работаешь ты хорошо, парень. Да вот о своей судьбе не задумываешься. Учиться тебе дальше надо...» И посоветовал Саяту поступить на вечернее отделение политехнического института по специальности «Горная электромеханика». Но тут – призыв в армию. Служил в Ашхабаде в Невельской Краснознаменной гвардейской танковой дивизии, покрывшей себя неуязвимой славой еще в годы Великой Отечественной войны, чем очень гордился. Вернулся с

армейской службы – сразу в политех. А там ректор А.С. Сагинов вызывает к себе и предлагает ехать в Иваново на учебу в энергетический институт имени Ленина. Мол, разрядка пришла только на десять человек – решай... Первый в СССР «город невест-ткачих» сразу Саяту преподнес подарок в виде будущей супруги Батиш, студентки текстильного института. Она стала его первой любовью и настоящим другом, и надежной опорой в жизни.

Окончив Ивановский институт, Саят с дипломом инженера-электрика вернулся в родную Сарыарку и стал работать в Темиртау инженером-электриком на заводе синтетического каучука. Проявлял всяческую трудовую и общественную активность.

Изучив биографию Саята, Нурсултан Назарбаев сказал:

- Этот человек нам подойдет, в нем чувствуются внутренняя духовная сила, тяга к знаниям, уважение к людям, - он будет стоящим партийным работником.

Выбор Назарбаева и определил дальнейший путь Саята Бейсенова вверх. Поработав в одной упряжке с Нурсултаном под его началом в горкоме партии, он вскоре стал заведующим отделом коммунального хозяйства города, затем – заместителем председателя горисполкома, наконец, мэром Темиртау. Причем, он будет на этих должностях немного-немало: целых 15 лет. И каждый день его будет наполнен добрыми деяниями во имя процветания родного города. И первым советчиком Саята будет «крестивший его на работу славную, на дела хорошие» Нурсултан Абишевич Назарбаев, который сам продвигается по партийно-государственной линии все выше и выше – секретарь горкома партии, секретарь парткома Казахстанской Магнитки, секретарь Карагандинского обкома партии... Саят не забывал о его дружеском расположении к себе, и часто заглядывал к нему на огонек, чтобы посоветоваться, набраться ума и сил, заручиться поддержкой в разных инициативах... Видимо, потому Бейсенов хорошо зарекомендовал себя на должности заведующего отделом коммунального хозяйства. В 1972 году в Темиртау только 37,5 процента всех дорог имели асфальтное покрытие. На весь город был один светофор, находившийся на улице Ленина, зеленых насаждений не хватало, город задыхался от газов и дыма. Н.А. Назарбаев посоветовал Саяту заняться этим «вплотную». И тот оправдал его доверие – уже к середине 70-х годов город начал преобразоваться. 18 февраля 1975 года газета «Темиртауский рабочий» сообщала, что в городе установлено 8 светофорных объектов, более 300 дорожных знаков. Капитально отремонтированы все основные магистрали города – проспекты Мира, Комсомольский, улицы Димитрова, Калинина, Тольятти и другие. В питомнике, охватившем 72 гектара, выращиваются до 32 видов декоративных растений, ассортимент посаженных деревьев в городе пополнился яблонями, соснами, елями, ясенем, дубами и серебристыми тополями. Коллектив горкомхоза, руководимый С.Д. Бейсеновым, был

удостоен Почетной грамоты Совета Министров КазССР и переходящим Красным знаменем Казсовпрофа.

25 июня 1977 года Саята Дюсенбаевича избрали председателем Темиртауского горисполкома. Бывший первый секретарь Темиртауского горкома партии Виктор Матвеевич Стринжа, с которым я встретился в Темиртау, хорошо отозвался о работе С.Д. Бейсенова на этом ответственном посту: «Это был достойный руководитель, выдвиженец Назарбаева. С ним можно было смело идти в разведку, он уверенно и с душой нес бремя созидания...»

По инициативе Бейсенова в июне 1980 года был разработан проект детальной планировки города Темиртау, для его застройки выделялось еще 180 гектаров территории. В городе начали строить многоэтажные дома с улучшенной планировкой, новые социально-культурные объекты. В.М. Стринжа вспомнил, как много сил тратил Саят Дюсенбаевич, чтобы украсить город. Так, по его распоряжению с Каркаралинских гор привезли мшистые валуны, которыми украсили скверы и парки Темиртау. Горожане считают детищем Бейсенова и детский парк «Восток» с его уникальным зимним садом, группой фонтанов. При его деятельном участии в 1978-1983 годах в городе были открыты медсанчасть «Карагандацемент» на 210 коек, производственного объединения «Карбит» на 310 коек, родильный дом с женской консультацией на 300 коек, новое здание станции скорой помощи, капитальный мост через Нуру. В декабре 1981 года газета «Темиртауский рабочий» отмечала, что в городе очень многое сделано по возведению жилья и благоустройству. И давали тогда такую информацию: к концу года в Темиртау введено в строй 94 тысячи квадратных метров жилья, построены молодежное кафе, Дом техники, аптека, насосная №2, тепломагистрали к магистралям № 8, 9. В восточной части города сдан в эксплуатацию крытый рынок на 254 торговых места...

Саят Бейсенов постоянно заботился об экологии города. Работая еще инженером на заводе синтетического каучука, он обратил самое серьезное внимание на вред от применения ртутного катализатора. Ртуть – опасный загрязнитель окружающей среды, враг здоровья людей – сбрасывалась в реку Нуру, затем попадала в Кургальджинское озеро, губила самобытную природу этого чудесного заповедника, розовых фламинго. И непременно надо было закрыть этот ртутный катализатор! И Саят Дюсенбаевич начал упорно и настойчиво поднимать этот вопрос. А когда увидел, что ничего не получается на областном уровне, то подготовил и отправил письмо в Совмин на имя Байкена Ашимовича Ашимова. И руководитель республики его понял, ведь речь шла о сохранении здоровья десятков тысяч людей, уникальной природы Сарыарки, чистой экологии Темиртау. И Совмин принял решение о ликвидации ртутного катализатора. И на заводе была проведена тщательная зачистка с захоронением в специальном могильнике ртутных отходов вредного производства. И многие темиртаусцы благодарили Саята Дюсенбаевича за смелость и настойчивость в этом важном деле.

Как бы подводя итоги своей деятельности в Темиртау, С.Д. Бейсенов в статье «Город-труженик», опубликованной в книге «Магнитка Казахстана» (Алма-Ата, издательство «Казахстан», 1983 год), писал: «Действительность давно превзошла мечты о социалистическом Темиртау. Нет ковыльной степи и зеленых огородов между отдельными частями города. Сплошной массив пяти, девяти и двенадцатипятиэтажных домов тянется в микрорайонах на добрых полтора десятка километров вдоль Самаркандского водохранилища. Темиртаусцы имеют 3 миллиона квадратных метров жилого фонда, по 8 метров на каждого жителя. Пять Домов культуры, пять кинотеатров, выставочный зал, историко-краеведческий музей, 122 библиотеки с книжным фондом 3 миллиона экземпляров книг, 30 лечебных и профилактических учреждений, 12 поликлиник, спортивный комплекс, плавательные бассейны, Дворец спорта «Строитель» с искусственным льдом, гребной клуб – все это создано для металлургов, химиков, строителей, энергетиков, для подрастающего поколения, для каждого из 230 тысяч жителей Темиртау.

Рост экономики и культуры города стал возможен благодаря труду, интернациональной дружбе рабочего класса, в рядах которого сегодня насчитываются представители 82 национальностей. Жить в такой многонациональной семье – честь, трудиться – почетно!»

Следует сказать, что большой вклад Саята Бейсенова в развитие города металлургов был высоко отмечен Указом Президиума Верховного Совета СССР. 2 марта 1981 года он был награжден орденом Дружбы народов.

Темиртау отданы самые лучшие, молодые годы С.Д. Бейсенова. Кроме Н.А. Назарбаева с ним дружили такие выдающиеся люди города металлургов как А.Г. Коркин, М.А. Акбиев, В.М. Стринжа, О.И. Тищенко, И.Г. Мусалимов, С.Н. Ахметов, с которыми он общался по делам становления Темиртау. Они охотно помогали ему превращать захолустный рабочий поселок в современный благоустроенный город – столицу металлургов республики.

Но самую большую моральную поддержку лично для себя Саят Дюсенбаевич получал от своей супруги незабвенной Батиш Дюсеновны Бейсеновой. Она сама была тоже патриотом города и немало сделала для его развития. Достаточно напомнить о таком факте: Батиш долгое время работала в Темиртау заведующей ателье «Элегант» и сделала его предприятием высшего разряда. Раскройщица этого ателье Людмила Ключева говорила, что Батиш Дюсеновна была умелым, чутким руководителем, всегда помогала людям. Когда в 1984 году она с семьей переезжала в Алматы, «коллектив ателье как будто осиротел, так жаль было с ней расставаться».

Н.А. Назарбаев никогда не забывал своего соратника по борьбе за возведение города металлургов, ценил его опыт руководителя. В книге журналиста С.С. Омарова «Рожденный созидать», вышедшей в Астане в прошлом году и подаренной мне сыном Бейсенова Тамерланом, доволь-

но подробно рассказывается о дружбе и совместном сотрудничестве Н.А. Назарбаева и С.Д. Бейсенова. Хочу только напомнить, что в 1984 году по инициативе председателя Совмина Н.А. Назарбаева его назначают Министром бытового обслуживания населения республики. И вновь Саят Дюсенбаевич оправдывает высокое доверие Нурсултана Абишевича, заметно расширяя ассортимент услуг в Казахстане, возводя новые здания Домов быта, мастерские, строительно-ремонтные участки. Немало сил и энергии отдал строительству независимого Казахстана Саят Дюсенбаевич, когда опять же по инициативе Н.А. Назарбаева его назначают председателем Государственного Комитета Казахской ССР по труду и социальным вопросам, а затем Министром Труда РК, председателем Главной контрольной инспекции при аппарате Президента РК. Велики его заслуги по утверждению имиджа Казахстана за рубежом, когда он работал чрезвычайным и Полномочным Послом РК в Литве, Латвии и Эстонии.

В связи с 70-летием С.Д. Бейсенова Президент РК Н.А. Назарбаев тепло поздравил его. И, конечно же, он вспомнил Темиртау, кропотливый труд Саята Дюсенбаевича по его развитию. «Мне хорошо известен ваш многолетний труд по ежедневному жизнеобеспечению Темиртау, являющимся крупным промышленным центром страны...»

... Вот уже два года как нет с нами Саята Дюсенбаевича, но цветут на радость темиртаусцам его яблони, которые он привез в Казахстан с берегов широкой и необъятной Волги. И всякий раз, когда они расцветают, люди с благодарностью вспоминают имя этого большого и бескорыстного человека, отдавшего всю свою жизнь развитию Темиртау, всей республики.

Глава двадцать четвертая

Сродни Косыгину

Мало кто знает, что в Караганде на улице имени Н. Тулепова в обычном пятиэтажном доме в скромной двухкомнатной квартире живет брат видного партийного и государственного деятеля Казахстана, бывшего председателя Совета Министров республики, Героя Социалистического Труда Байкена Ашимовича Ашимова – Амангельды Жакупов. Ему 72 года, он на заслуженном отдыхе, но без дел никак не может. И небольшая березовая рощица с цветниками у дома – его детище.

Здесь я встретил Амангельды, приветливого и обходительного человека со строгими, но постоянно улыбающимися глазами.

- Вот и хорошо, что вы пришли! - тихо сказал он, пожимая мне крепко руку. – Моему именитому брату, будь он жив, в этом году исполнилось бы 95 лет, а вы, журналисты, молчок, будто и не было такого человека на земле казахстанской.

Листья берез, пробиваемые лучами солнца, весело зашелестели под дуновением ветра. И я спросил Амангельды:

- Бывал ли в вашем доме Байкен?

- А как же, бывал в гостях! – охотно ответил брат Ашимова. – Но больше я у него гостевал и даже некоторое время жил в его доме по бульвару Мира...

За чашкой казахского чая Амангельды рассказал, что с пяти лет был влюблен в своего старшего брата Байкена. Ведь он его увидел впервые именно в этом возрасте. А Байкenu тогда было 28 лет, он вернулся с фронта в родной аул - весь в орденах и медалях, в погонах капитана, с бамбуковой тростью и офицерской сумкой в руках.

- Когда я подошел к брату, он достал из сумки кулёк «подушечек» и отдал мне, - вспоминал аксакал. – Так я впервые узнал вкус конфет!

За праздничным столом Байкен рассказал родственникам о том, как воевал с фашистами. На фронте он познал и горечь поражений, и радость побед. В Красной Армии он начал служить еще в 1938 году. В общей сложности прослужил и провоевал семь лет. В годы войны под Варшавой получил тяжелое ранение в ногу, которое давало о себе знать всю жизнь. Позже, уже в конце своей жизни в интервью «Казахстанской правде» Байкен Ашимович скажет: «Думаю, на войне я не посрамил чести казахского солдата, ибо не жалел ни жизни, ни крови. За что получил от имени Сталина два благодарственных письма, был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, медалью «За боевые заслуги», польским орденом «Вертути милитари».

В послевоенные годы бывших фронтовиков, к тому же отличивших-

ся в Отечественной войне, высоко ценили в обществе, доверяя им самые ответственные посты в партии и на государственной службе, продолжал повествовать Амангельды. И вскоре старшего брата избрали секретарем исполкома Айртауского райсовета, и вся семья Ашимовых перебралась в село Володарское, районный центр. Байкен женился на прекрасной девушке Бахыт. Она была педагогом-математиком, преподавала в средней школе. Амангельды называл ее ласково няней, и она не возражала. Ибо, действительно, была ему как бы няней. И в учебе помогала, и кормила вовремя, готовя хорошие супы и бесбармаки, и будила на рассвете тихо и ласково как мать. Она была щедрой души человеком, многим сделала много добра. Не зря Байкен Ашимович прожил с ней больше шестидесяти лет, и когда Бахыт ушла из жизни, он вдруг произнес роковую фразу: «Я без нее не могу жить». Буквально через несколько дней его тоже не стало. Они были как лебеди, однолюбы.

Но вернемся к карьере Ашимова. Она сложилась для него удачно. Вскоре его назначили завсудующим отделом сельского хозяйства Зерендинского райисполкома, и семья переехала в Зеренду. Амангельды запомнил на всю жизнь огромное море зеленого ивняка у их дома, а также красивое голубое озеро, куда он ездил с братом верхом на лошади на водопой. Когда Бахыт родила Байкелу первую дочь Нэйлюфар, он, стоя на берегу, как бы крикнул озеру: «У меня – дочь, дочь, какое счастье!» И озеро отвстило ему мощным эхом: «Счастье, счастье!»

Да, счастье всю жизнь улыбалось Ашимову. И приходило оно к нему, потому что он честно и верно служил людям, был скромн, трудолюбив и настойчив. Байкен Ашимович любил повторять слова Бернарда Шоу: «Нельзя потреблять счастье, не производя его».

И он усердно производил его, поднимаясь по служебной лестнице до начальника Кокшетауского областного управления сельского хозяйства, секретаря Кокшетауского обкома партии, председателя Карагандинского облисполкома, а затем председателя Совета Министров Казахстана, Председателя Президиума Верховного Совета республики. Как рассказывал мне Амангельды, где бы ни находился его старший брат, он работал по 14-16 часов в сутки, готовя важные документы по развитию областей и республики, а затем добиваясь их исполнения.

В Кокшетау его помнят как организатора целинной эпопеи, борца за внедрение всего нового и прогрессивного в земледелии, в Караганде как активного борца за индустриализацию Центрального Казахстана. Но полнее всего талант Ашимова как крупного организатора масштабных дел раскрылся на посту председателя Совета Министров Казахстана.

И, видимо, не зря Байкена Ашимовича называли «казахстанским Косыгиным». Его с Алексеем Николаевичем роднило многое, прежде всего большая совместная работа по подъему экономики СССР, проведению экономических реформ, строительству новых предприятий.

Сегодня ученые, литераторы пишут о Косыгине как о великом зод-

чем ушедшей эпохи. Точно также можно смело сказать о Байкене Ашимовиче. Около 15 лет (1970-1984 годы) он стойко держал марку председателя Совета Министров КазССР, и это было время, полное созидания и строек. До сих пор я не пойму, почему некоторые журналисты и политики эти годы называют «застоем». В Казахстане в то время не было никакого застоя ни в экономической, ни в общественно-политической жизни. Как раз в эти годы я работал собственным корреспондентом республиканской газеты «Казахстанская правда» по Дзезказганской области, и мне приходилось часто бывать на больших стройках Центрального Казахстана. Неоднократно ездил я в Жайрем, на Жайремский ГОК, объявленный Всесоюзной комсомольской ударной стройкой. И директор ГОКа, горный инженер Садык Касымович Асатов говорил мне, что эту стройку под тщательным контролем держал лично сам Ашимов. Он строго спрашивал за срывы заданий возведения рудников и карьеров, обогатительной фабрики, жилья и социальных объектов в рабочем поселке. Когда я выступил в «Казахстанской правде» с остро критической статьей по проблемам отставания в Жайреме с возведением жилья и социальных объектов, Ашимов вызвал к себе министра строительства предприятий тяжелой индустрии Казахской ССР Н. Макиевского и сказал ему:

- Статья справедливая. План по социальному строительству в Жайреме заваливаем. Надо принимать экстренные меры, строго наказав руководителей трестов, которые не выполняют заданий по возведению жилья и социума для молодых строителей.

Макиевский так и сделал. Ряд управляющих трестами получили строгие выговоры. Но главное не это. Радовало, что дела на стройке пошли на лад, ибо была усилена производственная база треста «Жайремтяжстрой», введены в строй действующих завод железобетонных изделий, комбинат крупнопанельного домостроения, цех керамзитового гравия... Сам Ашимов неоднократно посещал Жайрем, и давал дельные советы, как быстрее обустроить важный объект. Вскоре были введены в эксплуатацию новый карьер по добыче руды, здание административно-бытового комплекса с химлабораторией, выполнены планы по вводу жилья, детских садов, клуба на 580 мест, районного узла связи, новой школы на 1200 учащихся. И, наконец, в Жайреме было освоено производство концентрата марганца, что стало приносить огромную прибыль стране.

Амангельды со мной согласился. Побед на строительном фронте у Ашимова было немало. Этому способствовало и то обстоятельство, что в 1979 году секретарем ЦК Компартии по промышленности и строительству был избран опытный и энергичный руководитель Нурсултан Абишевич Назарбаев. Их жизненные и трудовые пути пересекались неоднократно и раньше. В 1961 году Б.А. Ашимов был избран председателем Карагандинского облисполкома и пробыл на этой должности до 1967 года с небольшим перерывом в 1963-65 годы, когда он

исполнял обязанности первого секретаря сельского обкома партии (затем Хрущева). В эти годы на территории области возводили Карагандинский металлургический комбинат, канал Иртыш-Караганда, всего было сооружено около ста крупных предприятий, включая заводы санитарно-технологического оборудования в Караганде и асбестоцементных изделий в Актау. Но больше всего взгляд руководителя области Ашимова был прикован к строительству Казахской Магнитки. Он с удовольствием рассказывал брату Амангельды о пуске второй доменной печи, слябинга «1150», цеха обжига руды, большегрузных 600-тонных мартеновских печей, литейного цеха, углефабрики, кузнечно - прессового цеха... Большим событием в 1964 году было открытие в Темиртау завода-втуза. В него перевели из Караганды все кафедры по металлургическим специальностям: доменного производства, сталеплавильного передела, обработки металла давлением. На одном из совещаний партхозактива в Караганде Ашимов и познакомился с молодым металлургом, членом ЦК ЛКСМ Нурсултаном Назарбаевым, и с тех пор всячески способствовал его росту. Во всяком случае в интервью журналисту Олегу Квятковскому, опубликованному в «Казправде» 10 августа 2007 года, Байкен Ашимович говорил: «Нурсултана Абишевича знаю с 60-х годов. Помню, как он проходил у огненных печей Темиртау свою трудовую закалку. Именно там началось его время Лидера с большой буквы. Именно там обозначились многие из основных его качеств – упорство, смелость, обстоятельное знание любого предмета, о котором шла речь... Вместе с ним чуть попозже мне пришлось решать многие жизненные вопросы основных отраслей экономики Казахстана. Его масштабность и талант руководителя покоряли. На долю Нурсултана выпала особая историческая миссия. Он, облеченный доверием всех казахстанцев, вывел нашу республику в шеренгу сильных и стабильных государств планеты, смог сохранить в ней прочный мир... Я твердо верю: с таким Президентом наш Казахстан еще добьется очень многого...»

Брат Ашимова Амангельды подтвердил, что всю жизнь Байкен Ашимович был приверженцем политики Назарбаева. В Алма-Ате он был надежной опорой Нурсултана Абишевича, всегда поддерживал его во всех начинаниях, стремился к новому, радовался достижениям и нововведениям. Они сразу нашли общий язык, когда Назарбаева в 1979 году избрали секретарем ЦК Компартии Казахстана, а Ашимов был председателем Совета Министров Казахстана. К чести Нурсултана Абишевича, он высоко ценил организаторский талант Байкена Ашимовича, всегда прислушивался к его мнению, называл его аксакалом. Целых пять лет они находились в одной упряжке руководителей республики. И это было время, достойное всяческих похвал. С 1979 по 1984 годы республика была превращена буквально в большую стройку. Именно в то время были построены Казахстанский газоперерабатывающий завод, Карагандинский завод резино - технических изделий, Павлодарский и Чимкентский нефтеперерабатывающие заводы, цех по изготовлению белой жести Кара-

Могильницкий В.М. – собкор «Казахстанской правды»
и редактор газеты «Шахтерская неделя», 1990 год.

В.М. Могильницкий с супругой
Екатериной Андреевной
и сыном Игорем в Астане
у памятника Сакену Сейфуллину.
2010 год.

В.М. Могильницкий с дочерью,
магистром наук
Анной Могильницкой.

В Пришахтинской библиотеке юношества на творческой встрече, посвященной Дню памяти жертв политических репрессий

Почетный гражданин Караганды, скульптор Анатолий Петрович Билык дарит В.М. Могильницкому свою книгу.

На просторах Сарыарки
с супругой
Екатериной Андреевной.

В Астане с Какимбеком Салыковым в кафе «Дархан»
в 2012 году накануне 80-летия поэта.

В Долинском музее памяти жертв политических репрессий
с коллегами и директором музея С. К. Байновой.

В День Победы на творческой встрече с Сарой Сабировной Яхиной
и участником Великой Отечественной войны,
доцентом Вацлавом Викентьевичем Шедловским.

Камзабай Арстанович Букетов – брат знаменитого академика немало сделал для создания музея в КарГУ, возведения памятника Евнею Арстановичу, издания его книг.

Участнику Великой Отечественной войны, полковнику в отставке Сабиргали Кусенову – сто лет. Как не гордиться таким современником!

Интервью с директором рудоуправления «Казмарганец» Андреем Александровичем Сафоновым.

Президент АО «Шубарколь Комир» Тулеуген Ашикбаевич Акбаев
всегда рад встрече с писателями и журналистами.
Надо помогать им создавать летопись нашего времени.

В областной библиотеке имени Гоголя
на литературной встрече «Поэзия мужества».

Всегда есть о чем поговорить с руководителем литературного объединения «Магнит» Валерием Кравцовым.

С Татьяной Дубовской – лауреатом многочисленных литературных конкурсов, членом Союза писателей России на встрече в Темиртау.

гандинского металлургического комбината, Экибастузская электростанция... Казахстан по объему промышленного производства вышел на третье место в СССР (после РСФСР и Украины). Индустриальная мощь республики настолько выросла, что позволила активно развивать отрасли, связанные с производством товаров народного потребления. В Джекказгане, например, была построена огромная трикотажная фабрика, ее изделия охотно закупали даже зарубежные страны. Был такой анекдотический случай – первый секретарь Джекказганского обкома партии Давыдов отдыхал в Болгарии, там купил в подарок родственникам комплекты маек и трусов. Когда вручил им «болгарские сувениры», оказалось, что это – изделия местной трикотажки. То-то все всласть насмеялись. Не проще ли их было купить в родном Джекказгане?

В те годы дальнейшее развитие получило и здравоохранение. Помню, как напряженно следил Ашимов за строительством новой одиннадцатизэтажной многопрофильной областной больницы в Джекказгане. Когда здесь появились перебои с кирпичом, он опять же лично вмешался, более того – дал команду построить в Джекказгане новый кирпичный завод по болгарской технологии.

Так что Байкена Ашимовича вполне можно было бы назвать в то время главным прорабом больших строек Казахстана. И в семейном фотоальбоме – немало фотографий в подтверждение этой мысли, на которых он запечатлен то на одной, то на другой стройках.

А какой большой объем умственной работы он выполнял в своем рабочем кабинете! Когда Ашимов уходил из Совмина, то попросил управляющего делами правительства Виктора Карповича Изюмникова посчитать, сколько и каких документов им было подписано... Выяснилось, ежегодно Ашимов подписывал до 500 постановлений правительства, до семисот распоряжений. По этому поводу Нурсултан Абишевич Назарбаев произнес на 90-лети Байкена Ашимова, обращая к нему: «Однажды известный казахстанский поэт Мукагали сказал, что нам следует уважать 20-й век. Ведь в нем остались наши подписи. На самом деле, Ваши подписи в 20-м веке стали самыми яркими и значимыми, уважаемый Байкен Ашимович. Я часто вспоминаю времена, когда работал с Вами бок о бок. Это было незабываемое время».

В ответ растроганный юбиляр сказал Президенту республики:

- Я всегда был с моим народом. В самые трудные времена меня успокаивала мысль, что все, что я делал, все для народа, для его будущего...

Ашимов точно также как Нурсултан Абишевич Назарбаев не терпел людей ленивых, отлынивающих от труда на благо общества. Он говорил: «Если все мы будем трудиться с полной отдачей сил, то достигнем вершин счастья». Во имя процветания всеобщего труда в республике он смело и сразу поддержал идею Н.А. Назарбаева о закрытии Семипалатинского ядерного комплекса, а затем его историческое предложение о переносе столицы республики в Акмолу. Как-то Байкен Ашимович позвонил брату из Алматы в Караганду и спросил Амангельды:

- Твой коллектив участвует в строительстве новой столицы?

Амангельды в то время возглавлял Карагандинское лесное хозяйство и удивился: какое отношение он имеет к Астане? Байкен Ашимович вразумил его: самое прямое, надо выступления Назарбаева слушать, он призвал создать зеленый пояс вокруг столицы вплоть до Борового... «Не мешало бы, чтобы твои лесоводы участвовали в этой большой программе», - посоветовал именитый брат. И что же? Амангельды вместе со своими подчиненными включился в создание зеленого пояса вокруг Астаны, они посадили в первый же год сотни саженцев близ столицы на территории 2,5 тысячи гектара. Амангельды до сих пор доволен своим вкладом в разведение лесов близ Астаны. Недавно он снова побывал там, и ахнул: деревья окрепли, стали большими...

- Идея Назарбаева превратить пустыни Казахстана в цветущий сад мне особенно по душе, - говорил аксакал. - Будет чистый воздух, озон, будут у людей чистые легкие, крепкое здоровье...

Байкен Ашимович в беседах с людьми всегда подчеркивал, что Назарбаев исходит из интересов простого народа, решая тот или иной важный вопрос. Он ведь сам вышел из рабочего люда, из рядовых металлургов, он знает цену труда и высоко дорожит мнением людей.

Собственно, это же можно сказать и о самом Байкене Ашимовиче, считает Амангельды. Его жизнь была сложной и нелегкой, но она стала для всех ярким примером служения Родине, людям.

Народная артистка, лауреат Государственной премии СССР Бибигуль Тулегенова во время встречи со мной в городе Сатпаеве раскрыла еще одну грань характера Байкена Ашимовича – его человеколюбие, готовность прийти на помощь любому человеку, если он обратится к нему. Он не был сухарем, чисто кабинетным работником, который бы прятался от глаз народных в четырех стенах с зеленой настольной лампой. Двери его кабинета были распахнуты для всех, кто желал встретиться с ним. Побывала у него на приеме и Бибигуль Тулегенова, выполняя запрос избирателей из Чимкентской области... Он касался строительства школы, установки колонок для питьевой воды и асфальтирования дороги в поселке. Байкен Ашимович внимательно прочитал заявление избирателей и сказал тепло и обнадеживающе: «рассмотрим, поможем». И, действительно, вскоре в поселке начали строить школу, протянули водовод, асфальтировали дороги.

О необыкновенной чуткости Ашимова к просьбам людей, его высоким авторитете в своих очерках, опубликованных в книгах и газетах, рассказали многие выдающиеся люди Казахстана – поэты Олжас Сулейменов, Какимбек Салыков, академики Салык Зиманов и Зейнулла Молдахметов, сенатор Куаныш Султанов, первостроитель Караганды Камзабай Букетов, бывший аким Карагандинской области Серик Ахметов, бывший председатель Джезказганского облисполкома Камза Бижанович Жумабеков, Герой Советского Союза, Халык Каһарманы №1, генерал армии Сагадат Нурмагамбетов, писатель, начальник канцелярии Прези-

дента РК, доктор политических наук, профессор Махмуд Касымбеков и многие, многие другие. Известный казахстанский журналист Николай Сергеевич Колинко посвятил Байкену Ашимовичу Ашимову целую книгу «Премьер», изданную в Алматы в 2012 году. Очень проникновенно, с глубоким уважением к старшему брату написал о нем свои мемуары Амангельды Жакупов.

Провожая меня к машине, он сказал:

- Байкен-ага был для всех нас, его родственников, путеводной звездой. Во всяком случае так называл его наш третий брат Кажнаби, тоже крупный партийный и государственный деятель. Вы помните его, Кажнаби работал первым секретарем райкомов партии в Нурынском и Каркаралинском районах, а затем заместителем председателя Карагандинского облисполкома... Его тоже люди любили за скромность, уважительное отношение к порученному ему делу, высокую ответственность...

Хочу добавить, что путеводной звездой Байкен Ашимович Ашимов стал не только для своих братьев, родственников, детей и внуков, но и для целого поколения людей, умело и отважно строящих новый Казахстан.

Глава двадцать пятая

О Букетове и не только о нем

Много лет я интересуюсь жизнью и деятельностью известного ученого, писателя Евнея Арстановича Букетова. Однажды встретился с академиком Зейнуллою Мулдахметовичем Мулдахметовым, и он во время беседы со мной тяжело вздохнул:

- Горькой судьбы был человек Евней Арстанович. Пришло время рассказать всю правду о нем. Немало талантливых учеников было у Каныша Имантаевича Сатпаева, но самая яркая звезда среди них - Букетов. Надо бы написать о нем заново, не тая истины... Ведь Евней Арстанович – ученый, прозаик... Его творческие поиски помогли развитию в свое время новых в Казахстане отраслей цветной и черной металлургии. В списке трудов Евнея сейчас насчитывают девять научных монографий, более двухсот статей, десятки рукописей художественных книг.

В свое время Е.А.Букетов двенадцать лет возглавлял химико-металлургический институт в Караганде, и всегда показывал личный пример в творческих исканиях. Он стал создателем обобщающего научного направления: химия и технология халькогенов и халькогенидов, прогрессивного метода определения элементарного фосфора в шлаке. Его научные труды по разработке пиро и гидрохимических способов извлечения селена и теллура из медьэлектролизных шлаков, получения марганцевых ферросплавов из бедных руд и высокозольных углей и многие другие до сих пор не потеряли своей ценности.

Слушая З.М. Мулдахметова, я все вспоминал, где же впервые в Сары-Арке услышал имя Букетова. И мне представился низкорослый, но ладно сбитый краевед из Жезказгана Сутемген Букуров, бывший директор музея корпорации «Казахмыс», который в один из дождливых дней выговаривал молодому журналисту, стоящему с папкой под мышкой на веранде музея:

- Как же вы будете о Сатпаеве писать, если не знаете абсолютно ничего о его продолжателе Букетове, если даже не касались пальцами книги Евнея Арстановича «Грани творчества»? Что, не знаете, где ее достать? В библиотеке, мил человек, где же еще - в библиотеке- в любой!

Уже глядя вслед уходящему, растерянному молодому журналисту с папкой под мышкой, Букуров укоризненно сказал мне:

- Вы посмотрите на него – ничего слыхом не слыхивал о Букетове, а туда же – в знатоки Сатпаева! А, между прочим, пока в республике никто лучше Евнея Арстановича не написал о Каныше Имантаевиче и его последователях.

И он процитировал: «Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения Чокан Валиханов... У первого казахского академи-

ка Сатпаева и его соратников- иная судьба... Не «блестящими метеорами» пролетели они по небу советской науки, а светят устойчивым светом постоянных звезд...» Это и о себе написал Букетов! Красиво и умно!

Разговор с Букуровым я много раз припоминал позже в Караганде, когда стоял у здания основанного Букетовым химико-металлургического института, на котором скульптор Юрий Вильгельмович Гуммель умело высек своей мастеровой рукой барельеф видного ученого, когда шел по улице, носящей его имя... Мне было тепло на душе от того, что мы начали чтить тех, кто трудился в поте лица своего на людей, кто был первым в этом городе на тропах науки, кто жил для будущего и верил в него... Но было и огорчительно буквально через полчаса слышать от встречаемых студентов, что они ведать не ведают, кто таков Букетов, почему в его честь названа улица... Скажете: элементарное отсутствие интереса к гледам предшественников, пробелы просвещения...

Да, это так. Молодость, изъяны образования. Но и черное забвение имени Букетова, сотен творческих, ищущих, таких, как он, в тихую эпоху Кунаева, безоблачного застоя Брежнева... С одной стороны, Евней Арстанович, казалось, тогда получал все, что может получить талантливый человек, - высокие звания, Государственную премию СССР, с другой стороны - едва поднявшись во весь рост, он оказывается в роли преследуемого, гонимого...

Брат академика - персональный пенсионер республики Камзабай Арстанович Букетов подарил мне книгу Евнея Арстановича «Шесть писем другу». Довольно трудная, непредсказуемая судьба у этой книги, как и у его автора. Она увидела свет спустя одиннадцать лет после того, как получила «добро» на публикацию в издательстве. Да, да, именно в 1978 году книга Букетова была слана в набор на казахском и русском языках. Но ее выпуск по «команде сверху» был запрещен, и тогдашнее руководство издательства поспешно сняло ее с производства. Книга появилась в киосках и магазинах уже после того, как ее автор ушел из жизни. Она вообще могла бы затеряться, если бы не волнительная забота о личном архиве академика его брата Камзабая Арстановича Букетова. Именно к нему я обратился с просьбой объяснить нелегкую судьбу книги «Шесть писем другу». Как сейчас помню, Камзабай Арстанович немного помолчал, тяжело вздохнул и согласился: - Хорошо. Хотя и не принято было у нас раньше говорить горькую правду напрямик, да и сейчас кое-кто боится это делать, я скажу. У Евнея Арстановича гладкий путь к звездам славы был прерван где-то в конце семидесятых годов, когда он не вовремя снял свою кандидатуру на пост президента Академии наук республики. К тому же, не информировал об отказе своем самые верхние эшелоны власти. Это сейчас - если хочешь, выставляй свою кандидатуру, свою программу, борись, и тебе, как говорится, воздастся! А тогда было такое время: не смей своего суждения иметь. Тем более, что на пост президента Академии наук Казахстана претендовал не кто-нибудь иной, а сам брат Д.Кунаева - Аскар! Разве можно было противостоять такому

кандидату? Ясное дело, периферийный академик Букетов сразу попадает в опалу. В Карагандинский университет, который он в то время возглавлял, из Алма-Аты следуют комиссия за комиссией. Они занимаются многочисленными никчемными проверками, ищут «жар - факты», чтобы очернить кандидата в президенты Академии, чтобы при первой же возможности «сместить его» и с кресла ректора провинциального ВУЗа.

Его начали всюду теснить и преследовать, капля за каплей подтачивая силы. Дошло до того, что Евнея Арстановича стали упрекать в самозванстве, зазнайстве на том основании, что в своей книге «Грани творчества», изданной в 1977 году в издательстве «Жазушы», он не только не показал роль Д.А.Кунаева в становлении Академии наук Казахской ССР, но даже не упомянул, что тот был ее президентом в 1952-55 годах. Зато Букетов слишком, чуть ли не до небес превознес имя К.И.Сатпаева, которого терпеть не мог Д.А.Кунаев. В конце концов «дело на Букетова» довело до того, что в молодежной республиканской газете на него опубликовали фельетон-пасквиль «В соавторстве с Хлестаковым». Поводом для этого фельетона послужили «Записки научного работника» Е.А.Букетова, опубликованные в журнале «Простор» в восьмом и девятом номерах за 1978 год. Критик Ю.Рощин пожелал увидеть в них «скобоченную общественно-политическую картину».... Причем, в фельетоне была специально подчеркнута должность Букетова, мол, его мировоззрение не соответствует креслу, на котором он сидит. Эта статья была явным спецзаказом критики и он с административным восторгом выполнил его.

Камзабай Арстанович Букетов вручил мне большую папку материалов, опубликованных в журналах и газетах, о своем именитом брате. Среди множества похвальных статей я натолкнулся на злополучную «В соавторстве с... Хлестаковым (О «Записках научного работника» Е.А.Букетова). С первых же абзацев чувствуется, что к оценке произведения академика Ю.Рощин подходит явно предвзято, заведомо ставя целью уничтожить автора как творческую личность. Откуда же тогда такие фразы: «Мифологический Нарцисс в сравнении с автором выглядит могучим коллективистом», «Несмотря на мажорнос название, это многостраничное творение удивляет неумеренным «язычеством» автора, самоуверенной гиперболизацией его личной общественно-социальной роли...». Критик даже подсчитал, что местоимение «я» у Букетова на каждой странице повторяется не менее 10-15 раз.

Я когда-то читал «Записки» Букетова, недавно заново перечитал их и скажу, что в них нет и миллиардной йоты «саморекламной мишуры», о которой вещает на весь мир закодированный «ценным указанием сверху» критик. Да и смешно было уже тогда читать эти места в рецензии! Когда поэт В.В. Маяковского один критик упрекнул в «ячестве», «саморекламе» в стихах, то он спросил его: «Скажите, а когда вы объясняетесь в любви девушке или женщине, то говорите ей: «Мы вас любим»? Она ведь может испугаться и спросить: «А сколько вас?»

Ясно, что «я» Букетову необходимо было как каждому творческому человеку. Как же еще иначе, скажите, можно с наибольшей силой выразить свою любовь, кроме как через собственное сердце, душу свою, свое «я»?! Но критик не унимался, он назвал «Записки» даже «проповедью мещанства», «приступом нарциссианства», напоминая автору назидательно о том, что «мы – коллективисты». Так и хочется сказать Рощину: коллективисты – то мы коллективисты, только каждая литературная вещь – дело индивидуальное. нигде творческое «я» так не сильно, как в литературе, тем более мемуарно-документальной. Чокан Валиханов после встречи с Достоевским писал ему в Семипалатинск: «...Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю...» Исходя из своей концепции не писать от имени «я», Ю.Рощин мог бы разделать под орех и самого Чокана Валиханова, да заодно с ним и Федора Михайловича Достоевского, который тоже свои записки пипет от собственного «я». Вот его строки Валиханову: «А я Вам объявляю без церемоний, что я в Вас влюбился... Я тоже Вас люблю, что мечтаю о Вас и о судьбе Вашей по целым дням».

Явно натянутая критика в «Ленинской смене» не могла не возмутить писателей Казахстана, ученых, всю общественность. Но многие друзья Евнея Арстановича струсили, отвернулись от него, ведь его уличили в нескромности и отсутствии (цитирую) «партийной объективности, гражданской ответственности». А тогда такие ярлыки не зря навешивали на талантливых людей, все догадывались: попал одаренный человек под такую критику - значит, нелюб «верхам». Критика в то время, как и тысячи партийных мероприятий, заорганизовывалась сверху, дабы не вылезали из подчинения более умные кадры, не изволяли себе самостоятельных мыслей и поступков. Зачем, к примеру, Букетов в своих «Записках» выпячивает одних ученых, а других «замалчивает»? Разве это его дело – оценивать ученых республики? Не превышает ли он своих полномочий? Вот если бы проанализировать деятельность только ученых КарГУ, тогда ясно, он ведь ректор университета. А по республике давать оценку не его ума дело... Как говорится, всяк сверчок знай свой шесток. А если нарушаешь эту пословицу – берегись, на тебя всегда найдется какой-нибудь Ю.Рощин!

Как говорится, Бог правду видит, да не скоро скажет. И напрасно! Не было бы нещадной необъективной критики Ю.Рощина – не было бы больших неприятностей у Букетова, может быть, он и по сей день был бы жив и здоров, и воспитал на радость нам не один десяток подобных себе ученых.

Однако, как мы знаем, академик в конце концов был разжалован из ректора Карагандинского университета ни за что ни про что. Ему в конце концов милостиво предоставили должность научного сотрудника в том же химико-металлургическом институте в Караганде, который он сам когда-то основал с легкой руки К.И.Сатпаева и долгое вре-

мя возглавлял его. Удар был настолько силен, что, проработав всего три года в лаборатории, Евней Арстанович скончался. Скончался в расцвете творческих сил на 58-ом году жизни, так и не осуществив многих своих творческих замыслов.

Подобное отношение к талантам, позорящее самую душу человеческую, укорачивающее жизнь многих видных ученых, писателей, было в застойные годы нормой.

Завистники Е.А.Букетова тогда в открытую пророчили гибель академику: «Сверху вниз падать почти смертельно... Он не выдержит цепей « маленького человека на маленькой должности».

Вспоминая то время, Камзабай Арстанович Букетов говорил мне:

- Как они все ошибались, главным в жизни брата были не должность, не высокий пост, а творчество! А этот удел ищущих никакой приказ, никакая комиссия не в силах запретить.

Ученик Букетова, доктор технических наук Виталий Павлович Малышев говорил мне:

- Талант - не разменная монета, а величина постоянная. Конечно, его можно и потерять, если не закалять трудом. А Евней Арстанович был прямо-таки рожден для труда. Правда, от трудов своих праведных он не нажил палат каменных. Но его есть за что хвалить.

В.П.Малышев прежде всего отметил большие заботы Букетова, которые удачно легли в сок да в корень организованного им химико-металлургического института в Караганде. Время становления учреждений такого рода обычно измеряется десятилетиями. Букетову же и его коллегам понадобилось всего три года, чтобы институт получил общесоюзное признание. Не будет большим секретом, если отмечу, что этому признанию способствовал курс Букетова на укрепление связи науки и производства. Евней Арстанович любил рассказывать историю о том, как в ауле, где он родился, казахи научились выращивать хлеб. Русский мужик - переселенец Лазуткин дал отцу Букетова горсть зерна пшеницы, помог вспахать землю и засеять клин. Через несколько лет уже весь аул Алыпкаш питался «лазуткинским» хлебом. Вот так и зерна науки надобно сеять в промышленности, чтобы они давали всходы, полезные людям.

Сам Евней Арстанович всегда охотно откликался на зов производителей, больше того - он не ждал, когда этот зов проявит себя в стенах института, а шел на узкие участки производства сам, чтобы «расшить» их. В Жезказгане, Балхаше и Темиртау Букетов для рабочих и специалистов был своим человеком. Балхашские металлурги, например, до сих пор вспоминают, как вместе с «букетовским» институтом они резко подняли производительность труда конвертеров, разработав и внедрив в производство оригинальной конструкции печи шахтного типа с накладной газораспределительной решеткой. Легко выдуваемый в трубы порошкообразный медный концентрат превращается печами в окатыши. И использованные в конвертерах в качестве холодных присадок, гранулы

эти резко подняли мощность агрегатов. Они стали выдавать на тех же площадях дополнительные десятки тысяч тонн меди, соответствующей мировому стандарту.

Немало лет Евней Арстанович вместе с коллегами работал над тем, чтобы извлечь из ядовитого дыма труб медеплавильного завода серную кислоту, редкие металлы, в том числе редчайший из них – рений, и своего добился! Не зря за внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате ему была присуждена Государственная премия. «Я – производственник, я металлург», – продолжал говорить он с гордостью, уже будучи академиком.

Более 90 авторских свидетельств и зарубежных патентов на его счету. Скажите, какой нынче академик может похвастать такой крепкой связью своих научных устремлений с производственным эффектом? Не засиделись ли научные профессора у пробирок в лабораториях, в шикарных кабинетах у пылью покрытых книг? Пример Букетова мог бы стать той ариадниной нитью, которая вывела бы многих наших ученых на простор производственных площадей. Не могу не повторить известный теперь всем факт: уже после кончины Евнея Арстановича в химико-металлургический институт из Москвы пришло официальное уведомление, что новому способу электрохимического окисления фосфора присвоено имя авторов, и он имеет название «способ Букетова-Баешева».

Рассказывая обо всех гранях таланта Букетова, как мне обойти молчанием тот факт, что он был членом Союза писателей СССР, то есть признанным литератором? В изданной в Москве в издательстве «Молодая гвардия» книге «Ритмы и алгоритмы» ученый Анатолий Константинович Сухотин в главе «Притча о двух Ломоносовых» пишет об уникальном сочетании в одном человеке научного и художественного дарования. Читатель, верно, догадался, что речь идет, прежде всего, о Михаиле Васильевиче Ломоносове. Будучи великолепным химиком, он в то же самое время был и отличным поэтом. Но не только о великом русском ученом рассказывает доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Томского университета А. Сухотин. Рад, что мне первому выпала честь привести эти строки Анатолия Константиновича: «И уже совсем в наши дни проявились дарования Е. Букетова. Член – корреспондент Казахской академии наук, лауреат Государственной премии, он является крупным специалистом в химии. Казалось бы, современная наука сполна поглощает ученого и ему уже не остается времени ни на что другое.... К тому же, Е. Букетов – ректор Карагандинского университета. По правде сказать, не у каждого ректора достает сил даже на науку: хватает административных забот. Е. Букетов не только большой ученый, но не менее известный писатель, поэт, создавший ряд художественных произведений на родном казахском языке и познакомивший соотечественников со многими жемчужинами русской и западной классики. Его переводы стихов В. Маяковского, поэмы С. Есенина «Анна Снегина»; рас-

сказов Э.Золя и других творений мирового искусства хорошо приняли в республике».

И это так. Одно усиливало и проявляло другое, да я уверен в том, что не было бы крупного ученого – химика Е.А.Букетова, если бы не было Букетова-писателя. Но как проявился в нем дар писательства? На этот вопрос сам Евней Арстанович отвечал так: «Считаю, что литературный талант, как любой другой, надо постоянно развивать. А что значит – развивать? Необходимо денно и нощно трудиться, усердно трудиться над каждой новой вещью, давая на-гора каждые сутки минимум 2-3 страницы текста, причем добротного, как коксующийся карагандинский уголь.... Вот моя заповедь!».

Букетов сам следовал этой заповеди. И садился писать за стол надолго, по семь часов в сутки. « В эти часы я чувствую себя горняком, который спустился в подземные коридоры, - говорил он своему брату Камзабаю. – Может, повезет, и у меня пойдет добротный пласт, и я выдам на-гора тысячи прекрасных строк, а может, попаду в песчаник – тогда прощай, строки!».

Надо сказать, Букетову везло, - уже в те годы он пишет массу добротных рецензий на произведения писателей республики.

Именно тогда появились его первые аналитические литературоведческие статьи: «О переводах на казахский язык произведений В.В.Маяковского», «Грозное оружие» (о творчестве В.В.Маяковского).

У Камзабая Арстановича до сих пор сохранилась фотография, на которой молодой Евней читает на клубной сцене «Стихи о советском папире» В.В.Маяковского. Читал он и отрывки из романа шахтерского писателя Габита Мусрепова «Пробужденный край». Читал великолепно! Ему нравился Габит Мусрепов, его сочный образный язык. Об этом он писал в «Казахстанской правде» в своей рецензии, в которой, кстати, высказал и несколько критических замечаний. Габит-ага прочитал ее и напросился по телефону придти на чай к своему критику. В то время Евней жил с женой Зубайрой Дюсеновной в небольшой комнате в коммунальной квартире и все же они умудрялись быть гостеприимными хозяевами, часто приглашали к себе, как говорил Евней, интересных людей.

В тот вечер их беседе, кажется, не было конца.

Надо сказать, Габит-ага первым заметил в Евнее дар литератора, и ни на каплю не ошибся. Сейчас держу в руках перечень литературных трудов Е.А.Букетова и хватаюсь за голову: как много он сделал, как много написал! Тут и рецензии, и литературные портреты писателей и ученых, и статьи (только в «Казахстанской правде» их 30 крупных), и переводы пьес, поэм, стихотворений, и путевые очерки, и, наконец, книги!

Мало кто нынче вспоминает автора книги «Сары-Арка – золотая планета», карагандинского журналиста Сергея Никитина, а ведь по сути он первым в печати по – настоящему глубоко и проникновенно поддержал литературный талант Е.А.Букетова, посвятив ему в своей книге целую главу под названием «Простор». В частности, в ней он писал: «Ста-

тьи Букетова о научной интеллигенции Казахстана, рецензии и театральные обзоры, написанные на русском языке, были известны мне, но не знал я, что автор их прежде всего химик. Они привлекли внимание читателей лаконичностью и точностью в анализах и оценках, тонким вкусом и чувством меры...»

Наверное, лучше не скажешь! И все же даже Сергей Никитин признает, что «Евней Арстанович Букетов прежде всего ученый, педагог». Это чувствуешь, когда читаешь его литературные вещи. Ведь многие из них – не художественные, не беллетристика, а публицистический рассказ об очевидном. Такова его книга «Грани творчества». Вот, к примеру, есть в ней раздел: «Второй в республике». О чем он? Ну, конечно же, о родном университете, карагандинских ученых, о воспитании в стенах вуза творческих, научных работников, специалистов...

Кстати, К.А.Букетов дал мне такую информацию: «Сегодня своим наставником Евнея Арстановича считают 19 докторов и более шестидесяти кандидатов наук. На любом более или менее крупном предприятии химического и металлургического профиля, а также в научных учреждениях республики можно встретить его учеников. Значительная часть их продолжает начатое им дело...»

Хорошие слова! А главное - правдивые, объективные. Когда в институте органического синтеза и углекислотной Академии наук республики в Караганде я познакомился с сотрудниками лаборатории химии и угля, то все они, как сговорившись, сразу представились мне:

- Мы – ученики Букетова.

И, не скрывая радости, сообщили, что только за последнее время восемь достойных продолжателей дела, идей Е.А.Букетова из Центрально-Казахстанского отделения Академии наук республики защитили докторские диссертации. Это Н.Бектурганов, Б.Каипов, А.Жарменов, М.Бакеев, А.Баешев, Е.Максимов, В.Шкодин, С.Исабаев и другие.

Порадовало меня, что в Карагандинском химико-металлургическом институте, основанном Е.А.Букетовым, продолжают его творческий поиск. Несмотря на трудности, связанные с переходом к рыночным отношениям, здесь свято берегут завет Евнея Арстановича не порвать связь ученых с производством. Директор института, кандидат технических наук Болат Пешатович Хасен рассказал мне о многих промышленных освоениях научных разработок последователей Букетова. По технологии, разработанной кандидатом технических наук С.О. Байсановым и М.Ж. Толымбековым, в Экибастузе пущен в эксплуатацию мини-завод по выпуску ферросиликоалюминия, о чем мечтал Евней Арстанович в свое время. Доктор технических наук К.Ж.Жумашев организовал ТОО «Новатор», которое вместе с институтом наладило производство аммиачной воды. На производственных площадях ЗАО «ИПК Серная кислота» в сжатые сроки запустили линию по очистке технической серной кислоты. А технологию для нее разработали ученые института...

Да разве обо всем расскажешь!

В Караганде, например, создается опытно-экспериментальный участок по получению синтетических шлаковых смесей для очистки стали от вредных примесей. Ученые института вместе с металлургами уже провели испытания в городе Темиртау на «Испат Кармете». И металлурги сказали, что готовы закупать две тысячи тонн шлаковых смесей в год!

Помогают ученые «букетовского» института АО «Алаш» в создании химико-металлургического завода по выпуску ферромарганца. Это тоже идея Букетова, не осуществленная им при жизни!

Как мы знаем, лаборатория химии и угля была последним пристанищем и детищем Евнея Арстановича. Здесь у него родилась гениальная мысль – всерьез заняться превращением низкоэнергетических углей Шубаркольского, Майкубенского и других месторождений Сарыарки в широкий ассортимент жидких топлив – в бензин, дизельное топливо для авиационных реактивных двигателей. Уже тогда он приложил большие усилия для создания новой лаборатории, ее начинки современным оборудованием... Учтите, что все это он делал после своего смещения с поста ректора университета. Другой бы озлобился да и перестал служить науке, вносить новые идеи и сражаться за них... Сказал бы: «Послужил своему неблагодарному обществу, хватит, пусть другой ему служит...» Не озлобился, не сказал так. И за свой высокий пост не переживал – переживал, что несправедливо его критиковал Рошин, ибо очень любил истину во всем и презирал придворных писак.

Нынешний ректор Карагандинского университета Жамбул Саулыбекович Акылбаев, который при Букетове работал проректором, мне рассказывал:

- Мы все любили Евнея Арстановича. Когда я узнал, что он после нескольких бессонных ночей, вызванных бесконечными вызовами в обком партии, написал заявление об уходе с должности ректора по собственному желанию, то пришел к нему в кабинет с предложением «пойти всем коллективом туда и отстоять его». На это он мне сказал:

- Туда ходить нечего, ведь команда шла из Алма-Аты, от первого... И тут хоть бастуй, хоть молись до утра, толку не будет. Ведь мы живем в тоталитарном государстве.

И добавил:

- А, может, оно все к лучшему? Наконец-то, я смогу свободно сесть за свой письменный стол и окончить книгу... Наконец - то, смогу вести опыты в лаборатории по экономичному превращению излишков угля в топливо для внутреннего сгорания... Говорят, все, что ни делает Бог, к лучшему.

И, закрывая дверь своего кабинета, попросил:

- Только уж вы все не забывайте меня в университете.

Однако весь парадокс в том и состоит, что как только он вышел навсегда из университета, грузно ступая по гранитным лестницам, на продуваемую ветром улицу и затерялся в толпе обычных прохожих, так память о нем стала гаснуть быстро, как дым от костров в мокром саду. И

нынешние студенты, к стыду нашему, даже не могут назвать имени человека, сотворившего университет в Караганде, так как не знают о нем ни-че-го-шеньки! Мне просто не хочется называть десятки фамилий тех, кто слова вразумительного не мог сказать на мой вопрос, кем был Букетов, кто он такой?

К счастью, новый ректор университета, конечно, помнит и чтит имя Букетова. И потому он так горячо поддерживал идею увековечить свет его дел. И университет теперь носит имя его основателя, академика. Евней Арстанович как бы снова возвращается к нам.

- За все это надо поблагодарить Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева, - сказал мне профессор Султан Капарович Досмагамбетов. – Нурсултан Абишевич долгое время работал в Карагандинской области, хорошо знал Евнея Арстановича, чтит его талант, и многое сделал для увековечивания его памяти. Если бы не его забота и поддержка, Евней Арстанович давно бы канул в лету забвенья.

Нынче в Караганде в университете создан музей академика Е.А.Букетова. Его директором стал брат академика Камзабай Арстанович Букетов. Вместе с ним мы организовали инициативную группу по созданию фонда имени академика Букетова.

Спросите: для чего? Прежде всего, для оказания содействия поддержки и воспитания творческой молодежи республики в духе гуманных гражданских принципов. Он должен способствовать развитию идей Евнея Арстановича в деле подготовки казахстанской интеллигенции и молодых специалистов, преподавателей, научных сотрудников, инженерно-технических сотрудников. Наконец, что немаловажно, при помощи этого фонда можно было бы издавать забытые рукописи Е.А.Букетова. Ведь многие из них до сих пор не увидели света!

Как-то при нашей очередной встрече Камзабай-ага поделился радостью: в личном архиве академика он обнаружил две нигде еще не опубликованные рукописи брата. Одна из них о Чокане Валиханове – его жизни и деятельности в Казахстане, дружбе с видными русскими писателями и учеными. Не случайно, думается, Е.А.Букетов свою книгу назвал «Святое дело Чокана».

Вторая рукопись посвящена ученому-геологу Канышу Имантаевичу Сатпаеву. Евней Арстанович в свое время задумал написать трилогию о жизни и творчестве этой выдающейся личности, но успел осуществить свой замысел лишь частично. «Молодой Каныш» – так назвал он свою книгу о юном Сатпаеве.

Обе рукописи объединены под названием «Слово о двух мыслителях». Я с интересом прочитал эти произведения Букетова: они проливают новый, дополнительный свет на образы двух крупных ученых Казахстана. И эти книги давно следовало бы издать у нас в республике. Но парадокс: семье Букетовых долго отказывали в этом. Вот текст одного из ответов из издательства «Казахстан», присланных в 1992 году: «Уважа-

емый Камзабай Арстанович! К сожалению, издать рукописи не предоставляется возможным: нет ни бумаги, ни денег, ни полиграфбазы».

И что вы думаете? Камзабай Арстанович отступил? Нет, конечно. Однажды в 1994 году он пришел ко мне запыхавшийся, но довольный.

- Пиши срочно вступительную статью к книге Евнея Арстановича о Чокане Валиханове и Каныше Сатпаеве. В фонд Букетова поступили средства от спонсоров на ее издание.

Тогда я подумал: наконец-то, свершилось великое благоволение! Да, в народе не зря говорят: «два брата одним поясом опоясаны», «доброе братство сильнее всякого богатства». Конечно, я отложил свои текущие дела и за ночь написал вступительную статью, в которой отметил, я бы сказал, завидную работу Камзабая Арстановича о трудах своего именитого брата, его богатом наследии. Он сделал все возможное и невозможное, чтобы издать забытые рукописи Евнея Арстановича. Причем, напечатал их так, как хотел этого брат, - чтобы в одной книге были объединены его рассказы о Чокане Валиханове и Каныше Имантаевиче Сатпаеве - двух ученых, двух талантах, из которых и пошла затем плеяда звезд ученых и писателей Казахстана, радующих нас своим светом тепла и надежды на лучшие времена.

Сам Евней Арстанович не раз говорил брату, что образы Валиханова и Каныша Имантаевича Сатпаева стали его болью и радостью, что если он не напишет их, то будет считать себя самым несчастным человеком на свете. Отдавая дань уважения и признательности великому казахскому просветителю, путешественнику и ученому Чокану Валиханову, Евней Арстанович сумел самобытно написать о нем. Для него Чокан - это прежде всего дух братства, бескорыстного товарищества, человеческого благородства.

Букетов проследил это на дружбе Чокана с Достоевским, их «узах братской нежности и нерасторжимого родства душ».

Что же их объединяло? Конечно, фанатичная преданность науке, литературе, огромное трудолюбие и любовь к людям. Именно эти качества повели Чокана по трудным дорогам творческих исканий. Открытия, сделанные им во время путешествия в Кашгар, поставили его в один ряд с выдающимися географами мира. Он создал оригинальные труды по истории, этнографии, экономике, социологии. К тому же он, как и Лермонтов, был великолепным художником и поэтом, отличным собирателем народного фольклора, наконец, открыл для всех нас впервые киргизский эпос «Манас».

Мне не хочется пересказывать здесь весь сюжет эссе «Святое дело Чокана», да, видимо, этого и делать не надо. Но скажу: написан очерк колоритно, сочным языком, на высоком публицистическом накале! Мы привыкли считать ученых сухарями, их рациональный язык порой нас даже шокирует. Но, читая «Святое дело Чокана», убеждаешься, что Е.А.Букетов неплохо владеет словом, серая проза ему не по нутру. Лишь

точно выверенное слово, мастерски слепленная фраза сродни биению его сердца.

Как мы знаем, Евней Арстанович был человеком щедрой души, творческой натурой. В очерке «О Букетове и не только о нем», опубликованном в свое время в «Казахстанской правде», я раскрыл все грани его таланта: ученый-химик, организатор, строитель, писатель, переводчик, воспитатель новой смены. Конечно, и героев для своих очерков он подбирал, как говорится, себе под статью, под свой талант. И не мог он, безусловно, пройти мимо такой яркой личности как Каныш Имантаевич Сатпаев, который вобрал в себя все лучшие качества человека и ученого. Рассказ о Сатпаеве – это возвращение ему нравственного долга, ибо как раз Каныш Имантаевич первым заметил в Е.А.Букетове дар творить, созидать. Память по Сатпаеву у Евнея Арстановича была прочная и незабвенная. Но творческий дар – это дар первооткрывателя, дар говорить объективно. И Букетов, пожалуй, первым среди литераторов Казахстана попытался правдиво сказать в очерке и о тех горьких испытаниях, терниях, что выпали на долю Сатпаева в годы сталинизма. Не зря он взял эпилогом к очерку о Сатпаеве слова поэта В.Маяковского:

*«Где,
когда,
какой великий выбирал
Путь,
чтобы протоптанней и легче?»*

Пройдет всего три года, и Камзабай Арстанович снова придет ко мне с рукописью книги «Наш Букетов».

В течение десяти лет он собирал материалы для сборника воспоминаний современников о своем брате. Колоссальный, титанический труд! В 1994 году было принято постановление Кабинета Министров Республики Казахстан «О подготовке и проведении 70-летия со дня рождения Е.А.Букетова», в нем, в частности, предусматривалось, и выпустить литературу к этой дате. Юбилейные мероприятия состоялись в марте 1995 года, а что касается книг Е.А.Букетова, литературы о нем, молчок. И пришлось самому Камзабаю Арстановичу браться за сборник «Наш Букетов», искать спонсоров. Редактором этой книги он предложил выступить мне.

В 1997 году сборник воспоминаний о Букетове был издан в Караганде. Скромная книжка тиражом тысячу экземпляров, но сколько радости она доставила читателям! Сейчас эта книга стала библиографической редкостью, ее надо бы переиздать.

Но, что удивительно, после выпуска этой книги лед, как говорится, тронулся. О Букетове Е.А. заговорили во весь голос. Его имя стало беспрепятственно и беспрекословно почитаемо.

Глава двадцать шестая

Академик Абылкас Сагинов

Когда я начал собирать материалы об ученых Центрального Казахстана, меня сразу привлекла личность академика, доктора технических наук, Героя Социалистического Труда Абылкаса Сагиновича Сагинова. Ибо все ученые, с кем ни доводилось встретиться, в один голос говорили мне: вот достойный кандидат для книги! А доктор технических наук, почетный гражданин Караганды Николай Александрович Дрижд даже воскликнул:

- Это замечательный человек, настоящий ученый, всем, кто работал с ним, повезло невероятно. Ведь он жил не для себя - для людей.

Корифей русской науки К.А.Тимирязев писал: «Жизнь ученого заключается в трудах». Если с этой точки зрения посмотреть на деятельность Абылкаса Сагиновича, то мы сразу увидим, что на его счету около 500 разных работ, в том числе 20 монографий, 50 авторских свидетельств и патентов. И почти все они посвящены проблемам разработки угольных месторождений с применением прогрессивной техники и комплексной механизации. Не зря Каныш Имантаевич Сатпаев в свое время проявил большой интерес к неординарной личности Сагинова, назвав его «известным ученым - угольщиком Караганды».

Надо сказать, глубокие знания горного дела у Абылкаса Сагиновича шли не только из книг и статей ученых. Можно образно сказать, что он вошел в науку из «шахтерской робы». Земляк Каныша Имантаевича Сатпаева (Сагинов родился в декабре 1915 года на плодородной земле Баянаула Павлодарской области), повторил в себе многие превосходные черты первого академика республики - трудолюбие, неумное стремление к творчеству, научным открытиям, желание бескорыстно служить родному Отечеству. Когда Абылкас Сагинович впервые встретился с Канышем Имантаевичем в непринужденной обстановке в санатории Академии наук СССР в Кисловодске, его поразили добрые внимательные глаза Сатпаева. Это было в 1962 году, - Каныш Имантаевич тогда уже сильно болел, его жизнь клонилась к закату. И он, видимо, это чувствовал.

- Знаешь, дорогой Абылкас, - неожиданно сказал Сатпаев во время очередной прогулки по парку, - я не напрасно прожил свою жизнь. Спросишь: почему? А потому что я за личное богатство не хватался, идеи науки, процветание Родины мне были превыше всего, и я отдавал им все свое время. Вот и ты так поступай... Главное - работа, остальное приложится...

Сагинов так и поступал. Окончив Днепропетровский горный институт по специальности «Разработка месторождений полезных ископаемых», он сразу окунулся в рабочую среду шахтеров. Его авторитет вна-

чале рос на шахтах угольного бассейна, где он трудился на должностях начальника участка, главного инженера, директора шахты. По сути, он был первым угольным инженером-казахом с дипломом вуза. И хочется отметить: отличным специалистом, ибо в годы Отечественной войны немало сделал для совершенствования выемки угля, в частности для внедрения эффективной системы разработки мощного пласта «Верхняя Марианна». Часто биографы Абылкаса Сагиновича забывают это отметить. А ведь не было бы первоклассного ученого Сагинова, если бы инженер Сагинов на практике в глубоких забоях шахт не отличился.

Еще в те военные годы А.С. Сагинов заметил, как бездарно и бессмысленно на шахтах относятся к угольным запасам. Уголь добывали, в основном, из мощных пластов, а разработками мелких и средних брезговали, откладывали на «будущее завтра». Между тем, неразработанные маломощные пласты составляли около 40% всех промышленных запасов шахт. И их надо бы поднимать на - гора, а не обходить стороной. Как раз в то время Сагпаев выступил против производителей, которые на медных рудниках брали только богатые залежи меди, а бедные оставляли на «потом». «Это безобразие! И с ним надо бороться!» - в сердцах сказал первый Президент Академии наук республики. Тоже самое происходило и на угольных предприятиях, и Сагинов выступил против этого негативного явления. И не только выступил с критикой, но и сам взялся за разработку технологии добычи угля из маломощных пластов. И своего добился, уже в 1951 году защитив кандидатскую диссертацию на эту острую тему. И шахтеры стали добывать уголь из маломощных пластов по методу Сагинова.

Конечно, это не осталось незамеченным даже в «верхах». И когда в области возник вопрос, кого поставить во главе угольного института, лучше кандидатуры Сагинова не нашли. И, надо сказать, директивные органы попали в «самое яблочко». «Сагинов был директором от Бога, - сказал мне почетный гражданин Караганды, профессор Султан Капарович Досмагамбетов. - Работая руководителем КНИУИ, он доказал, что является не только толковым ученым, но и организатором науки».

И это, действительно, так. Под руководством Сагинова коллектив института успешно решил многие узловые проблемы, связанные с разработкой угольных месторождений, дегазацией метаноносных пластов, внедрением новой прогрессивной техники на шахтах.

Вспоминая то время, Абылкас Сагинович непременно перечислял многих знаменитых сотрудников КНИУИ, в том числе профессора Александра Леонидовича Чижевского - ученого с мировым именем. После отбывания срока в Карлаге, Александр Леонидович был принят в КНИУИ по рекомендации Сагинова, долгое время возглавлял сектор аэроионизации зданий. Именно в нарядных шахт Карагандинского угольного бассейна проходила свое первое испытание и крещение знаменитая люстра Чижевского, которая вернула здоровье многим шахтерам, избавила их от болезней рака легких, гортани, туберкулеза.

В 1955 году А.С. Сагинова назначают ректором только что организованного Карагандинского горного института. В своей книге «О пройденном пути» (Издательство «Гылым», 1996 год) он писал: «Я тогда не мог даже предполагать, что в этой роли проработаю почти 33 года». Основатель горной науки в Центральном Казахстане, Абылкас Сагинов таким образом волею судьбы становится и основателем высшей технической школы в нашем крае. Ведь до этого в Сарыарке не было вуза, который бы готовил инженерные кадры для разных отраслей народного хозяйства. И в этом направлении вклад Сагинова неоценим. «Когда он приступил к своим обязанностям ректора, в вузе было всего два факультета: горный и электромеханический, - вспоминал Султан Капарович Досмагамбетов, много лет проработавший под началом Сагинова в институте. - А уже через восемь лет на базе института был организован также завод - втуз в Темиртау, филиалы в Дзержинске и Петропавловске. Это дало огромный толчок развитию высшего образования в Сарыарке. Ведь в одном только политехническом (с 1958 года так стали называть горный институт) уже через десять лет обучалось около 14 тысяч студентов по 24 специальностям!»

Неприменно надо сказать и о том, что при Сагинове в политехническом институте был создан ученый совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по горным специальностям. Свыше четырехсот молодых ученых вуза защитили за период работы А.С. Сагинова в политехе докторские и кандидатские диссертации.

Став в 1967 году доктором технических наук, сам Абылкас Сагинович воспитал немало ученых. Его ученик, доктор технических наук, профессор Сантай Сулейменович Жетесов говорил:

- Мне всегда было приятно общаться с Абылкасом Сагиновичем. Именно благодаря ему, его советам я всерьез взялся за разработку проблем совершенствования процессов угледобычи с применением механизированных крепей, и в конце концов защитил на эту тему докторскую диссертацию. Да только ли меня он вывел в люди?

И Жетесов начал считать, действительно, до сотни ученых дошло, - но я запомнил только именитые: это - доктора наук Т.Е. Ермеков, А.А. Акимбеков, Ф. К. Низаметдинов, С.С. Квон, Н.А. Дрижд и другие. Считают себя учениками Сагинова горный инженер, бывший депутат парламента РК Ш.А. Уразалинов, директор ОАО «Карагандагипрошахт и К» И.Я.Мирный, генеральный директор ПО «Карагандацветмет» А.В. Сергеев и другие.

Да, многим повезло на Учителя, Наставника с большой буквы, каковым всегда был Абылкас Сагинович Сагинов. Его кругозор ученого, организатора высшего образования и науки в Центральном Казахстане сегодня подтверждается многочисленными государственными наградами. В 1974 и в 1987 годах ему дважды присуждали премию Казахской ССР в области науки и техники. В 1971 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Указом Президента РК Н.А.Назарбаева в

1995 году Сагинову было присвоено звание «Заслуженный деятель науки и техники Республики Казахстан».

Но, пожалуй, самым ценным для себя он считает признание его заслуг коллегами. А они частенько вспоминают его не только как ректора политехнического института, но и как директора Института проблем комплексного освоения недр. Этот институт Абылкас Сагинович создал сам в сентябре 1991 года и до сих пор, даже после своей кончины в 2006 году, является его почетным руководителем. Во всяком случае этим очень гордятся в коллективе Института проблем комплексного освоения недр. На стене этого института продолжатель дел Сагинова – новый директор ИПКОНа Болат Пешатович Хасен установил мемориальную доску в память об академике, основателе высшей технической школы и многих научных учреждений в Центральном Казахстане.

Характеризуя А.С. Сагинова как ученого, организатора науки и высшего образования в республике, С.К.Досмагамбетов неожиданно в беседе со мной назвал его «строителем». Он напомнил мне, что все корпуса нынешнего технического университета (бывшего политеха) строились при Сагинове, при его активном участии, с его подачи - от проектирования зданий до сдачи под «ключ». Последнее детище Сагинова - это здание горного факультета, которое до сих привлекает к себе своей архитектурной красотой.

Неоднократно я бывал в этом корпусе. К сожалению, мало сейчас кто из студентов знает, что это великолепное здание было построено по инициативе Абылкаса Сагиновича Сагинова. Сил и нервов понадобилось немало! Ему пришлось стучаться в двери высших эшелонов власти, в конце концов он нашел поддержку у тогдашнего Министра геологии СССР Е.А.Козловского. Видимо, сказалось то обстоятельство, что Министерство геологов располагалось в Краснопресненском районе Москвы, который шефствовал над Казахстаном. Во всяком случае Козловский проявлял неподдельный интерес к республике, долго расспрашивал, как в политехе в Караганде готовят специалистов для геологической службы, в частности, геофизиков. А когда узнал, что в институте все еще слаба материально-техническая база, то пообещал помочь Сагинову в его начинании.

Как раз при содействии Мингеологии и был возведен в короткие сроки горный корпус, а также 70-квартирный жилой дом для преподавателей.

Конечно, мне давно хотелось встретиться с Героем Социалистического Труда, академиком Абылкасом Сагиновичем Сагиновым. Он произвел на меня впечатление необыкновенно эрудированного человека, как говорится, интеллигента с большой буквы. Поразили его скромность, дружелюбие.

Тепло рассказывал мне Сагинов о многих ученых-организаторах высшего образования в Казахстане, с которыми дружил и, как говорится, съел с ними не один пуд соли. Называл, к примеру, имена З.М. Мул-

дахметова, С.Б. Баймурзина, П.М. Пospelова, Т.А. Абдразакова, С.К. Досмагамбетова, М.Т. Алиакпарова, Е.А. Букетова.

Примечательный факт: когда Евнея Арстановича Букетова несправедливо сместили с должности ректора карагандинского университета, разжаловали в рядовые научные сотрудники химико-металлургического института, который он же создавал, многие его закадычные друзья испугались, даже отвернулись от него. Сагинов – нет. Он мне рассказывал, как разжалованный Евней Арстанович позвонил ему, чтобы встретиться, поговорить о насущных делах лаборатории, в которой он стал работать. Сагинов коротко ответил:

- Евней Арстанович, старая дружба, приязнь наша не ржавеет, приходи, когда захочешь.

На следующий день Е.А.Букетов снова позвонил и спросил:

- Абылкас Сагинович, не раздумал? Я ведь теперь в опале...

На что Сагинов ответил:

- Ты всегда мне близкий человек, старый товарищ лучше всех новых.

Букетов пришел домой к Сагинову вечером – усталый, но довольный своим другом. Много говорили о Каныше Имантаевиче Сатпаеве, к которому оба питали самые добрые чувства, о его незаконном увольнении с поста Президента Академии наук, печальной кончине. Им обоим довелось участвовать в похоронах К.И.Сатпаева в Алматы в составе делегации от Карагандинской области.

- Замечательный был человек – наш Каныш Имантаевич, - говорил Букетов. – Я обязательно завершу свою повесть о нем, которую начал писать еще в стенах университета.

Вдохновенно говорил Евней Арстанович и о работе лаборатории химии и угля, о том, что решил всерьез заняться превращением углей Шубаркольского месторождения в широкий ассортимент жидких топлив: бензин, дизельное топливо, топливо для авиационных реактивных двигателей...

В общем, Абылкас Сагинович понял, что Евней Арстанович не помышляет после своего увольнения с высокого поста находиться в науке и литературе на холостом ходу. Обстановка склок и дрызг, сложившаяся в то время вокруг имени Букетова, не очень волновала самого Евнея Арстановича, он был выше этого. На свой страх и риск он продолжал работать над созданием нормальных условий в новой лаборатории, советовался с Сагиновым, где достать для нее современное оборудование...

И Абылкас Сагинович помогал Букетову, как мог, морально поддерживал друга до самых последних дней его жизни.

Склонный к дружелюбию, радушный и миролюбивый Сагинов всегда отличался щедростью своей души. Его любимые пословицы: «Не пожелай другу того, что себе не желаешь», «Любить себя – любить людей», - лишний раз подтверждали это.

Да, Абылкас Сагинович всегда находил в себе для праведных дел

немало сил, чтобы отстоять других от суда кривды, лживых приговоров да черных наговоров. Скольких ученых спас он от произвола властей, выручил из беды!

Все в Казахстане чтят знаменитого теперь ученого-математика Алимхана Абеуовича Ермекова. Отстаивающий независимость Казахстана еще в сталинское время, он был репрессирован как алаш-ординец. В 1955 году после тюрем и лагерей он, Алимхан Абеуович, седоволосый, приехал в Караганду и долгое время не мог устроиться нигде на работу. Чиновники шарахались от него, как от прокаженного. В конце концов он пришел в политехнический институт к Сагинову.

- Тогда мы долго беседовали, - рассказывал Абылкас Сагинович, - и меня до глубины души тронула история судьбы этого скромного, замечательного человека. Он встречался с Владимиром Ильичем Лениным по поводу автономии Казахской республики, с всемирно известным ученым-путешественником Г.Н. Потаниным, помогал ему записывать казахские предания, легенды...

К успехам научно-педагогической и организаторской деятельности Алимхана Ермекова следует отнести открытие в Каркаралинске школы и педагогического техникума.

В 1921 году Алимхан Ермеков свел Каныша Сатпаева с магистром геологических наук М.Усовым, что во многом определило путь талантливого юноши до Президента АН Казахстана. К поступлению К.Сатпаева в Томский горный институт готовил родственник Алимхана Гариф.

Алимхан Ермеков первым в республике разработал математическую терминологию на казахском языке и еще в 1935 подготовил и издал учебник по Высшей математике.

В сталинских лагерях смерти Алимхан Ермеков отсидел в общей сложности 18 лет. В 1930 году вдвоем с Мухтаром Ауэзовым они были ошельмованы за отстаивание национального суверенитета республики.

Абылкас Сагинович Сагинов волновался, вспоминая первую встречу с Алимханом Ермековым, просьбу того дать ему приют и работу в Карагандинском политехническом институте.

- Как я мог отказать Алимхану Ермекову, - говорил он. - Как я мог от него отречься, как это сделали другие администраторы от науки! Тем более, что передо мной стоял первый крупный математик республики, в свое время работавший профессором кафедры математики нескольких вузов!

Сагинов сразу же принял А.А.Ермекова на работу, проявив при этом немалую гражданскую смелость. Позже чиновники не раз намекали Абылкасу Сагиновичу на дерзость «единоличного решения».

Сагинов отвечал:

- А вы бывали на лекциях Алимхана Абеуовича? Приходите...

И приходили, и убеждались, что лекции Ермекова были доходчивыми, отличались глубиной изложения материала. Кстати, он излагал их прекрасно и на русском, и на казахском языках.

А как много сделал Сагинов для увековечивания памяти Алимхана Абеуовича, когда тот в 1971 году скончался! Сразу после похорон Еремкова Сагинова вызвали в обком партии и долго распекали за то, что он организовал ему слишком «пышные проводы», дал в газете слишком хвалебный некролог...

- Вы разве не знали, что Алимхан Еремков – известный алашординец! - кричал на него высокопоставленный чиновник. – Еще раз так поступите, сами лишитесь всех регалий...

Но Сагинов продолжал биться за имя Еремкова, не боясь мести высоких начальников. И справедливость в конце концов восторжествовала - Алимхан Еремков был полностью реабилитирован, его доброе имя восстановлено. В главном корпусе института была установлена мемориальная доска в честь А.А. Еремкова, а его именем названа одна из магистральных улиц Караганды...

Жизнь самого Абылкаса Сагиновича Сагинова заслуживает того, чтобы о ней говорили, с нее брали пример. Никогда в жизни он не унывал, не падал духом. Для него не существовало слов «пенсия», «заслуженный отдых». И в 90 лет он продолжал свой научный поиск, педагогическую деятельность.

Об А.С. Сагинове писали многие журналисты, литераторы, ученые. Среди них - писатель Ж. Бектуров, доктор технических наук, бывший ректор Карагандинского технического университета Г.Г. Пивень, академик Ш. Чокин, журналист В.Новиков и другие. Хорошо отозвался о Сагинове в своей книге «О моем времени», выпущенной в Алматы в 1992 году, всем известный Динмухамед Кунаев, отметив его большой вклад в развитие угольного бассейна, а также продолжительную плодотворную работу на посту ректора политехнического института. В своей книге «Центральный Казахстан: природа и природные ресурсы, события и люди, реформы и развитие» (Алматы, 2003 год) профессор Султан Капарович Досмагамбетов дает высокую оценку научной, научно-педагогической и общественной деятельности Абылкаса Сагинова, подчеркивая его удивительное и уникальное качество-умение соединять воедино знания и деловитость. В связи с 90-летием А.С. Сагинова в печати появилось немало хвалебных восторженных статей его поклонников. Среди них заметно выделялась статья тогдашнего технического директора-главного инженера угольного департамента АО «Миттал Стил Темиртау» К.С. Кашапова, опубликованная в газете «Шахтерская неделя» под заголовком «Его имя должно быть увековечено при жизни».

Наверное, лучше не скажешь! И отрадно, что благодарные карагандинцы близ здания технического университета установили памятник нашему современнику, академику, Герою Социалистического Труда Абылкасу Сагиновичу Сагинову. Имя замечательного ректора, ученого и педагога должно сиять заново и неповторимо в наших сердцах!

Глава двадцать седьмая

«Бесконечный ветер жизни...»

Когда в 1989 году я приехал в Караганду из Жезказгана, то вначале чувствовал себя одиноко. Где-то далеко за кенгирскими плесами остались мои друзья, родственники, родители... Но, как всегда, выручила одна незатейливая мысль – работать и работать. И если я живу в шахтерском городе, стало быть, надо больше писать о шахтерах. Собственно говоря, ради того, чтобы познать Центральный Казахстан во всех разрезах, я ведь и приехал в Караганду.

Книги, справочники мне раскрывали страницу за страницей историю угольного бассейна, жизни карагандинцев. Из них я узнавал многое, всеми давно забытое. И не все представлялось мне таким мрачным, черным, как рисовали это тогда (да и сейчас рисуют!) некоторые журналисты.

Я часто бывал в шахтерских городах-спутниках Караганды, особенно в Шахтинске. Ведь здесь функционировали большие угольные шахты, обогатительные фабрики, заводы разного профиля... Там я встречал примечательных людей, любящих творчество, поиск... И, конечно, обо всех и обо всем не расскажешь. Но когда я, например, приезжал в Шахтинск, меня многие люди просили написать о Николае Ивановиче Гладких. Участок, которым он руководил, три года подряд добывал более одного миллиона тонн угля.

Когда Николай Иванович узнал, что на «Шахтинскую» приехал корреспондент, то иронично воскликнул:

- Наконец-то, и до нас, шахтеров, очередь дошла! А то в газетах совсем о горняках забыли – в другую крайность ударились: больше пишут то об арендаторах, то о коммерсантах... А шахтеры - «в тени»...

Позже он продолжил разговор на эту тему:

- Что закрывать глаза: падает престиж шахтерского труда, до обидного падает. Все меньше молодых рвутся на шахты – по-старинке считают наш труд малоинтеллектуальным, черновым, пропахшим солью и потом. А ведь нынешнего шахтера трудно сейчас представить с отбойным молотком, киркой да лопатой. Он больше стал думающим оператором, водителем комбайна. И уже не горбом достаются нынче ему зарплаты, а умом...

Сам Николай Иванович в своё время работал на шахте «Северная» механиком, окончил вечерний горный техникум. Его «конёк», как сам говорил – безукоризненное знание техники. Не один десяток новаторских предложений подал он по ее совершенствованию. На участке, используя его идеи, сконструировали конвертерный малогабаритный перегружатель, внедрили оригинальную систему орошения на комбайне.

Порадовало, что в бригаде Гладких было много молодых шахтеров, и все они занимались инженерным творчеством, не помышляли уходить с шахты.

- Да, в нашем коллективе молодежь крепкая, трудностей не боится, - говорил Николай Иванович, - с такими ребятами горами ворочать можно. А на многих других шахтах молодые кадры горняков пока проблема, как и внедрение современной техники...

Действительно, в то время, время забастовочных волнений среди шахтеров, всё меньше осваивалась новая техника, не хватало профессиональных горняков. Но эти проблемы стали возникать там, где любили больше говорить, обсуждать и не хотели добросовестно работать.

В этом отношении примером для других был участок Гладких. Этот коллектив не бастовал, никогда не останавливал производство из-за страстей бастующих. Зачем, когда все можно решить за столом переговоров? И амбициями, митингованием в казну государства ничего не добавишь, да и прежнее, нажитое вконец потеряешь. Не политические страсти, а деловой настрой, стремление заниматься творчеством – вот что было в крови Гладких и его товарищей.

Когда прощался с Николаем Ивановичем, он неожиданно попросил:

- Если будете писать о нашем объединении угольщиков, непременно вспомните Николая Александровича Дрижда, бывшего нашего шахтерского генерала. Он очень многое сделал для оснащения шахт передовой горной техникой, комплексной механизации процессов угледобычи и проведения горных выработок. При нем наш бассейн был на первом месте в отрасли по этим показателям.

Увы, не часто просили подчиненные в то время написать о своем руководителе, тем более ушедшем с высокой должности. И если бы просьба Гладких была единственной, то, может быть, она и выветрилась бы у меня из памяти. А то ведь то на одной, то на другой шахте люди тепло вспоминали Н.А.Дрижда, его человечность, ораторское искусство, большие инженерные, организаторские способности. А Николай Гладких даже в сердцах сказал мне:

- Попусту пострадал Александрович из-за забастовки шахтеров. Разве он был в чем-то виноват? И надо ли было за волнение рабочих посылать его голову на плаху?.

О том, что зря освободили Дрижда с должности генерального директора объединения «Карагандауголь», говорили мне многие. Многие не верили:

- Дрижда освободили? Человека, который всю свою жизнь посвятил шахтерскому труду? Полного кавалера почетного знака «Шахтерская слава»? Ради амбиции горстки горлопанов, толпы? Куда мы идем?

Да, в то тяжелое для народа время, в которое ввергли его партийные руководители бывшего СССР, трудно было предугадать ход событий, судьбу каждого человека, будь он трижды гениальным.

С Николаем Александровичем до забастовки 1989 года я уже встре-

чался несколько раз в его рабочей обстановке, и у меня сложилось мнение о нем как о высокогуманном человеке, крупном организаторе угольного производства и ученом. В тот день, когда Дрижда попросили уйти со своей должности «по собственному желанию», мне понравилась его решительность не порывать с любимым делом, перейти в политехнический институт на горный факультет преподавать, передавать свой опыт, знания молодым. Испуга в его глазах я не прочел. Да чего ему было бояться? К тому времени он защитил докторскую диссертацию, им было опубликовано более ста научных работ, в том числе четыре монографии, он получил сорок авторских свидетельств на изобретения.

И все же, судя по всему, ему нелегко было прощаться со своими товарищами-горняками, большим коллективом, которому было отдано столько лет! С тяжелым чувством объезжал он родные шахты...

Да, я не ошибся, написав «родные». Карагандинский угольный бассейн, его шахты были ему близки и любимы еще задолго до того, как он стал генеральным директором объединения. Именно на них он вырос от начальника очистного участка до генерала, как говорят шахтеры. После окончания Днепропетровского горного института, немного поработав в «Востсибугле», с 1953 года он в Карагандинском угольном бассейне. Его послужной список велик – начальник участка шахты № 37, главный инженер шахты «Сокурская», начальник шахты «Саранская», управляющий трестом «Сараньуголь»... С 1964 года по 1976 Дрижд возглавлял одну из крупнейших в бассейне шахт – шахту имени В.И.Ленина. Как писалось в одной из характеристик на Дрижда, «под его руководством на шахте имени Ленина было произведено техническое перевооружение угледобывающего предприятия, что позволило коллективу досрочно освоить производственную мощность». А я к этому добавлю, что именно при Дрижде шахта имени Ленина достигла добычи в три миллиона 200 тысяч тонн угля в год. Славилась ее коксующиеся угли марок К, Ж, КЖ.

Впервые на этой шахте Николай Александрович внедрил бесцеликовую технологию отработки пластов. Уголь добывался из семи очистных забоев, впервые оборудованных механизированными комплексами типа 1 МКМ, МК 75, ОКП, ОКП 70.

Когда я приехал на шахту имени Ленина, бригадир горняков, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени Владимир Иванович Саранин отметил, как много сделал Дрижд для организации на шахте подхоза, а затем и совхоза «Шахтинский», огромного, площадью в двести гектаров фруктового сада. До сих пор яблоки, груши, вишни из этого сада люди называют «дриждовскими».

И ездили в совхоз-подхоз «Шахтинский» со всех концов республики посмотреть на это хозяйство, подучиться, набраться опыта. Организовал его Дрижд в 1975 году. Специализировался он на мясном и молочном животноводстве, птицеводстве. И у горняков шахты никогда не было продовольственных проблем. Уже в 1984 году совхоз имел более

двух тысяч голов крупного рогатого скота, 1200 свиней, 70 тысяч голов птицы. В 1985 году подхоз дал шахтерам 428 тысяч тонн мяса, более тысячи тонн молока, 1405 тысяч штук яиц. Согласитесь, далеко не каждое частное фермерское хозяйство может похвастать нынче такими показателями. А все дело в том, что Дрижд сумел подобрать в подхоз отличные кадры животноводов, воспитать в них завидное терпение, большое мастерство. Ибо сельское хозяйство ему было не в диковинку – он сам воспитывался в сельской глубинке, в сельском детдоме, их, ребятишек-детдомовцев, всегда привлекали к работе на полях и фермах.

Когда Н.А.Дрижда в 1979 году назначили генералом шахтеров, он наряду с развитием угольного производства продолжал всерьез и настойчиво заниматься и созданием подхозов на всех шахтах бассейна, а затем взял под крыло объединения четыре самых захудалых хозяйства в Тенгизском районе, чтобы поднять глубинку, развить в этих совхозах производственную и социальную сферу.

И все же самое основное в деятельности генерала шахтеров было наращивание добычи угля.

- Я пришел руководителем в бассейн, в котором резко падали объемы добычи и производительность труда, - рассказывал мне Николай Александрович. - Надо было искать новые пути увеличения угледобычи, вернуть бассейну былую славу.

И он нашел эти пути. Под его руководством и непосредственном участии были проведены большие научно-технические и практические работы по освоению и наращиванию добычи угля наиболее эффективным открытым способом на Куу-Чекинском, Борлинском и Шубаркольском угольных месторождениях. За два-три года (невероятно короткие сроки!) были освоены новые угольные месторождения: Борлинское и Шубаркольское.

Скажите: зачем все это перечислять? Что прошло, то прошло. Но мы же с вами не Иваны, не знающие родства. Память о добрых делах добрых, созидательных людей должна быть прочной.

Кто-то после смещения Николая Александровича побывал я на шахте имени Кузембаева. И что же? То от одного, то от другого слышал: «Это внедрил Дрижд», «Это предложил Николай Александрович»...

Первыми в Карагандинском угольном бассейне кузембасвцы после коллектива шахты имени Ленина начали настойчиво вовлекать в производство ранее оставленные запасы угля на отработках рабочих горизонтов. Инициатором этого важного дела выступил Н.А.Дрижд.

Так вот для выемки оставленных запасов угля Николай Александрович предложил применять комплексы ОКПВ-70В и агрегаты, созданные карагандинскими изобретателями.

А что если попробовать взять, и так называемые, «охранные целики» - острова мощных пластов угля, которые в свое время не удалось выбрать из-за несовершенной технологии и отсутствия необходимой техники? Но как к ним подойти? И вот в институте горного дела имени

академика А.Скочинского Николай Александрович совместно с заведующим лаборатории Я.Н.Гапановичем, крупным ученым, создает необходимую современную технологию. Затем ее внедрили на шахте имени Кузембаева, а также на других шахтах угольного бассейна. Этот опыт был использован и в зарубежных странах, в частности во Франции.

После вторичного покорения «Верхней Марианны» один успех следовал за другим. А самое главное: шахта имени Кузембаева осталась поставщиком дорогих коксовых углей для Казахской Магнитки. Благодаря разработкам всеми забытой «Верхней Марианны» и «охранных целиков» горняки, по сути, продлили на несколько лет жизнь шахты без капитальных затрат.

Мало кто сейчас помнит, что Николаю Александровичу Дрижду дважды присуждалась Государственная премия СССР. Первой он был удостоен в 1972 году за разработку и внедрение высокоэффективной технологии добычи угля, концентрации производства на базе применения комплексных средств механизации в Карагандинском угольном бассейне. А второй спустя шестнадцать лет за разработку нового крупного месторождения угля в районе Шубарколя.

Конечно, Николай Александрович не открывал крупное месторождение, это сделали геологи тогда еще производственного объединения «Центрказгеология», которое возглавлял доктор геолого-минералогических наук Леопольд Федорович Думлер. Произошло это в 1983 году. Мне довелось тогда разговаривать со многими геологами, учеными, читать их отзывы о проделанной работе, и всюду я наталкивался на мысль о том, как уникально это месторождение. Уже первые анализы показали низкую зольность угля. По подсчетам специалистов, на один квадратный километр в Шубарколе приходилось до 30 миллионов тонн угля! Почти два миллиарда тонн угля пригодны для отработки открытым способом при весьма благоприятных горно-геологических условиях и низкой себестоимости добываемого топлива. К тому же, угли месторождения являются оригинальными по своим свойствам, они могут служить (и уже служат!) высококачественным энергетическим топливом для слоевого и пылевидного сжигания. Перспективны они для получения жидких продуктов в процессе гидрогенизации.

Кстати, проблемой экономичного превращения излишков угля в жидкое топливо для двигателей внутреннего сгорания заинтересовался впервые ученый Е.А.Букетов в 1980-1983 гг., когда работал руководителем лаборатории Карагандинского химико-металлургического института Академии наук республики. Он отметил, что шубаркольский уголь – прекрасное сырье для разработки получения из него жидкого топлива и химического сырья.

С кем ни доводилось мне беседовать, все отмечали огромную роль Николая Александровича Дрижду в освоении нового месторождения.

- Знаете, в то время было немало скептиков, которые отвергали наши прогнозы по Шубарколю, - говорил мне Л.Ф.Думлер. – Николай

Александрович первым поверил в Шубарколь. Поверил и начал горопить нас с завершением разведочных работ. Тогда шахтерам позарез нужен был новый фронт работ, ибо залежи Карагандинского месторождения шли на убыль, шахтеры вплотную подошли к «красной черте» Караганды. Когда мы в невероятно сжатые сроки завершили разведку, еще не успели, как говорится, до конца формально оформить ее, Николай Александрович сразу взялся за организацию добычи шубаркольского угля. Подумайте сами, с момента открытия месторождения до начала заложения утлеразреза и добычи первых тонн угля прошло всего два с половиной года! Таких высоких темпов в практике освоения крупных угольных месторождений еще не было не только в нашей стране, но и за рубежом! Они были осуществлены только в результате ускоренного проведения разведочных и вскрышных работ коллективами объединения «Центрказгеология» и «Карагандауголь».

Геолог первой категории Н.А.Ко, который также в числе других был удостоен Государственной премии СССР, в беседе со мной отметил, что разведка и освоение месторождения велись одновременно, как это делал в свое время Каныш Имантаевич Сатпаев в годы Великой Отечественной войны на Джездинском месторождении.

Сенсационный факт: 130-километровый участок железной дороги, соединивший первый карьер Шубарколя с магистралью Жезказган-Караганда, был построен всего за семь месяцев! Шубаркольский уголь пошел потребителям Казахстана, Средней Азии, России и Украины.

Генерал шахтеров ... Он был и полководцем многих добрых социальных дел объединения «Карагандауголь». Как - то я встретился с семидесятилетним шахтером Александром Васильевичем Бурдиным, и он вспомнил то время, когда работал горным мастером на шахте имени Ленина.

- Приехал я в Шахтинск, оформился на работу, и сразу моя семья получила коттедж. Тогда на шахте мы бесплатно получали молоко, кефир, огурцы. Вот так заботился о нас Александрыч!

Став генералом шахтеров, Николай Александрович Дрижд не забывал о человеческом факторе. При объединении «Карагандауголь» были построены и реконструированы три домостроительных комбината. Это с их помощью на карте области появились новые жилые массивы в Пришахтинске (поселок Шахтерский), Майкудуке, в городах Сарани, Абае, Шахтинске. Было построено шесть новых санаториев-профилакториев для шахтеров, детский сад для семей горняков на Юго-Востоке.

Как же сегодня чувствует себя Николай Александрович Дрижд? Я часто бываю в Карагандинском техническом университете, встречаюсь с преподавателями, учеными вуза, и они в один голос говорят, что профессор Николай Александрович Дрижд остается верным себе: продолжает служить людям, новому поколению будущих горных инженеров. Все виды учебных занятий проводит на высоком научном педагогическом уровне. Его эрудиция, педагогический такт, профессионализм сни-

скали глубокое уважение коллег и студентов. Он был отмечен высокой государственной наградой – орденом «Курмет». Коллектив горного факультета гордится тем, что в его рядах есть такой легендарный человек как Н.А.Дрижд. Многие его ученики сегодня трудятся на шахтах угольного департамента АО «АрселорМитал Темиртау» и довольно успешно.

Когда я заговорил с Николаем Александровичем о том, как много он сделал для угольного бассейна, счастья, благополучия шахтеров, воспитания молодых инженеров-горняков, он, взмахнув рукой, остановил меня и, немного подумав, сказал:

- Еще древние говорили о том, что человеческое «я» никогда не достигает наивысшего счастья без «мы». Единство «я» и «мы»- это дело наивысшего социально-нравственного порядка. Это бесконечный ветер жизни, самая высокая гуманистическая идея. Иная философия, иное мироощущение, иное движение истории не могут дать людям энергию высокого самосознания. Человек живет для того, чтобы оставить после себя не злую славу, а след добра.

Верно сказано: след добра. След добра Николай Александрович Дрижд оставляет в душах людей немалый. И хотя ему исполнилось 85 лет, он продолжает оставаться верным своим словам, пленяя нас своей кипучей энергией, уверенностью, что по его пути пойдут многие молодые горняки-инженеры, которых он сегодня обучает и воспитывает.

Глава двадцать восьмая
Подвиг в степи

В 1992 году в Карагандинском издательстве «Полиграфия» вышла моя художественно-документальная книга «На земле Сатпаева». И уже тогда в ней я сообщал читателям об открытии уникального богатого месторождения угля в районе Шубарколя, строительстве нового угольного разреза.

В то время секретарем Карагандинского обкома партии по промышленности работал Нурсултан Абишевич Назарбаев, нынешний Президент Казахстана. И с первых дней работы на ответственном посту партийного вожака области он выдвинул идею разработки угольных месторождений в Центральном Казахстане открытым способом. Подземные кладовые угля почти исчерпали себя, добыча черного топлива стала резко падать. И тогдашний генеральный директор производственного объединения «Карагандауголь» Николай Александрович Дрижд сразу же поддержал инициативу Нурсултана Абишевича. И на Борлинском месторождении угля вскоре Н.А. Дрижд организовал добычу «черного золота» открытым способом. Получилось! А что если таким же образом разрабатывать и Шубаркольское месторождение угля?

В книге «На земле Сатпаева» я писал, что первые тонны шубаркольского угля уже пошли к потребителям по новой железнодорожной магистрали Кызылжар - Шубарколь. И как бы благодаря энтузиастов за разработку богатого месторождения топлива открытым способом, в 1988 году по инициативе Н.А. Назарбаева, тогда председателя Совета Министров Казахстана, большая группа ученых, геологов, производственников была отмечена присуждением им Государственной премии СССР в области науки и техники.

Со многими героями Шубарколя в те годы мне довелось встречаться и на угольном разрезе, и в Караганде. По-разному складывались их судьбы, как и судьба самого Шубарколя. В период распада СССР, разрыва экономических связей коллектив горняков Шубаркольского угольного разреза пережил, мягко говоря, не самые лучшие времена, а то и, прямо скажем, упадок производства угля. До девяти месяцев людям не выдавали зарплату. Предприятие переходило из рук в руки разным владельцам, а дела не поправлялись. Дошло до того, что рассчитанное на выпуск 20 миллионов тонн угля в год горнодобывающее предприятие едва давало всего 800 тысяч тонн ценного топлива.

Выступая перед шахтерами Караганды в 1996 году, Президент страны Н.А. Назарбаев заверил их, что «пождите немного, придут более достойные времена, производство угля восстановится, жизнь станет намного лучше, дела пойдут на-гора».

Затаив дыхание, слушали слова вдохновения Нурсултана Абишевича и горняки Шубарколя. И вскоре, действительно, положение на шахтах бассейна и в Шубарколе стало резко меняться к лучшему. Н.А. Назарбаев нашел для шубаркольцев надежного хозяина – богатого инвестора. Это – Евразийская группа компаний (основатели Александр Машкевич, Патоха Шадиев, Алиджан Ибрагимов). Президентом АО «Шубарколь Комир» стал опытный руководитель, специалист, выпускник Карагандинского политехнического института Тулеуген Ашикбаевич Акбаев. До этого он десять лет возглавлял в Экибастузе крупнейший в СНГ разрез «Восточный», который вывел из отстающих в передовые.

Произошло это в 2006 году. Жаль было Тулеугену Ашикбаевичу расставаться с Экибастузом, родным коллективом горняков. Но вспоминал крылатые слова своего первого наставника, ректора Карагандинского политехнического института, Героя Социалистического Труда Абылкаса Сагиновича Сагинова о том, что выпускникам вуза надо высоко нести звание инженеров-горняков, не искать, где полегче, а идти туда, где труднее, и на душе становилось светлее...

Вот уже восемь лет Тулеуген Ашикбаевич Акбаев возглавляет АО «Шубарколь Комир». Но он до сих пор помнит свою первую поездку на Шубарколь. Спустился в разрез, а экскаватор стоит. «В чем дело?» - спрашивает у машиниста. «Да что не видите – экскаватор-то времен «Очакова до покоренья Крыма», - поясняет парень. – К тому же, запчастей на складе нет. Полетел ремень привода, вот и загораю...»

Позже во время нашей беседы Тулеуген Ашикбаевич скажет, что встречи с рабочими он сделал основой стиля своей работы. Общась с рядовыми тружениками, он узнавал об их нуждах, чаяниях, настроении и старался поддерживать в них стремление к внедрению нового, прогрессивного, передового, отчуждению всего старого, что мешало движению вперед.

- Я сразу сделал ставку на полнейшую ликвидацию старой, морально и физически устаревшей техники, ручного труда, - отметил Тулеуген Ашикбаевич. – В этом меня поддерживали руководители компании, прежде всего советник президента ТОО «ENRC Казахстан», кандидат технических наук Ибрагим Баймуратович Едильбаев, довольно известный государственный деятель республики, творческий человек. Он – автор книг «Воспоминания горного инженера», «Возрождение». Его открытость, доступность, общительность всегда импонируют людям. Он советовал мне брать пример с нашего Президента Нурсултана Абишевича Назарбаева, поддерживать его во всех добрых начинаниях, быть приверженцем его политики, ни в чем не подводить его. Он каждый раз повторял: Нурсултан Абишевич, являясь инициатором внедрения разработки месторождений открытым способом, постоянно интересуется, как идут дела в Шубарколе, достаточно ли механизировано предприятие, когда выйдет из прорыва на простор рыночных отношений, наладит связи с европейскими странами?

И руководители Евразийской группы не жалели средств, инвестиций, чтобы технически перевооружить разрез. Т.А.Акбаев говорил мне: «Считаю, что моим первым верным шагом было строительство и внедрение конвейерной линии, мощность которой позволила транспортировать на поверхность из разреза весь добываемый уголь. Потом я со своей командой всерьез взялись за обновление имеющейся техники, оборудования, которые эксплуатировали здесь еще со времен СССР. Для этого изучали всю современную мировую технику, выбрали самую мощную, надежную в управлении, высококачественную. Приобрели погрузчики и грейдеры фирмы «Катерпиллер», которые намного производительнее и надежнее российских. Поменяли практически все бульдозеры, перешли на польские «Дреста». Купили американский буровой станок. Такое обновление позволило нам меньшим количеством техники делать больший объем работы.

Новым шагом для Шубаркольского разреза стала замена старых ковшевых экскаваторов современными японскими машинами «Хитачи» с прямой лопатой. Одни мощностью 11 кубов, другие – 21 куб. Под них мы первыми в Казахстане приобрели Белазы мощностью 220 тонн вместо прежних 130-тонников».

Этот новаторский подход к реорганизации и техническому перевооружению разреза позволил коллективу АО резко поднять производительность труда, увеличить добычу угля с 860 тысяч тонн до 9 миллионов 600 тысяч, более чем в 10 раз! К 2019 году добычу ценного топлива тут планируют довести до 15 миллионов тонн.

Этому способствует и значительное расширение рынка сбыта шубаркольского угля. Огромные партии его нынче закупают предприятия АО «ТНК «Казхром», Актюбинский завод ферросплавов, Донской горно-обогатительный комбинат, Аксуский завод ферросплавов, Соколовско-Сарбайский комбинат, ТОО «АрселорМиттал Темиртау»... Следует добавить, что АО «Казцинк», Балхашский горно-металлургический комбинат, АО «Алюминий Казахстана» и другие тоже полностью отказались от использования кузбасского угля и перешли на сжигание шубаркольского.

Так что количество клиентов с каждым годом увеличивается. И связано это прежде всего с проводимой в Казахстане индустриализацией страны. В строй действующих входят все новые и новые предприятия, которые остро нуждаются в шубаркольском угле. Вот и недавно Президент страны Нурсултан Абишевич Назарбаев открыл в Актобе новый ферросплавный завод АО «ТНК «Казхром» - суперсовременное высокотехнологическое производство в РК, которое по сути закладывает новый тренд в отрасли, не имеет аналога в мире. Считайте, у Шубарколя новый клиент появился – без его топлива не будет металла.

О замечательных качествах шубаркольского угля написано немало. Карагандинский писатель-краевед, кандидат технических наук Владимир Новиков назвал Шубарколь черной жемчужиной Сарыарки, а осво-

ение уникального месторождения подвигом в степи. В книге «Шахтерская слава Казахстана» он пишет: «Промышленные запасы Шубаркольского месторождения составили свыше 1,5 миллиарда тонн. Уголь Шубарколя отнесен к каменным углям марки Д (длиннопламенный), содержит очень мало золы. Угли имеют низкое содержание серы (до 0,5%) и высокую теплотворную способность (от 5200 до 5700 ккал/кг) и при сгорании дают много тепла. К тому же, в углях Шубарколя обнаружено до 5 процентов ценных гуминовых кислот, которые являются хорошим удобрением, стимулятором роста растений».

На уникальные качества шубаркольского угля указывал еще ученый с мировым именем, известный академик, писатель Евней Арстанович Букетов. В свое время он всерьез занялся проблемами превращения низкозольных энергетических углей Шубарколя в богатый ассортимент жидких топлив: бензин, дизельное топливо, топливо для авиационных реактивных двигателей. О его рекомендациях по широкому использованию угля «черной Швейцарии Казахстана» писали многие зарубежные издания, журналы Америки и Англии.

«Ничто само по себе не делается», - любит повторять эти мудрые слова Тулеутен Аппикбаевич. В конце концов лодку малоизвестности, а то и недоверия к шубаркольскому углю со стороны иностранцев раскачали, как следует. Многие для международной рекламы угля Шубаркольского месторождения сделали основатели Евразийской группы Александр Машкевич, Патоха Шадиев, Алиджан Ибрагимов, их соратник, наставник горняков Ибрагим Едильбаев. Благодаря их авторитету, известности, связям за рубежом Шубаркольский уголь стал востребованным в Европе, им охотно пользуются предприятия России, Венгрии, Польши, Германии, Италии, Финляндии, Болгарии и других стран. И, представьте себе, ни одной рекламации, ни одного нарекания на качество поставляемого угля. И не только рядового угля, но и спецкокса.

Да, да, вы не ослышались – спецкокса. Нурсултан Абишевич Назарбаев, проводя курс на индустриализацию страны, выдвинул идею диверсификации экономики, отхода от сырьевой направленности и необходимости строительства новых предприятий по переработке минерального сырья. Однажды во время пребывания в Карагандинской области Н.А. Назарбаев посетил выставку «Лучшие товары Казахстана» и долго стоял у стенда АО «Шубарколь Комир», интересуясь делами угольной фирмы. Он остался доволен, что жизнь предприятия наладилась, что тут думают о перспективах его развития. Менеджеры АО рассказали Нурсултану Абишевичу, что в соответствии с его программой внедрения инноваций в промышленность руководство компании наметило на базе шубаркольского месторождения построить завод по выпуску спецкокса. Предприятия Евразийской группы вынуждены были ежегодно тратить огромные средства на приобретение спецкокса из России и Китая. А почему бы самим не производить его?

Нурсултан Абишевич сразу одобрил этот проект по импортозаме-

щению. Спросил заинтересованно: «Сроки строительства нового предприятия определили?» Узнав, что нет, сказал:

- Даю вам год. Хватит?

Выполняя поручение Президента, акционеры «Шубарколь Комира» приняли все меры для ускоренного возведения на борту разреза предприятия по изготовлению спецкокса с годовой мощностью 220 тысяч тонн. В начале июля для закладки фундамента были вынуты первые кубометры грунта, а уже вскоре в степи появились объекты завода по изготовлению спецкокса (восстановителя для ферросплавного производства). В ноябре 2006 года в торжественной обстановке на разрезе состоялось открытие этого важного объекта. Первый вице-президент компании Ибрагим Едильбаев с радостью сообщил, что руководство акционеров рапортовало Президенту РК Нурсултану Абишевичу Назарбаеву о досрочном возведении завода по спецкоксу. Вместо года, данного на это сооружение Н.А. Назарбаевым, коллектив вложился в пять месяцев. Вскоре предприятие, построенное по китайской технологии и с помощью Синьцзянской углекислотной промышленной компании, дало первую высококачественную продукцию. Она пошла на предприятия «ТНК «Казхром», Аксуский и Актюбинский ферросплавные заводы, а также на Серовский ферросплавный завод в России. Его потребителями стали также ТОО «Казцинк», «Казфосфат» и другие предприятия.

Так с легкой руки нашего Президента Н.А. Назарбаева в когда-то глухой и, казалось, недоступной людям степи появились предприятия по добыче открытым способом уникального угля с зольностью 3-6 процентов, а также завод ТОО «Сары - Арка Спецкокс». Иначе как подвигом казахстанцев это не назовешь! И хочу отметить, заявил мне Президент АО «Шубарколь Комир» Тулеуген Ашикбаевич Акбаев, этот подвиг будет продолжен. В следующем году тут уже намечают ежегодное производство шубаркольского угля довести до 10 миллионов тонн. Что касается спецкокса, то и у него выпуск заметно возрастет за счет роста потребностей восстановителей в связи с пуском новых ферросплавных заводов и цехов. Так, объемы потребления спецкокса ТОО «Сары-Арка Спецкокс» увеличиваются с 2014 года на 287 тысяч тонн, а с 2020 года – на 387 тысяч тонн. Кроме того, растет спрос на спецкокс у постоянных потребителей, таких как ТОО «Казфосфат», ОАО «Серовский завод ферросплавов», ТОО «Казцинк», ТОО «Таразский металлургический завод», ТОО «Темиртауский электрометаллургический завод». Для удовлетворения растущего спроса намечается возведение нового завода на ТОО «Сары-Арка Спецкокс» производительностью 350 тысяч тонн спецкокса в год. Строительство нового завода вызовет полное замещение импортного кокса, поступающего из России и КНР. Немаловажную роль играет фактор близости места добычи исходного сырья и его достаточное количество для производства спецкокса.

Немало делает коллектив АО «Шубарколь Комир» для воплощения идеи Н.А. Назарбаева о переходе к «зеленой экономике».

- Мы будем участвовать в проведении международной Выставки ЭКСПО – 2017 и уже сейчас активно готовимся к ней. Нам есть что показать гостям Астаны, - говорит Т.А. Акбаев. – Сейчас же хочу напомнить, что попутными продуктами при производстве спецкокса являются каменноугольная смола и коксовый газ. Каменноугольную смолу из-за отсутствия перерабатывающих мощностей в Казахстане мы отправляем на переработку в Россию и в Украину, а коксовый газ до начала 2012 года весь сжигали в факелах. Поэтому, осуществляя второй этап диверсификации, в 2011 году АО «Шубарколь Комир» начало строительство энерготехнологического комплекса на коксовом газе. Первая очередь этого комплекса с установленной мощностью 2 МВт начала работать в 2012 году, обеспечивая завод по производству спецкокса собственной электроэнергией. При этом завод получил значительную прибавку к бюджету, сократив плату за выбросы вредных (в том числе парниковых) газов (более миллиона тенге в месяц).

В силу отсутствия на территории СНГ прецедента использования коксового газа для производства электроэнергии с помощью газопоршневых машин мы столкнулись с рядом технических проблем, связанных с нестабильностью параметров коксового газа и недостаточной изученностью его свойств. Сейчас мы решаем эти проблемы и планируем приступить к проектированию второй очереди ТЭС на коксовом газе с установленной мощностью 5,5 МВт. Начнем строительство намеченного в 2015 году, что позволит АО «Шубарколь Комир» перейти на потребление собственной электроэнергии. В перспективе мы рассматриваем и строительство третьей очереди ТЭС на коксовом газе мощностью до 34 МВт, чтобы продавать электроэнергию на внутреннем рынке РК.

Чем мы хуже США? Там сейчас интенсивно строятся заводы по получению сланцевого газа. По этому пути также идет Китай, не имеющий собственных газовых месторождений. Коксовый газ, извлекаемый на Шубарколе попутно для генерации электроэнергии, конечно же, весьма рентабельное производство. Не зря проект шубаркольцев «Организация производства энерготехнологического комплекса на утилизованном коксовом газе» был включен в перечень объектов Карты индустриализации и одобрен лично Президентом страны Н.А. Назарбаевым. В наметках АО и строительство новой фабрики по производству брикетов, а также завода по выпуску удобрений. Ведутся промышленные испытания топлива котельного коксохимического из каменноугольной смолы, которые дают положительные результаты.

Так что творческая мысль шубаркольцев не позволяет им останавливаться на достигнутом. В последние годы здесь внедрили достаточное количество прогрессивных новшеств, которые ведут Шубарколь вперед. Многие рабочие, ИТР акционерного общества мне охотно рассказывали о них. К примеру, на Шубарколе сами начали делать взрывчатку, построили конвейерную линию, что позволило сократить доставку угля на поверхность автомобилями, сэкономить расход ГСМ. В рамках модернизации

ции производства была снижена зольность добываемого угля: перестали брать все подряд, внедрив селективную выборку. Это сделало уголь более привлекательным для энергетиков. Кроме того, добычу и перевозку стали вести аккуратнее, чтобы уголь шел большими кусками – это еще один плюс при реализации.

- Сложной проблемой для Шубарколя был сбыт угля мелких фракций, - пояснял мне Тулеуген Ашикбаевич. – Потому что для работы металлургических предприятий нужен сортовой уголь. А то, что остается от сорта, мелочь, она не была востребована, в том числе и нашими электростанциями, которые по технологии рассчитаны на экибастузский уголь. Проблему удалось решить благодаря дальнему зарубежью. Электростанции в Европе как раз рассчитаны на уголь мелких фракций, и они его с удовольствием берут. Тем более, что низкая зольность устраивает их своей экологичностью. Сегодня мы осуществляем поставки угля в более чем 15 стран мира.

Прошло восемь лет, как Тулеуген Ашикбаевич Акбасв руководит АО «Шубарколь Комир». И как много сделано им за это время! Под его руководством, как я уже писал, введен в действие комплекс ленточных конвейеров ЛКУ-1400 протяженностью 1300 метров для транспортировки угля из забоя на поверхность, что позволило значительно экономить на автотранспортировке угля. Для соблюдения сортности отгружаемого угля введен в эксплуатацию дробильно-сортировочный комплекс ДСКА-4м мощностью до двух миллионов тонн угля в год. Построены и введены в действие новые боксы для большегрузных автомобилей БелАЗ и спецтехники, котельная на промплощадке, склады ГСМ... Не забыл Акбаев и о социальном факторе – в вахтовом поселке возведены новое современное общежитие на 60 мест, коттеджи, открыты спортивный зал и библиотека. Близ Топара после большой реконструкции действует собственная база отдыха для коллектива. Да разве обо всем расскажешь, что сделано этим замечательным человеком, большим тружеником угольных разрезов, чутким и требовательным руководителем! За добросовестный труд Тулеуген Ашикбаевич награжден медалью «За трудовое отличие», он – кавалер Почетных Знаков «Шахтерская Слава» всех трех степеней, ему присвоено звание «Почетный профессор Карагандинского государственного технического университета».

И все же главное достоинство Т.А. Акбаева – это его умение прислушиваться к мнению людей, поддерживать их начинания, вовлекать в творческий высокопроизводительный труд. Председатель профкома АО, горняк с многолетним опытом Николай Кенесович Джуманов мне говорил:

- Тулеуген Ашикбаевич по – отцовски заботится буквально о каждом человеке в акционерном обществе. Он любит морально и материально поддерживать передовиков производства, поощрять их. И действует в этом плане заодно с профсоюзной организацией. Выдвигая отличившихся работников на разного рода награждения, Тулеуген Ашик-

баевич обязательно при этом посоветуется с профкомом, достойных ли он людей отмечает, нет ли возражений, кого еще наградить следует... Более ста рабочих, ИТР отмечает он каждый год в связи с Наурызом, Днем шахтера. У нас трудятся около трех тысяч человек, представители 31 национальности – для него они все равны: казахи, русские, украинцы, немцы... Основное мерило для него – честный добросовестный труд.

Н.К. Джуманов подтвердил, что особую заботу проявляет Тулеуген Ашикбаевич о создании всех необходимых условий для проживания людей в вахтовом поселке. В первые же годы президентства в АО он позаботился о возведении комфортабельного трехэтажного дома – общежития для рабочих, взялся за капитальный ремонт АБК на разрезе. Для ритмичной подачи питьевой воды в вахтовый поселок ввел в строй дополнительную нить водовода протяженностью 35 километров.

Весьма характерна и такая деталь, о которой рассказал Николай Кенесович, - бывая на разрезе, Тулеуген Ашикбаевич обязательно тепло пожмет руку каждому рабочему, ИТР, поинтересуется, как настроение, в чем нуждается... Дружелюбный, отзывчивый человек, он готов всегда придти на помощь каждому, кто в ней нуждается.

Сам Джуманов немало делает для улучшения жизни людей, заботится об оздоровлении каждого, вручая лучшим путевки в санатории и Дома отдыха, на базу отдыха, оказывая материальную помощь нуждающимся и т. д.

Я встретил Николая Кенесовича в книжном магазине «Деловая литература» на Юго – Востоке, где он подбирал книги для библиотеки вахтового поселка. И он пояснил, что многие рабочие, инженеры в свободное время занимаются садоводством и цветоводством, разводят цветники, сады, аллеи. Все больше тружеников разреза приобщаются к литературе, и они ему говорят: «Надоело читать детективы, мало документальных книг по истории родного края, о замечательных людях республики. Пора пополнить библиотеку содержательными произведениями о Казахстане».

Выполняя просьбу вахтовиков – любителей литературы, Николай Кенесович подобрал соответствующие книги для пополнения фонда библиотеки. Прощаясь со мной, сказал:

- Завтра еду в Шубарколь, порадую ребят новыми книгами. Кстати, наказ пополнять библиотеку дал мне и Тулеуген Ашикбаевич...

Во время беседы со мной Т.А. Акбаев несколько раз подчеркнул, что самое основное богатство акционерного общества – это люди. Его костяк – это высококвалифицированные специалисты и рабочие. Опираясь на них, Т.А. Акбаев воплощает в жизнь самые головокружительные проекты. Среди его надежных помощников – вице-президент АО «Шубарколь Комир» Сергей Павлович Ким, главный энергетик Сергей Валерьевич Шведов, главный механик В.А. Квятковский, главный технолог С.Т. Омаров, главный маркшейдер Денис Владимирович Ситников, на-

чальник службы качества Татьяна Михайловна Малыгина, начальник управления по коммерческим и социальным вопросам Эргеш Арибжанович Исхаков, главный геолог Владимир Аркадьевич Ким, директор АО «Сары - Арка Спецкокс» Сабыржан Шайзатович Иманбаев и многие другие... С их помощью на Шубарколе полностью ликвидированы ручной труд, поднялась производительность труда, зарплата рабочих, ИТР увеличилась в 2 раза, вахтовый поселок пополнился современными зданиями, асфальтными дорогами... Дышать горнякам стало легче – везде зелень, деревья, кустарники, сады...

Высоко оценивает Тулеуген Ашикбаевич Акбаев работу вице-президента по техническим вопросам Сергея Павловича Кима. Он – кандидат технических наук, прошел обучение в Московском государственном университете имени Ломоносова по дополнительной образовательной программе мастера делового администрирования. Большую часть рабочего времени Сергей Павлович проводит на открытых горных работах на разрезе, внося неоценимый вклад в развитие АО «Шубарколь Комир».

Родился Сергей Павлович Ким в 1961 году в шахтерском районе Караганды – Майкудуке в семье горняка. Его отец трудился подземным электрослесарем на довольно известной в Сарыарке шахте имени Костенко, чем очень гордился. Эта шахтерская гордость передалась, ясное дело, сыну. И когда Сергей окончил среднюю школу, то поступил в политехнический институт на горный факультет на маркшейдера. Затем трудился на руднике Акжал, на шахте «Майкудукская». Однажды встретил однокурсника Александра Сергеева, который работал тогда главным маркшейдером на новом угольном разрезе «Шубарколь», и тот говорит ему:

- Давай, Сережа, переходи к нам – у нас перспективы развития, люди с интеллектом очень нужны. А на старой шахте далеко не уедешь...

И впрямь – Сергей Павлович вскоре убедился, что условия для творческого дерзновения дел на Шубарколе есть и немалые. Тем более, что он не терял прежних связей с кафедрой маркшейдерии и геодезии Карагандинского политехнического института. Ее заведующий доктор технических наук Фарит Камалович Низаметдинов поддержал идею Сергея Павловича Кима о создании кандидатской диссертации на тему: «Маркшейдерское обеспечение устойчивости карьерных откосов при бестранспортной системе разработки угольных месторождений».

Эту диссертацию можно назвать остро необходимой, ибо по инициативе Сергея Павловича на Шубарколе началось внедрение прогрессивной технологии бестранспортной системы перемещения вскрышных пород во внутренние отвалы. Это позволило существенно сократить затраты на транспортировку и складирование вскрышных пород, уменьшить себестоимость продукции, дать большой экономический эффект.

Немалую работу провел С.П. Ким в тоге вице-президента АО по улучшению качества шубаркольского угля. Если ранее разрез поставлял

потребителям уголь зольностью 15% и выше, то сейчас удалось резко снизить зольность топлива до 6%. Это итог усилий С.П. Кима по внедрению технологии глубокой селекции при выемке угля, строительству и освоению дробильно-сортировочного комплекса.

Сейчас на всех ступенях производства угля – от забоев до погрузки в железнодорожные вагоны – установлен строгий контроль за качеством продукции. С.П.Ким показал мне сертификаты соответствия системы менеджмента требованиям международных стандартов ИСО: 14.001:2004, а также ИСО 9001:2008. Внедрены также системы менеджмента по экологии, охране труда и безопасности, соответствующие международным стандартам. АО «Шубарколь Комир» первым среди предприятий области одержало победу на республиканском конкурсе на соискание премии правительства РК «За достижения в области качества».

С.П. Ким считает, что творчество и только творчество ведет коллектив АО к успехам. В этом плане он сам – пример для дерзающих, вдохновленных новыми мыслями. «Инженер с размышлом», - говорят о нем на разрезе. Действительно, на счету Сергея Павловича - десятки новаторских разработок, внедренных проектов. Так, до самого последнего времени на разрезе пользовались взрывчатыми веществами, которые завозили из России и других стран. Сергей Павлович предложил самим изготавливать взрывчатые вещества, для этого закупили специальную установку, разработали свой рецепт получения ВВ. Это позволило добиться большой экономии средств.

С 1989 года трудится на Шубарколе Сергей Павлович Ким. Четверть века! И он нисколько не жалеет, что пришел сюда по зову однокурсника Александра Сергеева, что тут прошли его лучшие творческие годы. Он живет и работает на стыке производства и науки, как великие Сатпаев, Сагинов, и многое сделал для процветания своего предприятия, родного Отечества.

Заведующий отделом перспективного развития АО Владимир Иванович Парафилов тоже человек творческий, ищущий. Он многое сделал для внедрения перспективных проектов по получению спецкокса на Шубарколе, это он встречался на выставке в Караганде с Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым и тот одобрил идеи коллектива по импортозамещению. Обширная эта программа была сориентирована не только на получение спецкокса, но и других важных изделий – взрывчатых веществ, угольных брикетов, минеральных удобрений, а в еще более далекой перспективе – изготовление из шубаркольского угля авиационного бензина и других ценных продуктов. Так что Шубарколь впереди ожидают новые великие дела, перспективы у него огромные. И, конечно, все обязательно сбудется, пока у руля коллектива АО стоят такие опытные руководители как Т.А. Акбаев и С.П. Ким.

Есть у Владимира Ивановича Парафилова еще одна страсть – это страсть краеведа, стремящегося добиваться истин в истории открытия и геологического изучения Шубаркольского месторождения. Некото-

рые писатели, журналисты, говоря об открытии Шубарколя, почему-то всегда упоминают одно имя – генерального директора Центрально-Казахстанского геологического управления Л.Ф. Думлера. И это не совсем точно и правильно. Из достоверных документов Владимир Иванович Парафилов узнал, что честь первооткрывателя в этом деле принадлежит геологической партии Московского государственного университета под руководством опытного геолога В.Н. Завражнова. В 1983 году этой партией при бурении керновых скважин была установлена угленосность Шубаркольской мульды и уточнен возраст отложений как юрский. Владимир Иванович долгое время переписывался с В.Н. Завражновым, как бесценную реликвию хранит его письма, в которых тот рассказывает подробно о том, как московские геологи на небольшой глубине в полупустынной степи обнаружили мощные угольные пласты, толщина которых достигала 30 метров.

Дальнейшие геологические работы по детальной разведке осуществлялись в 1984-1987 годах Гапеевской экспедицией под руководством опытных геологов-угольщиков Е.Т. Педаша и Н.А. Ко. А вот общее руководство организацией геологоразведочных и опытно-разведочных работ осуществлял генеральный директор Центрально-Казахстанского геологического управления Л.Ф. Думлер.

Именно он подтолкнул генерального директора ПО «Карагандауголь» Николая Александровича Дрижда на уникальный эксперимент – начать работы по освоению месторождения одновременно с геологоразведкой и проектированием. Тем более, что институт «Карагандагипрошахт» в 1985 году выполнил «технико-экономические соображения о промышленном значении шубаркольского угольного месторождения», в которых было обосновано его огромное народнохозяйственное значение. И надо сказать – с легкой руки Н.А. Дрижда в глухой степи далеко от Караганды (500 километров) началось ускоренное строительство разреза и вахтового поселка. Это была большая битва карагандинских строителей-шахтеров с дикой степью за новую жизнь забытых земель. И тут нередко опять же забывают назвать имя В.А. Тоблера, директора по капитальному строительству ПО «Карагандауголь». Именно благодаря его блестящим организаторским способностям все шахты, предприятия объединения помогали строить Шубарколь. В сжатые сроки уже в 1986 году они проложили свыше 120 километров железнодорожного пути от станции Кызылжар до Шубарколя, построили высоковольтную линию электропередач протяженностью 130 километров, автодорогу, водопровод, радиорелейную линию. Всего за год первостроителями был возведен вахтовый поселок с коттеджами, общежитием, столовой на 150 мест, гаражом, клубом, подсобными хозяйствами и даже аэропортом. 2 ноября 1987 года в Шубарколе состоялся исторический митинг, посвященный досрочному завершению строительства первой очереди угольного разреза и выдаче с начала года первого миллиона тонн ценного угля.

На этом митинге присутствовал и нынешний начальник вахты Шу-

барколя Николай Николаевич Барабанов. Тогда он был машинистом экскаватора, который давал на-гора первые тонны шубаркольского угля.

- Меня пригласил работать на Шубарколь тогдашний директор Куучекинского разреза Юрий Андреевич Дрижд, - сказал Н.Н. Барабанов. – В самом начале Шубарколь как филиал входил в состав этого угольного предприятия. И Юрия Андреевича можно смело назвать первым руководителем Шубарколя. Он называл меня стахановцем. И он сказал, что стахановцы очень нужны Шубарколю в том плане, чтобы передавать свой опыт молодым, малоопытным горнякам.

Николай Николаевич многое сделал для того, чтобы вырастить достойную смену экскаваторщиков. И не зря он вырос по карьерной лестнице – работал горным диспетчером, начальником смены, начальником участка. Он стал Почетным работником угольной промышленности республики, полным кавалером Знаков «Шахтерская Слава».

Он хорошо знает тружеников АО, особо выделял лучших из лучших. Ему импонирует поведение машиниста экскаватора Болат Сабировича Кыдыралина, который всегда стремится отличиться образцовым трудом, тягой к новому, прогрессивному. Болат Сабирович последовательно научился работать на экскаваторах объемом ковша: 4,5 тонны, 5 тонн, 8 тонн. С введением новых современных экскаваторов Hitachi он прошел курсы переподготовки известной международной компании TURKUAZMACHINERY. Получив сертификат оператора Hitachi, он успешно трудится на дизель-гидравлическом экскаваторе объемом ковша 11 м³ и на новом электрогидравлическом экскаваторе Hitachi EX 3600 объемом ковша 21 м³.

За добросовестный труд, чувство нового в овладении прогрессивной техники Б.С. Кыдыралин награжден Почетными Знаками «Шахтерская Слава» трех степеней, в 2010 году его наградили ценным подарком – автомобилем. Он представитель семейной трудовой династии Кыдыралиных на Шубарколе. Вместе с ним на разрезе трудятся водителями Белазов, газозлектросварщиками его братья Сапат, Съезд, Мурат, Канат. Сын Айдын тоже решил связать свою судьбу с Шубарколем, сейчас работает помощником машиниста экскаватора.

Из белазистов особо отличается своим трудом Ерболат Бейсенбекович Кажымуратов. Он живет в районном центре Атасу, где родился в 1971 году. На Шубаркольском разрезе трудится с 1994 года. За время работы здесь освоил в совершенстве устройство и условия эксплуатации автомашин БелАЗ разной грузоподъемности. Сейчас работает на автомобиле БелАЗ грузоподъемностью 220 тонн на перевозке вскрышных пород. Тут показал себя добросовестным, аккуратным и знающим специалистом. Вверенная ему техника находится всегда в исправном состоянии. В общении с коллегами по работе отличается доброжелательностью, оптимизмом, показывает пример молодым. За добросовестный труд награжден Почетными Знаками «Шахтерская Слава» трех степеней.

Он помнит еще те времена, когда белазистам месяцами не выдавали зарплату. И он говорит, что передайте «большое спасибо Нурсултану Абишевичу Назарбаеву за то, что нашел честных, инициативных инвесторов, передал в их управление Шубарколь. Это был единственно правильный путь выхода горнодобывающего предприятия из тупика».

Такого же мнения придерживаются водитель погрузчика Женис Сердхан, бригадир электрослесарей по ремонту оборудования Газиз Абжанов, - подлинные патриоты Шубарколя, которые всегда добиваются высоких производственных показателей, помогают молодым, отстающим. Они поддерживают целиком и полностью идею Н.А. Назарбаева о создании общества Всеобщего Труда, считают, что в Казахстане созданы все условия для этого.

Хорошими помощниками горняков являются труженики железнодорожного транспорта. Еще в 1999 году правительство РК своим постановлением обязало слить АО «Шубаркольский разрез» и ОАО «Шубаркольское погрузочно-транспортное управление», но оно долгое время оставалось невыполненным. Чрезмерно высокие железнодорожные тарифы связывали Шубарколь по рукам и ногам, поднимали себестоимость угля и оптовые цены на него. И только с приходом Евразийской группы, наконец-то, железнодорожники стали подразделением АО «Шубарколь Комир». Выигрыш? Несомненно. Об этом мне говорили многие специалисты АО, в том числе бригадир монтеров пути железнодорожного цеха Розалий Галимзянович Абдрахманов. Он трудится на Шубарколе 20 лет, и доверительно сообщает мне, что только в последнее время здесь добились ритмичной подачи вагонов под уголь, отличного качества ремонта тепловозов в депо. Его бригада отвечает за текущее содержание путей, они находятся в надежном состоянии, всегда вовремя производится перекладка пути на вскрыше, смена шпал. Розалий уверен в блестящем будущем АО, ведь, кроме линии Кызылжар-Шубарколь, уже проложена новая железнодорожная колея Шубарколь-Аркалык, открывшая более короткий зеленый путь шубаркольскому углю на запад в Европу.

В АО «Шубарколь Комир» трудится немало женщин. Как же они помогают коллективу добиваться новых успехов? Встречаюсь с горноработчей по учету угля участка «Техкомплекс» горного цеха Жамал Тажиевной Капишевой и она мне говорит:

- Все наши успехи зависят от трудолюбия каждого. Если достойно трудишься – то в коллективе тебя благодарят за это, уважают.

Жамал Тажиевна окончила Карагандинский политехнический колледж, в 1990 году пришла на Шубарколь. Вот уже двадцать пятый год ведет учет добываемого угля на складе, отпускает его потребителям. Она считает, что перемены на Шубарколе за эти годы разительны. Посудите сами. Когда Жамал начала работать на Техкомплексе, в 1990 году, на угольном разрезе добывали всего 800 тысяч тонн угля, а сейчас ежегодно Шубарколь дает до 9 миллионов тонн топлива. И какого угля!

Жамал Тажиевна связывает рост производства черного топлива с именем президента АО «Шубарколь Комир» Тулеугена Ашикбаевича Акбаева. Он с первых дней как руководитель энергично взялся за ликвидацию ручного труда, внедрение передовой техники и прогрессивных технологий. С его приходом зарплата рабочих, ИТР сразу увеличилась на 25 процентов, а теперь в два раза, вахтовый поселок пополнился современным общежитием, коттеджами.

Говоря о своих подругах, Жамал Тажиевна вспоминала учетчицу «Техкомплекса» Асию Жалмагамбетовну Муканову. Бескорыстная, трудолюбивая женщина. Она была делегатом первого конгресса трудящихся женщин Казахстана в 2006 году, выступила на нем, высказав ряд дельных предложений по улучшению жизни женщин-работниц наемного труда, материнства и детства.

«Шубарколь – это мой надежный и единственный причал жизни, и я ему не изменю, - любит повторять Жамал. – Когда я приехала в эти степи, вокруг лежала пустыня, а теперь мы ее превратили в цветущий сад, райский уголок земли... Здесь я встретила свою настоящую любовь, вышла замуж, родила двоих детей. А что еще человеку надо для подлинного счастья?»

Жамал Тажиевна весьма высоко отозвалась о ведущем специалисте по идеологической работе администрации АО Раисе Степановне Батуриной. Она когда-то работала секретарем Кировского райкома партии и немало ценного из опыта партийной работы с людьми перенесла на шубаркольские горизонты. Она часто бывает на угольном разрезе, проводит беседы с горняками о политике Президента Н.А. Назарбаева, его стремлении вывести Казахстан в десятку лучших государств мира по экономике, индустрии и благосостоянию народа. Опирается она в своей работе на членов партии «Нур Отан», которые являются основным цементирующим коллектив костяком, передовым авангардом. Везде на ответственных постах в АО «Шубарколь Комир» стоят члены партии «Нур Отан». И как важно поднять их роль в укреплении экономики предприятия, общественной жизни! Раису Степановну избрали председателем первичной партийной организации АО, и она сразу же ввела отчеты начальников участков на планерках. В обязательном порядке на партийных мероприятиях присутствует член областного Политсовета партии, президент АО Тулеуген Ашикбаевич Акбаев. И однажды он сказал Раисе Степановне:

- Слабо еще наши активисты знают историю края, независимого Казахстана, да и своего родного предприятия. Не пора ли нам всем взяться за создание собственного музея? Тем более, что скоро Шубарколю исполнится 25 лет.

Поиск материалов для музея о создании и развитии АО «Шубарколь Комир» внес большое оживление в работу партийной организации. Активно участвовали в создании музея члены партии «Нур Отан» - вице-президент АО Сергей Павлович Ким, начальник отдела прогнозирова-

ния Владимир Иванович Парафилов, администратор Константин Федорович Каретин и многие другие.

На открытии музея выступил ветеран угольной промышленности республики, лауреат Государственной премии СССР, основатель Шубаркольского разреза, доктор технических наук Николай Александрович Дрижд. Он назвал музей лучшим в угольной промышленности области по оформлению и количеству выставленных экспонатов, макетов, особенно обратив внимание всех присутствующих на то огромное внимание, которое уделял и уделяет развитию Шубарколя Нурсултан Абишевич Назарбаев. Хорошо, что в музее не забыли упомянуть и первых руководителей разреза Юрия Андреевича Дрижда, доктора технических наук, академика Инженерной Академии РК Мурата Абдукадыровича Перзадаева, почетного шахтера РК Валерия Витальевича Привалова. Они тоже немало сделали для того, чтобы поднять Шубарколь на ноги, сделать его высокомеханизированным и прибыльным.

Первопроходцами шубаркольской земли следует назвать не только геологов, но и изыскателей нынешнего ТОО «Караганда ГИИЗ и К*». Голый, как стол, была бескрайняя степь. Когда буровики вели здесь работы под изыскания, лежал снег по пояс. Нынешний генеральный директор ТОО «Караганда ГИИЗ и К*», доктор технических наук, лауреат международной Сократовской премии Виктор Никитович Попов говорил мне, что изыскателей сразу покорили огромные перспективы нового месторождения. В короткие сроки изыскатели подготовили соответствующие документы под возведение первой очереди угольного разреза, вахтового поселка с общей жилой площадью около 8 тысяч квадратных метров, административно – бытового корпуса со столовой, банно - прачечного комбината, линии электропередач, железнодорожного пути Кызылжар – Шубарколь (всего более 30 объектов). И как только они завершали изыскательские работы, сразу появлялись оживленные стройки. То тут, то там закладывали фундаменты под новые дома, бесконечная вереница машин из Караганды стала поставлять сюда по 500 - километровому пути строительные материалы. И Шубарколь начал расти ввысь и вширь. Помню, в то время в республиканской газете «Казахстанская правда» появился мой материал – репортаж «Растет шахтерский поселок». В нем я отмечал усилия строительного треста «Карагандауглестрой» по возведению первой очереди угольного разреза и вахтового поселка. Почти каждый день я беседовал с управляющим трестом «Карагандауглестрой» Г.Ю.Чернявским и он сообщал мне о ходе строительных работ в шубаркольской степи. Моей радости не было предела, когда я передавал в республиканскую газету о том, что по новой железнодорожной магистрали от угольного разреза до Кызылжара пошли первые поезда с шубаркольским углем, когда самолеты АН – 24 с гуманитарным грузом приземлились на аэродроме вахтового поселка.

И все же главное действующее лицо истории и современных дней Шубарколя – это рядовой казахстанский горняк, высоко поднявший зна-

мя индустриализации в республике и своим трудом дающий миллионы тонн угля стране. Именно о таком человеке – труженике говорил мне Николай Александрович Дрижд. Он напомнил, что наши герои – простые рабочие люди, увидев и осознав высокие цели, ведущие к вершинам счастья, буквально не жалеют себя во имя будущего. Николай Александрович даже боялся, как бы они не надорвались на работе, преодолевая трудности. Но рабочие ему отвечали: мол, они только становятся крепче, мужественнее, закаляясь в горниле самоотверженного труда.

Да, эти слова Н.А. Дрижда целиком и полностью относятся к передовикам производства Шубарколя, портреты которых выставлены сейчас не только в музее, но и в аллее трудовой славы на Доске Почета у здания администрации предприятия в Караганде неподалеку от чисто бьющего фонтана. Смотришь на отважные, закаленные сухими степными ветрами лица тружеников Шубарколя и думаешь: этих людей можно смело назвать героями великого Подвига в степи.

С большой радостью в коллективе шубаркольцев были восприняты поздравления замечательных людей республики, многочисленных предприятий и организаций с 25 – летием угольного разреза. Руководители Евразийской группы прислали на имя президента АО «Шубарколь Комир» Т. А. Акбаева следующий текст поздравления:

«Уважаемый Тулеуген Ашикбаевич!

Поздравляем Вас и коллектив АО «Шубарколь Комир» с профессиональным праздником и 25 – летием угольного разреза! Позвольте выразить огромную признательность и благодарность за достойный труд, за добросовестный подход к работе, готовность посвятить все свои силы славным делам. Мы придаем большое значение Вашему вкладу лично и коллектива в целом в развитие и процветание предприятия, которое находится сегодня в числе лучших в республике Казахстан. Уверены, что и в дальнейшем наше общее стремление к новым победам позволит достичь значительных результатов.»

Сейчас многочисленные поздравления выставлены в музее шубаркольцев, напоминая о больших трудовых подвигах коллектива шахтеров разреза, их стремлении приумножить славные дела.

Как-то горняки пожаловались Раисе Степановне: «Почему редко бывают у нас в гостях артисты, писатели? Неужели образ современного рабочего, шахтера уже их не привлекает, как прежде, отчего связь работников искусства, культуры с трудовыми коллективами ослабла до предела? Нельзя ли ее восстановить?»

Критика была справедливой, правильной. И Раиса Степановна все сделала, чтобы восстановить прежние поездки артистов и писателей в Шубарколь. Побывали в гостях у горняков артисты театров музыкальной комедии, драмы имени Станиславского, Сакена Сейфуллина, группы журналистов и писателей. Вскоре в местных газетах появились очерки о горняках, их труде и отдыхе.

А почему бы не воспеть тружеников Шубарколя и собственными

силами? Неужели почти в трехтысячном коллективе АО нет талантов, молодых поэтов, литераторов? Раиса Степановна объявляет конкурс на лучшие стихи ко Дню шахтера, и, пожалуйста, около 20 человек присылают свои литературные труды. И восемь лучших из них она отбирает для создания и выпуска сборника поэзии «Земля – это сердце твоё и мое». Идею поддерживает президент АО Т.А. Акбаев и вот, пожалуйста, в типографии «Гласир» выходит коллективный сборник стихов своих поэтов, в которых они славят труд горняков, первооткрывателей и первостроителей Шубаркольского разреза... Особенно выделяются стихи технического директора ТОО «Сары - Арка Спецкокс» Александра Жданкина, старшего лаборанта химанализа участка ОТК Евгении Ежовой, слесаря Александра Кондратьева, инженера Владимира Белопольского, техника – картографа Идии Айтбаевой. Так, Владимир Белопольский в одном из стихотворений пишет:

*«День и ночь идут составы по степи,
Чтоб тепло и свет в дома нести.
Уголь из глубин Сарыарки
Добывают наши земляки.
Так гори, не гасни никогда
Шубарколя яркая звезда!»*

...Более двадцати лет я не был в степи под Шубарколем. Приезжал сюда с первым автопоездом, который вел бывший начальник транспорта производственного объединения «Карагандауголь» Анатолий Иванович Рева. Вокруг – белоснежная степь да сопки далекие на горизонте... И Анатолий Иванович, улыбаясь, говорил:

- Степь, как море, покоряется только отважным и умным людям. И я верю, тут будут трудиться такие люди, они разбудят вековые ковыли, возьмут ценный уголь, построят заводы и город-сад...

Сейчас с борта вертолета хорошо видно: все сбылось, о чем мечталось первопроходцам степи... Блестит на солнце огромный карьер шубаркольского угля, рядом стоят, как великаны, завод по производству спецкокса, ТЭС, многоэтажные дома и коттеджи рабочего поселка утопают в садах и зелени. А вот и недавно открытая новая железнодорожная магистраль Шубарколь - Аркалык со станцией, еще один прямой путь к потребителям угля. Скоро, совсем скоро по нему грузовые составы с ценным шубаркольским углем на запад Казахстана и далее через Каспийское море в Европу... И пусть так будет! Замечательный подвиг в степи людей Шубарколя продолжается, принося всем нам радость солнечного тепла волшебного угля.

Глава двадцать девятая

Покорители пустыни

Директор рудоуправления «Казмарганец» Андрей Александрович Сафонов, пожалуй, самый молодой руководитель в системе АО «ТНК Казхром». Ему всего 36 лет, но он с первой же встречи поражает большой начитанностью, любовью к своей профессии, уважением к людям. Вспоминая годы своей юности, которая прошла в горняцком поселке Карагайлы, Андрей Александрович неожиданно замечает: «Для меня не было большего наказания, чем запретить мне читать книги». И родители это хорошо знали, и если у сына появлялись оценки «хорошо», они его в один голос предупреждали: «Заберем Дюма, Каверина, Сакена Сейфуллина...» И только при появлении пятерок возвращали ему конфискованные у него временно книги.

Когда я задал традиционный вопрос А.А. Сафонову, кто его лучший государственный деятель, он, не долго раздумывая, ответил: «Каныш Имантаевич Сатпаев». Его портрет стоял на письменном столе родителей, и Андрей любил рассматривать его. И тут надо сказать, что мать нашего героя Наталья Федоровна Сафонова почти всю свою жизнь проработала геологом, а отец Александр Андреевич буровиком в геологоразведке. Они были причастны к открытию ряда ценных месторождений полиметаллических, свинцовых, цинковых, вольфрамовых и марганцевых руд. Несколькими раз Наталья Федоровна Сафонова видела в Каражале и Жайреме Каныша Имантаевича Сатпаева, но подойти к нему постеснялась, так сильно уважала этого крупного геолога-ученого. Труды Сатпаева были настольными книгами Натальи Федоровны. Ей imponировало, что Каныш Имантаевич никогда не останавливался в своих творческих поисках, честно и верно служил великой Богине – Геологии.

Как много сделал Каныш Имантаевич для развития Центрального Казахстана, всей республики! Это благодаря его усилиям в степи поднялся Большой Джекказган, а затем Каражал и Жайрем. Железная руда Каражала начала «кормить» мартеновские печи Темиртау, и они выдали высококачественную казахстанскую сталь. Медь Джекказгана укрепила экономику Сарыарки, резко улучшила жизнь людей. Наконец, марганец Жайрема поднял качество казахстанской стали до мирового уровня. И мать взволнованно говорила сыну:

- Вот с кого тебе надо брать пример, Андрей. Сатпаев – путеводная звезда для молодых, кто ее полюбит, тот обретет счастье творчества.

С тех пор младший Сафонов не выпускал из своих рук книг Сатпаева, все больше погружаясь в его мир любви к геологии. Даже в самые трудные времена, когда прославленного академика начали преследовать чиновники от политики и науки, Каныш Имантаевич не отступал, про-

долгая упорно идти тропами геолога. Созданные им и его коллегами металлогенические карты Казахстана открыли простор для новых исследований месторождений земли, ее неповторимых богатств.

Быть в числе первооткрывателей хотелось и Андрею. Поэтому, когда он окончил среднюю школу в Карагайлах, то не стоял перед выбором, куда идти учиться дальше? Как куда? Конечно же, на геолога в Карагандинский политехнический! Его идею сразу же поддержали родители, а в техническом университете – декан геологоэкологического факультета Василий Сергеевич Портнов. А.А. Сафонов до сих пор слышит его голос:

- Как же, как же, нам очень нужны будущие Сатпаевы!

И вот, наконец, в руках желанный диплом инженера-геолога (годы учебы пролетели как один день!), теперь куда податься? Вскоре в трудовой книжке появилась первая запись: инженер-геолог рудоуправления «Казмарганец» АО «ТНК «Казхром» (сентябрь 2001 год). В 2003 году он уже трудился старшим геологом на руднике «Тур». Он принимает самое активное участие в поисках новых месторождений на Улытау-Жездинской рудной площади, где, по предварительным расчетам, содержится более 30 миллионов тонн марганцевой руды. Разведано также новое месторождение кварцитов Жартас, запасы которого превышают 20 миллионов тонн. Андрей Александрович все больше убеждается в верности перспективных прогнозов Сатпаева, в том, что карагандинская земля баснословно богата различными месторождениями, всеми элементами таблицы Менделеева!

Молодого специалиста во - всю поддерживает директор рудоуправления «Казмарганец» Марат Жакенович Дарибеков (по специальности горный инженер-экономист). Марат Жакенович долгое время трудился на Жайремском горно-обогатительном комбинате, прошел путь от рядового рабочего до главного инженера Ушкатынского рудника. В 2000 году он перешел в систему АО ТНК «Казхром», работал заместителем директора Аксуского завода ферросплавов. Так что опыт инженерной и руководящей работы у Марата Жакеновича был накоплен немалый, и он сполна использовал его в рудоуправлении «Казмарганец». И первые успехи к предприятию пришли во многом благодаря организаторским, инженерным и экономическим заботам Марата Жакеновича. При нем коллектив рудника «Тур» добился освоения проектной мощности, доведя добычу марганцевой руды до 700 тысяч тонн в год. Вместе с горняками рудника «Восточный Камыс», также входящего в рудоуправление «Казмарганец», он стал полностью обеспечивать сырьем Аксуский завод ферросплавов.

Часто темой бесед Дарибекова с Андреем Сафоновым была замечательная жизнь Каныша Имантаевича Сатпаева. Вот тут-то они сошлись во взглядах прочно и надолго – образ Канеке для них был привлекательным, любимым. Отец Марата Жакеновича – легендарный Жакен Дарибекевич Дарибеков, участник Великой Отечественной войны, был на-

дежным другом Каныша Имантаевича Сатпаева, его преданным учеником.

Жакен Дарибекович, по образованию горный инженер, как только началась война, добровольцем ушел на фронт, храбро сражался за освобождение Родины в качестве командира артиллерийской батареи. За мужество, отвагу на фронте он был награжден орденами Отечественной войны I и II степени.

Демобилизовавшись из рядов Советской Армии, Жаке по зову партии был направлен на партийную работу – трудился вторым, а затем первым секретарем Кировского райкома партии. Он крепко дружил с известным конструктором Семеном Макаровым, всячески помогал ему в создании и выпуске первого серийного угольного комбайна. Как мы знаем, в мае 1945 года этот комбайн на шахте №31 прошел 60 метров и добыл 125 тонн угля. Это событие считалось в те годы крупнейшим достижением научной и технической мысли Караганды.

Жакен Дарибекович немало сделал для организации строительства новых шахт в Караганде, их эксплуатации с использованием эвакуированного из Донбасса оборудования. Он как первый секретарь райкома партии направлял на новые шахты, как правило, опытных руководителей и специалистов, умеющих работать с людьми, ведь эти угледобывающие предприятия укомплектовывались в основном трудармейцами, которые зачастую даже в глаза не видели шахт. Их надо было с ходу обучать горняцким профессиям, правилам безопасности.

В 1949 году Ж. Дарибекова назначили заведующим промышленным отделом Карагандинского обкома партии. Ему посчастливилось несколько раз сопровождать Каныша Имантаевича Сатпаева в поездках по области. И всякий раз Канеке бывал в гостях у семьи Дарибекова. Марат Жакенович как бесценную реликвию хранил фотографию, на которой он с отцом запечатлен рядом с Канышем Имантаевичем.

Под влиянием бесед с геологом-академиком Жакен Дарибеков решил всерьез взяться за науку, поступил в аспирантуру института горного дела Академии наук Казахской ССР, защитил кандидатскую диссертацию. Сатпаев говорил ему:

- Правильно поступаешь, Жакен. Я, например, всю жизнь учусь и каждый раз упрекаю себя за то, что немало времени трачу на пустяки. От книг, творчества никак нельзя отрываться, они – источник нашего движения вперед.

В августе 1953 года в Караганде был открыт филиал Всесоюзного научно-исследовательского института организации и механизации шахтного строительства (будущий «Гипроутлегормаш»). Его директором был назначен Жакен Дарибеков. Это было его звездное время, ибо он полностью отдался творчеству. По разработкам Ж. Дарибекова и его коллег были запущены в серийное производство очистные комбайны С.С. Макарова, проходческие комбайны «Караганда», шахтные самоходные вагоны... Жаке наладил крепкие связи с Институтом горного дела имени

А.С. Скочинского, Донецким политехническим (тогда индустриальным) институтом, в котором, кстати, в свое время учился на горного инженера, Донецким машиностроительным заводом имени В.И. Ленина, и вместе с ними создал ряд уникальных машин для выемки тонких пластов угля, гидравлические крепи для очистных забоев... За самоотверженный труд по внедрению техники и оборудования в угольном бассейне он был награжден орденом «Знак Почета».

Вот таков был отец Марата Жакеновича Дарибекова – друг и соратник великого Сатпаева. А известно: яблоко от яблони недалеко падает. И сын подхватил из рук отца эстафету труда и вечных поисков. И в его биографии появилось немало примечательного. Так, именно он начинал с первого колышка разработку Ушкатынского месторождения, а затем кладовых марганцевых руд в Улытау-Жездинском регионе. Он гордился тем, что именно в этом регионе впервые большие залежи марганцевых руд открыл наставник его отца Каныш Имантаевич Сатпаев. И, будучи в степи, он часто доставал из рюкзака чайник отца и говорил всем:

- Из этого чайника пивал чай сам Каныш Имантаевич, когда приходил в гости к отцу. И Сатпаев часто рассказывал отцу о том, как открыл на реке Жездинке марганцевые руды. Именно они помогли стране в годы Великой Отечественной войны, когда Мариуполь и Чиатуры попали в оккупацию к фашистам и СССР остался без марганца. В 1942 году советские люди построили за 38 дней в Жездах марганцевый рудник, протянули от рабочего поселка к Жезказгану железнодорожную колею. И полувагоны с долгожданной рудой двинулись на Магнитогорский металлургический комбинат, который простаивал из-за «марганцевого голода». Страна была спасена: благодаря жездинскому марганцу она начала получать отменную сталь, посильнее крупновской, и танки, сделанные из нее, начали во-всю разить врага.

Сатпаев убедительно внушал отцу Марата Дарибекова:

- Я уверен, что в будущем в пространстве Атасу-Джезды-Улытау еще будут открыты многие месторождения марганцевых руд. Их надо искать.

Проницательным оказался Каныш Имантаевич! Среди вновь открытых кладовых марганцевой руды в Центральном Казахстане сегодня можно смело назвать месторождения, которые разрабатывают на рудниках «Тур» и «Восточный Камыс» труженики рудоуправления «Казмарганец» - филиала АО «Транснациональная компания «Казхром». Запасы марганцевых руд на месторождении «Восточный Камыс», по предварительным расчетам, составили 5 миллионов тонн, на месторождении «Тур» - более 30 миллионов тонн.

Коллектив рудоуправления «Казмарганец» смело взялся за разработку этих месторождений. И она шла успешно благодаря разумному руководству Марата Жакеновича Дарибекова. Не зря за личный вклад в развитие геологической службы и укрепление минерально-сырьевой базы республики его наградили Знаком «Отличник разведки недр», от-

метили грамотами и благодарностями Министерства геологии и охраны недр, Министерства энергетики и минеральных ресурсов Казахстана. Его избирали депутатом областного маслихата.

Марат Жакенович, наверное, был первым руководителем, который заметил и приветил организаторские способности молодого специалиста-геолога Андрея Александровича Сафонова, его трудолюбие, умение работать с людьми, направляя их неумную энергию на дела, полезные рудоуправлению. И уже в 2004 году он назначает его главным инженером рудника «Тур», а в сентябре – начальником этого рудника.

В то время я писал книгу «Караганда», посвященную 70-летию города, и несколько раз встречался с Маратом Жакеновичем. Он хорошо отзывался об Андрее Александровиче Сафонове.

- У него блестящее будущее, - сказал он. – Он не пьет, не курит, хороший семьянин, всю душу вкладывает в свою работу. Он и доброжелательно относится к подчиненным, и в то же время требователен к ним. А самое главное – любит свою профессию, свое дело...

В то время в Караганде побывал президент Евразийской Промышленной Ассоциации А. Машкевич. Он встретился с руководителями марганцевого рудоуправления и сообщил им, что РУ «Казмарганец» теперь будет филиалом АО «Транснациональная компания «Казхром».

- К добру ли это? – спросили его.

- Теперь у нас все будет к добру, - сказал А. Машкевич. – Благодаря значительным инвестициям мы сможем начать всерьез модернизацию производства, построим участки обогащения марганцевых руд, чтобы получать на месте концентрат, укрупним автотранспортный цех... В результате поднимется социальный уровень жизни коллектива, возрастет зарплата, возьмемся за строительство долгожданного для вас жилья... Хочу сообщить вам по секрету, что мы намечаем строительство новых ферросплавных заводов, а для этого надо будет расширять сырьевую базу, больше давать марганцевой руды и концентрата. Так что нас ждут впереди большие дела!

К величайшему огорчению, вскоре Марата Жакеновича Дарибекова не стало. Он умер в расцвете сил – ему было чуть больше 50 лет. На похоронах М.Ж. Дарибекова Андрей Александрович впервые подумал о том, как коротка жизнь людей. Только человек наберется ума и сил, начнет добиваться успехов на избранном им поприще как невидимые Боги позовут его в небеса неизвестные и далекие. Поэтому надо дорожить жизнью, каждой ее минутой, каждым часом, чтобы оставить после себя добрый след на земле.. Люди приходят и уходят, а дела их остаются в памяти поколений, и по этим делам судят о каждом из нас...

Связующая нить поколений – это такие замечательные люди как К.И. Сатпаев, М.Ж. Дарибеков... Их больше нет, но живы их деяния и, конечно же, совершенное ими надо продолжать с честью и достоинством...

Вскоре директором рудоуправления «Казмарганец» назначили опытного специалиста, молодого ученого Кемалья Рашатовича Усманова. Он работал в системе АО «ТНК «Казхром» с апреля 2002 года, сначала заместителем начальника управления Аксуского завода ферросплавов, а с марта 2003 года – заместителем директора рудоуправления «Казмарганец».

Марат Жакенович Дарибеков очень хорошо отзывался о нем, называя «ученой косточкой». Кемаль Рашатович, действительно, был кандидатом технических наук. Он окончил Фрунзенский политехнический институт, получил диплом инженера-электромеханика. Приметив талантливого юношу, руководство института решило оставить его в стенах вуза. И он начал трудовую деятельность в институте с должности младшего инженера, затем младшего научного сотрудника, стажера - преподавателя кафедры «Автоматизация и комплексная механизация». С 1983 по 1986 годы учился в аспирантуре Института автоматизации Национальной Академии наук республики. Вскоре ему была присуждена ученая степень кандидата технических наук по специальности: горное дело, горные машины и комплексы. Затем он трудился ведущим научным сотрудником лаборатории «Силовые импульсивные системы», главным консультантом по вопросам маркетинга рынка строительно-дорожных и горных машин Академии наук республики.

Но его все время тянуло, как магнитом, на производство. И вскоре ему представилась такая возможность в Казахстане – его пригласили на Аксуский завод ферросплавов заместителем начальника управления по ремонтно-механическому обеспечению...

Когда Кемалья Рашатовича перевели в рудоуправление «Казмарганец» заместителем директора, то перед Дарибековым предстал сорокапятилетний мужчина с очень умным выражением лица и кипой книг под мышкой.

- Где мое рабочее место? – спросил Кемаль.

- Ваш кабинет напротив моего, - ответил Дарибеков. – А рабочее место, конечно же, на рудничных площадках...

В обязанности К.Р. Усманова входило управление процессом капитального строительства обогатительных комплексов и других объектов предприятия, возведение социальных объектов, и, конечно же, он немало сделал для этого. Под его руководством в РУ успешно было начато и завершено строительство промывочного и отсадочного комплексов на обогатительной фабрике рудников, возведение вахтовых поселков для рабочих, ИТР. Именно он с первых дней работы в рудоуправлении позаботился о создании условий труда для вахтовиков... В поселках рудников «Тур», «Восточный Камыс» и транспортной колонны были построены столовые, банно-прачечные комплексы, медпункты, установлено спутниковое телевидение, оборудованы спортивные площадки, проложены скверы.

В характеристике, выданной мне в свое время пресс-службой пред-

приятия, говорилось: «С первых дней работы К.Р. Усманов покориł всех отличным трудолюбием, высоким уровнем требовательности к себе и окружающим. Инженерно-технические работники рудоуправления учатся у него оперативности, умению видеть главное в решении производственных задач. Постоянная работа над повышением своего профессионального уровня одна из главных черт К.Р. Усмано̀ва. Несмотря на загруженность в работе, он всегда находит время прочесть научную статью, технический журнал, чтобы затем использовать новые идеи в работе структурных подразделений РУ. Он имеет ряд научных публикаций, авторских свидетельств, статей, является почетным изобретателем, награжден бронзовой медалью ВДНХ СССР.

Конечно, лучшей кандидатуры на пост директора РУ после Дарибекова не было. И буквально все труженики предприятия с чувством удовлетворения восприняли приказ президента АО «ТНК «Казхром» о назначении Кемаль Усмано̀ва руководителем рудоуправления «Казмарганец».

Я встречался с Кемалем Усмановым в ту пору, когда он трудился директором РУ. Никаких ноток начальника в его голосе не появилось, наоборот – дружелюбие и уважение к людям чувствовалось в его рукопожатии, взгляде на всяк к нему приходящему. Он с вдохновением рассказывал о тех изменениях, что произошли в «Казмарганце» за последние пять лет, его становлении. Он называл фамилии многих рабочих, специалистов, которые помогали ему «в восхождении к вершинам». Но особо выделил начальника рудника «Тур», а с января 2008 года – главного инженера рудоуправления «Казмарганец» Андрея Александровича Сафонова.

- Это моя правая надежная рука, - сказал Кемаль Усманов. – Вдвоем, вместе мы решаем многие важные проблемы развития добычной компании. Стране нужен марганец, значит, мы должны давать его все больше и больше...

Кемаль Рашатович вместе с Андреем Александровичем Сафоновым немало сделали к тому времени для умелого использования средств Ассоциации, улучшения производства и социальной сферы. Как бы подводя итоги пятилетней деятельности «Казмарганца» как самостоятельного филиала АО «ТНК «Казхром», Кемаль Рашатович Усманов в беседе с корреспондентом газеты «Вестник Казхрома», опубликованной в номере от 23 апреля 2009 года, отметил, что все годовые производственные планы предприятие с честью выполняло. Этому способствовало прежде всего внедрение новейшего, современного оборудования и прогрессивных технологий.

За эти годы на руднике проведено 70 километров линий электропередач (ЛЭП-35), автодорога, построены сортировочные комплексы, обогащательная фабрика, производственные здания и сооружения, вахтовый поселок с объектами соцкультбыта. На руднике внедрены самое современное оборудование для открытых разработок, новейшие технологии.

Успешно работают гидравлические экскаваторы марки Hitachi и Terex, дробильно-сортировочный комплекс, промывочная установка.

После ввода на руднике «Тур» промывочной установки, производственная мощность которой позволяет перерабатывать весь получаемый промпродукт, отпала необходимость транспортировки его на Жездинскую обогатительную фабрику. В связи с увеличением потребностей Аксуского завода ферросплавов в марганцевом концентрате в конце 2002 года был приобретен рудник «Восточный Камыс», расположенный в Жанааркинском районе.

Началось проведение исследований по вовлечению в переработку первичных марганцевых руд месторождения и шламов обогащения. За эти годы на руднике «Восточный Камыс» ввели в строй важные объекты: это – дробильно-сортировочный комплекс, промывочная установка, шламохранилище, насосная оборотная водообеспечения и шламовая насосная, трубопроводы, тракторно-бульдозерный бокс, сети с водонапорной башней и внутренней разводкой и септиком, котельная.

В том же году газета «Вестник Казхрома» со слов Кемалья Рапатовича сообщала, что «все структурные подразделения рудоуправления «Казмарганец» оснащены надежной, высокопроизводительной техникой мирового уровня, а на подразделениях используется современный инструментарий: электронные тахеометры, приборы спутниковой навигации GPS, лазерные дальнометры, электронные ротационные нивелиры, современная компьютерная техника, оргтехника и программное обеспечение «Datamine».

На протяжении всего пятилетнего периода не прекращалась работа по оптимизации численности коллектива за счет совершенствования форм организации труда, более эффективного использования оборудования и технологий. Все это позволило заметно повысить производительность труда, увеличение этого важного показателя составило 36,3%, а трудоемкость при этом снизилась на 26,5%».

Далее газета сообщала: «Следует также сказать об успешной реализации мероприятий по социальному развитию, которое включает в себя участие коллектива в проведении научно-технических конференций, конкурсов профессионального мастерства, стажировок молодых специалистов, организацию праздников, культурно-спортивных спартакиад и фестивалей, а также мероприятия по социальным вопросам (ссуды и подъемные молодым специалистам, материальная помощь работникам, пособие на погребение и выплаты к юбилейным датам). С 2005 года затраты по социальной программе рудоуправления «Казмарганец» составили свыше 42 миллионов тенге.

Газета также отмечала, что организация обучения и развития персонала всех уровней является ключевой составляющей развития персонала в целом и способствует укреплению конкурентного преимущества компании. Важный аспект управления персоналом – обеспечение РУ квалифицированными кадрами. Если сравнить численность и бюджет

затрат на обучение, то заметен ее рост: в 2004-2008 г.г. обучено 617 рабочих на сумму около 3 миллионов тенге и 332 руководителя, специалистов и служащих на сумму почти 7 миллионов тенге.

В РУ «Казмарганец» успешно внедрена работоспособная система менеджмента, в которую входят система менеджмента окружающей среды, системы качества, охраны окружающей среды и техники безопасности ISO 9001:2000, ISO 14001:2000 и OHSAS 18001:1999, ISO 50001.

Все перечисленное достигнуто благодаря трудовому коллективу, его самоотверженному труду, позволившему в кратчайшие сроки в безлюдной степи построить карьеры, перерабатывающие комплексы и вахтовые поселки со всем необходимым оснащением.

Важнейшей составляющей политики, проводимой сегодня АО «ТНК «Казхром», стала забота о людях, об улучшении условий труда, проживания, организации питания и отдыха. На рудниках трудящиеся проживают в благоустроенных общежитиях, оборудованных необходимой мебелью и оснащенных всем необходимым для комфортной жизни. Столовые по 80 посадочных мест на каждом руднике с 3 - 4-разовым питанием. На всех рудниках имеются банно-прачечные комбинаты. В каждом подразделении имеются системы спутникового телевидения, организована регулярная доставка газет и журналов».

К этому надо добавить, что в июле 2009 года 108 сотрудников рудоуправления – рабочие и специалисты – впервые стали новоселами. Для них в микрорайоне «Голубые пруды» Караганды была возведена многоэтажка, в которой 54 трехкомнатных квартиры и столько же двухкомнатных.

По этому поводу газета «Комсомольская правда» писала:

«В регионе не принято кивать на мировой экономический кризис. Еще в прошлом году был подписан меморандум между областным акимом и компанией ENRC. Одним из пунктов этого документа значилось строительство жилья за счет средств частной компании.

Выступая на торжественной церемонии вручения ключей, аким Карагандинской области Нурлан Нигматулин сказал:

- Глава государства поставил перед нами конкретную задачу - несмотря на трудности, вызванные глобальным кризисом, продолжать реализацию социальных программ, в том числе и по улучшению жилищных условий населения. Темпы строительства жилья в Карагандинской области не снижены. Только в первом полугодии введено 252 тысячи квадратных метров. Это больше, чем за аналогичный период прошлого года. И важно, что значительная часть жилья (87 процентов) построенная за счет внебюджетного финансирования, включая средства крупнейших предприятий.

Компания ENRC выделила на строительство этого дома 711 миллионов тенге. Важно, что были соблюдены все договорные обязательства, и не было проблем с финансированием. Многоэтажку возвели за один год и четыре месяца.

Геолог рудника «Восточный Камыс» Меруерт Избасарова была искренне рада важному событию в семейной жизни. До этого они с мужем не имели своего жилья. Рождение сына совпало с началом возведения дома на «Голубых прудах».

Молодой специалист, ведущий инженер РУ Фарух Эргешбаевич Худайбергенов также впервые стал новоселом. Он отметил комфортабельность квартиры, социальные удобства. Рядом с домом - средняя школа, поликлиника, детский сад на 320 мест. Удобно для семьи, супруги, сына.

Выступая перед новоселами, Кемаль Усманов как директор рудоуправления «Казмарганец» тепло поздравил счастливиц. Он сказал, что этот социальный проект, реализованный за полтора года в непростое время, воплотился благодаря взаимному сотрудничеству социально ответственных компаний, таких как ENRC, с органами местной исполнительной власти. Он пожелал новоселам семейного благополучия и еще более высоких трудовых достижений.

Завершил свое выступление Кемаль Усманов на еще более оптимистичной волне. Он сообщил, что этот дом - лишь небольшая часть жилья, которое будет возведено в ближайшие годы. В районе нового парка Победы с помощью ENRC успешно возводится жилой комплекс «Сары-Арка». По словам К. Усманова, улучшение жилищных условий рабочих, ИТР было и остается одним из приоритетных направлений в работе компании «Казхром». А рудоуправление «Казмарганец» является ее филиалом, и придерживается тех же ориентиров. Помимо классического соцпакета, коллективный договор предприятия содержит такие пункты, как строительство жилья и улучшение жилищных условий, а также благоустройство и создание современных бытовых условий в вахтовых поселках. Отрадно, что эти ориентиры осуществляются даже во времени кризисов, девиз компании: «Все для людей, для рабочего человека» - это не пустые слова, а реальные дела.

Время идет быстро, и вскоре коллектив рудоуправления «Казмарганец» - филиал ТНК «Казхром» - отметил свое семилетие. По этому поводу главный исполнительный директор ENRC PLC Феликс Вулис прислал коллективу рудоуправления «Казмарганец» такое письмо: «Уважаемые коллеги! От имени многотысячного коллектива ENRC и от себя лично поздравляю вас с днем рудоуправления «Казмарганец»! Созданное 1 апреля 2004 года ваше предприятие является одним из молодых и перспективных в Евразийской корпорации природных ресурсов.

Сегодня «Казмарганец» - это современное предприятие, которое вносит большой вклад в производственные достижения Группы. На высокие стандарты ENRC ориентированы экологические приоритеты и промышленная безопасность.

Стабильные достижения рудников «Тур» и «Восточный Камыс» подтверждают уникальность предприятия не только по технологиям и производственным характеристикам, но и по профессиональному уровню коллектива. Здесь трудятся высококвалифицированные рабочие и

специалисты, компетентные руководители, способные обеспечить рост производства. Их трудолюбие и мастерство, ответственность и преданность любимому делу заслуживают истинного признания и глубокого уважения.

Выражаю искреннюю благодарность всем, кто сегодня достойно трудится в рудоуправлении «Казмарганец». Желаю вам и вашим близким доброго здоровья, счастья и благополучия!

С уважением. Главный исполнительный директор ENRC PLC Феликс Вулис».

В своей книге «Кара-Бугаз» писатель Константин Паустовский назвал казахстанских добытчиков недр покорителями пустыни. Да, все богатые месторождения металлов располагаются, как правило, на пустынных землях или в глухих степях, где кроме полыни и караганника, ничто не растет. А то сплошь ковыль и ковыль... А то вообще одна пыль и красные пятна марганцевой руды на поверхности земли.

И вот нога человека ступает на эту пыль, на этот краснозем, и сотни змей, пригревшихся на солнце, разбегаются в разные стороны, уступая столетиями мирно лежавшую землю людям. И зашумели-застрекотали моторы первых бульдозеров, экскаваторов, грузовых машин – Белазов в пустыне, и пошла первая руда на металлургические комбинаты... По праву мы сегодня можем называть покорителями пустыни инженеров и рабочих рудников «Казмарганца». Днем и ночью, в жару и холод они добывают марганцевую руду в открытых карьерах, не щадя ни своего времени, ни здоровья.

Работая собственным корреспондентом республиканской газеты «Казахстанская правда» в Центральном Казахстане, мне приходилось часто бывать на рудниках в пустыне и степях, встречаться с первыми покорителями этих диких, но богатых на металл мест. И скажу: мужественные это люди!

Мне думается, одним из таких заметных покорителей пустыни можно смело считать Андрея Александровича Сафонова. Работая старшим геологом, главным инженером, а затем начальником рудника «Тур», он мужественно и отважно преодолевал все трудности, встреченные на пути, его характер закалялся на семи ветрах степей и пустынь рудника. Больно сухие и жаркие это ветры с пыльными «дождями», когда песок из Бетпакадалы забивал глаза и рот так, что мир становился немил и невесел. Многие специалисты, приходящие на рудник работать, побывав несколько дней на карьере, сникали от немилосердно пекущего солнца, сухих и жарких ветров, и, быстро собрав чемоданы, при первой же возможности убегали прочь из этого ада... Андрей Александрович в панику не ударялся, не падал духом, ненастье и жара под сорок градусов, а то и более не пугали его – злила слабая обустроенность рудника. Это сейчас рабочие, ИТР приезжают на вахту – и к их услугам благоустроенное общежитие, библиотека, столовая, банно-прачечный комбинат... Но ведь все это надо было построить! И не с неба ведь появились здесь ли-

нии электропередач, обогатительная фабрика... А первые саженцы деревьев – клены, тополя, карагач, первая аллея в степном городке – и эту идею он как начальник рудника «пробивал», а затем сажал тонкие деревца вместе со своими побратимами – инженерами в каменистую почву, покрытую привезенным невесть откуда черноземом.

Почти четыре года проработал А.А.Сафонов начальником рудника, и все эти годы не знал ни часа покоя. Зато результаты были зримы и продуктивны – около миллиона тонн руды стали добывать каждый год покорители пустыни...

Когда Кемаль Рашатовича Усманова перевели в системе «Казхрома» на новую должность – директором Донского ГОКа, и его спросили, кто же теперь возглавит «Казмарганец», он сразу ответил:

- Как кто? Сафонов и только Сафонов. Не подведет!

Время показало: прав оказался Кемаль Рашатович! Опираясь на коллектив, его костяк – покорителей пустыни – Андрей Александрович Сафонов уверенно повел «Казмарганец» к новым высотам. Работая главным инженером рудоуправления, он в то же время не порывал с учебой, повышал свои знания управлением компанией. Он окончил (заочно, конечно же) Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по квалификации «Мастер делового администрирования» (МВА), прошел семинар по программе NEBOSH. И он умел находить такие слова убеждения, которые согревали людей и вдохновляли их на новые достижения.

Но когда заходит речь об успехах компании, то Андрей Александрович восклицает:

- При чем тут я? Всем лучшим в «Казмарганце» мы обязаны нашим труженикам – людям. О них надо больше писать, их славить. Пустыня и степь покоряются только сильным, мужественным и высокопрофессиональным рабочим и специалистам.

К таковым Андрей Александрович относит, например, водителя большегрузного автосамосвала «Белаз» рудника «Тур» Жаудета Маликовича Газизова. Он уже 17 лет работает в структуре рудоуправления «Казмарганец» (с 1997 года), и ни разу не подводил коллектив. Его «Белаз» безостановочно возит руду из карьера на обогатительную фабрику, без всяких поломок и аварий. В чем дело? А дело в том, что он встает на заре, как говорится, с первыми петухами и уже в шесть утра в гараже, загоняет свой «Белаз» на ремонтную яму, тщательно его осматривает, заменяет «подозрительные» детали на новые. Его машина всегда опрятна и чиста, готова к эксплуатации.

Нынешний начальник рудника «Тур» Д.П. Шевченко и председатель цехового комитета С.С. Казтаев также характеризуют Газизова как высококвалифицированного работника, отмечая его любовь к технике и крепкую дисциплину.

Тепло и доброжелательно отзывается А.А. Сафонов о водителе Евгении Адольфовиче Шмидте. Он трудится на руднике «Тур» с 1999 года

и показал себя только с отличной стороны. Долгое время не покидал он передовую рудника, работая на экскаваторах TEREX, HITACHI прямо-таки по-стахановски, увлекая за собой молодых, новичков, передавая им свой опыт. Сейчас Евгений Адольфович водит Камаз, но в любой момент может заменить любого машиниста на экскаваторах различных марок.

Я беседовал с Евгением Адольфовичем в тот день, когда он отстоял вахту и отдыхал дома в поселке Жезды, где живет со своей семьей. Оказалось, он – потомственный покоритель пустыни. Его родственники трудились еще в годы Великой Отечественной войны на марганцевом руднике в Жездах, их фото хранятся в Джездинском музее истории горного и плавильного дела, который основал знаменитый энтузиаст – краевед Макен Торегельдинович Торегельдин, близкий соратник и ученик Каныша Имантаевича Сатпаева. Именно Маке в свое время рекомендовал молодым трудиться на марганцевых предприятиях, чтобы продолжить подвиг великого Сатпаева в казахстанских степях. И вот под влиянием его призыва пошел Евгений Шмидт трудиться в рудоуправление «Казмарганец», и не жалеет об этом. Вот уже 15 лет он здесь на трудовом фронте, и не помышляет расставаться с предприятием, продолжая удивлять пустыню своей настойчивостью и трудолюбием.

Почти 14 лет трудится в рудоуправлении «Казмарганец» и другой «любимец» А.А. Сафонова - машинист экскаватора Виктор Эльмарович Гинц. Рудник «Тур» стал для него родным предприятием, без которого он не может прожить и одного месяца. Был в отпуске, еле выдержал, все тянуло на рудник «Тур».

О Викторе неоднократно писали в газетах, его имя занесено в «Книгу трудовой славы» в профкоме. Недавно в корпоративной газете «Вестник Казхрома» журналистка Балдырган Саркенова опубликовала беседу с ним.

«- Виктор Эльмарович, расскажите немного о себе?»

- Ранее работал в Жезказганруда, а в рудоуправлении «Казмарганца» начал трудиться с ноября 2000 года в качестве машиниста экскаватора. Самое главное: люблю свою работу. И семья постоянно поддерживает, жена Зоя Владимировна, дочери Мария и Злата являются моей надежной опорой. Горжусь внуками, их у меня трое: Даниил, Катерина и Игорь. Ждут, переживают за меня, самое главное – это когда чувствуешь опору, любовь близких.

- Что повлияло на выбор профессии?

- На выбор профессии повлиял отец. Он тоже был машинистом экскаватора. Его я считаю своим наставником. И теперь продолжаю его дело.

- А себя считаете наставником?

- Наставничество – дело благое, ответственное. Молодых очень много, я всегда рад и готов им помочь, научить чему-то. Работа тяжелая, но не зря же говорят: «дело мастера боится».

- Что для вас самое главное в жизни?

- Семья и любимая работа. Я уже 14 лет работаю на руднике «Тур», за это время многое изменилось. Для рабочих создают все условия, остается только хорошо трудиться и выполнять план».

Среди специалистов Андрей Александрович Сафонов охотно отмечает старшего маркшейдера рудника «Тур» Рашита Габдулкаримовича Гимадиева. Он пришел работать в систему рудоуправления «Казмарганец» уже опытным инженером. До этого занимался маркшейдерским делом в Туканском рудоуправлении, на шахте имени Тусупа Кузембаева, в ТОО «Марс-999».

Рашит Габдулкаримович, имея большой опыт маркшейдерской службы, способствовал применению на руднике «Тур» высокоточных электронных инструментов зарубежного производства таких известных фирм как «Leica», «Sokkia», современной оргтехники (плоттеры, сканер, дигитайзер, компьютеры). При нем практически все регулярно проводимые маркшейдерские работы начали осуществляться с помощью компьютерной техники, начиная от использования электронных инструментов с автоматическим съемом информации и заканчивая выдачей готовых маркшейдерских чертежей и планшетов.

У Рашита Гимадиева была еще одна страсть – он любил природу родного края, желал превратить пустыни в цветущий сад. Он был одним из первых садоводов в Караганде, сам построил дачу в садоводческом обществе «Золотая осень». Оттуда он не раз и не два привозил саженцы для посадки на землях рудника «Тур».

Его друг, также маркшейдер Валерий Иванович Осипов, следуя примеру и подсказке Рашита, тоже занялся всерьез садоводством. Вместе с супругой геофизиком Ниной Александровной он разбил за городом у Федоровского водохранилища прекрасный яблоневый сад, постоянно пополняет его. Его любимые сорта яблонь «Уралочка», «Услада», «Осенняя полосатая», «Ковровая» уже дали первые плоды. Вырастили Осиповы и прекрасные кусты черной и красной смородины, вишни, грушу.

Чтобы избежать воздействия засухи на сад, Валерий Иванович установил на даче колонку. И теперь, когда садоводческое общество прекращает подачу влаги из водохранилища, он включает колонку и поливает из шланга яблони, а также участки овощных культур – картофель, капусту, помидоры. Знатная у него клубника!

- Моя романтика – в труде, - говорил мне Осипов. – Где бы я ни был – на руднике, на огороде, на даче – везде надо трудиться! Без труда не покоряются пустыни и степи.

С болью в сердце Валерий Иванович, вся его семья восприняли весть о недавней кончине Рашита Габдулкаримовича Гимадиева. Его друг ушел из жизни, но оставил для людей цветущий сад. Значит, память о нем будет нетленна...

Как говорил мне В.И. Осипов, его любимым писателем стал быв-

ший геодезист, начальник нескольких экспедиций в Сибири Григорий Анисимович Федосеев. Его книги «Смерть меня подождет», «Последний костер» он зачитал буквально до дыр. У пика Грандиозного в Восточном Саяне сооружен памятник этому замечательному писателю. На металлической плите отлиты его слова: «В борьбе за покорение природы еще много придется пережить горестных минут тем, кому суждено вступить с нею в единоборство. Но что значит трудности, если путь наш ведет к светлой жизни человечества».

В стиле работы Алексея Александровича Сафонова с людьми лежит доверие и уважительное отношение к ним. Он считает, что любой руководитель без единства с коллективом, профсоюзной организацией ничего не добьется. Иное дело, когда действуешь сообща с людьми, прислушиваешься к их мнению, опираешься на активистов, специалистов, рабочих при решении тех или иных вопросов.

Давняя дружба связывает Сафонова с инженером Хабдулмажитом Дюсембаевичем Шахмановым. Вот уже несколько лет тот возглавляет профсоюзную организацию рудоуправления, и многое сделал для воспитания в людях чувства ответственности за порученное дело, укрепления трудовой дисциплины. Он постоянно заботится, чтобы человек труда был окружен вниманием, чтобы ему, как говорится, не жало, не мешало ничто трудиться высококачественно и производительно. Поэтому Х.Д. Шахманов – частый гость «покорителей пустыни» на рудниках «Тур» и «Восточный Камыс», в вахтовых поселках. Да по сути – это с его легкой руки началось в степи строительство общежитий, столовых, благоустройство первых улиц и скверов. По устремленности своей души он – строитель, ему бы «возводить», «внедрять», «улучшать»... Он начинал свою работу в системе «Казмарганца» в 2003 году начальником бюро снабжения и укомплектования оборудования рудоуправления, затем был руководителем бюро материально-технического обеспечения, заместителем директора РУ. Простые люди заметили его бескорыстное стремление служить коллективу, обустривать рабочие места в степи, развивать производство и социальную жизнь рабочих, и в 2008 году избрали его председателем профсоюзного комитета РУ. Все надеялись, что он будет активно защищать интересы рабочих, ИТР, улучшать их трудовую деятельность и жизнь, и не ошиблись в выборе своего профсоюзного вожака.

Сейчас в профсоюзной организации рудоуправления 850 человек. И среди них нет лодырей, пьяниц, не дай бог, наркоманов. Во время беседы со мной Х.Д. Шахманов особо подчеркнул, что с первых дней он как профсоюзный лидер взялся за наведение порядка на производстве, борьбу за укрепление трудовой дисциплины. «Мы долго шли к этому и добились, что малейший водочный перегар, запах и человек отстраняется от работы на руднике, – пояснял мне Шахманов. – Это, с одной стороны. С другой стороны, мы увеличиваем постоянно соцпакет. Сейчас стало само собой разумеющимся получение высшего образования за счет ком-

паний, бесплатное медицинское обслуживание, выдача жилья, отдых в санаториях и Домах отдыха. Только в санатории «Арман» ежегодно получают курортное лечение около ста человек. Другие предпочитают отдыхать в санаториях «Жартас», «Сарыагаш», «Мойылды», Щучинске.

Когда такое было? А сейчас более ста человек получают квартиры в новых домах в микрорайоне Голубые Пруды, а также в жилом комплексе «Сарыарка» на Юго-Востоке...

В своей работе Шахманов опирается на цеховые профсоюзные организации и профгруппы. Особо выделяет председателя цехкома рудника «Тур» Сырыма Серикбаевича Казтаева, машиниста экскаватора, а также председателя цехкома транспортной колонны, бригадира Кайрата Есельханова. «Они безотказные в полезных делах, болеют за интересы простых рабочих...»

- А вообще-то таких людей у нас огромные россыпи, - убежден Х.Д. Шахманов. - Когда праздновали 10-летие предприятия, наград не хватало, чтобы всех отметить, поощрить...

Х.Д. Шахманов показал мне Альбом фото лучших тружеников РУ «Казмарганец», глаза разбегаются. Почетными грамотами акима области и денежными премиями были награждены главный энергетик рудоуправления Нурлан Тусупбеков, водитель автосамосвала Белаз рудника «Тур» Риф Султанов, начальник бюро инвестиционного проектирования Татьяна Пасько. Благодарственными премиями акима области и денежными премиями отмечены слесарь-электрик рудника «Тур» Николай Довгелевич, пробоотборщик рудника «Восточный Камыс» Ирина Васильева, медник транспортной колонны Рахимбек Ахметов. Многие ИТР, рабочие были удостоены званий «Почетный работник акционерного общества «Транснациональная компания «Казхром», «Заслуженный работник АО «ТНК «Казхром», награждены отраслевыми нагрудными знаками «Кеншіданкі» 3 степени. Руководство и коллектив Евразийской Группы прислали в рудоуправление «Казмарганец» следующее письмо:

« Уважаемые коллеги!

Сердечно поздравляем вас с первым юбилеем – 10-летием рудоуправления «Казмарганец»!

Ваше предприятие является одним из самых молодых активов Евразийской Группы. По запасам разведанных окисленных марганцевых руд «Казмарганец» занимает первое место в Казахстане.

Мы стали свидетелями, как создавалось, росло и крепло предприятие, как формировался коллектив, успешно решались производственные и социальные задачи. За десять лет работники «Казмарганца» запустили несколько дробильно-сортировочных установок на рудниках «Тур» и «Восточный Камыс», обогатительную установку на Жездинской ОФ. Постоянно выполняя и перевыполняя производственные задания, вы вносите большой вклад в индустриальные успехи Карагандинской области и сегодня стоите в одном ряду с крупными горно-металлургическими предприятиями региона.

Ваш коллектив отличают молодость, трудолюбие и высокий профессионализм. Вы можете смело гордиться тем, что причастны к становлению стандартов охраны окружающей среды и промышленной безопасности.

Благодаря вам «Казмарганец» показывает пример социально ориентированного бизнеса и успешного государственно-частного партнерства в Карагандинской области. Ярким свидетельством тому служит благоустройство вахтовых поселков, общежитий, столовых и административных зданий. С начала реализации жилищной программы работники предприятия получили жилье в новых благоустроенных домах в г. Караганде.

Выражаем искреннюю признательность за ваш большой вклад в наше общее дело! Желаем достойного продолжения ваших профессиональных успехов во благо развития предприятия, Евразийской Группы и всего региона! Крепкого здоровья, счастья и благополучия вам и вашим родным!

С уважением.

Руководство и коллектив Евразийской Группы»

Поздравили с юбилеем коллектив РУ «Казмарганец» президент АО «ТНК «Казхром» Виктор Тиль, генеральный директор ОАО «Серовский завод ферросплавов» Валерий Фадеев, президент АО «Шубарколь Комир» Т. Акбасв, директор Аксуского завода ферросплавов А.Б. Есенжолов, директор Актюбинского завода ферросплавов М.С. Мукашев и многие другие.

Накануне юбилея в административном здании рудоуправления был открыт музей, посвященный истории предприятия. Я побывал в нем, долго рассматривал окисленные марганцевые и железные руды, представленные здесь, подержал их в руках. Да, крепкий материал! Только тут же подумалось: люди, добывающие их, еще крепче! Они не боятся ни пекла солнца, ни холода морозов, ни дождей, ни снегов – уверенно стоят свою вахту в жанааркинских степях, отдаленную на сотни километров от родных очагов.

«Музей создавали всем миром, - поясняла мне пресс-секретарь РУ «Казмарганец» Балдырган Саркенова. – Теперь подвиг наших людей в степи запечатлен в десятках экспонатов, в основном, в серии разных документов, фото, старых газетных вырезок... Музей получился на славу, и за это мы должны благодарить прежде всего Андрея Александровича Сафонова, это его идея и он всячески способствовал ее воплощению. А собирала все материалы, а затем формировала из них стенды Ольга Александровна Ишмуратова, начальник отдела управления качеством рудоуправления. Помогали ей такие энтузиасты как председатель профкома предприятия Хабдулмажит Дюсембаевич Шахманов, председатель Совета молодежи предприятия Фарух Худайбергенов...»

Вскоре Фарух появился в музее. «Языком документов и фото мы хотели рассказать о рабочих буднях и праздниках нашего большого коллектива, его доблестном труде на карьерах. Не забыли и молодежь, ведь средний возраст наших труженников 34 года. Молодежь всюду показывает образцы мужества и труда. Я бы назвал впередсмотрящими машиниста гидравлического экскаватора Срыма Казтаева, ведущего инженера Сергея Погорелова, координатора-аналитика Жанибека Ильясова, бухгалтера Юлию Каримову, менеджера Нурлыгуль Абсатову... Каждому из них нет еще и сорока лет, у них все впереди, это – золотой фонд нашего предприятия. И стараются не подводить.

- У нас такой девиз: делаешь, не бойся, боишься – не делай, - говорит Фарух Худайбергенов. – Мы развиваем спорт в коллективе, проводим различные спортивные мероприятия, игры, турниры по мини-футболу, шахматам... Недавно говорю ребятам: надо бы всерьез заняться плаванием – и вот результат, директор поддержал, рудоуправление оплачивает бассейн во Дворце Спорта имени Нуркена Абдилова, ходим плавать два раза в неделю. Настроение у наших ребят поднялось.

Занимаемся мы постоянно и благотворительностью. Наш коллектив взял под свою опеку поселок Новодолинка, помогает малообеспеченным семьям, детскому дому. Для этих целей в здании рудоуправления мы установили ящик для сбора денежных средств. На них уже приобрели три тренажера, которые подарили детдому, установили их в спортивном зале приюта. Не забываем по праздникам собирать подарки для детей.

С восторгом восприняли в коллективе весть о том, что в Актюбинской области введен в строй новый ферросплавный завод АО «ТНК «Казхром». Этот проект общей стоимостью около 843 миллионов долларов стал одним из наиболее значимых и перспективных в инвестиционной программе Евразийской Группы.

Новый завод открыл Президент РК Нурсултан Абишевич Назарбаев, - он дал старт разогреву первой плавильной печи уникального предприятия. И уже через месяц здесь получили первый металл.

Ввод в эксплуатацию нового объекта позволит увеличить экспортный потенциал Казахстана по выпуску высокоуглеродистого феррохрома на 16 процентов. Как доложил Главе государства президент АО «ТНК «Казхром» Виктор Тиль, благодаря инновациям новый завод станет гарантом укрепления лидирующих позиций компании на мировом рынке хромовых сплавов. Для этого у предприятий Евразийской Группы есть крепкая сырьевая база, в жанааркинской степи наращивают свою мощь рудники «Казмарганца». Покорители пустынь и степи – рабочие, ИТР рудоуправления - продолжают вести битву за увеличение добычи казахстанского марганца!

Глава тридцатая

История «диссидента» Оськина

Почти в каждой книге Дмитрий Оськин вспоминал добрым словом встречу с поэтом Турции Назымом Хикметом в Москве. Тот посоветовал ему писать стихи и обязательно вести дневник. Это, мол, поможет обрести литературное мастерство. А чтобы было о чем писать, надо Дмитрию ехать на большую стройку в Казахстан. Именно там залежи тем и будущих страниц необыкновенной жизни молодых в СССР. «Если последуешь моим советам,- сказал Хикмет Оськину,- то слава тебя сама найдет, все газеты и журналы будут тебя искать и охотно печатать».

Не знаю, было ли это наяву или сам Дмитрий придумал встречу с Хикметом, да это и не столь уж важно, важнее другое – результат. А он был прямо-таки ошеломителен для простого деревенского паренька, каменщика 7-го разряда, приехавшего в 1958 году на Казахстанскую Магнитку из Москвы и прописавшегося здесь навечно. И стихи, и дневник толкнули Оськина в конце концов к написанию ряда добротных книг о Казахстанской Магнитке, которые большими тиражами печатали в СССР, прежде всего в Казахстане.

Оськин стал знаменитым после того как его документальную повесть «Вижу солнце!» опубликовали в 1964 году в издательстве «Молодая гвардия». Это было высокочтимое издательство в те далекие времена, не каждый писатель был вхож в него. И вдруг «какой-то Оськин из Темиртау» выпускает под его эгидой книгу тиражом 30 тысяч экземпляров! Московский писатель Илья Зверев в предисловии к ней пишет: «Автор, герой «Дневника», будучи и каменщиком, и бригадиром, и журналистом, и опять каменщиком, все время в борьбе. Весь его опыт, не большой, но не легкий (а в таких случаях второе «не» обязательно перетягивает!), свидетельствует: быть борцом – задача для сильных, щедрых и храбрых. Но только таким и стоит быть».

Оськин, действительно, борец, и не просто борец, а борец за правду и справедливость. А путь к ним необыкновенно тяжел и несветел, весь состоящий из конфликтов с начальством, даже с родным коллективом. Но на борьбу со злом, темными явлениями жизни стройки Дмитрия и его товарищей вдохновляют образы Павла Корчагина и молодогвардейцев. Выпускники средних школ, все они, конечно, хорошо были знакомы с произведениями Николая Островского и Александра Фадеева. Им было на кого равняться, с кого брать пример (не то что нынешней молодежи, потерявшей всякий интерес к литературе и героическому прошлому страны).

О молодых строителях Магнитки сейчас кое-кто пишет, что, мол,

они все за длинным рублем в Темиртау приехали. А ведь это неправда! В своей книге «Вижу солнце!» Оськин со страницы на страницу дает эпизоды, из коих следует, что молодые большей частью приезжали на большую стройку по идейным мотивам, они- полноценные наследники идей Павла Корчагина, молодогвардейцев. Их образы они носят с собой не только в памяти, но и в сердце.

Как это доказать? Только примерами из жизни. И Оськин доказывает! Вот 16 декабря 1960 года ребята пристали к Лиде, чтобы она показала им медальон, который на груди носила. Не крестик ли божий там прячет? Строитель Бондарев рванул нитку, она лопнула, медальон упал на землю и раскрылся. Перед всеми предстало малюсенькое фото Любы Шевцовой. Оськин восклицает: «Так вот что давало силы этой хрупкой девушке! Смотришь на нее и удивляешься, как только она не переломится».

А вот другой эпизод из книги. Валию Прудникову и Виктора Перца связывала давнишняя дружба. Три года – срок немалый, но произошел разрыв. Вале, когда ей было еще двенадцать лет, подарили повесть Николая Островского «Как закалялась сталь». С тех пор она с ней не расстается. Повесть потрепанная, зачитанная до дыр... Ее друг Виктор сказал, кивнув в сторону книги:

- Давно хотел спросить: она что тебе вместо иконы, что ли? Если любишь, должна всю эту ерундистику бросить...

Валя пинком открыла дверь Виктору:

- Вот тебе бог, а вот и порог!

Первостроителям, которые брали пример с Павки Корчагина, молодогвардейцев, легче жилось и лучше работалось. Они без нытья и тоски преодолевали трудности и невзгоды, голод и холод, трудились с необыкновенной отвагой и мужеством. Их в этом поддерживали наставники, старшие товарищи. С огромной симпатией Дмитрий Оськин рисует в своей книге ветеранов стройки Укена Турмагамбетова и Ивана Степановича Яблочкина. С 1935 года не разлучаются эти два совершенно разных по характеру человека. Вместе они строили Балхашский медеплавильный завод. С 1942 года – на строительстве Казахского передельного металлургического предприятия, который в декабре 1944 года накануне года Победы дал первую казахстанскую сталь. И вот теперь возводили Казахстанскую Магнитку, ее цеха и домну, стан холодной прокатки «1700»...

Как-то в день рождения Яблочкина Укен подарил ему часы «Победа», которые купил в Алма-Ате.. Иван Степанович одиннадцать лет носил их на руке, они ни разу не подводили его, приносили ему и его бригаде монтажников победу за победой на трудовом фронте.

Конечно, книга «Вижу солнце!» удалась, иначе ее не издали бы в «Молодой гвардии». Но Дмитрий был недоволен, считал, что ему не хватает писательского мастерства. И он поступает на заочное отделение Московского Литературного института имени А.М. Горького.

Институт институтом, но надо было хорошо зарабатывать на жизнь. А это не всегда удавалось. То кирпичи во-время не доставят, то раствора нет... Сиди, кури! Другой бы от тоски удавился, но только не Дмитрий Оськин. Это «пустое» время он как раз научился использовать с пользой, еще работая над книгой «Вижу солнце!». Забьется где-нибудь под кустом сирени и пишет «Дневник». А тут еще его в рабкоры газеты «Строитель» окрестили, удостоверение соответствующее выдали. И надо было оправдывать доверие журналистов – писать заметки, корреспонденции, даже фельетоны. Этот период творчества Оськин назвал «сиреневым», ибо на всю жизнь запомнил запах сирени, под кустами которой устраивался на деревянный ящик и писал в газету. Именно в те годы стали называть его народным заступником, ибо он живо реагировал на жалобы людей, громил начальство вдоль и поперек. Его друг Константин Агарков передал ему материалы о том, что начальник строительного управления Бадиев приписывал себе и получал огромные премии. Так, только 2 апреля он присвоил почти три тысячи рублей за сдачу жилья, за экономию материалов, за снижение себестоимости. И так поступали другие управляющие СУ. Оськин на основе этих фактов написал и опубликовал фельетон «Осиное гнездо». Попало в руки Оськина письмо рабочих, в котором они сообщали, что в клубе 99-го квартала киномеханик прикарманивает себе деньги за билеты... Оськин проверил факты – и опять фельетон! На базе ОРСа, чтобы скрыть хищения, решили закопать в яму якобы сгнившие мясо, пельмени, арбузы, виноград. Но сделали это для отвода глаз – основную массу продукции уже продали на рынке, а деньги поделили. Оськин опять сочиняет хлесткий фельетон в газету.

Строители читают – возмущаются. А тут, как назло, в палаточный городок перед обедом машины привезли воду – мутную, какого-то странного цвета, с вонючим запахом. Пятитысячный палаточный городок вмиг поднялся на ноги, толпа направилась к тресту, люди требовали, чтобы к ним вышли руководители, но те, как говорится, «спрятались в окопы».

На следующий день толпа бунтовщиков направилась к горкому партии, но и там никто не вышел к людям. Нашлись провокаторы – стали громить овощные палатки, воровать капусту, картошку, свеклу, разгромили винный магазин, растащили промтовары...

Так в 1959 году начался знаменитый бунт строителей в Темиртау. Известно, что в это время Н.С. Хрущев находился в Америке. Эйзенхауэр спросил Никиту Сергеевича:

- Что это за город Темиртау у вас в Казахстане?

- Это город будущих металлургов,- ответил Хрущев.

- А что там у вас происходит?- опять спросил Эйзенхауэр.

- Ничего не происходит,- ответил Хрущев.

- Как это ничего,- сказал Эйзенхауэр.- Рабочие там бунтуют, а вы говорите - «ничего». Ничего себе «ничего»!

Позже, когда Оськина исключали из партии как диссидента, ему припомнили его злые фельетоны, даже сказали, что именно они послужили той искрой, что разожгла пламень бунта. Ну, хорошо, бунт затих, рассуждали чиновники, приехал Леонид Ильич Брежнев, во всем разобрался, виновных во всем руководителей наказали, снабжение водой, продуктами наладили, даже красной и черной икрой стали кормить рабочих. Казалось бы, Оськину пора утомиться со своими фельетонами, не чернить Всесоюзную стройку, а, как говорил Есенин, «писать про рожь, а больше про кобыл...» Но нет, опять он за свое взялся – строчит критические статьи о беспорядках на стройке, даже письмо об этом Никите Сергеевичу Хрущеву написал.

И своего «добился». С его злополучным письмом на стройку приехали товарищи из обкома партии. Один из них спросил Оськина:

- Зачем ты сочинил это письмо? Неужели думаешь, что Никита Сергеевич нуждается в твоих советах?

Второй сказал:

- Ты – диссидент!

Так с легкой руки партийных чиновников области Оськина стали называть диссидентом. Он посмотрел в словарь, что же означает это слово? Оказывается, инакомыслящий, отступник. Ну что инакомыслящий – это ясно, понятно, все поэты, писатели мыслят несколько иначе, чем обычные люди, оригинально, иначе какие же они служители пера? А вот что касается отступника, от чего же он отступил? От Конституции, марксизма-ленинизма? Да нет же – опять же отступил от стереотипа, от нормы, казарменного мышления... Было это в 1964 году, как раз в этот год вышла книга «Вижу солнце!». К тому времени в СССР началась активная борьба с инакомыслием, ибо уже столько этих правдолюбцев развелось, что, того и гляди, государственный строй развалит. Несмотря на хрущевскую «оттепель» в исправительно-трудовых лагерях находилось более трех тысяч заключенных, которых обвинили в антисоветской пропаганде и агитации. Москва занималась диссидентами, как в былое время врагами народа. Это – Москва. А на местах? И на местах – пытались выискивать диссидентов.

Сегодня усилия Оськина вылечить советскую систему критикой видятся обреченными на неудачу, как Сизифов труд. Ничего кроме озлобления его публикации не вызывали. Они даже не обсуждались на заседаниях парткомов, «герои» его фельетонов не получали никаких наказаний. Их даже жалели, а Оськина партийные работники называли немилосердным. Партия тогда уже не исследовала и не поддерживала оздоровительную силу критики в целях проветривания загнивающего общества. Наоборот – она затыкала рот каждому, кто хотел глотка свободы, кто боролся с темными явлениями общества. Плурализм и прозрачность в работе руководящих кадров отсутствовали.

Жизнь Оськина была сорвана с привычных якорей, несмотря на выход замечательной книги «Вижу солнце!» в Москве в «Молодой гвар-

дии». Дмитрия стали теснить на работе, его перестали публиковать в местной печати, даже в телеочерке о бригаде строителей его лицо «вырезали». На него завели персональное дело в обкоме партии. Он продолжал работать на строительстве мартеповского цеха, а на него партийные бюрократы подбирали черные факты. Бригадир Кныш втолковывал ему:

- Душа у тебя чистая, но зачем же писать правду? Ты пиши про нас, что мы в обеденный перерыв читаем материалы Пленума... Смекнул?

13 октября состоялось собрание коммунистов первички. И Оськина исключили из партии. И представьте себе: единогласно. Даже друг его – бригадир Кныш говорил ему на собрании:

- Почему ты видишь в жизни только плохое? Ты – диссидент. Тебя надо в Америку выслать.

Почему так произошло? Потому что исключали Оськина по команде «сверху», чтобы не охаивал Всесоюзную стройку. А то, что на этой стройке продолжали процветать приписки, штурмовщина, воровство и казнокрадство – вроде никому до этого дела нет. Только после исключения из партии Оськину люди все равно руку тепло жали и шептали:

- Ты борись, борись, за всех нас борись.

Но одна беда не ходит. Переживая остро трагедию Оськина, его беременная жена родила... мертвого мальчика... Кто за это ответит? Слезы Дмитрия капали на маленький гробик, в который положили завернутого в простыню младенца... Он потерял сына.

Дмитрию понадобилось два года, чтобы его восстановили в партии. Он послал апелляцию в ЦК КПСС на имя Брежнева на 18 страницах, его друзья из бригады тоже написали в ЦК о том, как несправедливо поступили с ним. Все эти два года боссы треста издевались над ним, как хотели, низвели до разнорабочего, выжили из Доменстроя. Его в какой-то мере раньше защищал партийный билет. Он даже давал ему силы для борьбы с казнокрадами, очковтирателями, разными негодьями, которые занимали большие посты. Ибо Оськин верил, что партия создана для народа, что она будет защищать интересы простых людей. Выходит, это только теоретически, а в жизни – наоборот.

Лишившись партбилета, он потерял не только бригадирство, но и право критиковать, писать в газеты. Осознавать это было мучительно. На глазах друзей он сломал свою авторучку и бросил ее в корзину для мусора, правда, при этом крикнул: «До лучших времен!»

Он не ожидал, что эти лучшие времена все-таки наступят быстрее, чем он думал. В январе 1966 года его вызвали в ЦК КПСС, в Комитет партийного контроля, восстановили в рядах партии. На память об этом событии Дмитрий купил себе в ЦУМе новую авторучку с золотым пером.

Когда приехал в Темиртау, в парткоме ему вручили партбилет и сказали:

- Извини, мы погорячились.

Всего-то? За все страдания, муки, что выпали на его долю?

Я встретился с Дмитрием Васильевичем Оськиным где-то в 1988

году в Караганде. Он выглядел стройным, подтянутым, со свежим лицом и прямым взглядом светлоручистых глаз.

- Меня опять крупно печатают, - радостно сообщил он и протянул мне свою новую книгу «Верю тебе», изданную в издательстве «Жазушы» тиражом 50 тысяч экземпляров. - Дарю на добрую память.

Книга мне понравилась. В ней были опубликованы очерки о первостроителях и металлургах Магнитки: каменщике Укене Турмагамбетове, бригадире изолировщиков Июле Зубаревой, первом горновом Тюлегене Дюсембаевиче Адам-Юсупове... Очерки положительные, но от жизни, не выдуманные и не вымученные. Как всегда, чувствовалось, что Оськин знает действительность не со стороны, не по вершкам, а изнутри. Но в этой книге уже отсутствовало критическое начало Оськина, будто в жизни с казнокрадами, взяточниками было покончено раз и навсегда...

И при следующей встрече в Караганде Дмитрий мне объяснил:

- А что воевать с ветряными мельницами? Как напишешь критический материал, сразу столько врагов приобретаешь, что хоть стреляйся. Да и толку от критики никакой – пустое это дело. Одни грибы-поганки исчезают, зато другие сразу вырастают. Разуверился я во всякой критике. А вот хороший очерк о человеке напишешь – и на душе легко, что приятное своему герою сделал. И он благодарит тебя до небес...

- А как же быть все-таки с носителями зла в обществе?

Оськин посмотрел на меня удивленно:

- А с ними пусть борются прокуратура, ОБХСС, МВД, те, кто за это зарплату получает. Богу – богово, кесарю – кесарево.

Последующие годы жизни Оськина были спокойными, почти бесконфликтными. Он дорожил своим положением писателя, активно участвовал в общественной жизни. Бывший заместитель секретаря парткома треста «Казметаллургстрой» Клара Агеевна Меркулова говорила мне, что он охотно работал в редакции газеты «Строитель», публикуя очерки о людях стройки. Он выступил в 1983 году инициатором выпуска сборника материалов к 40-летию легендарного треста. И на заседании парткома его утвердили редактором и составителем этого сборника. Кому же еще поручить ответственное литературное дело? К тому времени Оськина уважали в Темиртау и области – он стал членом Союза писателей СССР, его очерки печатались в журналах «Простор», «Юность», «Молодая гвардия», у него вышла новая книга «Казахстанская Магнитка – колыбель моя», серию его эссе напечатали в книге «Наша Магнитка».

Казалось, с бунтарем Оськиным покончено раз и навсегда! Ошиблись! В 1990 году в издательстве «Жазушы» выходит новая книга Дмитрия Оськина «Двум смертям не бывать», можно сказать, мемуарного характера. И он рассказывает в ней всю правду о своей жизни в Темиртау, о том, как из него пытались сделать диссидента партийные чиновники и бюрократы региона да у них ничего не получилось. Перо Оськина, действительно, стало золотым. Он возвеличивает в книге не верхушку

стройки, а простых строителей, товарищей-побратимов, чьими руками и умом как раз и возводилась Казахская Магнитка – гордость страны.

Как известно, судьбы писателей причудливо переплетены. Не все на стройке знали, что Дмитрий Оськин в Москве встречался с турецким поэтом Назымом Хикметом и именно по его совету взял комсомольскую путевку на большую стройку коммунизма – Казахскую Магнитку. Хорошо знал он и местных писателей Михаила Зуева-Ордынца, Юрия Герта, Андрея Алдана-Семенова... Он познакомился с ними на совещании писателей в Караганде. Зуев-Ордынец сказал про Оськина во всеулышанье:

- Среди нас есть каменщик, пишет прозу и стихи. В него я верю, потому что он пишет про жизнь, какую видит, а не про ту жизнь, какую некоторые из нас выдумывают.

И посоветовал Оськину:

- Стой на своем. Не отходи от правды.

Дмитрий Васильевич Оськин до конца жизни не отходил от правды, много полезного сделал в нашей литературе. Одно время он руководил литературным объединением «Магнит», созданным в 1958 году в стенах редакции многотиражной газеты «Строитель». Я до сих пор дружен со многими членами этого литобъединения. И когда у нас заходит речь о рано ушедшем из жизни писателе-земляке, мне говорят:

- Что тут молчать? Оськин – это золотое перо Темиртау, это наша гордость и слава. О нем нельзя забывать. Он остается нашим современником, нашим советчиком, другом и сегодня в эпоху капитализма.

Глава тридцать первая

Любовь и правда поэта

Касым Аманжолов был прекрасным поэтом, настоящим гражданином своего времени. Его поэзия подкупает лиризмом, искренностью и высоким гражданским накалом, патриотизмом. Но некоторые историки сегодня говорят, что Касым Аманжолов обходил стороной теневые явления сталинизма, иными словами, был далек от правды жизни. А она была очень и очень горька при Сталине...

Но давайте разберемся. Будучи коммунистом (с 1944 года), Касым Аманжолов, конечно, отдал дань советской моде в поэзии, социалистическому реализму – писал стихи о Ленине, о родной Компартии. Но если бы он этого не делал, то его бы уpekли в сталинские лагеря, в лучшем случае – не печатали в журналах и газетах, не издавали его книг. А поскольку он с официальной точкой зрения не расходился, то был «везуч». Он увидел свои книги изданными еще при жизни, больше того – их выпускали не только в Алма-Ате, но и в Москве. Их переводили с казахского на русский язык достойнейшие поэты советской эпохи Борис Слуцкий, Илья Сельвинский, Дмитрий Снегин...

Помню, в 1991 году я был в гостях у карагандинского поэта, ветерана ВОВ Михаила Балыкина. Как водится, выпили по сто фронтовых и вышли на балкон «отдышаться». И тут Михаил Данилович мне сказал:

- Знаешь, сегодня как раз 80-летие со дня рождения поэта Касыма Аманжолова. А вокруг – гробовая тишина, никто его не вспоминает, нет никаких публикаций о нем, его творчестве. Молчат библиотеки, молчат власти ... А ведь замечательный был поэт, патриот Родины!

И с гордостью добавил:

- Меня удостоили в СП высочайшей чести: предложили переводить его стихи на русский язык.

Тут Балыкин жестом пригласил меня в свой кабинет и показал сборник стихов Касыма Аманжолова «Письма родине», изданный в Москве в издательстве «Художественная литература» в 1960 году. В нем я нашел стихи Аманжолова «Баллада о воде», «Акылбек», переведенные Михаилом Даниловичем.

А в 1984 году в издательстве «Жазушы» вышел новый сборник Касыма Аманжолова «Светлый путь». И в нем – опять переводы Балыкина. И я спросил его:

- Почему же вы, Данилыч, согласились переводить стихи Аманжолова?

И он охотно ответил:

- Ну, во-первых, Касым считался в пятидесятые годы лучшим поэ-

том Казахстана. А, во-вторых, он одинаково ровно относился и к казахам, и к русским, и к украинцам... Его хорошо знал писатель Алексей Брагин, они дружили в Алма-Ате. И он мне рассказывал, что в 1949 году Аманжолов в составе делегации писателей республики побывал в Москве на декаде литературы Казахстана. Открывал декаду Николай Семенович Тихонов. И в своем вступительном слове он назвал поэму Аманжолова «Смерть поэта» «жемчужиной казахской поэзии». И когда Касым услышал эти слова Тихонова, то заплакал ... Это были слезы радости казахского поэта. Его по достоинству оценили в России!

Несколько раз сам Михаил Данилович встречался с Аманжоловым в Алма-Ате, бывал у него в гостях в двухэтажном доме по улице Виноградова, 29. В то время переводы надо было в обязательном порядке согласовывать с автором, и Балыкин этому неписаному закону подчинялся.

Встречала его супруга Касыма Сақыпжамал, которая оберегала своего мужа, как могла, от невзгод и бед. Она всегда радовалась приходу гостей, сразу накрывала стол, угощала чаем с молоком, баурсаками. По ее мнению, гости отвлекали Касыма от грустных мыслей, прогоняли из его души тоску - пессимизм.

И впрямь – увидев Балыкина, Касым поторопился навстречу, заулыбался, его карие глаза заискрились солнечным светом. Он остался доволен переводом Балыкина его стихотворения «Баллада о воде».

И переводчик ему понравился – свойский человек, ветеран Отечественной войны. Касым ведь тоже немало повоевал, он хорошо знал, что такое артналет фашистов, запах сырых окопов, черные взрывы снарядов, закрывающие солнце... Он хорошо знал психологию солдата-патриота, и смог выразить ее образно, всего в двух строчках:

*«В гранату, сердце, превратись,
Тебя швырну в моих врагов!»*

Этими строками Касыма Балыкин прямо-таки упивался, когда рассказывал мне о творчестве поэта. Аманжолов долгое время оставался в стихах доблестным воином, как и Балыкин. Об этом говорят и посвящения стихов Касыма - подполковнику Альпину, рядовому Сарбаю Мауленову, Герою Советского Союза, карагандинскому шахтеру Мартбеку Мамраеву, наконец, поэту-воину Абдулле Жумагалиеву... Но наряду с публицистическими патриотическими стихами он постоянно погружался в лирику. Любовь Касыма к женщине, матери, дочери не меркнет даже в пороховом дыму грозной войны... Характерно в этом отношении его стихотворение, посвященное жене Сақыпжамал:

*«К одной лишь тебе я хочу идти,
Мне выбора больше нет.
И я не могу заблудиться в пути –
Я глаз твоих видел свет!»*

Казалось, всего того, что написал Касым, достаточно, чтобы утвер-

даться в стране поэзии. Но не таков Аманжолов, ему надо было расширять рамки своего поэтического мира. Однажды, беседуя с Балыкиным, Касым неожиданно спросил его:

- А не думаешь ли, Михаил, что мы, поэты, ограничены в своей тематике и в своей правде?

- В каком смысле?- насторожился Балыкин.

- Видишь ли, я считаю своим учителем Сакена Сейфуллина, хотел бы написать всю правду о его жизни. Но это вряд ли нынче напечатают, пропустят, ведь мы творим и живем под сапогом цензуры. До сих пор власти скрывают, что Сакена Сейфуллина в тридцатые годы сделали «врагом народа», а затем расстреляли. Когда же придет время писать правду? Почему мы пишем только о положительных явлениях, а отрицательные замалчиваем?

Балыкин растерялся, не зная, что ответить.

Но тут в комнату вошла Сақыпжамал, и, взглянув на мужа, спросила:

- Что, опять захандрил, дорогой? Ты прямо замучил гостя: «почему» да «почему»! Зачем тебе в прошлом копать? Посмотри, какое солнце на дворе!

Она отодвинула шторы, и золотые лучи дневного светила упали на лицо Касыма. Но тут ему стало плохо, он закашлялся, и платок, которым поэт закрывал рот, покрылся розовыми пятнами крови...

Так Балыкин узнал, что Аманжолов болен туберкулезом.

Во второй раз Данилыч отыскал Касыма у реки Алмаатинки. Учтивая тяжелое состояние здоровья поэта, Союз писателей выделил ему юрту, чтобы он смог выезжать на джайляу, дышать чистым целебным воздухом Алатау, пить кумыс. И опять Аманжолов вернулся к проклятой «запретной» теме – о репрессиях сталинизма, трагедии казахского народа в тридцатых годах, когда все дороги были забиты трупами людей, погибших от голода. Может, после смерти Сталина разрешат, наконец, написать правду о горе народном, лагерях, Сейфуллине?

- Рано еще писать обо всем этом,- угрюмо ответил Балыкин, и чтобы закрыть запретную тему, попросил.- Почитай лучше свои новые стихи о Кокчетау...

В 1954 году Союз писателей выдал Аманжолову путевку в Щучинский санаторий. Он побывал в горах и лесах Кокчетау, купался в прохладных озерах, и, казалось, страшная болезнь отступила, хорошее настроение вернулось. Вот что такое соприкосновение с природой! Печальные мысли ушли, и вновь Касыма охватило чувство вдохновения, родившееся из дара поэта – уметь удивляться. И он это удивление талантливо передает в строках, приглашая читателей в удивительную страну, расположенную у подножия древней Кокшетау, где «вечно солнце светит», где «ветры, как шенки, у ног играют», «где тучи на вершинах тают»... Отдых в Кокчетау у вод Бурабая возвращает его в свое детство, родной Каркаралинск... Он говорит жене Сақыпжамал: «Обязательно после Ок-

жетпеса побываю в Каркаралах, там осталось мое сердце...» Он верил, что его жизнь, как сапоги солдата, прочна!

Однако побывать на своей малой родине Касым Аманжолов не успел. «Я, словно дуб могучий, в пламене почернел!» Вначале почернел, а затем навсегда упал на землю – без дыхания, без признаков жизни. Было ему всего 44 года...

И Балыкин, вспоминая похороны Аманжолова, нервно закурил. И сквозь набежавшие слезы прошептал:

- Я считал его своим другом, а он стал другом всего народа Казахстана. И молчать о Касыме Аманжолове сегодня – преступление!

Немного подумав, успокоившись, Балыкин как бы обобщил свои воспоминания:

- Я делю всех писателей на две категории: тех, кто несет свет людям, и тех, кто вгоняет их в темноту и мрак. Так вот Касым был из первой категории: он нес свет людям, утверждая в стихах любовь к Сарыарке, ветеранам Отечественной ... Работая под сапогом цензуры, он, конечно, многого не успел сказать о черных годах своего народа, когда сталинский тоталитаризм душил все живое и светлое, горестной эпопее казахского народа... Но я уверен, что доживи Касым Аманжолов до «оттепели», когда пали шлюзы молчания и запретов, он бы первым заговорил во весь голос о трагических годах, о гибели незабвенного Сакена Сейфуллина...

Любил поэзию Аманжолова и карагандинский писатель Амен Азиев. Он неоднократно брал меня с собой в поездки по Каркаралинскому району. И непременно каждый раз мы заезжали на малую родину Касыма Аманжолова – в тогдашний совхоз имени Фрунзе. Конечно, зимовки, где родился поэт в 1911 году, давно уже не было. Но продолжали жить его родные места – урочище Ак-Кара, речка Кызыл, высокие горы Кент ... На одной из высоченных скал, в которую вцепились три березы, кто-то вывел красной краской: «Касым Аманжолов».

Эти места еще в детстве вошли в сердце поэта, воспоминания о них сопровождали его всю жизнь, особенно в те часы и дни, когда брался за перо...

Касым рано лишился отца, умершего тоже от туберкулеза. Мать Айгапша сдала его в интернат, но не забывала сына – время от времени навещала его, привозила ему баурсаки, кумыс. А со временем Касыма взял к себе на воспитание старший брат Рахимжан, который жил в Семипалатинске. Он определил Касыма в местный техникум.

Для всех студентов тогда кумиром был великий Абай Кунанбаев. И Касым запомнил его заповеди, особенно: «Всю жизнь учись, постигая знания, накопленные человечеством». И он решил продолжить учебу, поступив в Уральский педагогический институт... И первые профессиональные стихи появились у него в Уральске. И они были, на счастье Касыма, опубликованы в республиканской прессе.

*«О милый край! Тобою грезит твой акын.
Когда не вижу я родных твоих долин,
То словно никну, словно дряхлым становлюсь...
Я твой навек! Я твой защитник. Я твой сын!»*

В 1932 году Аманжолова приглашают на работу в редакцию республиканской газеты «Лениншил жас» («Ленинская молодежь»), и он с удовольствием переезжает в Алма-Ату, город цветов и яблок. Здесь талант Касыма раскрывается во всю силу, и после нескольких лет творческих исканий и публикаций в журналах и газетах выходит, наконец, его первый сборник поэзии «Исповедь жизни».

*«Там, где домик твой стоит,-
Речка быстрая бежит,-
Не мое ли отражение
На волне ее дрожит?
У тебя платок в руке –
И на белом том платке
Не мое ли имя
Вшито на уголке?»*

- Вот с таких наивных стихов начинал Касым Аманжолов,- объяснял мне Амен Азиев.- И ему понадобилось много лет труда, чтобы подняться до уровня гражданина-поэта, остро чувствующего ответственность за все происходящее на земле...

И тут Амен Азиев поведал мне о таком малоизвестном факте: Аманжолов взялся за написание поэмы «Стон земли», в которой хотел показать трагедию его Отчизны, втянутой Сталиным в кровавые смертельные репрессии, грязную индустриализацию, погубившую лучшие пахотные и пастбищные почвы республики... Но он не успел осуществить задуманное...

«Я считаю, что его идеи не погибли,- уверенно сказал Азиев.- Я уже взялся за написание романа о трагедии нашего народа в 30-50 годы сталинизма.»

Это Амен Азиев мне говорил, стоя на берегу речушки Кызыл, где-то в 1995 году. А вскоре я уже держал в руках его роман «Стон земли»... Что не успел написать Аманжолов, то осуществил Амен Махатович Азиев, тоже, кстати, уроженец каркаралинских мест...

Что еще хочу сказать? Годы летят быстро, и все меньше остается людей, знавших Касыма Аманжолова. И хорошо, что в Каркаралинском районном краеведческом музее тщательно и аккуратно собирают все, что связано с именем замечательного поэта. Здесь мне впервые показали стихи о нем литературоведа Такена Алимкулова, бывшего редактора каркаралинской газеты Заманбая Игликова, алмаатинского писателя Алексея Брагина... Вдова К.Аманжолова Сакыпжамал подарила музею

чернильницу и ручку поэта, книги, которые он любил, читал и даже переводил, в том числе Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Твардовского...

Да, Касым Аманжолов долго и много занимался переводами на казахский язык классиков мировой литературы. Так что талант Касыма Аманжолова был многогранным, и каждая грань его сияла оригинально и ярко.

Касым Аманжолов еще при жизни получил признание тысяч читателей... Поэт сталинской эпохи, он сумел пережить ее и шагнуть в наш век. В честь Касыма Аманжолова названы улицы в Караганде и Каркаралинске, на доме в Алма-Ате, где он жил, установлена мемориальная доска. И, конечно же, правильно поступили, что поставили в Караганде памятник Касыму Аманжолову. Право, он заслужил это своим великим стремлением к правде, своими пламенными стихами, воспевающими Сарыарку, шахтерский край, его отважных людей, завоевавших Великую Победу в битве с фашизмом, дающих стране хлеб и уголь.

С большим уважением к имени Касыма Аманжолова относился аксакал карагандинских писателей Жаик Кагенович Бектуров. Особенно ему нравилась его поэма «Мартбек», посвященная боевой жизни Героя Советского Союза, карагандинского шахтера М. Мамраева. Он считал ее вершиной литературного мастерства Аманжолова. Действительно, в этой поэме Касым умело сочетает гражданский темперамент патриота с лирическими и философскими раздумьями о жизни и смерти, любви и ненависти, находит для нее единственно верные слова. Скупое, без публицистической фальши он показывает эпизоды боя за Днепр... Тяжело ранен командир взвода, лейтенант Волков, рухнул на землю, теряя последние капли крови... Солдаты растерялись, как быть? И тут поднялся во весь рост командир пулеметного расчета Мартбек Мамраев....

*«Есть в бою неписаное право,
Вдруг подать команду на бегу...
Наш Мартбек – наш беркут Алатау –
Крикнул вдохновенно:
- Смерть врагу!
Дивной силой наполнялось тело.
Хоть и дыбился огонь степной,
Все ж Мартбек вперед рванулся смело,
Вновь друзьям скомандовал:
- За мной!
И его послушались солдаты.
И опять сплотила их судьба.
А Мартбек – врагов из автомата
Вырубал как лезвием серпа».*

Не все знают, что Касым Аманжолов и герой его поэмы Мартбек Мамраев служили в одном воинском подразделении в годы войны, хоро-

шо знали друг друга, ибо вместе съели не один пуд соли из солдатского котелка в сырых и темных окопах. Вместе они в свободное время писали в дивизионную газету «В бой за Родину». На ее страницах была опубликована статья Мамраева «Мое слово к воинам запаса» - своеобразный призыв к запасникам не сидеть на задней скамейке, не отсиживаться в домашнем тепле, а становиться в строй фронтовиков, чтобы вместе «бить фашистского гада». В этой же газете были напечатаны стихи Аманжолова, посвященные героическому подвигу поэта-фронтовика Абдуллы Джумагалиева, павшего при защите Москвы в 1941 году. Стихи прозвучали настолько сильно, профессионально, что редактор газеты В.С. Кулагин заинтересовался творчеством Аманжолова. А поняв, что перед ним незаурядный талант, обратился к начальнику политотдела подполковнику Альпину отпустить Аманжолова на работу в редакцию газеты «В бой за Родину». И Альпин, доброй души человек, дал согласие на это. Немного позже в 1944 году Касым отблагодарит подполковника Альпина, посвятив ему очень теплые стихи.

*«Привет поэта и привет солдата
Тому, чье сердце добротой богато.
Я не забуду вашу широту,
Открытость вашу помнить буду свято.
С повязкой на ноге, в шинели серой
Все испытал солдат ваш полной мерой.
К тому, что он прославится строкой,
Вы, подполковник, относились с верой».*

И далее Аманжолов благодарит Альпина за то, что открыл ему простор для творчества, утвердив специальным корреспондентом фронтовой газеты.

С болью и печалью расставался Касым с товарищами – бесстрашными бойцами, которые стали для него родными. Всегда, «как барс, отвержен и суров» Мартбек Мамраев, прощаясь с боевым товарищем, на этот раз не выдержал – незаметно смахнул слезу рукавом шинели.

– Да что ты, друг, - успокаивал его Касым. – Я только к ружью приравнял перо, а так душой и сердцем я с вами. И в первую же творческую командировку приседу к вам...

И Аманжолов, верно, через несколько дней уже опять обнимался с Мамраевым на передовой, собирая материал для газеты.

- О дружбе Мамраева и Аманжолова, к сожалению, написано очень мало, - говорил мне Бектуров. – А она была крепкой и многолетней. На фронте они вместе шли не только в атаку, бой, но и выступали с концертами на грузовиках перед бойцами в часы затишья. Мамраев - с рассказами о битве за Днепр, Касым – с песнями о Родине, Каркаралах. Ведь он писал не только тексты, но и музыку, хорошо владел домброй, хорошо пел. Его песни «Дарига», «Страна родная» до сих пор живут в народе.

Работа в редакции фронтовой газеты вдохновила старшего сержанта Касыма Аманжолова на создание новых поэтических произведений. Невозможно сегодня без волнения читать его строки о фронтовой дружбе с казахским поэтом-воином Сырбаем Мауленовым, о Первомае, «когда шинель была из льда, и ливень шел свинцом», о позывных Кремля: «Говорит Москва!».

Касым Аманжолов печатал свои стихи не только во фронтовой газете «В бой за Родину», но и во многих других периодических изданиях. В июне 1944 года большой радостью для него стал приезд делегации Карагандинской области в Брянск. Она доставила для населения освобожденных районов России девять вагонов подарков. Карагандинцы встречались с бойцами, посетили заводы и железнодорожное депо Брянска. Аманжолов как корреспондент присутствовал на этих встречах. В газете «Брянский рабочий» он опубликовал стихотворение «Приветствую тебя, Брянск!»

*«Прими, Брянск вольный, скромный дар поэта,
Певца Победы, бури и огня!
Идет к тебе с подарками, с приветом
Казахская республика моя!»*

Бектуров мне рассказал, что в нашей республике это стихотворение не было долгое время известно. Только в 1962 году его случайно обнаружил в газете «Брянский рабочий» тогдашний аспирант, ныне доктор исторических наук Амирхан Жумасултанов.

Фронтовая поэзия Аманжолова богата и разнообразна. Но, как утес, возвышается написанная им в 1944 году поэма «Мартбек». Она еще больше сдружила Касыма с Мамраевым. Мартбек восторгался пламенным слогом друга, его образностью. У него не было никаких расхождений с Аманжоловым по части правдивости его строк.

Их фронтовая дружба была продолжена и в мирное время. Когда Аманжолов приезжал в Караганду, обязательно бывал в гостях у Мамраева. Вместе они отдыхали в Боровом в 1954 году, где лечились в Щучинском санатории. Там Касым задумал написать роман в стихах «Казах из Каркаралы», эту идею поддержал Мамраев... Но романа не получилось, здоровье не позволило Касыму осуществить этот грандиозный замысел.

И все же Касым Аманжолов оставил после себя богатое наследие. У меня в личной библиотеке сохранились его книги «Избранное» (1971 год), «Стихи» (1973 год), «Светлый путь» (1984 год), изданные в Москве и Алма-Ате.

Немало стихов Аманжолова было опубликовано в так называемых коллективных сборниках. Так, в 1985 году в издательстве «Жазушы» вышел сборник стихов «Песни о тебе, Караганда». Одним из его составителей был Жаик Кагенович Бектуров. Он предложил включить в этот сборник стихотворение Касыма Аманжолова «Акын и шахтер», опубли-

кованное в 1948 году в переводе с казахского языка на русский Ильей Сельвинским, что и было сделано. А содержание стихотворения таково: шахтер обращается к поэту с призывом шагать с ним рядом, в ногу, прославлять его труд под землей. И поэт вторит этому призыву:

*«Шахтер, ты прав...
Когда народ идет вперед,
То впереди поэты!
Их долг прямой
Идти в забой
Для боевой Победы».*

Не правда ли, это стихотворение Касыма Аманжолова актуально и сегодня, когда музы молчат, не поднимая на пьедестал славы в поэмах и стихах героев сегодняшнего дня – горняков и металлургов? А в то советское время призыву Касыма Аманжолова воспевать шахтерский труд вняли многие поэты Казахстана. Среди них – Федор Моргун («Звезды на копрах»), Омар Шишин («Голос народа»), Музафар Алимбаев («Угольный комбайн»), Анатолий Галиев («Шахтеры»), Геннадий Иванов («Стихи о черном камне»)... Я уж не говорю о таких прославленных поэтах как Джубан Молдагалиев, Аманжол Шамкенов, Михаил Львов, Алексей Брагин, Николай Кузнецов, Михаил Балыкин, Абдулла Салехов, Любовь Шашкова...

Жаик Кагенович Бектуров мне говорил:

- По сути, стихотворение Касыма Аманжолова «Акын и шахтер» стало заглавным в том сборнике. Касым как бы повел за собой целую плеяду поэтов, объединив их темой шахтерского труда...

Ж.К. Бектуров гордился тем, что ему доверили подготовку к выпуску большой поэтической книги, посвященной Караганде и ее труженикам. Сейчас уже стали забывать, что в 1984 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Караганда в год своего 50-летия была награждена орденом Трудового Красного Знамени за заслуги трудящихся города в социалистическом строительстве, их большую роль в индустриализации страны и значительный вклад в обеспечение разгрома немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне. В связи с этим событием и был осуществлен выпуск коллективного сборника стихов «Песни о тебе, Караганда».

Составители этого сборника Ж. Бектуров и Ю. Нестеров блестяще справились с поставленной задачей, осуществив большой поиск стихотворений поэтов разных поколений о Караганде (около 60 авторов).

Хорошо отзывался о поэзии Касыма Аманжолова уважаемый мной алмаатинский писатель Олег Васильевич Мацкевич, с которым я был дружен и вел длительную переписку. Он ставил в большую заслугу Касыму Аманжолову его умение передать неординарно, само-

бытно любовь к Казахстану, его пашням и рекам, горам и долинам, к женщине-матери, невесте, сестре...

В 1984 году в издательстве «Жазушы» вышел сборник стихов Касыма Аманжолова «Светлый путь». Большую дорогу к читателю открыл ему Олег Васильевич Мацкевич, рецензент этой книги. В своей рецензии он отметил, что Касыму Аманжолову принадлежит заметное место в казахской поэзии, он – поэт высочайшей пробы. Не зря его переводили первоклассные русские поэты Б. Слуцкий, М. Львов, И. Сельвинский, В. Савельев, М. Балькин, Д. Бродский, Д. Снегин и другие. Поэзия Касыма Аманжолова берет за душу каждого, кто к ней прикоснется, начнет читать. Особенно выделял Олег Васильевич Мацкевич стихи Аманжолова «Сарыарка» и «Казахстан».

Он мне подарил книгу поэзии Аманжолова «Светлый путь», и я убедился, что в названных им стихах – яркий публицистический накал души поэта, пламень его горячей любви к родной земле. Стихотворение «Сарыарка» было написано в 1943 году, когда поэт прощался с родным домом, уходя на фронт.

*«Мне не забыть твоих небес и широты степной.
Тут все мое, моя страна, я сын навеки твой!
Прощай, родимый Казахстан! Но я вернусь, вернусь:
За твой простор, Сарыарка, иду я в грозный бой».*

Стихотворение «Казахстан» поэт сочинил в 1945 году, когда вернулся с «проклятой войны» с Победой. Он в восторге, что его Родина торжествует, набирает новых сил:

*«Есть хлеб в полях у нас, в горах руда,
Есть тучная земля Каркаралы,
Большой котел угля – Караганда.
Нас никакая не страшит беда,
Сильны мы и отважны, как орлы.*

*Приди со мною вместе на Балхаш
Иль огляди простор степных равнин.
Не сновиденье это, не мираж,
Цветущий этот край навеки наш, -
Ты счастлив, Казахстана гражданин!»*

Читая стихи Аманжолова, я все больше убеждался в том, что он – настоящий поэт, что его будут читать и в будущем, чтобы славить родной край. Память о замечательном певце Родины никогда не померкнет.

Неоднократно вспоминал о творчестве Касыма Аманжолова в своих книгах известный казахстанский литературовед Альберт Александрович Устинов. Он считал его большим художником слова, умеющим находить и создавать положительных героев нашего и прошлого време-

ни. К таковым сам К. Аманжолов относил друга фронтовых лет, поэта-воина Сырбая Мауленова, которому посвятил стихи. Оба они были верными сыновьями своей большой Родины, бескорыстно любящими ее, оба – поэтами, стремящимися к вершинам мастерства. У них было так много общего и в поэзии – это стихи о любви к Казахстану, о дружбе народов, о простой и в то же время величавой природе Сарыарки, о кровопролитных боях за Родину, когда «поэзия в огне берет начало», когда «со смертью жизнь свой спор ведет». Им выпала счастливая доля – не погибнуть, а выжить. И они страстно и сильно любили и ценили жизнь, ибо видели «трупы в огне». Но в их сердцах не погибла вера и надежда, и поэтому они вернулись домой живыми и присели отдохнуть у отчего порога, любуясь синей гладью рек и белыми цветами на яблонях... Что будет дальше? Это состояние ожидания будущего Касым хорошо передал в стихотворении «Тюльпан», написанном в 1945 году:

*«Там, где прежде было жилище,
На развилке военных дорог,
На покинутом пепелище
Одинокий вырос цветок...
Средь развалин – свежий и алый,
Он из крови или огня?
Может, он знаменует начало
Новой жизни, нового дня?»*

Ему вторил друг Сырбай Мауленов, славя приход первой послевоенной весны.

*«Холмы встряхнулись –
И свершилось чудо:
Цветы в садах блеснули здесь и там,
Повсюду птицы лучшие мотивы
Вновь посвятили травам и цветам...»*

Впервые на связь имен двух друзей-товарищей обратил внимание А.А. Устинов в своей книге «Точка опоры» (издательство «Жазушы», 1982 год). Нет, они не воевали вместе, они воевали порознь, но фронтовая шинель у них была одна. И выжили они в боях, пороховом дыму только потому, что дружили с поэзией. Они выжили, чтобы рассказать о войне, героизме побратимов правдиво и честно миллионам читателей. Когда Николай Семенович Тихонов опубликовал поэму о подвиге 28 гвардейцев-панфиловцев, то Сырбай Мауленов сразу подчеркнул в ней слова:

*«Хвала и честь политрукам,
Ведущим армию к Победе».*

С. Мауленов был политруком на Волховском фронте, его взволнова-

ли строки Тихонова. И он послал ему письмо со словами благодарности за поэму, вложив в конверт свои стихи. Тихонов ответил ему:

«Я очень рад, что молодой казахский поэт с оружием в руках защищает наш любимый Ленинград. Настанет день, и мы встретимся с вами в освобожденном от блокады городе». И далее напутствует Мауленова: «Стихи пишите обязательно, складывайте написанное в полевую сумку, в сердце... Вы, такие, как Вы, обязаны будете рассказать людям правду о войне...»

Это письмо Мауленов показывал К. Аманжолову в Алма-Ате, когда тот приходил к нему в гости. Касыма восхитило напутствие Тихонова, особенно его слова: «Стихи пишите обязательно, складывайте написанное в полевую сумку, в сердце...» Эти слова были обращены и к нему, Касыму, его долг – тоже нести правду людям о войне.

И он рассказывал правду о войне, все больше совершенствуя свои стихи. Придет время, поэму К. Аманжолова «Абдулла» (в другом названии «Сказание о гибели поэта») Николай Семенович Тихонов назовет «жемчужиной казахской поэзии». Высоко отзовутся о фронтовых стихах Касыма известные поэты Борис Слуцкий, Илья Сельвинский, Алексей Брагин... Наш земляк, писатель Жаик Кагенович Бектуров назовет стихи Аманжолова народными, ибо «их поет вся степь»...

Во многом успеху К. Аманжолова в послевоенные годы содействовал его друг и товарищ Сырбай Мауленов. Он был младше Касыма Аманжолова на одиннадцать лет, но более удачлив на высокие должности в литературе. И, работая то главным редактором республиканской газеты «Казах адебиеті», то главным редактором литературного журнала «Жулдыз», он не забывал своего талантливого побратима, предоставляя ему возможность публиковаться в солидных изданиях, поддерживая его морально и материально. Немаловажную роль сыграл Сырбай Мауленов и в получении квартиры для Аманжолова, ходатайствуя об этом в Союзе писателей Казахстана. Словом, в самые трудные моменты жизни Касым обращался за помощью к другу и получал ее. Отсюда и его стихи, посвященные Сырбаю Мауленову:

*«Ты словом ободрял меня и взглядом,
И я тебя, Сырбай мой, воспою!
Коль человек такой со мною рядом,
Как вечно мне не длить судьбу свою!
Сырбай мой!
Я и впрямь не перестану
Жить, нашу дружбу светлую ценя.
Мне тяжело сейчас,
Я вновь судьбой обманут,-
И ты в пути не оставляй меня».*

Это стихотворение было написано в 1948 году, когда Аманжо-

лов жил в Алма-Ате на частных квартирах, снимая чужие небольшие углы. В конце концов благодаря хлопотам Сырбая Мауленова, других товарищей-писателей Аманжолов получил квартиру в Алма-Ате, чему радовалась вся его семья – жена Сақыпжамал, мать Айгапша...

Дружил Касым Аманжолов в Алма-Ате с поэтами Хамитом Ергалиевым и Халижаном Бекхожиным. Хамит Ергалиев, тоже участник Великой Отечественной войны, работал в то время заведующим секцией казахской поэзии в аппарате Союза писателей Казахстана и в редакции поэзии Казахского государственного издательства. Он всегда охотно помогал Касыму в подготовке его книг к изданию, давал прекрасные отзывы на его стихи. Он говорил: «Поэзия Аманжолова не кабинетный вымысел, она вся от жизни, от собственных переживаний... У нее большое будущее». Поэт, фронтовик Халижан Бекхожин в 50-е годы был не менее знаменит чем Аманжолов. У него в то время даже книг было выпущено больше, чем у Касыма. Особой популярностью пользовались его сборники стихов «Шествие» (лирика военных лет), «Легенда о батырах», «Под звездами Москвы», «Песня дружбы». Он часто бывал в гостях у Касыма, любил слушать его стихи, подсказывал, как сделать их лучше. В своих беседах с Аманжоловым он советовал ему писать больше лирических стихов, ибо в них раскрывается вся душа поэта. И Касым следовал этому совету, создавая все больше стихов о любви.

Рассказывая о дружбе Аманжолова с поэтами, ветеран юстиции, инвалид Великой Отечественной войны Изгилик Дабаев в своих мемуарах писал: «Эти люди были достойными сынами своего народа, и, как я не раз убеждался, настоящими патриотами».

Особой строкой Изгилик выделил дружбу Аманжолова с классиком казахской литературы Мухтаром Омархановичем Ауэзовым, который высоко ценил поэзию Касыма. В 1949 году поэт - фронтовик, как известно, ездил в составе делегации писателей Казахстана в Москву на декаду литературы. В одном вагоне с ним расположился Мухтар Омарханович Ауэзов. К тому времени он уже был признанным народом жазушы, академиком АН республики. Он был на четырнадцать лет старше Касыма, и тот называл его почтительно «Мухтар-ага». На каждой станции, где останавливался поезд Алма-Ата – Москва, люди, собравшиеся на перроне, желали увидеть Ауэзова. Только что вышел его роман «Абай», и аксакалы протягивали ему новую книгу для автографа. Пионеры вручали ему букеты цветов...

На станции Арысь школьники подарили Мухтару Омархановичу тюльпаны. Они спросили его, кто еще едет с ним в Москву. И тут Мухтар Омарханович подтолкнул Касыма вперед:

- Вот, ребята, чудесный акын Аманжолов. Поздравьте его – он заслужил вашей благодарности...

И море тюльпанов посыпалось на Касыма. Он не знал, как благодарить пионеров.

В Москве поэт ни на один день не расставался с Ауэзовым. Однажды фронтовой побратим Изгилик Дабаев попросил Аманжолова познакомить его с М. Ауэзовым.

- Ничего нет проще, - ответил Касым и позвонил в номер Мухтара Омархановича. На следующий день они встретились в гостинице «Москва». М. Ауэзов долго расспрашивал Изгилика, однополчанина Аманжолова, как они вместе воевали, в каких сражениях участвовали. А затем сказал им обоим:

- Ничего нет выше дружбы! Берегите ее, дорожите ей, как родной матерью... Тем более, что она у Вас уже прошла страшные испытания – войну... Напишите об этом.

Да, их дружба началась на фронте. И, следуя совету М. Ауэзова, Изгилик Дабаев написал об этом в своих мемуарах. Вот что он поведал: «В 1944 году в середине июля в батальон, где я был заместителем командира части, прибыл худошавый, среднего роста, энергичный и, сразу видно, подготовленный, грамотный молодой боец. Это был Касым Аманжолов, казахский поэт, впоследствии удостоенный эпитета выдающийся. Расскажу о том, как он умел заряжать своим оптимизмом и верой в победу окружающих, в частности, на собрании коммунистов дивизии. Начальник политотдела дивизии подполковник Р. Альпин, в прошлом секретарь ЦК Компартии Татарской АССР, сделал доклад «О положении на фронтах войны, о боевой, политической подготовке воинов дивизии». Выступили также Александр Кенов, ленинградец, поэт и писатель, редактор газеты дивизии «В бой за Родину»; И. В. Огурцов, С. Капшаров, М. Сапаргалиев – пулеметчик из Саратовской области.

Настал черед Касыма Аманжолова. Он сказал без лишнего пафоса и в то же время пламенно: «Товарищи, наши воины гибнут, но сражаются упорно, проявляя мужество и отвагу, освобождая нашу страну и Европу от гитлеровской чумы. Сталин не зря утверждал: «Недалек тот день, когда будет праздник на нашей улице.» Мы уничтожим фашистского зверя в его собственной берлоге. Мы победим во имя спасения человечества!» В заключение Аманжолов призвал: «Место коммуниста, политработника – не там, где кипит котел, где каша да чай, а там, где кипит бой: будьте на переднем крае этой борьбы, показывайте пример непоказушного героизма и стойкости!»

Что-то в его речи или интонации было такое, что задело всех за живое – думаю, в этих простых словах звучала живая вера в победу, которая, как хлеб, нужна была солдатам. Зал аплодировал Касыму гораздо более горячо, чем предыдущим ораторам. Кто-то из солдат-коммунистов с галерки крикнул: «Даешь жару, казахский поэт!»

И далее Изгилик Дабаев писал:

«Об Аманжолове у меня осталось приятное впечатление на всю мою долгую жизнь. Это был человек высокого ума и широкого полета, исключительно честный и благородный. Его характеру были свойствен-

ны стойкость, упорство, решительность. В дивизии, в которой мы воевали, он пользовался большим уважением. Сам он всегда вырывался на первые линии сражений. Его, в частности, очень ценил и не раз высоко о нем отзывался начальник политотдела дивизии подполковник Р. Альпин».

Их теплые отношения продолжались и в Алма-Ате. Еще на фронте Аманжолов помогал Изгилику писать заметки в дивизионную газету «В бой за Родину», овладевать серьезно русским языком и литературой.

- А если ты, Изгилик, хочешь научиться писать настоящие стихи, то начинай с чтения Пушкина, Лермонтова, Маяковского - вот у кого чистый алмазный язык!

Еще до войны Аманжолов мастерски перевел на казахский язык стихи и поэмы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Шота Руставели... В апреле 1941 года в Казахстане вышел сборник стихов Владимира Маяковского «Во весь голос» на казахском языке в переводе Аманжолова. Так что фронтовой брат Касым, как называл Аманжолова тепло и образно Изгилик, многому научил его – прежде всего знанию русской литературы, языка, что помогало Дабаеву в создании публицистических работ. Довольно часто он цитировал в своих статьях стихи самого Аманжолова. Восхваляя независимость Казахстана, Изгилик Дабаев к месту привел строки Аманжолова :

*«Безбрежна наша степь, как океан,
Сливается с землею небосвод, -
Зовут мою отчизну – Казахстан,
Здесь вырос я в семье простых декхан,
И вечно буду славить мой народ!»*

*Полвека ты не смог сказать, Абай,
Что у казаха есть отчизна-мать...
Мы обрели в борьбе родимый край,
Хвалу пою тебе, родимый край,
Тебя я вечно буду прославлять!»*

Касым Аманжолов всегда высоко ценил дружбу с людьми, дорожил ею. Влекомый светом поэзии, он не забывал проявлять чувство уважения к своим друзьям-товарищам в своих стихах. Он любил повторять слова Марка Твена: «Дружба – это такое святое, сладостное, прочное и постоянное чувство, что его можно сохранить на всю жизнь». Аманжолов помнил это, и сохранял дружбу с людьми до самой своей кончины. А мы – всегда ли следуем заповеди Касыма Аманжолова – беречь дружбу, что «в боях рождалась»?

Глава тридцать вторая

Букет сирени

Именем видного учителя Казахстана Маулена Газалиева в Караганде названа одна из центральных улиц. В 30-е годы Маулен Газалиевич в числе первых представителей казахской молодежи окончил университет и стал первым казахом – химиком с высшим образованием в Сарыарке.

Однако мало кто знает, что Маулен Газалиевич был участником Великой Отечественной войны, прошел большой боевой путь в составе 70-й армии артиллерии и встретил Великую Победу в Берлине. Он штыком вывел свою фамилию на сером массивном двухэтажном здании рейхстага, и слезы потекли по его впалым щекам. Слезы радости ... Глядя на него, и многие другие солдаты бросились делать автографы на стенах рейхстага.

К сожалению, подробного описания фронтового пути Маулена Газалиевича не сохранилось, хотя он был достойно награжден за свои ратные подвиги двумя орденами Отечественной войны, медалями «За победу над Германией», «За взятие Бреста», «За взятие Варшавы» и другими. А все дело в том, что М.Г.Газалиев был скромным человеком и не афишировал своих заслуг, как это делают сейчас некоторые пенсионеры, даже не чуявшие фронтового пороху, горячей пыли в окопах. Боевые награды Маулен Газалиевич прикалывал к лацкану пиджака только в весьма исключительных случаях – ко Дню Победы, Первомаю, отправляясь на официальные встречи с молодыми, ветеранами.

Он вернулся в родной город из госпиталя инвалидом войны и 55 лет проработал в системе народного образования, вплоть до своей кончины. Подобно Николаю Островскому, преодолевая боль фронтовых ранений, он поднимался рано утром с надеждой на удачный день, брал в руки свой выдавший виды портфель, костыли и шел в родные, распахнутые ему навстречу школы... Он шел, чтобы породить в ребятах, как он говорил, великую любовь к химии, открытиям Менделеева, научить их любить жизнь, творчество. В Караганде хорошо знали его как заведующего горно, потому что на этой должности он так много сделал для города, что карагандинцы до сих пор говорят:

- Это было при Газалиеве. А помните, когда Маулен Газалиевич открывал новую школу...

Да, конечно, горожане хорошо помнят, что при Газалиеве только в 1952 году были построены и сданы в эксплуатацию 24 школы, которые приняли более пяти тысяч учащихся. Он способствовал переходу к обязательному семилетнему образованию, начатому еще до войны, он организовал в городе сеть средних школ рабочей молодежи (их в 1947- 48 годы в Караганде уже было двенадцать!). Кстати, в одной из них № 10 он

сам преподавал химию, был ее бессменным директором на протяжении тридцати лет. Если к этому прибавим, что Маулен Газалиевич двадцать лет работал по совместительству преподавателем химии в Карагандинском медицинском институте, то удивимся, когда же он успевал?

Его ученик, ныне покойный, бывший академик НАН РК, доктор медицинских наук, профессор Габдулла Кулкыбаев говорил мне:

- Да, он везде успевал. Любимой пословицей фронтовика Газалиева была одна: «Хотеть – это мочь». Этим все объясняется. Он очень желал как можно больше сделать для воспитания новой смены, и он смог это сделать. Сегодня учениками Газалиева называют себя десятки достойных ученых, писателей, преподавателей страны.

И Габдулла Кулкыбаев начал считать, - действительно, до сотни дошло! – но я запомнил только самые именитые: это – доктор технических наук, профессор, бывший ректор Карагандинского технического университета Г.Пивень, доктор медицинских наук, ректор Алма-Атинского института усовершенствования врачей А.Алдашев, доктор экономических наук, профессор, директор Института регионального развития А.Алимбаев, академик НАН РК, профессор Б.Ракишев, доктор технических наук Каирсенды Омаров, начальник треста «Казахвзрывпром» Сатпек Сарсекеевич Уайспеков, экс-министр здравоохранения республики, директор института питания Торегельды Шарманович Шарманов и многие другие.

Но, пожалуй, один из самых сильных воспитанников М. Г. Газалиева – это его собственный сын Арстан Мауленович Газалиев, доктор химических наук, профессор, действительный член Нью-Йорской академии наук, академик НАН РК, лауреат Госпремии Казахстана. Человек творческий, целеустремленный, Арстан Мауленович уже в сорок лет защищает докторскую диссертацию на тему «Синтез, строение и биологическая активность некоторых фосфорсодержащих производных алкалоидов». Работая в стенах Института органического синтеза и углехимии, он создает ряд высокоэффективных лекарств по борьбе с различными болезнями животных, в том числе знаменитый ветеринарный препарат – линимент «Антилишай». Он создал в Караганде свою научную школу, подготовил трех докторов, 30 кандидатов наук.

Передал отец сыну и крупные организаторские способности, умение видеть перспективу. Не зря Арстан Мауленович стал первым помощником академика Зейнуллы Мулдахметовича Мулдахметова в деле создания крупнейшего в республике Казахстанско-Российского университета с использованием дистанционной системы обучения. Во время презентации нового учебного комплекса КРУ 10 июня 2003 года в Астане Президент РК Нурсултан Абишевич Назарбаев отметил, что этот университет «являет собой новое слово в образовании». И далее: «Он уникален тем, что использует новые информационные технологии... Университет связан с Московской СГА и Кембриджским университетом, имеет неограниченный доступ к библиотекам и собственный сервер».

Ныне Арстан Мауленович Газалиев – ректор Карагандинского государственного технического университета, много делает для развития инноваций в области, воспитания достойной смены инженеров, ученых.

Гордился Маулен Газалиевич и своей дочерью Шолпан. Она тоже выросла человеком ищущим, желающим служить людям, нашему родному Отечеству. Достаточно напомнить, что она тоже в сорок лет защитила докторскую диссертацию. Только в отличие от брата она избрала иную стезю – медицину. И, надо сказать, преуспела на этом поприще. Окончив Карагандинский медицинский Институт по лечебному делу, она сосредоточила все свои усилия на проблемах магнитотерапии в комплексном лечении висцеротрофических расстройств у больных с травмами спинного мозга. И в 1993 году стала по этой теме доктором медицинских наук. Хорошо знают ее карагандинцы и как председателя областного ВТЭК. Многим больным она помогла и словом, и делом, ставя их на ноги, возвращая к жизни.

Вот таких знаменитых людей воспитал бывший фронтовик Маулен Газалиев, человек щедрого сердца. Как только я написал эту фразу, сразу вспомнил беседы с еще одним интересным человеком – доктором технических наук, профессором Валерием Михайловичем Плотниковым. Я познакомился с ним в санатории «Жартас». Оказывается, он читал мою книгу «Звезды Гулага» – о выдающихся заключенных сталинских лагерей в Казахстане.

- Книга мне понравилась, - сказал он. – И если вы будете ее переиздавать, то включите в нее и рассказ о Маулене Газалиеве.

- Но ведь он не попадал под репрессии, - удивился я.

- Не попадал, верно! – воскликнул Плотников и глаза его хитро блеснули под темными стеклами очков. – Но он помогал политическим энкам и ссыльным...

- Каким образом? – опять удивился я.

- Он всех их устраивал на работу, - торжественно сказал Плотников. – И, представьте себе, это он делал в сталинские жестокие времена. Ведь за это мог запросто поплатиться жизнью или полететь с кресла заведующего горно!

Когда я стал разбираться, что к чему, то выяснил, что, действительно, Газалиев, рискуя быть освобожденным от должности, устраивал на работу в средние школы бывших эков и ссыльных. И правильно делал! Ведь в большинстве своем это были высокообразованные, неординарные люди, свет и ум нашей Родины – СССР. Так, в средней школе № 17, которая располагалась в Старом городе в районе Центральной электрической станции, математику преподавал ссыльный профессор Минского университета П.А.Зарембо. А русский язык и литературу в этой школе вела его супруга, бывший редактор газеты «Красная Беларусь» Н.А.Яновская. Помнил Валерий Михайлович Плотников и ссыльных учителей: жену бывшего советского дипломата в Японии

М.С.Сидорину, библиотекаря И.В.Коченовского, преподавателя немецкого языка Г.Г.Функ.

Школа № 17 была показательной во многих отношениях. По совету Маулена Газалиева в ней регулярно проводили открытые уроки математики П.А.Зарембо. На них в обязательном порядке присутствовали все учителя города. Газалиеву хотелось, чтобы опыт работы П.А.Зарембо с учениками стал достоянием всех, чтобы все могли, как он, готовить отличных математиков. А библиотекарь И.В.Коченовский? Он ведь что придумал? Каждый читатель школьной библиотеки должен был написать отзыв о выданной ему книге, только тогда он получал новую. И это толкало ребят на глубокие размышления о прочитанном, дружило их с самым ценным капиталом на земле – литературой. И этот опыт работы Коченовского с читателями стали применять в других школах. Жаль, что о нем забыли в наши времена. Книги в библиотеках ребятам выдают, а вот что полезного они почерпнули из каждой для себя, не интересуются. Так многие наши хлопцы и девчата вообще книг не читают! Полистают – полистают для приличия, и с рук долой!

О щедром сердце Маулена Газалиева можно рассказывать до бесконечности. Преподаватель физики университета, доцент Болат Сагуович Какенов учился в школе-интернате №2, где долгое время директорствовал М.Г.Газалиев. Так он сказал мне, что в Маулене Газалиевиче дети души не чаяли... И забросал меня примерами его отзывчивости, обходительности, уважения к людям, сочувствия. Вот один такой особо запомнился. Работала в интернате поваром женщина – мать четверых детей. И комиссия из профкома ее уличила в том, что ворует продукты, не вкладывает их полностью в борщи. И ее надо было уволить! Пришли к Газалиеву, доложили, а он молчит. Наконец, спросил у членов комиссии:

- Дома у нее были?

Пошли к ней на квартиру, а там четверо детей. Стоят у окна, - голодные, оборванные, мать дожидаются с работы – может, кусок хлеба принесет?

У председателя комиссии слезы на глаза навернулись. Пришел в кабинет к Газалиеву и говорит:

- Верни мне акт или сам порви. Давай беседой с ней ограничимся. Может, материальную помощь окажем?

Так и сделали. Позже эта женщина пришла с детьми прямо в кабинет к Газалиеву, молча букет сирени ему на стол положила...

Годы идут быстро, стареют наши фронтовики, умирают... И мы ничего не можем поделать с этим, никто никогда еще не уходил от смерти. Но пусть из поколения в поколение передаются те нравственные ценности, которыми были так богаты наши отцы и деды. Неужели мы никогда не победим мрак, жадность, стяжательство, хамство, хулиганство и разбой? Должны победить! Поручкой тому - нравственные устои наших отцов – фронтовиков.

Глава тридцать третья

«За Москву стоял насмерть!»

Я разыскал дом пенсионера, полковника в отставке Сабиргали Кусеновича Кусенова. Он – старожил Караганды, кавалер ордена Отечественной войны I степени, трех орденов Красной Звезды, медалей «За оборону Москвы», «За боевые заслуги» и других. Ему скоро исполнится 100 лет, он давно на пенсии, но память его удивительно крепка, а взгляд из-под бровей чист и ясен, приветлив и дружелюбен.

Так вот Сабиргали Кусенов был призван в ряды Красной Армии в октябре 1939 года, служил рядовым красноармейцем в 152 корпусном тяжелом артиллерийском полку 3 армии Западного особого военного округа. Как началась война с фашистами, его перевели в 518 зенитный артполк, а спустя четыре месяца – в отдельный истребительно-противотанковый артдивизион 57-миллиметровых пушек 21 стрелковой бригады уже в качестве командира орудия.

Первое боевое крещение он получил под Могилевом. Четыре пехотные дивизии фашистов с танками, полк «Великая Германия» и другие немецкие части наступали на этот город. Но советские войска упрямо держали круговую оборону. Около 45 тысяч жителей Могилева строили оборонительные сооружения...

- Две недели мы отбивали атаки врага, но вынуждены были отступить, - с горечью рассказывал ветеран. - А затем - Смоленск. И опять – неудача. Наши части не смогли сдержать натиск немецкой армии, и танковые соединения ворвались в город. Говорят, Сталин был вне себя, кричал: «За Смоленск стоять насмерть!». И бои в районе Смоленска стали более ожесточенными, донельзя кровавыми. Красноармейцы боролись за каждый дом, каждую улицу, каждый населенный пункт, не раз переходили в атаки, отбрасывая немцев за околицу города. По признанию немецких генералов, в Смоленском сражении гитлеровцы потеряли 250 тысяч солдат и офицеров. Под Смоленском родилась советская гвардия. Здесь 14 июля 1941 года в боях под Оршей батарея капитана И. А. Флерова впервые применила установки реактивных минометов - знаменитые «Катюши». И здесь фашисты впервые дрогнули, здесь впервые колебалась их вера в быстрое покорение Москвы. И наоборот – советские солдаты утвердились в своих силах, уверовали, что гитлеровский шан «Тайфун» не что иное как очередная утка, блеф геббельсовской пропаганды.

Среди солдат выросло доверие к своим военачальникам Жукову, Рокоссовскому, Коневу, Василевскому. Именно в те тяжелые для страны времена все советские люди повторяли слова Сталина: «Противник будет бит по всему фронту».

И наш рядовой Сабиргали Кусенов на своей зенитке, сбивая очередной фашистский самолет и наблюдая, как он падает на белую от снега землю, кричал во всю глотку: «Да здравствует товарищ Сталин! «

Авторитет Иосифа Виссарионовича в то кипучее, тревожное время был высок и неотъемлем, утверждает Сабиргали Кусенов. Конечно, вождь был жесток и страшен. Еще в начале войны он учинил суд над командованием Западного фронта, допустившем провалы в обороне и отступление войск. Сабиргали до сих пор помнит текст приказа Сталина: «Бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Д. Павлова, бывшего начальника штаба Западного фронта В. Климовских, бывшего начальника связи Западного фронта А. Григорьева, виновных в проявлении трусости, бездействии, нераспорядительности, сознательном развале управления войск... расстрелять».

И расстреляли! Чтобы другим генералам не было повадно бездействовать, чтобы безропотно подчинялись Верховному Главнокомандующему. Страх охватил всех генералов, командиров, но бездумная неразбериха в отступающих войсках кончилась. Отступать стали организованно, огрызаясь до последнего патрона, последнего снаряда. Один немецкий генерал позже напишет о воинах Сталина: « Даже будучи окруженными, они не отступали от своих рубежей».

Гитлер уже готовился к параду в столице СССР да не тут-то было... «Москву не сдадим!» - коротко и непоколебимо сказал Сталин. И провел в Москве празднование годовщины Октябрьской революции с традиционным военным парадом на Красной площади. Командовал парадом командант Кремля Артемьев, а принял – маршал Буденный.

Сталин тогда произнес свою знаменитую речь на Мавзолее перед войсками, в которой впервые вспомнил великих русских полководцев Александра Невского, Суворова и Кутузова. Именно после этой речи в его рабочем кабинете появились портреты этих победоносных военачальников. Отныне они красовались на стене рядом с портретами Маркса, Энгельса, Ленина.

Дух Александра Невского, Суворова и Кутузова стал витать не только в кабинете Сталина, но и в войсках. Он делал их бесстрашными. Двадцать километров оставалось фашистам до Москвы, но солдаты Гитлера не смогли их преодолеть. Офицеры разведывательного батальона немецких войск уже рассматривали в бинокли российскую столицу с моста в Химках, но, как говорится, близок локоть да не укусишь. Сталин - великий стратег войны, он сосредоточил за Москвой мощный кулак сибирских и дальневосточных войск. И держал его до самой последней критической отметки, не давая Жукову ни одного батальона, ни одного взвода. И вот, когда, наконец, враг стал выдыхаться, Сталин вовлек эти войска в действие.

И особенно сильно показали себя в битве за Москву прибывшие из Владивостока моряки Тихоокеанской бригады морской пехоты.

- Немцы называли их головорезами,- говорил Сабиргали Кусенов. -

Они шли на врага, побросав шинели в снег, в тельняшках и бескозырках, уничтожая танки бутылками с зажигательной смесью и добивая сопротивляющихся танкистов и пехотинцев окровавленными штыками. Только от их слов: «Полундра, вперед!» немцам становилось плохо, они падали на дно траншей и окопов с поднятыми вверх руками.

В боях за Москву сильную артподготовку советским наступающим войскам оказывал и взвод Кусенова. На его счету немало подбитых танков и разрушенных дзотов врага.

Сотни карагандинцев доблестно сражались за Москву. О многих из них я писал в своей книге «Люди Победы», с особой любовью и подробно отмечал ратные подвиги на полях Подмосковья почетных граждан Караганды Тишпека Аханова, Степана Григорьевича Косенко, кавалера орденов Славы Камали Жуматаевича Дюсембекова, Анатолия Алексеевича Кудрявцева... К сожалению, не все они дожили до сегодняшнего Дня Победы. Не стало Аханова, Косенко... Но Кусенов хорошо помнит о казахстанских ветеранах, участвовавших в Великой битве, и говорит о них самые добрые слова за то, что зло били фашистского гада под Москвой.

Сам Сабиргали Кусенович в боях за освобождение Родины дошел до Смоленска, Орши, Риги.

День Победы Сабиргали Кусенович встретил в звании старшего лейтенанта. Его грудь украсили ордена и медали. После войны он служил в артиллерийских подразделениях в Жаркенте, Ашхабаде, в ГДР. Демобилизовавшись в октябре 1946 года, поступил на службу в пожарную охрану, которой отдал более сорока лет своей жизни.

Сабиргали Кусенович говорил мне:

- Я счастливый человек. Пройдя через все испытания войны с первого до последнего дня, живым вернулся домой к семье. У меня в трудовой книжке одна запись о работе: служил непрерывно 29 лет в воензированной и 11 лет в профессиональной пожарной охране УПО УВД Карагандинской области. Мне очень дорого отношение ко мне моего коллектива. Я благодарен судьбе, что встретил в жизни таких замечательных людей, поддерживаю связь со своими коллегами. Они не забывают обо мне, уделяют постоянное внимание, приглашают на торжества, откликаются на все мои просьбы.

В мирное время в моей судьбе произошли два незабываемых события.

В год 60-летия Великой Победы меня в числе других ветеранов пригласили на прием к Министру по чрезвычайным ситуациям Республики Казахстан в Астану. Тогда эту должность занимал Копеев Мухамбет, ныне сенатор верхней Палаты Парламента Республики Казахстан. В этой встрече принимали участие дважды Герой Советского Союза, фронтовик, летчик Талгат Бегельдинов и наш земляк, первый космонавт республики, Герой Советского Союза Тохтар Аубакиров. Вместе мы посещали достопримечательности молодой столицы, побывали на Байте-

реке и «поздоровались за руку» с Президентом страны Н.А. Назарбаевым.

В год 65-летия битвы под Москвой в начале декабря 2006 года тогдашний губернатор Московской области, Герой Советского Союза Б.В. Громов пригласил 30 казахстанцев, участников обороны Москвы на празднование юбилея - битвы за Москву. Из Караганды поехало трое участников Великой Отечественной войны, в том числе и я.

Все в столице России в эти дни дышало заботой о ветеранах, о приглашенных гостях. Делегации разместились в пансионате города Клязьма. В программе празднования было посещение 42-го километра Волоколамского шоссе, где установлен мемориал сибирякам 78-ой стрелковой дивизии под командованием полковника Афанасия Белобородова, остановивших немецкие орды на самом опасном северо-западном направлении. В Ленино-Снегиревском музее, где выставлена экспозиция военной техники, встречались с молодежью. На Поклонной горе я долго обходил музейные экспонаты и стоял, склонив седую голову у орудий и минометов, с которыми прошел всю войну. Самыми дорогими из них мне были 57-ми миллиметровая пушка и снаряды к ней, новейшее противотанковое вооружение, которым снабдили наш артиллерийский дивизион 21 стрелковой бригады. С этими пушками мы вступили в бой в ходе контрнаступления под Москвой.

На приеме, организованном от имени губернатора Московской области, нас приветствовали члены правительства Москвы, депутаты Государственной Думы, представители церкви и ветеранских организаций. Казахской делегации уделялось особое внимание. В памяти москвичей незабвенным останется подвиг 316-ой стрелковой дивизии генерала Панфилова, которая была удостоена за оборону Москвы звания 8-ой Гвардейской. Подвиг 28-ми героев-панфиловцев, стоявших насмерть на подступах к столице, навсегда останется в памяти благодарного русского народа как символ дружбы и единства всех, кто защищал Москву. В числе тех, кто воевал и навечно остался на поле брани - тысячи казахстанцев, среди которых были и наши земляки - карагандинцы. Их имена навечно занесены в Книгу Памяти обороны Москвы.

Я словно окупился в годы своей боевой юности, в те далекие сороковые, когда впервые был разрушен миф о непобедимости армии вермахта. Подвиг Советской Армии в боях с фашизмом навсегда останется в памяти народов.

Я слушал Сабиргали Кусеновича и думал о том, что великую Победу обеспечивали именно такие воины как он. И захотелось низко до земли поклониться этому мужественному скромному человеку за его большие ратные и трудовые подвиги.

Глава тридцать четвертая

Заветам отца верна

Когда я задаю себе вопрос, каким должен быть член партии «Нур Отан», то всегда вижу перед собой никогда не унывающую Сару Сабировну Яхину с ее обаятельной улыбкой и приветливыми глазами. Она была, наверное, единственной из партийной элиты нашей области, кто постоянно проявлял интерес к литераторам Караганды и вовлекал их в общественно-политическую жизнь города. Не счесть, пожалуй, сколько раз Сара Сабировна организовывала для нас в библиотеках и школах литературные вечера, встречи с читателями, презентации книг и даже конференции...

Каждый раз, когда я приходил в апартаменты партии, чтобы почитать свежий номер республиканской газеты «Страна и мир», Сара Сабировна непременно спрашивала меня: «Как ваше настроение? Что нового пишете?». Однажды я не выдержал и сказал: «Настроение неважное. Писать? Зачем? Для кого? Книг давно никто не читает».

- Да как же так? – забеспокоилась Сара Сабировна и вдруг предложила мне. – Давайте вместе с нами в Долинский музей памяти жертв политических репрессий съездим, новые крылья обретете...

Эта памятная поездка в Долинку вместе с учителями и учащимися средней школы №13 позволила мне пересмотреть свою точку зрения, убедившись в том, что не все еще люди потеряли интерес к местной литературе... В Долинке на стенде «Литература о Карлаге» экскурсанты увидели мои книги «Звезды Гулага», «Черные розы маршала», и учительница истории Татьяна Петровна Иванова сразу предложила мне провести в их школе творческую встречу под девизом «Память о них жива». Сейчас я не помню всех подробностей той встречи, но уходил я из школы с твердой убежденностью в том, что мы, писатели, еще нужны людям, а мой творческий поиск новых имен великих узников Карлага надо продолжать...

Безусловно, Сара Сабировна Яхина, тогдашний первый заместитель председателя партии «Нур Отан» Октябрьского района Караганды, сыграла немалую роль в моей творческой судьбе, вдохновляя меня на новые литературные подвиги. Действенно поддержала она меня и во время создания книги «Наш Назарбаев», предоставив мне ряд сочинений школьников о Нурсултане Абишевиче, познакомив с ветеранами труда, которые работали бок-о-бок с будущим Президентом в Темиртау и Караганде. А когда книга «Наш Назарбаев» вышла в свет, Сара Сабировна провела презентацию этой книги в областном офисе партии «Нур Отан».

Так душевно и с пользой для общего дела Сара Сабировна работала и с другими литераторами города, помогая им в проведении необходи-

мых для них мероприятий, поддерживая их морально. Вспоминаю, она первой организовала презентацию коллективного сборника стихов поэтов области «Сквозь наслоенья лет» в городской библиотеке имени Мухтара Ауэзова. На нее пригласили тонкого знатока литературы, старейшего узника Карлага, поэта Андрея Антоновича Озеровского. Было ему уже 95 лет, но он хорошо помнил встречи с Борисом Пастернаком, Владимиром Маяковским... Еще больше Андрей Антонович удивил всех тем, что наизусть читал стихи из сборника «Сквозь наслоенья лет».

Когда Сара Сабировна объявила, что Андрей Антонович вступил в ряды партии «Нур Отан», Озеровский подтвердил это, высоко подняв партийный билет.

- Я никогда не верил Коммунистической партии СССР; - сказал Андрей Антонович. – Я никогда не верил Ленину, Сталину, вообще, большевикам, которые создали тоталитарное государство. Но я верю Нурсултану Абишевичу Назарбаеву, ибо с его подачи в нашей республике началась реабилитация невинно осужденных людей, ожили демократия и свобода. Я впервые почувствовал себя настоящим человеком, и буду жить дальше, несмотря на бывший Карлаг и тяжелые десять лет изнурительного труда за колючей проволокой.

Оформляла в партию «Нур Отан» А.А. Озеровского Сара Сабировна. Она всегда поддерживала тех, кто становился приверженцем политики Назарбаева, признавал Программу и Устав партии «Нур Отан». Таких подопечных у нее набрались сотни.

Мне думается, этих фактов достаточно для того, чтобы понять, что Сара Сабировна из той когорты современных партийных работников, которые беззаветно служат людям. Все это у нее, видимо, от отца - участника Великой Отечественной войны, полковника в отставке Сабиргали Кусеновича Кусенова. Он отличился в боях за освобождение Москвы, Смоленска, Орши, Риги, награжден орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За отвагу» и другими.

Так вот Сабиргали Кусенович Кусенов с детства говорил дочери: «Живи по чести, живи для людей...» И эти слова отца стали для нее путеводными.

Чтобы поступить в Карагандинский политехнический институт, стать горным инженером-технологом, она после окончания средней школы №3 в Караганде устроилась работать на Сабурханскую обогатительную фабрику учеником лаборанта. Набрала необходимый стаж – подала документы в вуз. В то время политехнический институт возглавлял Герой Социалистического Труда, академик НАН Абылкас Сагинович Сагинов, и он уделял большое внимание политическому и нравственному воспитанию будущих специалистов, культуре их мышления и поведения. В студенческие годы за общественную жилку, ораторское мастерство избрали Сару депутатом областного Совета депутатов трудящихся, делегатом 16 съезда ВЛКСМ. В партию тоже в институте всту-

пила, вместе с дипломом и партийный билет получила. Затем работала мастером на обогатительной фабрике шахты имени 50-летия Октябрьской революции. Тут избрали ее секретарем комсомольской организации предприятия. А затем направили работать в обком комсомола, избирали вторым секретарем Кировского райкома комсомола, первым секретарем Октябрьского райкома комсомола... Так началась карьера будущего партийного работника Сары Сабировны Яхиной (девичья - Кусенова). Вскоре ее избрали заместителем секретаря парткома производственного объединения «Каргормаш». Ее энергии в то время можно было только позавидовать – во-всю заработали близлежащие агитплощадки, агитколлективы в цехах предприятия... Впервые в городе она провела праздник улицы имени Нуркена Абдирова, на который пригласила автора книги об отважном летчике «Пике в бессмертие» Григория Якимова. Он так взволнованно, убедительно говорил о подвиге Нуркена Абдирова, что аплодисменты жителей улицы долго не смолкали. Тогда Сара Сабировна подумала: а почему партийные работники не приглашают писателей на свои мероприятия? Ведь это несправедливо – пишущий человек много знает, ему есть что сказать людям и сказать выразительно, эмоционально, доходчиво, до каждого сердца дойти...

Да, сохранился у властей еще страх перед писателями, посеянный в свое время Сталиным и Берией. Как бы не то сказал, как бы не так выразился, надо по писаному, а он говорит как попало, как душе угодно.

С тех пор Сара Сабировна дала себе слово: дружить с писателями, вовлекать их в духовную сферу своей деятельности. Писателей и обязательно ветеранов труда, участников Великой Отечественной войны... О них ведь тоже редко вспоминают власть придержащие, только в дни празднования Великой Победы и напрасно.

Вскоре обком партии считал нужным перевести С.С. Яхину (Кусенову) на Карагайлинский горно-обогатительный комбинат. Там ее избрали секретарем парткома. Вначале отнеслись к ней коммунисты с недоверием, сможет ли... Но вскоре раскрылась ее любовь к людям, партийным делам. Впервые за кои-то годы провела она здесь вечер чествования ветеранов войны и труда. А чтобы этот вечер запомнился им на всю жизнь, поехала сама в Караганду в совхоз имени Энгельса в теплицу за цветами. И все удивились: в начале мая ветераны ГОКа получили живые цветы - гвоздики. Отродясь такого не было...

С печалью в глазах провожали ее труженики ГОКа на новое место работы – секретарем райкома партии в Талдинский район. И тут на ее счет немало партийных побед положено. Она многое сделала, например, для создания новых рабочих мест для женщин района, организовав для них швейные мастерские, электрифицировала отдаленные села и кошары.

Позже этот опыт работы в Талдинском районе (в 1988 году его ликвидировали, присоединив к Каркаралинскому) Саре Сабировне пригодится, когда ее вернут в Караганду, избирают заместителем председателя

Кировского райисполкома. И тут она немало делает для людей, развернув строительство жилья хозспособом, организовав бойкую торговлю овощами и фруктами для населения... Ее район будет шефом многих добрых дел в сельских Егиндыбулакском и Каркаралинском районах, построив там новые кошары, протянув линии электропередач в глубинку.

В партию «Нур Отан» Сара Сабировна пришла опытным партийным и советским работником. Она свои взаимоотношения с людьми строила на большом доверии к ним, уважении к каждой личности. Можно смело сказать, что на партийной работе в «Нур Отане» во - всю раскрылся ее талант организатора, воспитателя, оратора и активного проводника идей Н.А. Назарбаева.

Опираясь на активистов, она создала десятки новых партийных первичных организаций, многое сделала для пропаганды произведений Н.А. Назарбаева, возвеличивания людей труда. Всегда были готовы откликнуться на ее первый зов добрые ее помощники, члены партии «Нур Отан», учителя Лидия Сергеевна Липко, Зоя Николаевна Моница, заведующая филиалом городской библиотеки в Тихоновке Любовь Тимофеевна Липинская, педагоги Раиса Васильевна Мещерякова, Эвелина Михайловна Цой, работник ДК железнодорожников Ирина Аркадьевна Степанова, предприниматель Ольга Ивановна Буздалина... Довольно часто к организации различных мероприятий она привлекала поэтов, литераторов Иосифа Брейдо, Ирину Варыгину, Татьяну Еремину, Ирину Воробьеву... Читателям запомнились проведенные ею вечера, посвященные Евнею Арстановичу Букетову, Каньшу Имантаевичу Сатпаеву, Момышулы, Мартбеку Мамраеву, афганцам.

Она впервые провела в Караганде встречу двух поколений, добрый след от которой навсегда остался в сердцах людей. Ветеран труда, участник Великой Отечественной войны Вацлав Викентьевич Шедловский мне говорил:

- За что бы ни взялась Сара Сабировна, всякое дело у нее спорится. Потому что она любит людей, идет к ним с раскрытой душой и сердцем...

Коллега Сары Сабировны по партийной работе Надежда Васильевна Семенчук 14 мая 2009 года опубликовала в областной газете «Индустриальная Караганда» статью о С.С. Яхиной «У великодушия границ не бывает». В ней она пишет: «Меня не раз поражала ее воистину дочерняя забота о стариках, ветеранах войны. Одному бригаду направит крышу починить, другому санаторную путевку раздобудет, третьему документы поможет оформить».

И далее Семенчук приводит такой пример. Ее отец, участник ВОВ Василий Кириллович Семенчук приехал в Караганду из сельского района. Чтобы орденосеи не оставался в праздники без внимания общественности, совет ветеранов закрепил его за крупным супермаркетом. Однако шефы окружать заботой бывшего воина не торопились. Узнав, что в юбилей Сталинградской битвы ее участник не получил даже от-

крытки, Сара Сабировна сама написала ему теплое благодарственное письмо, вложила в конверт часть личных сбережений и отправила адресату от имени... того самого супермаркета. Разве мог подумать пожилой человек, что женщина со скромным достатком и есть тот «преуспевающий бизнесмен», щедрость которого он не раз благословлял.

К сожалению, щедрых на благородные поступки людей становится с каждым днем все меньше. Вот и Сару Сабировну недавно проводили на пенсию. Будет ли ей замена? Наверяд ли.

Глава тридцать пятая

Летописец Сейфуллина

С Жаиком Кагеновичем Бектуровым я встречался неоднократно, и всякий раз он производил на меня впечатление высокообразованного человека, который не чуждается общения с людьми, к какому бы сословию они не принадлежали. Поражали его умные, чуть печальные глаза, быстрый все понимающий взгляд.

Однажды я лежал в больнице партактива, а в соседней палате лежал Бектуров. Он мне не жаловался на болезни, как это делают почти все постаревшие люди. Он просто произнес:

- Все это от сталинских лагерей.

Я уже знал, что молодые годы Бектурова как раз пришлись на время репрессий. Не обошли стороной сталинские палачи и Жаика Кагеновича, обвинив его в национализме, хотя более интернационального человека я не встречал в жизни. Дружелюбие, приязнь к людям разных национальностей – все это сквозило в каждом его слове, в каждом движении его лица и теплом пожатии рук. Он похвалил меня за документальную повесть «Выстрел Александра Фадеева» о самоубийстве писателя, и посоветовал мне продолжить творческий поиск по темам сталинизма. Сам он как раз работал в то время над повестью «Последние дни Сакена», и рассказал мне много нового, интересного о его супруге Гульбахрам Батырбековой, с которой он несколько раз встречался в Алма-Ате и Караганде. Она тоже попала в число «врагов народа», но только как ЧСИР (член семьи изменников Родины), отбывала свой срок в Алжире (Акмолинском лагере жен изменников Родины). Она сохранила верность Сакену Сейфуллину до конца своей жизни, немало сделала для его реабилитации и популяризации. Так что в повести «Последние дни Сакена» два героя: писатель Сейфуллин и его супруга Гульбахрам, объединенные большой дружбой и любовью.

Жаику Кагеновичу легко было писать книги и статьи о сталинских репрессиях, ибо он сам пережил их. В 1942 году он был арестован по ложному обвинению НКВД и приговорен к 10 годам лишения свободы. Отбывал он свой срок в самом жестоком сталинском лагере – Ивдельлаге, где работал даже на лесоповале. О сталинских репрессиях он опубликовал роман «Танба», в котором раскрыл всю жестокость и тупость следователей того времени, палачей Сталина.

Как – то мы вместе отдыхали на скамейке в сквере больницы, после лечебных процедур, и я спросил у Бектурова, встречал ли он небезызвестного любимца Сталина Берию? Бектуров ответил, что видеть ему черного Маршала не приходилось. А вот ближайший друг и соратник Берии, нарком внутренних дел Казахской ССР Н.К. Богданов несколько раз сам допрашивал Бектурова. Чекист - палач отличился еще в Ленин-

градской области тем, что лично расстреливал ни в чем не повинных рабочих и колхозников, фальсифицируя на них дела как на врагов народа. И в Казахстане Богданов «не подвел» - он создал громкое дело о «националистах», по которому необоснованно было арестовано 130 советских и партийных работников. Но этого ему показалось мало, и он привлек к черному делу еще 500 человек, в том числе известного нам Бектурова, в то время работавшего редактором дивизионной газеты.

Жаик Кагенович рассказал мне, что Богданов был прямо-таки копией Берии в смысле стиля поведения и действий. В отношениях с людьми он отличался высокомерием и стремлением сделать им зло. На допросах Богданов говорил Бектурову, что сотрет его в порошок, что если он не признает себя виновным, то его люди составят акт о собачьей смерти Жаика, и бросят в яму, которая зарастет бурьяном. Так что никто даже не узнает, где он похоронен. Эти слова повторяли все следователи, которые вели дело писателя.

Садистские замашки Богданова, видимо, хорошо одобрялись Берией, потому что в 1946 году тот был назначен заместителем Министра внутренних дел СССР. И опять по указанию Берии расстреливал, вешал, травил, отправлял в особлагеря талантливых и честных людей. В общем, скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты...

Жаик Кагенович радовался тому, что в моем лице нашел единомышленника, что я тоже заинтересовался лагерной темой. При встречах со мной на бульваре Мира или в областной администрации он всякий раз спрашивал, над чем работаю, что пишу...

Жаик Кагенович проявлял живейший интерес к каждому литератору области, ведь он одно время был ответственным секретарем, затем – председателем Карагандинского межобластного отделения Союза писателей Казахстана. Он ревниво следил за творчеством членов литературных объединений «Магнит» в Темиртау и «Слиток» в Джезказгане. Когда я ему сказал, что на заседаниях «Слитка» молодые поэты изучают сейчас творчество Какимбека Салыкова, он поддержал эту акцию.

- Какимбек – прекрасный поэт и человек,- сказал он. – Его сборник стихов «Медная лань» от Бога...

Почти обо всех писателях Сарыарки Жаик Кагенович отзывался тепло и сердечно. Он дружил с такими прозаиками и поэтами как Евней Букетов, Амен Азиев, Михаил Балыкин... Вместе с ними он выезжал на стройки Казахской Магнитки, а затем писал взволнованные статьи о первостроителях Темиртау и металлургах. Он подсказал Балыкину идею создания поэмы о молодых строителях «Казметаллургстроя»...

Жаик Кагенович несколько раз встречался с Касымом Аманжоловым, с большим уважением отзывался о его творчестве, постоянно хвалил его поэму «Мартбек», посвященную Герою Советского Союза, карагандинскому шахтеру М.Мамраеву. В 1985 году в издательстве «Жазуши» вышел коллективный сборник стихов «Песни о тебе, Караганда». Одним из его составителей был Жаик Кагенович Бектуров. Он предложил включить в этот сборник стихотворение Касыма Аманжолова

«Акын и шахтер», опубликованное в 1948 году в переводе с казахского языка на русский Ильей Сельвинским, что и было сделано. А содержание стихотворения таково: шахтер обращается к поэту с призывом шагать с ним рядом, в ногу, прославлять его труд под землей. И поэт вторит этому призыву:

*«Шахтер, ты прав...
Когда народ идет вперед,
То впереди поэты!
Их долг прямой
Идти в забой
Для боевой Победы».*

Не правда ли, это стихотворение Касыма Аманжолова актуально и сегодня, когда музы молчат, не поднимая на пьедестал славы в поэмах и стихах героев сегодняшнего дня – горняков и металлургов?

Жаик Кагенович Бектуров мне говорил:

- По сути, стихотворение Касыма Аманжолова «Акын и шахтер» стало заглавным в том сборнике. Касым как бы повел за собой целую плеяду поэтов, объединив их темой шахтерского труда...

Ж.К. Бектуров гордился тем, что ему доверили подготовку к выпуску большой поэтической книги, посвященной Караганде и ее труженикам. Сейчас уже стали забывать, что в 1984 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Караганда в год своего 50-летия была награждена орденом Трудового Красного Знамени за заслуги трудящихся города в социалистическом строительстве, их большую роль в индустриализации страны и значительный вклад в обеспечение разгрома немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне. В связи с этим событием и был осуществлен выпуск коллективного сборника стихов «Песни о тебе, Караганда».

По предложению Бектурова в коллективный сборник поэзии были включены стихи о шахтерах не только Аманжолова, но и других его любимых поэтов Жубана Молдагалиева, Михаила Львова, Алексея Брагина, Абдуллы Салехова, Любви Шашковой... Мне думается, эту давно забытую книгу не мешало бы переиздать, ведь на полках книжных магазинов да и библиотек давно нет литературы о Караганде, нашем крае, тем более стихов.

Я запомнил Жаика Кагеновича Бектурова как писателя старшего поколения, который заботился о воспитании молодой литературной смены, до конца дней своих не выпускал из рук пера. Мы благодарны ему за создание мужественного образа Сакена Сейфуллина, его побратимов, погибших от рук сталинских палачей, за исторические очерки о Ш. Валиханове, Алтынсарине, Достоевском, Г. Потанине...

Я на всю жизнь сохранил добрую память о незабываемых встречах с Жаиком Кагеновичем, его обаятельной улыбке и теплом пожатия рук.

Глава тридцать шестая

Исповедь сердца

Кажется, ее поэзия вобрала в себя весь этот многообразный мир. Она любит его нежно и лирично, прежде всего, отражая в нем Красоту: красоту полей и лесов, красоту дальних дорог и высоких сопков, красоту души человека и всего, что он создает.

В этом я убедился, прочитав только вышедшую книгу стихов Татьяны Ромашихиной – Кравцовой «Дороги, которыми шла», изданную в типографии «Гласир» в Караганде. Каждое стихотворение в этом сборнике, чувствуется, выстрадано душой и сердцем, согрето высокими чувствами любви поэтессы к родной земле – Казахстану, его людям. Она стремится не повторять известных поэтов, а идет своей, только ей известной дорогой к счастью творчества и вдохновения.

Еще Петр Ильич Чайковский в свое время говорил, что «вдохновение – гостья, которая не любит посещать ленивых». По стихам видно, что Татьяна Федоровна Ромашихина – Кравцова трудолюбива, усердно работает над каждой строкой, каждой строфой. Она хорошо посвящена в секреты делания стихов, настойчиво изучает богатство русского языка и литературы.

В свое время я неоднократно бывал в политехническом колледже города Темиртау, и слышал много добрых слов о преподавателе русского языка и литературы Татьяне Федоровне Ромашихиной – Кравцовой. Она - де так проводит уроки о Пушкине и Есенине, Маяковском и Лермонтове, что за душу берет. А если она начинает читать свои стихи в подтверждение той или иной мысли, то в зале так становится тихо, что замирают даже самые отстающие и непоседливые учащиеся.

К сожалению, мне не довелось бывать на уроках Татьяны Федоровны. Но, читая ее книгу стихов, сразу отмечаю, что она в ладу со словом, рифмами и ритмами, что свою любовь к русскому языку и литературе она сумела пронести через всю свою жизнь и воплотить ее в поэтические строки о тех, кто делал и делает большую Поэзию. А вот вам и пожалуйста - стихи, посвященные великому Пушкину, Цветаевой, Галичу, Окуджаве, Ахмадулиной... Все они написаны не чернилами, не скукой, а волнительным сердцем поэта. Особенно запомнились строки – концовка «Ахмадулиной»:

*«Дождя потоки льют, изнемогая.
И за строкою вяжется строка.
А у поэтов миссия такая:
Объединять поэзией века.»*

И, конечно же, они объединяют людей в одном порыве – стремле-

нии к прекрасному и неповторимому. А для Татьяны Федоровны все неповторимо, даже родной Темиртау, его люди, каждая улица, каждый тополь, воды знаменитой Нуры:

*«Мой Темиртау, ты не старишься.
Как богатырь, стоишь стальной.
Огни Магнитки отражаются
В воде, как небо, голубой».*

Утверждая величие дел людей Казахстана, она уверена, что сама никогда не состарится, будет бессмертна, как бессмертна Поэзия, как бессмертны поэты.

И в этих словах – сермяжная правда. Сколько поэтов загубила система сталинизма, сколько их легло в борьбе роковой! Но прошли десятилетия, их имена снова возвращаются к нам и сияют, как новые звезды на небе. Эта мысль точно выражена в стихах Татьяны «Российским поэтам - жертвам»

И я с ней согласен. Поэты везде выживают, потому что они далеки от политики, потому что им власть, как кость в горле, не нужна, и они за нее не борются, не убивают и не травят себе подобных.

Поэт признает только одну власть – власть природы, труда, любви и совести... И это было и будет вечно, начиная с Пушкина, Есенина и заканчивая последним поэтом на этой грешной земле...

Да, рedeют ряды наших родственных душ, уходят в небесные дали побратимы, соратники по перу, а их место остается не занятым, ибо молодежь нынче не рвется в литературу, поэзию, как прежде, ей больше подавай бизнес, должности в региональных властных структурах, в полиции и охране. Тем дороже и ближе нам те, кто ушел, не долюбив, не докурив последней сигареты, но кто пронес через всю свою жизнь преданность Лире. Поэтому я не удивился, когда в сборнике Татьяны Ромашихиной – Кравцовой нашел стихи, посвященные памяти Григория Григориади, Эдуарда Родвальда, Виктора Фетько... Да, они ушли в вечность, но остались вместе с нами, живыми, - живые и неповторимые. Я сам помню до сих пор Виктора Фетько, его радость и волнение, когда ему в Алма-ате вручили билет члена Союза писателей Казахстана. Этот билет был для него как признание его в поэзии. «Признали, все-таки признали!» - помню его взволнованный голос, когда он пришел к нам в редакцию «Шахтерской недели» и принес новые стихи... Но жизнь, увы, не бесконечна. И вскоре Виктора Фетько не стало. Наступили траурные дни для его коллег по перу... И для Татьяны тоже. Это был 2005 год. Прошло семь лет, и она его не забыла, помнит... И замечает в сборнике неспроста:

*«Только вот ведь какое везенье:
Продолжают стихи твои жить,
И приходит твое Воскрешенье,
Чтобы рядом с живущими быть.»*

В 2011 году не стало другого поэта, заслуженного учителя средней школы №16 в Темиртау Эдуарда Августовича Родвальда. Поэтесса помнит до сих пор его дружеское слово: «Держись!», его совет: «Борись! Так нужно людям». И она скорбно пишет:

*«С его уходом мир чуть-чуть,
Но обезлюдел.»*

Она сопереживает до сих пор смерть Григория Григориади, поэта, вышедшего из фронтовой шинели, инвалида Отечественной, долгое время возглавлявшего литературное объединение «Магнит». Он был для литераторов Темиртау и другом, и братом, и отцом. Татьяна пишет в стихах:

*« И хоть войной калеченый,
Он богом был отмеченый
И выстрадал поэзию. Победу и весну!»*

Татьяна не ограничилась стихами о Григориади. Благодарная ему за любовь к людям и Поэзии, она вместе с супругом Валерием Кравцовым добиваются от властей разрешения и устанавливают на доме, где жил Г.Ф.Григориади, памятную доску в честь поэта – фронтовика.

Вообще, надо отметить, что Татьяне повезло на супруга - единомышленника. Валерий готов с ней идти в огонь и в воду, он ее неизменный спутник в туристических поездках по интересным живописным местам Каркаралинска, Баянаула, Алатау и Борового. Они постоянно в движении, летом - на велосипеды и в дальние пути – дороги...

Они открывают для себя тропы Потанина и Пришвина в Каркаралах и Кызылрае. Недалеко от Каркаралинска они натываются на древний вал, изучают его и приходят к выводу, что уже в те давние времена казахи – батыры умели возводить фортификации, защищающие Казахстан от набегов джунгар. К сожалению, историки не знают об этом факте... Должны знать! И Кравцовы пишут статью на эту тему в газеты.

Общение с природой края приводит ее к созданию новых стихов «Над Жасыбаем дожди», «Жасыбай», «Иртышский меридиан», «Каркаралинская лирическая» и других. Многие из них замечают местные композиторы и превращают их в песни. Так, композитор Марина Каримова прямо-таки влюбляется в стихи Ромашихиной «Над Жасыбаем дожди» и пишет к ним музыку. Эффект ошеломителен для поэтессы - эта песня становится визитной карточкой Баянаула, ее исполняют на фестивале авторской песни «Иртышский меридиан» под несмолкаемые аплодисменты слушателей.

Наверное, нет высшей награды для поэта, когда песни на его слова поют в клубах, у костра под синим вечерним небом... Именно такая судьба у многих стихов Татьяны Ромашихиной. «Ты вспомни, мой друг», «Отзвенело лето», «Иртышский меридиан», «Каркаралинская лирическая»- все это ее стихи, ставшие песнями.

Я, конечно, и раньше читал стихи Татьяны Федоровны: в различных коллективных сборниках, газетах. Но только собранные воедино, в одной книге они дают ясное представление о поэте, его выборе тем, их разработке, полете души и пера автора. Книга Ромашихиной – Кравцовой многотемна, и требует от читателя определенных усилий в ее освоении. И когда вы ее прочитаете, то поймете, что в нашем мире еще есть поэты, хорошие и разные. Не перевелись пока, живы! Среди них - замечательной души поэт, оставляющий за собой право исповедоваться в любви к людям и природе родного края, Татьяна Федоровна Ромашихина – Кравцова. Пожелаем ей снова влюбиться в жизнь и слагать строки, достойные похвал!

Глава тридцать седьмая

***Благо творить
не каждый может***

На доме №33 по проспекту Бухар – Жырау в Караганде установлена мемориальная доска, посвящённая светлой памяти почётного гражданина шахтерского города, участника Великой Отечественной войны Мухамедьи Буkenовича Буkenова. Высокообразованный, тактичный человек, фронтовик, он всегда, как магнит, притягивал к себе людей, с ним было приятно общаться. Ибо М.Б.Буkenов прожил достойную жизнь, многое знал и видел, ему было что рассказать молодым. Тепло вспоминал Мухамедья Буkenович встречи с Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым, Динмухамедом Кунаевым, писателями Габиденем Мустафиним, Габитом Мусреповым, хотел сам написать книгу мемуаров.

Свою трудовую биографию М.Б.Буkenов начал рядовым рабочим на шахте №12 в Караганде. Затем воевал в составе 5 гвардейской Краснознамённой Орловской дивизии, отличился в боях за освобождение Родины, за что был награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени. В послевоенные годы, несмотря на тяжёлое фронтовое ранение, не пал духом – продолжал трудиться учителем, партийным работником, больше всего – первым секретарем Карагандинского обкома комсомола, секретарем Ленинского райкома партии, заведующим отделом обкома партии, председателем партийной комиссии обкома партии, заместителем председателя Карагандинского облисполкома. Он очень любил жизнь, людей. К нему запросто приходили в гости и простые люди, и руководители, и всех он привечал добрым словом, соучастием.

Конечно, почти во всех благородных делах Мухамедье Буkenовичу помогала его верная супруга Раптай Ахмедиевна, отличник народного образования, заслуженная учительница республики. Вместе они воспитали троих замечательных сыновей и дочь. Ведущего ученого Сарыарки, доктора медицинских наук, профессора Ахата Буkenова представлять не надо. Его все знают как отличного хирурга, специалиста по вопросам комбинированного лечения рака легких и пищеводов. Многих людей он спас от опасного заболевания, поставил на ноги. И что характерно – свои знания Ахат не держит втуне, щедро делится ими с молодыми.

С уважением и любовью относятся люди к обаятельной дочери Буkenова – Гульбаршин. Она преподает в техническом университете стандартизацию, сертификацию, метрологию, готовит специалистов по качеству. И это у нее получается, потому что она относится к своей работе, как отец, ответственно.

Еще один сын М.Б.Букунова Рахат работает в Атырау вице-президентом компании «Казтрансойл», а самый младший Махат – преподаватель Карагандинского университета имени Евнея Букетова.

Когда Раптай Ахмедиевна узнала, что я пишу книгу «Люди Победы», то принесла наградные удостоверения Мухамедья Букунова не только военных, но и мирных лет. И я узнал, что он в послевоенное время награжден также двумя орденами «Знак Почета», многочисленными медалями, Почетным Знаком Советского фонда мира. В 1995 году благодарные земляки удостоили его звания «Почетный гражданин Караганды».

Меня всегда поражала начитанность Букунова. С ним можно было до бесконечности беседовать о старых и новых книгах. Когда Мухамедья узнал, что я встречался в Москве с Борисом Николаевичем Полевым, то его восторга не было предела.

- Я люблю книгу Полевого «Повесть о настоящем человеке», - сказал он. - Она спасает людей от хандры, воспитывает силу воли. Когда мне в полевом госпитале ампутировали руку, то я начал «раскисать». Но однажды где-то в 1947 году мне друзья подарили книгу о Маресьеве. И я подумал: боже мой, если Маресьев ходил и летал на ястребке без ног, то мне сам всевышний велел жить и работать. И радоваться жизни!

Немного позже в 1948 году в Караганде показали фильм «Повесть о настоящем человеке». Когда Мухамедья посмотрел его, то, выходя из кинотеатра, сказал друзьям:

- Вот это картина! Да я бы сразу наградил Кадочникова Сталинской премией, так здорово он сыграл Маресьева. У этого артиста – большое будущее.

И что вы думаете? Прямо в точку попал Мухамедья – через год создателей фильма, в том числе Кадочникова, отметили Сталинской премией... Со временем этот артист стал знаменитым, в конце жизни ему присвоили звание Героя Социалистического Труда, прежде всего за создание образа прославленного летчика...

Алексей Петрович Маресьев стал самым любимым героем Букунова. Он познакомится с ним в Москве на VIII Всесоюзном съезде ДОСААФ, скажет ему огромное спасибо за подвиги в Отечественной войне. А вскоре сам получит из Москвы грамоту – благодарность Советского Комитета ветеранов, подписанную Героем Советского Союза, знаменитым летчиком Алексеем Маресьевым и генералом армии П.Батовым. Ему вручат ее в День Победы за активное участие в работе по военно-патриотическому воспитанию.

Он навсегда запомнит 1977 год, когда побывал в Москве в качестве делегата на VIII Всесоюзном съезде ДОСААФ, долго будет хранить доклад председателя ЦК ДОСААФ СССР, трижды Героя Советского Союза А.И.Покрышкина на этом съезде. Реликвией в семье Букуновых станет и фотография, сделанная в Кремле – на ней Мухамедья запечатлен с делегатами съезда, на первом ряду, рядом с самим Покрышкиным...

О Буkenове писали многие журналисты, писатели-краеведы. Считаю, что очень верно написал о Буkenове его боевой товарищ Малик Имашев. Цитирую из его мемуаров: «Мухамедья Буkenов воевал на Курско-Орловской дуге, участвовал в прорыве обороны немцев на Орловском выступе. Именно этот прорыв, где с обеих сторон полегли сотни тысяч и наших, и вражеских солдат, стал началом разгрома врага... В этих боях Мухамедья Буkenов получил тяжелое ранение, и в полевом госпитале ему ампутировали руку. Несмотря на свою инвалидность, он трудился наравне со здоровыми людьми, отдал много сил и энергии развитию и процветанию нашего края».

Лучше, наверное, не скажешь! Но мне хотелось бы к этому добавить, что М.Б.Буkenов был одним из активных создателей и организаторов Советского фонда мира в Центральном Казахстане. Что, совсем забыли о таком? В 1980 году в областной газете «Индустриальная Караганда» было опубликовано интервью с Буkenовым под заголовком «Взносы чистоты душевной». И в этом интервью Мухамедья Буkenович как заместитель председателя правления областного отделения Фонда мира рассказал о том, куда идут взносы людей, коллективов, перечисленные на счет Фонда.

Надо сказать, я сам неоднократно перечислял свои гонорары в Фонд мира, даже пожертвовал литературную премию имени Баубека Булкышева, выданную мне обкомом комсомола за очерк о войне-публицисте. Моя мама Софья Павловна Колчина, как правило, дважды в год переводила в Фонд мира довольно приличные суммы денег, вырученные ею от продажи цветов, которые выращивала в нашем семейном саду, - в память о дяде Саше, погибшем при защите Бреста. И мне, конечно, было небезразлично, как и другим участникам движения за мир, куда же уходят наши пожертвования. И я был польщен, узнав из интервью с Буkenовым, что все взносы сторонников мира распределяются по-уму, по-разуму на благотворительные цели. Буkenов доложил общественности, что в 1990 году огромные суммы денег были перечислены Темиртауской специализированной школе-интернату для детей, оставшихся без родителей, домам-интернатам для престарелых, на подготовку к изданию областной Книги памяти, на строительство памятника воинам-афганцам в Караганде. Перечислены из Фонда мира средства для помощи пострадавшим от землетрясения в Восточно-Казахстанской области, областному комитету Общества Красного Креста...

Жаль, что такого могучего Фонда сейчас нет ни в области, ни в республике. Вновь воскресшие из небытия богатеи, «прихватившие» народное добро, настолько стали Гобсеками, что у них ломаного гроша не выпросишь на святой алтарь Отечества. Скорее люди незажиточные последнее отдадут во имя торжества справедливых памятных дел. Не так ли получалось и с парком Победы в Караганде? Первым крупный взнос на этот будущий зеленый массив-памятник внес не бизнесмен, не предприниматель, не владелец завода или рудника, а скром-

ный ученый! Им оказался ректор Карагандинской юридической академии «Фемида» Бахтыбай Жолжаксынович Жунусов. Он сразу перечислил на строительство парка Победы миллион тенге. А объяснил свой поступок Б.Ж.Жунусов тем, что всегда надо помнить о героях Великой Отечественной, о том, какой ценой досталась Победа. Среди тех, кого мы чтим сегодня, и отец Жунусова – Жолжаксын Жунусов, и его дядя Ермакбай Жунусов, погибший на фронте.

Отец Жунусова в числе первых каркаралинцев-добровольцев ушел на войну. Он участвовал в защите Москвы, освобождал Великие Луки. Там в полях под городом в одном из жарких боев был тяжело ранен. Спасла его медсестра Катя, которая волоком на плащ-палатке тащила его в медсанбат.

- Отец после сложной операции девять месяцев лечился в госпитале, - рассказывал Б.Жунусов. – Домой вернулся в конце 1944 года. Одну из дочерей он назвал Катей – в честь медсестры, которая его спасла. Отец мне много рассказывал о войне, о том, как им доставалось на фронте, как они шли в бой. Из их полка никого практически не осталось.

Отец прожил до 1984 года. Все годы ему верной спутницей и помощницей была моя мать – учительница начальных классов школы № 17 поселка Карагайлы, где работал отец, Рысбала Молдакашева. В многодетной семье (из восьми детей сегодня в живых трое) почитались труд и знания. Мама в 1965 году была награждена орденом Ленина. Это единственная учительница начальных классов в нашей области, удостоенная самой высокой правительственной награды.

Надо сказать, Б.Жунусов остается отзывчивым на все, что касается памяти героев Великой Отечественной. В школе, где много лет работали его родители, он помог создать музей боевой и трудовой славы, каждый год выделяет средства на ремонт классов, мебель, учебную технику.

Вот таким отзывчивым на чужую боль был и Мухамедья Букенов. Помню, однажды мы с ним прогуливались по аллее парка. На землю падали осенние листья.

- Счастливые вы, молодые люди, – говорил мне Мухамедья Букенович. – Вы не будете знать, что такое война, сырые окопы, кровь на траве убитого товарища...

И, немного подумав, добавил:

- Только, Бога ради, никогда не хороните, не отказывайтесь от наших идеалов, таких, как Маресьев. Арнольды Шварценеггеры из Америки придут и уйдут, а те, кто ковал Победу, останутся...

Жаль, что таких людей как Мухамедья Букенович Букенов становится все меньше. Они прошли большую фронтовую школу испытаний, но до конца своей жизни оставались гуманными, дружелюбными.

Глава тридцать восьмая

**«Гвозди бы делать
из этих людей...»**

О роли репрессированных в развитии угольного бассейна, строительстве Караганды шла речь на творческой встрече сотрудников музея жертв политических репрессий поселка Долинка с коллективом ТОО «Карагандагипрошахт и К». Её открыла директор музея Светлана Климентьевна Байнова.

В своем выступлении она отметила, что коллектив ТОО «Карагандагипрошахт и К» внес большой вклад в строительство и развитие угольной Кочегарки, всего Казахстана. По проектам этого института построено свыше 90 угольных шахт, 10 угольных разрезов, 20 крупных промышленных предприятий, 39 совхозов и МТС в Карагандинской, Павлодарской и Акмолинской областях, созданы генеральные планы развития 10 городов, в том числе Караганды, Экибастуза, Сарани, многих поселков. В институте работало немало первоклассных инженеров и ученых, людей высокой культуры и нравственности – бывших узников Карлага, ссыльных.

Начальник технического управления ТОО «Карагандагипрошахт и К», кандидат технических наук А.А. Ганжула подтвердил, что бывшие узники Карлага, ссыльные составляли лучшую, прогрессивную, творческую часть многочисленного института. Так, в активных рядах его сотрудников находился знаменитый заключенный Карлага – выдающийся ученый XX века, почетный член многих иностранных академий, профессор Александр Леонидович Чижевский. В институте он занимался проблемами аэроионизации воздуха, космической биологией. Так называемые лампы Чижевского были установлены в нарядных шахты № 38 и систематическое вдыхание аэроионов дало положительные результаты: у шахтеров улучшилась картина крови, снизилось количество дней нетрудоспособности.

В институте «Карагандагипрошахт» работал консультантом ленинградский профессор К.И. Страхович. Он участвовал в создании жидкостного реактивного двигателя для ракет вместе с академиком, трижды Героем Социалистического Труда В.Л. Глушко. Константин Иванович разработал научные основы создания и турбореактивного авиационного двигателя. В 1953 году его как свидетеля бесчинств Бэрии и сталинистов доставили в Ленинград, где он показал, что был незаконно арестован и осужден в числе десяти ленинградских ученых. Из десяти ученых в живых остался только он один, остальные были замучены в лагерях.

Долгое время трудился главным конструктором проектного инсти-

тута узник Карлага Павел Иванович Жуков, друг писателя А.И. Солженицына. Они познакомились в одной шарашке в Москве. Когда Александра Исаевича выдворили из СССР после отсидки в лагерях Павел Иванович Жуков написал ему в Америку, в Вермонт ободряющее письмо вопреки всем установкам партии и правительства, осуждающим тогда писателя за правдивые книги о жизни эзков.

Солженицын ответил ему теплыми словами, а затем стал высылать Жукову из своего фонда материальную помощь.

Павел Иванович Жуков прожил в нашей Караганде 60 лет. Он разработал немало проектов угольных шахт, разрезов, предприятий. Он стал автором 21 изобретения, и они все были внедрены в производство.

Не менее интересной была жизнь выдающегося ученого по теплотехнике Владимира Леонидовича Пржецлавского. Он был освобожден из Карлага по просьбе генерального конструктора космических кораблей Сергея Павловича Королева, работал вместе с ним над созданием новых ракет. В институте «Карагандагипрошахт» Владимир Леонидович работал главным инженером проектов. О дружбе с ним тепло рассказал П.И. Жуков в своих публикациях в журнале «Наука и жизнь».

Большой вклад в развитие института внесли бывшие заключенные Павел Захарович Боровский, Георгий Николаевич Вертоградский, Алексей Глебович Глебов и другие. Так, П.З. Боровский очень многое сделал для освоения и развития Экибастузского бассейна, будучи главным инженером проектов для иртышских угольных разрезов. В 1942 году за фронтовые заслуги он как стрелок-радист авиаполка был награжден орденом Красной Звезды. А в 1944 году его самолет был сбит, члены экипажа выбросились на парашютах. В смертельном бою с врагами стрелок Боровский был ранен, потерял сознание и попал в плен к фашистам. Когда пришла Победа, Боровского направили в Карлаг. Он работал навалоотбойщиком на шахте № 18 треста «Сталинуголь», учился в горном техникуме, затем окончил высшие инженерные курсы в Свердловске.

А вот еще одна судьба. Алексей Глебов учился в Ленинградском военно-механическом институте, работал на металлическом заводе. Но в сентябре 1942 года был арестован, и осужден за антисоветские настроения сроком на десять лет. После Карлага подался в город молодых патриотов – строителей и металлургов Темиртау, работал слесарем в Сибспецстрое, главным механиком управления «Востокметаллургмонтаж», инженером на строительстве КарГРЭС-1, технологом на литейно-механическом заводе. С 1959 года трудился в институте «Карагандагипрошахт», возглавлял конструкторскую группу по разработке проектов агрегатов для шахт нового типа.

О таких людях можно смело сказать словами поэта: «Гвозди бы делать из этих людей, не было б крепче в мире гвоздей». Многие из них заслуживают звания почетный гражданин Караганды, ибо они делали шахтерские города благоустроенными и красивыми.

Писатель-краевед, кандидат технических наук Владимир Яковле-

вич Новиков подтвердил эту мысль. Институт «Карагандагипрошахт», где долгое время проработал Владимир Яковлевич, занимался не только проектированием угольных производств, но и социальных объектов. Начиная с 1947 года, он настойчиво ведет проектирование жилищного, культурно-бытового строительства городов и поселков бассейна. По его проектам был построен ряд монументальных сооружений в Караганде: Дворец культуры горняков, здания угольного департамента АО «Арселор Миттал Темиртау», института «Карагандагипрошахт», главпочтамта, областного народного суда, музыкальной школы. Эти здания и поныне украшают город, радуя нас своей архитектурной красотой.

Потому и поныне не меркнет слава института, которому в 2011 году исполнилось 70 лет.

В.Я. Новиков назвал имена многих первостроителей угольных бассейнов, в том числе присутствовавшего на встрече главного инженера проектов института В.В. Мудрого. По его разработкам был построен, к примеру, крупнейший в СССР разрез «Восточный» в Экибастузе мощностью 30 миллионов тонн угля в год.

Немал вклад в развитие угольной промышленности заключенных Карлага. Так, в июле 1946 года на шахтах Караганды и Сарани трудилось 5500 заключенных. Лагерь предоставлял постоянно рабочую силу тресту «Молотовуголь» комбината «Карагандауголь». Только на добыче угля в этом тресте на шахтах № 17-бис и № 19-бис трудилась около 1500 эков. Они добывали ежегодно 50 тысяч тонн угля. В Сарани заключенные Карлага строили кирпичные, известковые и цементные заводы, работали на горной проходке на шахте № 106.

Надо сказать, в последнее время коллектив сотрудников музея жертв политических репрессий поселка Долинка заметно усилил научную и воспитательную работу к 80-летию Караганды. Его силами были созданы и выпущены в свет монография о роли репрессированных в развитии Карагандинского угольного бассейна, сувенирный буклет – фотоальбом об экспозициях в залах музея. Здесь провели ряд интересных полезных встреч со знаменитыми людьми и легендарными коллективами Караганды.

Встреча с коллективом ТОО «Карагандагипрошахт и К» завершилась экскурсией по залам музея. Почетным гостям были вручены новые книги и буклеты – фотоальбомы об узниках Карлага и музее жертв политических репрессий в поселке Долинка.

Надо добавить, что сотрудники музея ведут активный поиск бывших узников Карлага, спецпереселенцев, трудармейцев – живых свидетелей страшного прошлого страны, изуверств и убийств, совершенных сталинистами, проводят творческие встречи с ветеранами, записывая их бесценные рассказы.

Мне довелось познакомиться на таких мероприятиях со спецпереселенцем, кавалером трех почетных Знаков «Шахтерская слава» Имраном Газимиевым и шахтером, орденоносцем Александром Иосифови-

чем Криворучко. Оба они – герои книги научных работников музея М.И. Ислямова и М.Г. Козминой о роли репрессированных в развитии угольного бассейна.

Имран Газимиев – личность неординарная. Он оказался в числе переселенцев из Чечни, когда ему было всего девять лет. Подросток – решил выучиться на шахтера, поступил в школу ФЗО в Сарани. Потом – тяжелый труд навалотбойщика на шахте № 105. В 1970 году переехал в поселок Новодолинский, вроде бы временно, а остался на всю жизнь. Повезло ему на супругу белоруску Юлию, родила ему двух сыновей, дочь. Как-то предложили ему перейти на работу в Геологоразведку буровым мастером, он согласился. И не пожалел. Отличным был мастером – при плане 200-250 метров бурил 800-1000 метров. Однажды даже всесоюзный рекорд установил – две тысячи метров. О нем журнал «Советский шахтер» хвалебно писал, областная газета. Из рук самого Министра Имран получил в награду «Волгу» – тогда желанный, дефицитный автомобиль.

Недавно Газимиеву пришла весть из Чечни, что после кончины брата он стал единственным наследником огромного дома с садом. Можно возвращаться в родные Пенаты! Однако Имран решил не расставаться с родным Казахстаном, а свой дом в Чечне подарить многодетной семье, которая нуждалась бы в жилье. И вот префект чеченского села сообщил, что сам Кадыров поблагодарил нашего Имрана за благородный поступок.

Интересна судьба А.И. Криворучко – шахтера из семьи спецпереселенцев, кавалера ордена Трудового Красного Знамени, почетных Знаков «Шахтерская Слава» трех степеней, золотой медали ВДНХ.

Он помнит многих узников Карлага, ссыльных Караганды, в том числе известного ученого горного дела (Ленинград) Бориса Вячеславовича Бокия, который был первым главным инженером проектной конторы «Карагандашахтопроект». Когда Криворучко работал начальником управления треста «Сараньшахтострой», то в его подчинении находилось немало бывших гулаговцев. Так, мастером тут работал участник Кенгирского восстания заключенных Клеоник Деомидович Скорников, заведующим складом в Долинской шахте Константин Ефимович Лухарин, который отбывал срок в Ухтинском лагере, где и познакомился с будущим маршалом СССР Рокоссовским.

А.И. Криворучко подарил музею ряд ценных материалов, в том числе фотоснимки из семейного альбома, на которых он запечатлен в робе, с шахтерской каской, когда трудился проходчиком на второй шахте, затем бригадиром горнопроходческой бригады ШСУ № 4 треста «Долинскшахтострой».

Слушаю бывалого шахтера-строителя и думаю о том, что настоящие это были люди. Они прошли огромные трудности, лишения, но остались верными памяти своих отцов и матерей, смело подхватили из их рук Знамя Труда и пронесли его с достоинством и честью.

III

***Повстречался в Москве,
на Дону...***

Глава трицать девятая

Автограф с Дона

Так случилось, судьба журналиста уводила меня много раз далеко от родных берегов. Но где бы я ни находился, всюду со мной был Шолохов-выдающийся сын Дона, его книги. И не только со мной - в гуще народа, с людьми разных профессий и разных возрастов. Их высказывания о Михаиле Александровиче, размышления о героях его книг я записывал в своих блокнотах.

Вот, например, такая запись из блокнота. «1969 год. Дальний Восток. Туман. Шторм. Фотографии Шолохова».

Я оказался тогда на сейнере «Вилкой», хотелось написать очерк о капитане Владимире Стукалове. Неожиданно начался шторм. Судно качало, и с книжной полки каюты, отведенной мне, упала лощия. Я поднял ее, машинально полистал и увидел среди истрепанных страниц фотоснимки Шолохова.

Их было много. На обратной стороне одного из снимков - шолоховские слова: «Мы рождены для жизни и будем жить!»

Откуда эти снимки у Стукалова? Отдыхавший в каюте рядом со мной рыбак Владимир Бердугин охотно пояснил:

- Наш «кэп» давно собирает все, что связано с Шолоховым. А с этими фото никогда не расстается... Поначалу я думал, что Стукалов с Дона, потом узнал, что он родился у нас в Приморском крае.

Позже сам Стукалов мне признался:

- Когда бывает трудно, я перечитываю «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Судьбу человека»...

А вот еще одна запись в блокноте: «Письма дядьки. Что ни месяц - письмо, и столько ревностного отношения к Шолохову!» Семь лет я работал в приморской краевой газете «Красное знамя» во Владивостоке и регулярно получал весточки из аксайской станицы от дяди Вити. Вместо «здравствуй» он всегда начинал письма словами: «Привет с тихого Дону Тихому океану!» и заканчивал тоже одинаково: «А там, у Тихого океана, величают-здравствуют нашего Александрыча?»

Помню встречу с председателем колхоза «Заря» из близлежащего к Вешенскому Миллеровского района Виктором Сергеевичем Агарковым, которого наградили орденом Ленина. Рассказывая о достижениях хозяйства в десятой пятилетке, он неожиданно для меня сказал:

- Я всегда учил людей жить и работать так, как Михаил Александрович Шолохов: не спеша, но глубоко прокладывать борозды на пашне, неторопливо, но настойчиво выращивать урожай... И к людям, своим подчиненным, стремился относиться так, как Александрыч,- требовательно и отзывчиво, строго и по-доброму.

В 1970 году я приехал с Дальнего Востока на донскую землю, чтобы работать в редакции областной газеты «Молот».

Одно из первых редакционных заданий было весьма ответственное: написать отчет с многолюдного собрания в областном драматическом театре имени М. Горького, на котором Шолохов должен был встретиться как кандидат в депутаты Верховного Совета СССР со своими избирателями.

После собрания мы, журналисты, поджидали Шолохова у выхода из театра, и как только он появился в дверях, попросили его дать интервью. Писатель согласился.

- Нравятся ли вам фильмы Сергея Бондарчука, снятые по мотивам ваших произведений?

- С Бондарчуком у меня расхождений не было и нет.

- Какова ваша депутатская почта, много ли времени уходит на знакомство с ней?

- Если хотите знать мою почту, - сказал Шолохов, - приезжайте в Вёшенскую, читайте. Суть не в том, что за день ко мне приходят десятки писем - дело в действенности, оперативности. Люди никогда не простят депутату бесплодного отношения к просьбам. Вот и выбираю сразу те, на которые скоро отреагировать надо...

- Писатели и журналисты с каждым годом находят все больше прототипов ваших любимых литературных героев. В образе Григория Мелехова они усмотрели черты, характерные для базковского казака Харлампия Ермакова, в деде Щукаре - казака Тимофея Воробьева с хутора Волоховского, в Давыдове - рабочего Плоткина и так далее. Как вы относитесь к этому поиску?

- Доброжелательно! Вы сами знаете, как создаются образы. Вначале видишь перед собой конкретного человека, живых людей, потом они получают несколько иной облик... Если говорить о романе «Тихий Дон», то многие герои этого романа действительно имели своих прототипов.

Он немного помолчал и добавил:

- Мы, литераторы, в большом долгу перед женщиной-труженицей, мало о ней пишем... Если бы не рассказ «Судьба человека», давно написал бы «Судьбу женщины»...

Около десяти лет я проработал разъездным корреспондентом газеты «Молот», бывал в самых хлебных районах Дона -- Егорлыкском, Миллеровском, Вешенском... И всюду люди тепло, с большой гордостью говорили о своем великом земляке.

Давний друг Шолохова, бывший малоземелец, бригадир Миллеровского завода металлургического оборудования имени Гаврилова Даниил Григорьевич Рогачев говорил мне при встрече:

- Узнали мы, что Михаилу Александровичу стало тяжело подниматься в свой кабинет по лестнице - ведь 76-й годок идет, - и порешили установить в его доме небольшой лифт из сэкономленных материалов... Скоро повезу в Вёшенскую.

- А как здоровье Михаила Александровича? - спросил я у Рогачева.
- Есть еще порох в пороховницах! - твердо ответил Даниил Григорьевич. - Казацкого здоровья ему не занимать. Работает, шутит, разговор веселый ведет...

- О чем же разговор был? - поинтересовался я.

- Да о нас, рабочих, - с гордостью ответил Рогачев. - Задавал мне вопрос: «Как, Даня, обеспечиваете своим трудом чистое, мирное небо над Доном?». «Обеспечиваем, Лександрыч, - в тон ему сказал я. - Работаем, аж лбы потеют».

«А в Новороссийске на торжествах был? - опять спросил Шолохов, - Вместе с малоземельцами «Катюшу» пел?». «А вы откель все ведаете?» - удивился я. «Писатель, брат, все должен знать. Даже то, что ты не куришь...»

«Как догадались?»

«А от тебя же не махоркой, - арбузами миллеровскими и металлом пахнет», - засмеялся Шолохов.

Всюду я слышал самое доброе о Михаиле Александровиче. Люди тянулись к нему, как к Дону в жаркий полдень, когда над степью звенит чистая песня жаворонка.

В Ростове-на-Дону я подружился с летописцем и другом Шолохова – писателем Михаилом Андреевичем Андриасовым. Он был на редкость гостеприимным человеком, двери его квартиры в старом доме по улице Университетской всегда были открыты настежь для молодых литераторов. В годы Отечественной войны Андриасов был военным корреспондентом «Комсомольской правды». В его кабинете над письменным столом красовался огромный фотопортрет Г. К. Жукова с автографом маршала. Если память мне не изменяет, на фотографии была короткая надпись Георгия Константиновича: «Творческих успехов тебе, дорогой Миша!»

Рожденный в шолоховских краях, в городе Миллерово, что находится недалеко от Вешенской, Михаил Андреевич был любим великим своим земляком. На эту любовь он отвечал сердечным отношением к Михаилу Александровичу, был привязан к нему искренне, неподкупно, часто сопровождал Шолохова в его многочисленных поездках по Донщине. И когда после очередной встречи писателя с читателями или зарубежными гостями его спрашивали, кто напишет в газету или журнал об этом, Шолохов неизменно отвечал:

— Конечно, Миша Андриасов. У него — живой, образный репортёрский язык, лучше него никто не сможет написать!

Тут Шолохов спрашивал: «Ты здесь, Миша?» — и обязательно слышалось в ответ из толпы звонкое андриасовское: «А где же мне быть?».

Михаил Андреевич открыл мне немало неизвестных страниц из жизни Шолохова. Оказывается, не такой уж безоблачной и счастливой была судьба лауреата Нобелевской премии. И.В. Сталин относился к Шолохову с большим подозрением, и всячески стремился столкнуть его

со своим любимцем А. Фадеевым. Михаил Александрович как-то признался своему летописцу Андриасову в том, что Сталин однажды ему сказал: «Фадеев считает ваш роман «Тихий Дон» антисоветским романом. Я с ним не согласен».

Конечно, Михаил Александрович Шолохов не очень-то верил «вождю», он знал, как любил Сталин натравливать писателей друг на друга, сталкивать их лбами, «отчуждать» одного от другого. Но выяснять, правда ли, что так говорил Фадеев, Михаил Александрович у него не стал, ибо это привело бы к их столкновению, что было бы для них обоим унижительно, зато для их недругов, да и для Сталина радостно. Ведь «верховный жрец» мог бы заполучить новое «дело», и ему доставило бы удовольствие разбирать «скандал» между двумя крупными писателями.

И все же Шолохов (благородство его души!) верил в то, что это высшей марки клевета. И потому он всегда держался с Фадеевым ровно, ценил его как писателя и человека, прислушивался к его словам и поддерживал во всех добрых деяниях. А к Сталину Шолохов всегда относился настороженно и не спешил бить в литавры при упоминании его имени.

Надо сказать, и в те годы, и позже Шолохов не боялся встать на защиту того или иного опального поэта или писателя, говорить во весь голос о бедственном положении крестьянства. Нынче публикуются неизвестные ранее письма М. А. Шолохова, его высказывания. В письме Е. Левицкой от 18 июня 1928 года, опубликованном в еженедельнике «Московские новости» (12 июля 1987 года), Шолохов сообщал: «Беднота голодает... Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшается... Надо на густые решета взять всех, вплоть до Калинина, всех, кто лицемерно, по-фарисейски вопит о союзе с середняком и одновременно душил этого середняка».

М.А. Андриасов неоднократно говорил мне, что «Шолохова волюшка не раз доводила Михаила Александровича до горькой долюшки». И доводила до того, что его упрямо выталкивали не только из литературы, но из самой жизни. «Вас ждет злой рок, ибо вы контрик!», — резко сказал ему «вождь» госбезопасности страны Ягода сразу же после начала публикации книги «Тихий Дон» в 1928 году. И с усмешкой добавил: «Только должное повиновение приведет вас к должному уважению».

О чем пекся Ягода? Пусть, мол, молодой Шолохов переделает «Тихий Дон» так, чтобы во всем и всюду была видна роль Сталина, чтобы Григорий Мелехов в конце концов причалил к единственно «верному берегу революции» — сталинизму. А если этого не сделает писатель, то судьба его будет искалечена. А известно: «кому доли нет, того не принимают в совет».

Но Шолохов отказался от подобного «социального заказа». «Я должен говорить правду, только правду, иначе какой же я писатель?!», — убежденно говорил он. И добавлял: «Без правды жить легче, да помирать тяжело», «Все меняется, одна правда останется».

Это сейчас — доброе дело правду говорить смело. А тогда? Тогда в ходу была больше иная пословица: «За правду не судись — скинь шапку да поклонись». Но кланяться было не в характере Шолохова. Не хотел он в своих книгах кривить душой, одного страстно желал: творить суд и правду каждой своей строкой.

И началась невыносимая травля великого прозаика. Критики призывали со страниц газет и журналов общественность страны «взять роман «Тихий Дон под обстрел!» Ни больше, ни меньше!

Не помогло. Тогда Шолохова решили добить мнением писателей, находящихся при должностях. Выбирали самых удачливых, именитых. Среди них самую большую ставку сделали на А. А. Фадеева, к которому Михаил Александрович, как я уже говорил, относился с симпатией и уважением. «Ну теперь дрогнет», — думали в высших кругах. И что же?

Как-то литературный критик, сотрудник журнала «Дон» Александр Обертынский опубликовал копию малоизвестного письма Шолохова от 2 апреля 1930 года одному из своих друзей. В нем были строки: «Фадеев предлагает мне сделать такие изменения, которые для меня неприемлемы никак. Он говорит, ежели я Григория не сделаю своим, то роман не может быть напечатан... Делать Григория окончательно большевиком я не могу... Я предпочту лучше совсем не печатать, нежели делать это помимо своего желания, в ущерб и роману, и себе. Вот так я ставлю вопрос. И пусть Фадеев (он же «вождь» теперь...) не доказывает мне, что «закон художественного произведения требует такого конца, иначе роман будет объективно реакционным». Это — не закон.. Я серьезно боюсь за свою дальнейшую литературную участь... Если я допишу «Тих. Дон», то не при поддержке проклятых «братьев-писателей и литерат. общественности, а вопреки их стараниям всячески повредить мне... И допишу так, как я его задумал».

М.А. Андриасов подтвердил подлинность этих шолоховских строк, рассказал, как в хмурые годы сталинщины во многих писательских и общественных организациях проводили собрания, на которых принимали такого рода решения: «Обязать Шолохова нарушить «линию» «Тихого Дона» в пользу большевиков».

— Вот до чего доходило! — с грустью говорил мне Андриасов. — А ведь если почитать всерьез роман «Тихий Дон», то он весь был написан в пользу большевиков! Очень талантливо написан! Правдоречиво!

Теперь уже не установить, кто первым пустил слух о том, что «Тихий Дон» Шолохов якобы позаимствовал у донского писателя Федора Крюкова, казака из дворян, бывшего белогвардейца. Не с легкой ли руки того же Ягоды и его приемшей это было сделано? Кто знает. Во всяком случае А. А. Фадеев хорошо понимал, что сомнение в авторстве бросает тень как на самого Шолохова, так и на его великую книгу. Но, к сожалению, защитить «дорогого Мишу» от мерзкой клеветы он не спешил.

Позже, конечно, страсти поутихли. Но когда я приехал на Дон, кое-кто снова пытался шептать: «Разве не знаешь, что «Тихий Дон» напи-

сал Крюков?» Не хотелось даже смотреть в глаза таким людям, плюнуть бы им в лицо! Но факт есть факт: лживый слух продолжал жить. Есть в Ростове-на-Дону гостиница «Дон», в годы гражданской войны она называлась «Монтре». И вот якобы в ресторане этой гостиницы встречались молодой Шолохов и пожилой Крюков. О чем они беседовали, никто не знает. Эти встречи так и остались тайной гостиницы Монтре, ибо о них никогда не говорил Шолохов. Но молва утверждает, что накануне побега из Ростова за рубеж Крюков именно здесь передал молодому писателю для хранения рукопись своей книги «Тихий Дон». И вот якобы Михаил Шолохов немного переделал ее, добавил свои эпизоды, и выдал на-гора невиданный доселе шедевр.

Так ли это? Конечно же, это выдумка завистников Шолохова. И абсурдность вымысла была ясна каждому образованному, интеллигентному человеку! А неинтеллигентному, малообразованному?

Огромный удар по этим слухам нанес, мне думается, вначале Михаил Андреевич Андриасов в своих книгах «Сын Тихого Дона», «На вешенской волне», а затем Константин Иванович Прийма, который выпустил в 1972 году книгу «Тихий Дон» сражается.

Я неоднократно встречался с Константином Ивановичем Приимой, и меня буквально потрясла огромная сила его воли. В свое время он был редактором областной молодежной газеты «Комсомолец». Отличным редактором. И вдруг отказался от своей должности, решив перейти на творческие хлеба. По сути без средств к существованию он долгие годы собирал, накапливал и обрабатывал материалы о триумфальном шествии «Тихого Дона» по планете. Тысячи писем получил на свои запросы Константин Иванович из-за рубежа, в том числе от буржуазных критиков, политиков, которые вынуждены были признать могучий талант Шолохова. Даже английский премьер Уинстон Черчилль откликнулся на письмо Приимы, прислав ему положительный отзыв о книге Шолохова.

Около сорока лет жизни отдал К. Прийма своему литературному поиску. Внешне похожий на Михаила Александровича, он был так же настойчив в преодолении трудностей, как и Шолохов. И его труд, я бы сказал, труд великого упрянца, решившего дать бой фальсификаторам, всем тем, кто ставил под сомнение ценность книги «Тихий Дон», ее авторство, увенчался успехом. В 1973 году К. Прииме за монографию «Тихий Дон» сражается» была присуждена степень доктора филологических наук. Уникальный случай — рядовой журналист был сразу признан крупным ученым!

Помнится, когда я встретился в то время с Михаилом Андреевичем Андриасовым, то сразу же спросил его:

— Как Шолохов отнесся в книге Приимы?

Андриасов весело подмигнул мне:

— Михаил Александрович дал ей высокую оценку...

Шолохову в то время нужна была именно такая поддержка, очень

нужна. Ведь тогда опять за границей, во Франции вышла книга неизвестного автора, который сомневался в авторстве Шолохова и опять (в который раз!) приписывал «Тихий Дон» Крюкову.

Конечно, в защиту Шолохова поднялись и отечественные, и зарубежные писатели, ученые-лингвисты. В 1984 году за границей вышла работа шведских и норвежских ученых «Кто написал «Тихий Дон?» С помощью электронно-аналитических машин они сравнили почерк Шолохова с почерком «претендента» Крюкова. И пришли к выводу: «Крюков совершенно отличен от Шолохова по своему стилю». Об этом рассказал на страницах «Литературной газеты» в своей статье «Тихий Дон» читает машина» уже знакомый нам Александр Обертынский... И, думается, пора уже поставить все точки над «i», над никчемным спором, который длится более 50 лет... «Тихий Дон» принадлежит и будет принадлежать Шолохову! С клеветой на великого русского писателя надо покончить раз и навсегда.

Когда-то французский писатель Анри Барбюс пророчески сказал: «Путь «Тихого Дона» будет опасным и тернистым. Реакция сделает все, чтобы запретить его, фальсифицировать, сжечь или предать забвению. Но я уверен в том, что отмеченный знаком вечности, «Тихий Дон» — героическая песнь о русской революции — перешагнет океаны грязи, раздвинет черные тучи над континентом и поведет за собой миллионы читателей».

Время показало: в словах Анри Барбюса была Правда, над которой не властны ни Ягоды, ни Берии, ни сталинские тюрьмы, ни фашистские костры, в которые гитлеровские головорезы бросали шолоховскую книгу...

Говорят, правдивый путь до небес, а правдивая книга не подвластна смерти. Кто правдой живет, тот славу людскую наживает.

Так произошло и с Шолоховым. Не загубил он правду в себе, в своих строчках, не сломился, не пал духом. В ожесточенной борьбе за Правду только еще сильнее закалился. Праведник, а не угодник, он и для других праведных много сил в себе находил, чтобы их отстоять от суда Кривды, лживых приговоров да черных наговоров. Скольких молодых писателей спас он от сталинского произвола, выручил из беды, вернул из лагерей смерти!

Мне довольно часто приходилось встречаться на Дону с писателем Гавриилом Семеновичем Колесниковым. Когда в 1977 году в Ростовском книжном издательстве вышла его книга «Белая западинка. Судьба степного орла», я первым тепло написал о ней, опубликовав рецензию в журнале «Дон» (№ 1, 1978 года). И совсем не ожидал, что Гавриил Семенович разыщет меня сам и подарит мне свою книгу, написав на суперобложке добрые слова благодарности. Тогда мы очень долго беседовали, и меня до глубины души тронула история судьбы этого скромного, замечательного человека. Нынче, когда мы живем в условиях гласности и открытости, мне можно было бы очень эффектно по-

ведать о закрытом политическом процессе над Колесниковым, о ничемном доносе на него (он якобы выдумывал и рассказывал вслух анекдоты об «отце народов» Сталине), о десяти годах тюрем и лагерей на Колыме... Но мягкий по характеру Гавриил Семенович предупредил меня: «Зачем это вспоминать? Прошлое ушло и не вернется. Да, сидел, страдал, как тысячи других, только потому, что не хотел быть лисой. А этого зверька кто не знает? Шкодливая, но подхалимная... Я гадости людям избегал делать, вот и вся моя судебная история. Кстати, и анекдоты о Сталине я не придумывал, так что в герои не гожусь. Скорее всего — без вины виноватый...»

Да, он был без вины виноватым. Совершенно далекий в сталинское время от политики, Колесников писал книги для детей и юношества о природе, добрых зверюшках, любви к ним. Он настолько был увлечен этим, что ничто на свете больше не интересовало его. Попав на Колыму, он сохранил свою независимость, преданность теме природы. Казалось, охота и тайга, больше ничего не интересовало его. Но не мог, конечно, даже такой увлеченный своей экологической темой писатель, как Колесников, не слышать, не знать «горя народного». Вот там на Колыме он впрямь начал выдумывать анекдоты о Сталине и сталинщине...

Спас его из лагерного плена не кто иной, как Михаил Александрович Шолохов, к которому Колесников обратился с письмом — просьбой о помощи спустя почти десять лет «отсидки» в колымских бараках.

— Если бы не Михаил Александрович, отсидел бы все пятнадцать от звонка до звонка, а может быть, прибавили бы еще за анекдоты, за неблагонадежность, — говорил мне Колесников. — И жить бы мне на Сахалине, а не на родной Донщине...

Не единожды преследуемый властями и органами так называемой Безопасности, Михаил Александрович Шолохов даже в самые тяжкие сталинские годы оставался милосердным на помощь, отзывчивым. Он не отказался от Правды, но не отрекся и от людей. И чем сильнее становилась к нему привязанность народа, тем добросердечнее был Шолохов. Одного вызволил из тюрьмы, другого спас от сахалинской сумы, третьего от мести высокого начальника отвел... И продолжал писать Правду по указке собственного сердца! Вспомните: по велению «сверху» Фадеев несколько раз переделывал «Молодую гвардию». Шолохов с верхами не считался!

И еще одна прекрасная черта Михаила Александровича — он всегда поддерживал своих коллег — и знаменитых, и малоизвестных литераторов, — охотно подсказывал им темы, их разработку.

Однажды, узнав, что я родом из Казахстана, родился в селе Каскелен Алма-Атинской области, Михаил Александрович спросил:

- А о подвиге Абдилова слышал?

Краснея, признался, что нет.

- Когда будешь на хуторе Коньки близ станции Боковской, обязательно поинтересуйся гранитным памятником, на пьедестале которого

застыл солдат в скорбной позе. Это твой бессмертный земляк... Вот о ком написать надо бы...

Вскоре редакционное задание забросило меня на Верхний Дон. Побывал я и на хуторе Коньки, разыскал памятник, на мемориальной доске которого было написано: «Здесь похоронены Герой Советского Союза Нуркен Абдиров и стрелок-радист А. И. Комиссаров». Далее упоминались фамилии еще 60 воинов, погибших в этих местах в боях с фашистами.

От местных старожилов я и узнал подробности о подвиге Нуркена Абдирова. Узнал также и о том, что русский друг Нуркена – стрелок-радист Саша Комиссаров, погибший вместе с ним, в одном, охваченном пламенем самолете, по ходатайству Михаила Александровича Шолохова в 1966 году был награжден посмертно орденом Отечественной войны II степени.

Узнал я также о том, что мать Нуркена Абдирова – Багжан – почетный гражданин станицы Боковской. В 1965 году ее тепло и сердечно принимал у себя в Вешенской Михаил Александрович Шолохов. На память они сфотографировались на Дону – этот фотоснимок сейчас хранится в музее М.А. Шолохова. На нем неизвестным фотографом запечатлены мать Нуркена Абдирова – Багжан, М.А. Шолохов, карагандинский литератор Г. Якимов, а также группа людей, сопровождавших их в ту памятную встречу в Вешенской в 1965 году.

Михаил Александрович всегда тепло отзывался о Казахстане, куда в годы Великой Отечественной войны была эвакуирована его семья и где он подолгу жил близ Уральска, работая над новыми произведениями. В 1943-1944 годы в «Правде» печатались главы из романа «Они сражались за Родину», многие страницы которого Михаил Александрович написал в Казахстане.

Мне довелось дважды встречаться с Михаилом Александровичем Шолоховым. Незабываемые это встречи! Михаил Александрович был всегда прост в обращении с людьми, не зазнавался. Тогда, помню, в блокаде я записал: «Величие Шолохова – в его простоте и любви к людям».

Когда я переехал из Ростова-на-Дону в Дзезказган, то выслал в Вешенскую свой очерк «Автограф с Дона» из газеты «Советская культура» и попросил Михаила Александровича подарить мне свою знаменитую книгу «Судьба человека» с автографом. И что вы думаете? Вскоре я получил из Вешенской бандероль, а в ней – книга «Судьба человека» с дарственной надписью. Вот таким был Шолохов – чутким к каждой просьбе молодых литераторов, журналистов!

Книга Шолохова «Судьба человека» как раз подошла к моему дню рождения. И я должен сказать, что она часто помогала мне в зстойные годы нашей общественной жизни верить, что «русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит, и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина».

Глава сороковая

Бескорыстный взнос писателя

Мне довелось дважды видеть воспетого народом писателя Константина Михайловича Симонова. На всю жизнь я запомнил творческую встречу с ним в Доме культуры офицеров Тихоокеанского флота во Владивостоке в 1969 году.

Произошло это во время событий на Даманском, когда китайские пограничники пересекли границу с СССР и попытались захватить этот чудесный остров. Константин Симонов побывал на месте жарких боев, и решил поделиться своими впечатлениями с дальневосточными читателями... Но начал он творческую встречу не с рассказа о своей поездке на Даманский, а со стихов. Он встал за трибуну и, размахивая своей знаменитой трубкой, стал читать:

«Жди меня, и я вернусь...»

Когда прочитал эту строчку, зал вздрогнул и громкие аплодисменты сотрясли Дом культуры офицеров-моряков. Это продолжалось минут пять, пока знаменитая трубка в руке писателя не очертила круг в воздухе, прося о тишине.

И Симонов продолжил читать поэзию. Тогда я убедился: его чтение стихов неповторимо. Чуть картавя, не спеша, но с большой внутренней силой он нес свои слова людям, пытаясь дойти до сердца каждого.

Симонов любил Дальний Восток, Приморье, Владивосток, его людей – моряков, рыбаков, лесорубов, строителей. Он приезжал сюда неоднократно. Помню, на встрече с писателем в 1967 году в редакции приморской краевой газеты «Красное знамя», где я в то время работал, Симонов с уважением, а порой и восторгом рассказывал о творчестве дальневосточного писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева, сумевшего передать через образ удэгейца Дерсу Узала всю красоту, прелесть и суровость приморской тайги, ее рек и заливов... Приморье Константин Симонов называл «исконно русской землей» и подтверждал этот незамысловатый тезис цитатами из книг Владимира Клавдиевича. Константин Михайлович говорил: «Даже немногочисленное китайское население появилось в Приморье, по утверждению Арсеньева, только тогда, когда русские переселенцы уже освоили этот суровый в те времена край, когда в нем появились первые дороги и первые морские гавани, - словом, когда он стал на путь современного развития».

И далее: «Не кто-нибудь другой, а именно мы, советские, а если говорить о национальности – главным образом – русские люди в годы гражданской войны вышибали из этого нашего края и своих собственных русских белогвардейцев и иностранных, японских и всяких иных

оккупантов, вышибали во имя того, чтобы полноправно владеть этой, принадлежащей советскому народу, землей.

А если говорить о сегодняшнем дне нашего Приморья, то, конечно, надо признать, что за пятьдесят лет неустанными трудами живущих в нем советских людей этот край так неузнаваемо преобразился, что не в пример прежнему, стал, наверно, еще более лакомым куском для любителей зариться на чужое!

И красавец Владивосток, и океанский порт Находка, и выходящие во все океаны суда дальневосточного рыболовного флота, и десятки новых заводов, и новые мощные электростанции (одна из которых, кстати, достраивается неподалеку от Даманского) – все это есть у нас в Приморье!

А то, чего еще нет, – будет! Потому что народ здесь очень любит свой край и умеет работать».

Константин Симонов рассказал о своей поездке по Приморскому краю, встречах с военными моряками, рыбаками, пограничниками. Всюду писателя радовало, что его книги читают, почитают. Один моряк подарил ему кораблик с алыми парусами. Оказывается, он смастерил его сам. И, вручая дар писателю, сказал ему: «Пусть ветер удачи всегда дует в ваши паруса».

Как известно, «ветер удачи» после путешествий по Дальнему Востоку непременно дул в пользу Симонова. По результатам этих поездок у Симонова вышли книги «Остаюсь журналистом», «Признание в любви», а чуть позже дневники «Сегодня и давно» (М. Советский писатель, 1978 год). В дневниках он особое место уделил конфликту на Даманском, написав об этом целую главу «Мысли вслух».

В своих дальневосточных очерках, книгах он славил простых людей России и почти ничего не писал о себе. Между тем, Симонов оставил о себе долгую память у дальневосточников многочисленными добролюбивыми поступками. Я знал, что во время пребывания во Владивостоке К. Симонов пообещал местному Дальневосточному издательству написать книгу заметок о Приморском крае «Признание в любви». Как-то захожу к директору этого издательства Льву Яковлевичу Иващенко, и он показывает мне письмо от Константина Михайловича. В письме К. Симонов сообщает (привожу полностью):

*«Дальиздату
20 ноября 1967 г., Москва*

Дорогой товарищ Иващенко!

Посылаю Вам два экземпляра подписанного мною договора.

В бытность мою в Арсеньеве я обменялся там мыслями с товарищами насчет личных взносов на общественную постройку памятника Арсеньеву. Насколько я понял, они пришли именно к такой идее, и мне бы хотелось тоже сделать взнос на строительство этого памятни-

ка. Поэтому прошу Вас деньги, которые мне будут причитаться за выход в Вашем издательстве моей книги «Признание в любви», перевести на текущий счет в Арсеньев на строительство памятника писателю.

Если же такой счет еще не открыт, то прошу издательство открыть такой счет в Арсеньеве и перевести в качестве первого взноса на этот счет причитающийся мне за эту книгу гонорар.

*С товарищеским приветом
Константин Симонов».*

Конечно, просьба писателя была выполнена. От себя добавлю, что это был первый крупный взнос на возведение памятника В.К. Арсеньеву. Следуя примеру Симонова, вскоре многие приморцы стали перечислять деньги на строительство памятника. На средства почитателей таланта В.К. Арсеньева памятник ему был сооружен на сопке Увальной и открыт 10 сентября 1972 года к столетию со дня рождения Владимира Клавдиевича. В то время я уже находился в Ростове-на-Дону на работе в редакции областной газеты «Молот» и не смог выехать в Приморье. Но сын Владимира Клавдиевича Арсеньева – Владимир Владимирович Арсеньев мне выслал в Ростов-на-Дону свой фотоснимок памятника, сооруженного по инициативе приморцев.

Сегодня, когда я слышу от некоторых моих братьев-писателей упрёки в адрес покойного Симонова, что он, обладая миллионными доходами, был жаден на спонсорские дела, ничем никому не помогал, я говорю им: это неправда! И вспоминаю историю о бескорыстной помощи Симонова по возведению памятника его любимого писателя В.К. Арсеньева.

Глава сорок первая

Волшебная сила Полевого

С Борисом Николаевичем Полевым я встретился в Москве в 1976 году. Приехал я в столицу нашей Родины из Ростова-на-Дону по творческим делам в издательство «Колос», с которым активно сотрудничал, печатаясь в журнале «Земледелие». К тому времени я уже опубликовал в этом журнале ряд очерков о наших современниках-агрономах, председателях колхозов, бригадирах, рядовых механизаторах. После утверждения моих планов работ на будущее главный редактор журнала В. Иванов предложил мне побывать на ВДНХ. И сказал: «Там книги нашего издательства выставлены, а в них и твои очерки встречаются». И добавил: «Все остальное время – твое».

Побывал я на ВДНХ, с большим интересом познакомился в павильоне «Печать» с книгами издательства «Колос». А затем сходил в павильоны животноводства, земледелия. После Москвы я собирался навестить мою маму, которая жила в Джезказгане. И поэтому я с нескрываемым удовольствием рассматривал коров-рекордсменов и быков из Джезказганской области. Позже это знакомство мне пригодилось, я побывал, приехав в Джезказган, в хозяйствах «Красная Поляна», «Просторненский», где выращивали этих чудо - кормилиц, написал очерки о мастерах-животноводах.

В Москве я вспомнил, что взял с собой несколько стихотворений о Дальнем Востоке для публикации в знаменитом тогда журнале «Юность». Главным редактором этого журнала в то время был народный любимец, писатель Борис Николаевич Полевой.

Мне повезло. Секретарша в приемной сказала:

- Подождите немного. Борис Николаевич в машинописном бюро, диктует свою новую книгу. Скоро придет.

Пригласив меня в свой кабинет, Борис Николаевич начал расспрашивать, кто таков, откуда. Узнав, что я – журналист, заинтересовался:

- Пишете ли очерки о современниках?

Я ответил, что пишу и довольно часто. Кстати, сказал я, недавно в журнале «Земледелие» опубликован мой очерк «На земле, которую защищал» о человеке из племени маресьевых – Герое Социалистического Труда, председателе колхоза имени Мичурина Семене Ивановиче Кравцове... Он до войны работал на шахте, потом окончил военное училище. С первых дней войны – командир пехотной роты. Участник Сталинградской битвы, там же под Сталинградом вступил в партию, освободил родную донскую землю от фашистской нечисти. В бою под Курском

был тяжело ранен в обе ноги. Одну удалось спасти, а вот другую... Пре-небрегая советом врачей – выбрать работу полегче, пошел в МТС, водил грузовик, трактор.

- Знаете, какая у него любимая книга? – спросил я Бориса Николаевича и сам же ответил. – Ваша книга – «Повесть о настоящем человеке». Она вела его всю жизнь, за твердость характера, трудолюбие его избрали парторгом МТС, затем направили на учебу в сельскохозяйственный институт, который он окончил с отличием. Так Семен Иванович стал председателем колхоза имени Буденного, добился его процветания, а затем по примеру Гагановой перешел в отстающий колхоз имени Мичурина и вывел его в передовые. Когда было трудно, он читал-перечитывал «Повесть о настоящем человеке», повторяя слова Маресьева: «Мы – советские люди».

- Спасибо за ваш рассказ, - неожиданно произнес Борис Николаевич и подсказал. - А почему бы вам не написать цикл очерков о продолжателях подвига Маресьева? Получилось бы замечательно!

И продолжил:

- Я взялся за написание повести о Маресьеве во время Нюрнбергского процесса, на котором присутствовал в качестве корреспондента «Правды». И там я услышал признание нациста Германа Геринга о том, что немцы проиграли войну не потому, что были плохо вооружены, а потому что плохо знали душу русского человека – она всегда оставалась и остается загадкой для Запада. И я подумал разгадать эту загадку, рассказать всему миру о патриотизме русских людей, их любви к Родине, готовности преодолевать любые трудности, любые болезни ради Победы. И сделать это на образе знакомого мне рядового летчика Алексея Маресьева, который лишился обеих ног, но вновь сел за руль самолета, чтобы быть на фронте, беседовал с ним в землянке...

Успех повести был настолько велик, что я решил написать серию книг о моих современниках, героях наших дней. Вот недавно завершил работу над книгой «Анюта» - о подвигах девушки-санструктора Анюты, которая вынесла с поля боя тяжело раненного капитана, а затем организовала в лесу у партизан подпольный госпиталь... А теперь вот взялся за книгу «Биографическая повесть» - портреты современников, знатных людей страны.

Немного подумав, Борис Николаевич продолжил:

- Рассказывая о лучших представителях своего времени, писатель не только других, сам себя воспитывает, участь на примерах этих личностей. Когда я писал очерки о маршалах Г.К. Жукове, И.С. Коневе, К.К. Рокоссовском, то сам подтягивался, становился более дисциплинированным, более работоспособным, я как бы перевоплощался в своих героев, и лень покидала меня навсегда и бесповоротно, и веры в свои силы прибавлялось...

Немного помолчав, как бы спохватившись, Борис Николаевич спросил:

- А ко мне, собственно, вы по какому вопросу? Что-то хотели предложить нашему журналу?

Прочитав мои стихи о Дальнем Востоке, Борис Николаевич сказал:

- Вижу, вы – человек бывалый. Ваши стихи «С Владивостока начинается Россия», «Айсберги», «Грузчик», «Побратимам» от жизни. Стихи не комнатные, не кабинетные. Мы их непременно напечатаем.

Он вызвал заведующего отделом поэзии журнала Натана Злотникова и сказал ему:

- Вот тебе стихи, достойные публикации в нашем журнале. Готовь подборку.

Когда Натан вышел с моими стихами, Борис Николаевич спросил:

- Что-то вы все время смотрите на стопку моих карандашей. заинтересовались?

Я ответил:

- Да, заинтересовался. Мне любопытно: вы свои вещи пишете карандашами, как Семен Антонович Макаренко?

- Да, раньше писал карандашами, - сказал Борис Николаевич. – Но это – карандаши сувенирные, мне их подарили в Америке... Как-то поставил их в вазочку, так и стоят. Иногда использую, делая пометки на полях рукописей авторов. Могу подарить вам в память о нашей встрече, может, пригодятся?

Борис Николаевич взял вазочку с карандашами и протянул мне:

- Выбирайте!

Я взял три карандаша и поблагодарил Бориса Николаевича за подарок.

Провожая меня, он сказал:

- Где бы вы ни находились, пишите не только стихи, но и прозу! Ни на один день не отрывайте пера, карандаша от бумаги. Больше пишите очерков о наших современниках, настоящих людях, героях труда из «племени Маресьевых»... Сам воздух нашей жизни насыщен героизмом. И еще одно хотел сказать: писать надо о том, что сам увидел, пощупал своими руками и зрением, запомнил, а не с чужих слов, не с чужой информации, чужих рассказов. Я всегда писал о том, что видел, кого видел, в чем был убежден, что хорошо знал. Я твердо уверен: будущее прозы = за документальными правдивыми книгами...

Наставления Бориса Николаевича Полевого я пронес через всю жизнь. «Волшебными» оказались его карандаши. Вернувшись на Дон, я написал ряд очерков о тружениках села и города – наших современниках – участниках Великой Отечественной войны и тыла. И, приехав жить в Казахстан, я не забывал маресьевскую тему. В совхозе имени Амангельды Улытауского района я встретился с участником Великой Отечественной войны Ермагамбетом Бекмагамбетовым. Ему было около 20 лет, когда он добровольно ушел на фронт. Под Воронежем вражеский снаряд угодил прямо в оружие, оторвало солдату левую ногу. Вернувшись в Сарлык, несмотря на свою инвалидность, работал на тракто-

ре, ведь мужчин в селе не хватало, затем выучился на экономиста, воспитал замечательных сыновей. Его сын Толыкбай погиб при спасении кормов и сельхозтехники от пожара, за что был посмертно награжден орденом «Знак Почета».

Писал я о ратных и трудовых подвигах фронтовика, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР Ивана Ивановича Иванова, который мужественно защищал Ленинград, в боях на «Невском пяточке» был тяжело ранен, потерял, как Маресьев, обе ноги, но нашел в себе мужество встать в общий строй. Он был в первых рядах первоцелинников, в совхозе «Новый путь» Осакаровского района вступил в КПСС.

Писатель Болгарии Стефан Поптонев познакомил Ивана Ивановича с болгарским Маресьевым – коммунистом, машинистом экскаватора Владимиром Кьяновым, который перенес ампутацию ноги. Он летом 1957 года первым приехал в Темиртау на строительство Казахстанской Магнитки. О нем рассказал подробно в своей книге «Стальной профиль Казахстана» Нурсултан Абишевич Назарбаев. В частности, он писал: «Долгое время в Темиртау никто даже не догадывался о том, какое несчастье постигло этого жизнерадостного парня. Работая в котловане первой домны, Кьянов постоянно давал за смену две, а то и три нормы! Ему было присуждено первое место среди экскаваторщиков управления механизации треста «Казметаллургстрой».

Вот такими героями – настоящими людьми нашего времени – пополнялись циклы моих очерков о современниках. Слова «настоящий человек» стали высшей оценкой людей, которых я подбирал для своих публикаций. Помню, еще в Ростове-на-Дону заведующий отделом партийной жизни газеты «Молот» Евгений Прокофьевич Попов встречал меня вопросом:

- Что, принес новый очерк? И опять о настоящем человеке?

Я отвечал:

- Да, о настоящем.

И он приветствовал:

- Тогда пойдет.

Так что, как вы убедились, встреча с Борисом Николаевичем Полевым не прошла для меня бесследно. Она утвердила меня в том, что я иду в журналистике правильной дорогой, знакомя читателей с последовательными подвига великого героя нашего времени, летчика Алексея Маресьева, о котором, безусловно, знает весь мир.

Глава сорок вторая

Здравствуй, Яша, ты – живой!

Как-то я побывал в историко-культурном Центре Первого Президента РК в Темиртау на фотовыставке, посвященный Дню Победы. И там неожиданно для себя увидел фотоснимки знакомого мне корреспондента-фронтовика Якова Ильича Рюмкина. Они потрясали своей правдой и художественностью, ведь были сделаны фотомастером в экстремальных условиях жарких боев за Сталинград. Это довольно знаменитые теперь снимки «Советские автоматчики бегут в развалинах здания в Сталинграде», «Генерал-лейтенант В.И. Чуйков и генерал-лейтенант К.А. Гуров в районе Сталинграда», «Пленный немецкий солдат в эрзац-валенках в поле под Сталинградом», «Фронтальной кинооператор снимает колонну немецких пленных в Сталинграде»...

Когда рассматривал эти снимки, то мои губы непроизвольно шептали: «Здравствуй, Яша! Выходит, ты живой...»

Познакомился я с Я.И. Рюмкиным в Ростове-на-Дону в 1976 году. В то время я, работая в газете «Молот», одновременно сотрудничал с известным московским издательством «Колос», и довольно часто писал очерки о тружениках села по его заданиям в книги и журналы. А Яков Ильич был штатным работником этого издательства на должности фото-корреспондента. И где только ему не приходилось бывать – на Кубани, в Сибири, на Дальнем Востоке, даже на Северном полюсе. И как в фронтовые огненные годы, он с большой ответственностью и высоким профессионализмом выполнял задания издательства, радуя всех великолепными фотоснимками.

В 1975 году издательство «Колос» наметило выпустить сборник «Золотые зерна» о тружениках сельского хозяйства – Героях Социалистического Труда. По договору с издательством я написал очерк «Запев» о комбайнере Николае Васильевиче Бочкареве. Этим очерком и открывался сборник. Составитель Юрий Иванович Чичев позвонил мне из Москвы и сказал, что мой труд высоко оценил писатель Михаил Алексеев.

- Книга получилась удачной! – кричал в трубку Ю.И. Чичев. – Наш фотокор Яша Рюмкин скоро будет на Дону, он и доставит тебе авторский экземпляр. Так что встречай! С тебя сто грамм фронтовых...

Вскоре Яков Ильич предстал перед моими «очами» с книгой «Золотые зерна». А вечером мы уединились с ним в кафе в центральном парке культуры и отдыха имени Максима Горького. Там обычно ростовские писатели «обмывали» свои новые книги. Чем мы хуже?

Выпив «сто грамм фронтовых» Яков Ильич доверительно сообщил

мне, что в издательстве намерены выпустить новую книгу – о лауреатах Государственной премии СССР 1976 года, занятых в сельском хозяйстве.

- Будешь участвовать? – спросил он и, опережая мой ответ, сказал. – Я уже дал свое согласие.

Конечно, я утвердительно кивнул головой. Мне imponировало, что наши фамилии снова будут стоять рядом. Мой текст, фото – Рюмкина. Я гордился этим человеком, награжденным за мужество и отвагу в годы Великой Отечественной войны многочисленными орденами и медалями. Это о нем после войны написал Борис Николаевич Полевой: «Даже среди беспокойного племени военных фотокорреспондентов трудно было найти в дни войны фигуру более колоритную и динамичную, чем корреспондент «Правды» Яков Рюмкин, с которым мне доводилось встречаться на многих фронтах от Нижней Волги до Шпрее. В истории нашей журналистики сохранится уникальный, на мой взгляд, факт: фоторепортер, полетев снимать горящий Сталинград в редкий, тихий час Сталинградской обороны, сбил немецкий самолет. Этим фоторепортером был человек с многозначительной фамилией Рюмкин. Он полетел, заняв место стрелка-радиста, и когда их «ИЛ» атаковали «мессеры», отложил фотоаппарат в сторону и взялся за гашетки крупнокалиберного пулемета. Как утверждал он потом, он сделал это «в порядке самообороны» и даже «со страху». Возможно. С ним все возможно. Однако, свидетельствую, что в дни многих наступлений я видел Рюмкина в передовых наступающих частях, и его страсть доставить в редакцию уникальный снимок, не стесняясь ни в трудах, ни в средствах, была тоже общеизвестна».

Да, он всегда был на передовой на разных фронтах, всем известны его фотоснимки, сделанные в битвах за Сталинград, освобождение Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии. Он снимал боевые действия нашей армии в Берлине.

Всюду его знали, привечали. Его любили и маршалы, и генералы, и офицеры, и рядовые. Во время привалов после жарких боев, бывало, первый тост был таков: «Давайте поднимем рюмки за нашего любимого Яшу Рюмкина, он умело и правдиво создает фотолетопись войны, нашего подвига...»

Сейчас фотоснимки военных лет Я.И. Рюмкина хорошо представлены в альбоме «Антология советской фотографии» (1941-1945 годы), выпущенном издательством «Планета» (Москва) в 1987 году. Здесь напечатаны его самые популярные фото: «Солдат. Курская дуга. 1943», «Между боями. Воронежский фронт. 1943», «Защитники Сталинграда. 1942», «Бой на территории завода «Красный Октябрь». Сталинград. 1942».

Как видим, популярность Якова Рюмкина прежде всего связана с именем Сталинграда. В самое пекло войны он проникал со своими фотоаппаратами «Фэдом» и «Лейкой», чтобы запечатлеть великий подвиг нашего народа в Великую Отечественную. И сам, не замечая того, совершал незамысловатый подвиг фотокорреспондента газеты «Правда».

Но о себе он не любил говорить. И в кафе в центральном парке Ростова-на-Дону я не услышал от него ни одного «я», он больше говорил о своих друзьях-товарищах с восхищением и уважением. Он вспомнил свою дружбу с Максом Альпертом. «Его фотоснимки «Комбат» и «В атаку!» - это классика!» - восклицал Яков. - Макс не боялся пуль и снарядов, ради оригинального фото он сам ходил с солдатами в атаку... Он фотографировал прямо с танков, идущих в бой, с плотов на переправах, из окопов...»

Тесные узы дружбы связывали Я.И. Рюмкина и с фотокорреспондентом газеты «Правда» Виктором Антоновичем Теминым. Тот вошел в историю советской журналистики как оперативный и находчивый фотокор. Когда над рейхстагом взвилось Знамя Победы, Виктор Антонович поднялся на самолете в небо поверженного Берлина и сфотографировал его, в тот же день на ближайшем самолете доставил снимок в Москву. И уже на следующий день уникальная фотография была опубликована в «Правде». И, взяв кипу свежих номеров газет, Виктор Антонович полетел обратно в Берлин с ними. То-то была радость воинам-освободителям, когда они увидели этот снимок! Победа, желанная Победа!

Хорошо знал Рюмкин и Михаила Михайловича Калашникова, который всегда тоже выполнял оперативно задания «Правды». Его знаменитый снимок «Генерал И. Панфилов на Волоколамском направлении. 1941» вошел в историю военной фотожурналистики. Огорчительно, что Миша не сумел себя сберечь. Он был неоднократно ранен, и всякий раз возвращался на фронт. Но в 1944 году после тяжелого ранения его сердце не выдержало - и Михаил скончался в боевом госпитале.

В Берлине много раз Яков Ильич встречался с фотокорреспондентом газеты «Фронтальная иллюстрация» Анатолием Павловичем Морозовым. Тот все годы при встрече говорил: «Некогда болтать!», «Спешу на съемку», и шутливо «Хочу вас всех обогнать!» И, действительно, ему это удавалось. Его объективу принадлежат ныне исторические снимки о взятии Берлина, подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии, Нюрнбергский судебный процесс под гитлеровскими военными преступниками. Его снимок «Автограф на рейхстаге. Май 1945 года» облетел все газеты СССР. Под влиянием этой фотографии поэт Николай Тихонов написал стихи:

*«Под арками обугленного свода,
В какой-то первозданной тишине
Солдаты величайшего похода
Расписывались прямо на стене».*

А как забыть Евгения Халдея! Он снимал войну от ее первого дня до последнего: битву под Москвой, Сталинградскую битву, сражение на Курской дуге, под Одессой и Севастополем, на Северном флоте, освобождение Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, штурм Берлина. Он фотографировал самого Сталина! Все знают Халдея по фото «За кру-

глым столом Берлинской конференции. Июль 1945 года», «Знак Победы. 1945». Он снимал судебный процесс над гитлеровскими преступниками в Нюрнберге.

С «Лейками» и «Фэдами» в то время ходили в бои не только мужчины, но и женщины. Фотокорреспондентом газет «Комсомольская правда» и «Советский воин» в те огненные годы были Ольга Александровна Ландер. А Ольга Всеволодовна Игнатович печаталась в газетах «Боевое знамя», «За честь Родины». Ее запомнили как автора снимков «В перерыве между боями. Калининский фронт. 1943», «Вступление в город. Восточная Пруссия. 1944», «Освобождение узников Майданека. 1944».

Ольга Ландер подарила Якову ряд своих снимков – «Политбеседа. 1943», «Под прикрытием танков. 1944», «Минометный расчет меняет позиции. 1944» и другие.

- Будешь в Москве я тебе покажу свою богатую фотогалерею, - говорил мне Яков. – И, конечно же, свои снимки, и не только военных лет, но и нашего мирного времени.

Особенно гордился Яков циклом своих фотографий, сделанных на целинных землях Казахстана, а также в Заполярье. Он отснял множество фотографий, побывав в Арктике на дрейфующей станции «Северный Полюс».

Работа в издательстве «Колос» ему нравилась, потому что сохраняла, как он говорил, в нем «боевой дух». Он опять был в гуще событий, в гуще народа. Он принимал участие не только в создании книги «Золотые зерна», но и многих других сборников. В Ростов-на-Дону он приезжал несколько раз, я сопровождал его в поездках в совхозы. Задуманная издательством «Колос» книга «Хозяева земли» о лауреатах Государственных премий СССР вышла в Москве в 1978 году. В ней был опубликован мой очерк «Радость исполненного долга» о чабане совхоза «Красный чабан» Зимовниковского района Григории Николаевиче Симашове. И рядом чудесные фотографии Якова Рюмкина!

В последний раз мой московский друг приезжал ко мне в Казахстан в 1982 году. Издательство «Колос» наметило выпуск книги «Герои одиннадцатой пятилетки», поручило мне написать в нее очерк о старшем чабане совхоза «Алгабас» Улытауского района тогдашней Джезказганской области, Герое Социалистического Труда Мынбас Берденове. Вот из-за этого очерка и прилетел Яков Рюмкин из Москвы, чтобы сделать к нему цветные фотоиллюстрации. И это ему удалось! Сейчас листаю книгу о героях труда, изданную в 1983 году издательством «Колос», и снова восхищаюсь фотоснимками Якова, сделанными в казахстанской степи.

К моему огромному огорчению, в 1986 году величайшего фотографа нашего времени, бывшего фронтовика Якова Ильича Рюмкина не стало. Он прожил 73 года, но память о себе оставил на века.

Глава сорок третья

Яркая звезда полководца

Мы отмечаем 70-летие Великой Победы. Это событие связано с именем Георгия Константиновича Жукова, великого русского полководца, четырежды Героя Советского Союза.

Когда я вспоминаю о нем, то передо мною проходят три дня встреч с его дочерью Маргаритой Георгиевной Жуковой.

Она приехала в Караганду по просьбе местного общества книголюбов. Было ей уже за шестьдесят, седые пряди волос выбивались из-под ее платка. Но держала она себя уверенно.

Известно, что маршал Жуков был прекрасным рассказчиком. И дочь его Маргарита, выступая перед карагандинцами, покоряла точно сказанным словом, душевным теплом, щедростью своего сердца.

Все это рождалось у нее из огромной любви к своему отцу.

Она очень хотела, чтобы также трепетно к памяти Георгия Константиновича Жукова относились все люди, с которыми общалась. Первая встреча с Маргаритой Георгиевной у меня произошла в актовом зале облсовпрофа, где она проводила беседу с книголюбями. Тогда-то я и взял у нее первое интервью. Вот запись той беседы:

- Маргарита Георгиевна, цель Вашего приезда в область?

- Конечно же, пропаганда произведений о Великой Отечественной войне. Особенно хочу полнее раскрыть величие свершений и дел нашего народа, наших воинов. Не зря мой отец книгу своих воспоминаний посвятил советскому солдату.

- Если можно, немного о себе...

- Когда меня просят рассказать о своей жизни, то я отвечаю: вся она - в моих статьях и очерках. Если же вас интересует моя биография, то начну с того, что хотя я и родилась в Минске, всю свою жизнь прожила в Москве. Сейчас мне уже за 60. Как быстро летит время! Кажется, совсем недавно поступила в Московский университет, окончила экономический факультет. Но уже тогда серьезно увлеклась художественной и документальной литературой. Эта любовь, как я уже сказала, передалась от отца, который всегда тянулся к книгам. Работая мальчонкой в мастерской у купца в Москве, несмотря на большую загруженность, он все же находил возможность читать, а книжки покупал на сэкономленные «трамвайные» деньги. Отец рассказывал: «Пошлет, бывало, хозяин отвезти меха какому-нибудь заказчику в Марьину рошу или Замоскворечье, даст пятак или гривенник на конку, а я взвалю мешок с мехами на спину и айда пешком, а монету на новую книгу сберегу».

У отца была большая библиотека, перед своей кончиной он завещал ее отдать жителям деревни Стрелковка Калужской области, где родился.

- Немало страниц жизни Георгия Константиновича Жукова связано с Казахстаном...

- Да, это так. В августе 1918 года отец вступил добровольцем в ряды Красной Армии. А более конкретно - в 4-й кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии. Эта дивизия, где он тогда служил, находилась в подчинении М.В.Фрунзе, она как раз принимала активное участие в разгроме уральских белоказаков.

Недавно я была в Уральске, и мне было приятно узнать, что там берегут память о моем отце - один из красивейших проспектов города носит имя маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова.

- В последнее время появилось немало новых публикаций о Вашем отце, в журнале «Знамя» опубликована литературная мозаика Владимира Карпова «Маршал Жуков», неоднократно писал о нем Рой Медведев, другие современные литераторы, историки...

- Я всегда против того, чтобы выходили публикации и книги, где бы произвольно, субъективно трактовались факты из жизни и биографии отца, а тем более давались личностные оценки его деятельности, характера. Все это заставило меня взяться за написание книги «Диалоги с отцом». В моем личном архиве - 17 неопубликованных писем отца. Моя память цепко хранит каждую строчку из них.

Маргарита Георгиевна дала мне несколько писем отца. Кое-что я успел выписать из них. Вот письмо, датированное 1 сентября 1944 года, присланное из действующей армии:

«Маргарита! Письмо я твое получил, из письма вижу, что ты хорошая и умная девочка. Пусть тебя не угнетает тяжелая жизнь.

Наоборот, тяжелая жизнь - лучшая школа жизни. Тот, кто перенес тяжелую и не избалованную жизнь, тот всегда будет господином своего положения, а не рабом. В детстве, юношестве, да и в средних годах я перенес очень много горя и лишений и очень редко видел радостные дни, но такая жизнь меня многому научила и закалила как солдата нашей Родины. Без этого вряд ли я был бы стойким солдатом и опытным полководцем.

Спасибо тебе за карточку. Я ее очень подолгу рассматриваю...

Посылаю тебе: путевку в санаторий, 2 пальто, 2 платья, книги... Что не подойдет по размеру, скажи маме, пусть перешьет...

Крепко тебя обнимаю. Твой папа. Г.Жуков».

Когда на следующий день я вернул письма Маргарите Георгиевне, то услышал от нее:

- Я специально дала Вам прочитать письма отца, чтобы Вы убедились, как доверительно мог писать Жуков. Считаю, что и свою большую книгу «Воспоминания и размышления» отец написал доверительно, с большим чувством уважения к истории нашей Родины.

- А когда Жуков начал писать свои мемуары?

- Бытует мнение, что он стал писать свою книгу по предложению Агенства печати «Новости», то есть спустя многие годы после окончания Великой Отечественной войны. Но это не так. Как известно, сразу же после Парада Победы мой отец «попал в немилость» к Сталину и с 1946 года фактически по день кончины - 27 лет находился в опале. Причина? Она ясна - Сталин не хотел делить победные лавры ни с кем из военачальников. Особенно он опасался соперничества с Жуковым, человеком, сыгравшим необыкновенно важную роль в достижении победы в Великой Отечественной войне, с полководцем, имя которого американские историки поставили рядом с именами Суворова, Кутузова. Поэтому Сталин поспешил сразу же после победы сместить его с высоких постов, направив командующим Одесским военным округом. В 1946 году я была у него в Одессе, он очень скучал по Москве, по своим товарищам. Тогда я и предложила отцу написать мемуары. Он с интересом отнесся к моим словам. Но на мое предложение обратиться за помощью к писателю - литзаписчику сразу ответил отказом. «Мемуары будут мои - значит, я должен писать их сам», - ответил он повеселевшим, твердым голосом. С тех пор его часто видели с карандашом и тетрадь в руках у моря. Тогда-то он и начал делать первые записи своей будущей книги.

Я считаю, что мой отец в своей книге был предельно честен и правдив. Известная скромность, присущая ему как автору, только усилила объективность его книги. Он считал, что нельзя себя ставить на голову выше исторических событий, а тем более подправлять или перечеркивать факты истории. И потому получилось, что основной герой книги не Сталин или Жуков, а народ, на плечи которого легли все тяжести освобождения мира от фашизма...

На другой день мы выехали в Каркаралинск на очередную встречу Маргариты Георгиевны с книголюбями. В пути она продолжила свои размышления об отце.

- Время стирает очень многое из моей памяти, а иное заставляет переосмыслить. Почему имя отца так долго находилось в забвении? Скажу прямо: не любят у нас чтить талантливых людей. Ни при жизни человека, ни даже после его кончины. Но крупные звезды все равно продолжают гореть ярко, хотя политики того или нет. Что уж говорить о том времени, когда Берия преследовал отца и «шил» на него «грязное дело»: мол, маршал Жуков возглавляет заговор против Сталина с целью осуществления в стране военного переворота... Вы ведь читали, наверное, материалы заседания Высшего военного совета в июне 1946 года, когда Сталин, опираясь на ложные донесения Берия, хотел сделать Жукова «врагом народа». Многие бывшие соратники отца испугались, ни слова не произнесли в его защиту. Да и на Пленуме ЦК, где обсуждалось так называемое персональное дело отца, многие сотоварищи молча проголосовали, чтобы его вывести из состава ЦК.

К чему я это вспоминаю? В надежде на то, что такое больше никогда не повторится, что люди будут более терпимы друг к другу, а в тяже-

лые времена - поддерживать друг друга, а не фабриковать «дела» на лучших своих представителей...

Эту тему Маргарита Георгиевна продолжала на встрече с книголюбями Каркаралинска. Отвечая на их вопросы, она говорила:

- Отец хорошо знал, что американцы первыми признали его полководческий дар, и им была непонятна «русская возня» вокруг его имени, стремление руководителей СССР предать забвению Жукова, всячески приблизить его кончину... Это невозможно сделать, говорили они, Жуков есть Жуков, его никакими черными словами не запятнать... Отец хладнокровно относился к разным наветам на него, вспоминая пушкинские слова: «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца». Об одном он сожалел, что его опыт и знания в нашей стране так мало используются в интересах воспитания молодежи.

Если мы не дадим молодым то, что надо государству и самой молодежи для движения вперед, подчеркивал Жуков, то она обязательно сама найдет чем себя занять, избрет кумиров, которым будет поклоняться, ложных кумиров, «то, что блестит». А ведь истина, как и правда, неброска...

Глава сорок четвертая

Озарение Павла Жукова

- Его любимым словом было озарение,- рассказывала мне Нина Константиновна Жукова о своем муже. – Бывало, встаю ночью, а он сидит за письменным столом за чертежами под яркой настольной лампой... «Павлуша, ты почему не спишь?» – спрашиваю. «Озарило», - объясняет он и смеется...

Его всю жизнь «озаряло». Он был прекрасным конструктором, одним из создателей лучших для своего времени авиационных двигателей. Он работал в одной упряжке в ОКБ НКВД под конвоем с будущими академиками Стечкиным, Глушко, Королевым. Когда его сослали в ссылку в Караганду, он не пал духом, как другие, принимал активное участие в разработке проектов угольных шахт, разрезов, предприятий. Он стал автором 21 изобретения, и все они доведены до логического конца – до внедрения. В институте «Карагандагипрошахт» до сих пор расхваливают его установки для изготовления железобетонных опор линий электропередач, анкерные крепления, загрузочные устройства для скипов, щитовые агрегаты для очистной выемки угля и многие другие.

Нина Константиновна вручила мне папку с мемуарами своего легендарного мужа. Читая их, я все больше утверждался в мысли, какой это творческий человек, как много он сделал для развития советской авиации. Совместно с известными конструкторами Страховичем и Орловым он разрабатывал теоретические основы создания турбореактивных авиационных двигателей. В 1943 году по их разработкам на самолетах установили эти мощные моторы с осевыми компрессорами, и они оказались лучше немецких.

В своих мемуарах Павел Иванович Жуков подробно рассказывает о работе над новыми авиационными двигателями и самолетами в ОКБ. Легко и непринужденно описывает он встречи с В.М. Петляковым, создателем известного в годы войны самолета Пе-2, будущим генерал-майором авиационной службы, а тогда просто зэком Алексеем Дмитриевичем Чаромским, создавшим первый в нашей стране дизельный авиационный двигатель, писателем Александром Исаевичем Солженицыным.

Павел Иванович Жуков 60 лет прожил в нашей Караганде, долгое время работал главным конструктором проектного института «Карагандагипрошахт». А его супруга – Нина Константиновна Жукова трудилась в нашем институте «КарагандаГИИЗ», вначале лаборантом, а затем заведующей лабораторией в течение 23 лет. Так вот она мне говорила о том, что Павел Иванович был мужественным, отважным человеком. Он не боялся говорить правду напрямик, отстаивать свои убеждения. Соб-

ственно говоря, Павел Иванович из-за этого и пострадал. Вначале его арестовали за то, что восхвалял качество немецкого оборудования, а во второй раз - за так называемые пораженческие настроения, хотя на самом деле он говорил лишь о том, что происходившие в начале войны события на фронтах не внушали особого энтузиазма, с чем полностью соглашались все его товарищи. Так вот, когда Солженицына выдворили из СССР, Павел Иванович Жуков написал ему в Америку, в Вермонт ободряющие письма вопреки всем установкам партии и правительства, осуждающим тогда писателя.

Солженицын ответил ему:

«Дорогой Павел Иванович!

Я вас отлично помню. Вы работали в комнате «общего вида», куда никто не допускался.

Неприменно напишите воспоминания – ОКБешные и вообще тюремные – шлите...

Сердечные пожелания Вам и Вашей семье.

А. Солженицын».

Надо сказать, Александр Исаевич оценил храбрость Жукова, и, когда тот ушел на пенсию, постоянно высылал ему из своего фонда материальную помощь два раза в год – довольно крупную по тем временам сумму 34 тысячи рублей. Такую помощь от Солженицына получал и друг Жукова - Константин Иванович Страхович.

Кстати, профессор К.И. Страхович, один из лучших специалистов своего времени по реактивным двигателям, тоже после освобождения из Карлага остался жить в Караганде. Он жил некоторое время на квартире Жуковых, пока ему не подыскали работу консультанта в «Карагандагипрошахте». Через него Жуков познакомился со знаменитым биологом, профессором Л. Чижевским, который в то время тоже жил в Караганде, в доме №17 по проспекту Ленина.

В своих мемуарах П.И. Жуков описывает жуткую невыносимую жизнь зэков. Нарком внутренних дел Татарской Республики Шелудченко лично сам жестоко избивал Жукова, в этом ему помогали следователи Фролов и Колесников. Били до тех пор, пока не потерял сознание... Так они домогались от него, чтобы подписал липу о том, что он – агент иностранной разведки, осуществлял акты вредительства и диверсий на предприятии. Ночью его, еле живого, опять подняли с нар и притащили к следователю Фролову. Тот, как будто ничего не было, спросил Жукова:

- Что у вас с глазом? Вас кто-нибудь ударил? Вы еле стоите..

И сказал с намеком:

- Да, у нас тут шутить не любят, может все повториться...

И повторялось до бесконечности, до тех пор, пока Жуков не подписал липовый протокол. Так было и с Борисом Сергеевичем Стечкиным, Алексеем Дмитриевичем Чаромским.

Жуков говорил товарищам по институту «Карагандагипрошахт», что он бы не выдержал пыток следователей, если бы не его любовь –

драгоценная Нина Константиновна Жукова, в девичестве Понизовкина, дочь знатного ярославского купца, помогавшего голодающим на Верхней Волге. Она работала в Рыбинском ОКБ вместе с Жуковым, и настолько полюбила его, что часами стояла у ворот тюрем после его очередного ареста и махала ему платком, передавала посылки и письма, полные пылкой обнадеживающей любви. И это несмотря на разницу в возрасте в 15 лет! В то время Павлу Ивановичу было 35, а ей всего 20 лет. И когда П.И.Жукова отправили в ссылку в голодную и суровую казахстанскую степь, она, как декабристка, последовала за ним...

Павел Иванович Жуков скончался в возрасте 96 лет, немного не дожив до своего столетия. И Нина Константиновна бережет, как зеницу ока, все, что связано с его именем. И фотоальбомы, и мемуары с его почерком... И великолепный сад с цветником, посаженные у их дома руками Павлуши, как она говорит.

Да, завидная у них была любовь, и завидная жизнь, насыщенная трудом на благо общества. Несмотря на жесточайшие пытки сталинизма, террор, они продолжали жить рука об руку, и солнце улыбалось им из – за высоких серых домов, когда они выходили в свой скромный цветущий сад.

Глава сорок пятая

Он знал Смоктуновского

Он много раз порывался написать письмо народному артисту СССР Георгию Степановичу Жженову. Начинал с фразы: «Георгий, помнишь ли ты Норильск, наш драматический театр, Иннокентия Смоктуновского, всю нашу труппу? Высылаю тебе фото, где все мы вместе запечатлены накануне освобождения из ссылки в 1953 году». Начинал так и сразу откладывал в сторону. Слишком тяжело было вспоминать лагерные и ссылные годы в Норильске, стон суровой земли, покрытой тяжелыми снегами, и обтянутой колючей проволокой от горизонта до горизонта... Сердце начинало учащенно стучать в груди, а затем в его глубинах появлялась боль. И белый листок падал со стола недописанный, не отправленный.

«Напишу позже», - успокаивал себя художник Николай Онуфриевич Рыбецкий. Но это «позже» уже не приходило, ибо надо было работать, чтобы кормить себя, свою семью, времени на письма не хватало.

А ведь не только о Норильске хотел написать Рыбецкий своему ссыльному другу Георгию Жженову. Но и о том большом счастье любви, которое пришло к нему в Караганде. Он уже собирался уезжать из этого пыльного угольного города в Москву, да встретил здесь такую красивую, обаятельную девушку по имени Зина, что влюбился, стал ухаживать за ней, женился. Родился сын, и солнце заглянуло в его мастерскую, и света прибавилось в душе. От добра добра не ищут.

Знала ли Зина о его «преступном» прошлом? Не осуждала ли его?

Я сижу в доме давно ушедшего из жизни художника, и его вдова, ныне пенсионерка, учительница Зинаида Гавриловна Рыбецкая говорит мне:

- Конечно, я знала о его трагическом прошлом, и, конечно же, не осуждала его. За что, спрашивается? За то, что Коля по злой воле случая попал в плен под Москвой в 1941 году, - ничего не соображающий, тяжело контуженный, потерявший от взрыва бомб слух и сознание. А затем его бросили в фашистские концлагеря в Польше, где били до потери памяти за попытку побега из плена. Спасибо судьбе, какой-то польский скульптор взял его к себе в мастерскую подсобным рабочим, вырвав из цепких лап смерти.

И вот за все эти муки снова в СССР поднимаем руки? Только теперь в сталинских лагерях перед офицерами советского гестапо. Слава богу, что у него хватило силы воли пройти через весь этот ад - лагерь в Норильске, работы на медных рудниках, а затем в крепостном театре, где он и познакомился, подружился с такими же обездоленными, несчастными Жженовым и Смоктуновским.

Георгия Жженова пригнали в Норильск после второго ареста в 1949 году. А впервые его арестовали в 1938 году, обвинили в шпионаже в пользу Америки. А никакого шпионажа-то и не было! В поезде Жженов случайно, покуривая возле открытого окна вагона, познакомился с американцем, дипломатом Файвонмилем, и рассказал ему, что с актерской группой едет на Дальний Восток, в город Комсомольск – на – Амуре. У него грандиозные планы - сняться в главной роли в новом фильме, доказать всем, что он перспективный актер, может со временем стать народным артистом. И вот на основании этой безобидной беседы с американским дипломатом следователи пришили Жженову шпионаж, якобы он передал американской разведке данные о секретных стройках на Дальнем Востоке, в Комсомольске- на–Амуре.

Позже в своей книге «От глухаря» до «Жар-птицы» народный артист СССР Георгий Жженов подробно напишет, как был арестован по ложному обвинению, как отсидел 15 лет в сталинских лагерях и ссылке в Норильске, как работал в крепостном театре.

За что же пострадал Смоктуновский, Зинаида Гавриловна точно не знает, но тогда «песня» у НКВД была одна – шпионаж, антисоветская агитация и пропаганда.

Норильский драмтеатр в те годы славился, он считался лучшим среди крепостных театров Гулага. Один Смоктуновский чего стоил! По его подсказу коллектив театра брался за такие серьезные спектакли как «Гамлет», «Идиот»... Кто мог догадаться тогда, что со временем Иннокентий Михайлович за великолепное исполнение ролей в этих спектаклях, но уже на сценах Ленинграда, в одноименных фильмах, получит звание народного артиста СССР, станет лауреатом Ленинской премии? Так что уроки мастерства в Норильском крепостном театре не прошли для друзей художника бесследно.

Не прошли бесследно годы работы в Норильском театре и для самого Николая Онуфриевича Рыбецкого. Начальник управления МВД города Норильска Дергунов прочел в личном деле ссыльного – переселенца Рыбецкого, что он учился в Московской художественной школе, работал в редакции газеты «Комсомольская правда» художником-фотокорреспондентом, и вызвал его к себе.

- Нам нужен художественный руководитель театра. Потянешь?

Рыбецкий потянул. Под его руководством на бис прошло оформление почти всех спектаклей в театре. А вместе с тем возросло и профессиональное мастерство художника.

Когда закончился срок ссылки Николая Онуфриевича, его вызвали в МВД Норильска.

- Рыбецкий, пиши заявление о снятии с тебя ссылки, - сказал ему полковник МВД, начальник отдела по делам ссыльных. – И сразу решай, куда поедешь жить.

- Как куда? Конечно же, в Москву! – взметнулся бывший москвич.

- Ишь, чего захотел, подавай, мол, столицу Родины, - передернул его

полковник. – Тебе, брат, всего три города положено на выбор: Магадан, Караганда, Чита...

- А где теплее? – спросил, ежась от холода, Рыбецкий.

- Конечно, в Караганде, - подсказал полковник. – Там солнце в полнеба.

Так Рыбецкий оказался в шахтерском граде. Здесь он подружился со скульптором Евгенией Семеновной Овощниковой. Его привлекало, что она училась в мастерской у Голубкиной, что была тоже невинно осуждена (только как член семьи изменника родины). Евгения Семеновна отбывала свой восьмилетний срок с 1938 года вначале в Долинке, затем в Спаске. Она была освобождена ровно через восемь лет в 1946 году.

После Карлага ей разрешили обретаться только в Караганде. Она вела занятия в изостудии во Дворце культуры горняков, преподавала скульптуру.

О творческом содружестве с Евгенией Семеновной Николай Онуфриевич Рыбецкий всегда вспоминал тепло и радостно. Вместе с ней он участвовал в оформительских работах железнодорожного вокзала в Караганде, открывшегося в 1958 году. Всех покорила тогда установленная в центральном зале вокзала скульптурная статуя Н. О. Рыбецкого «Балерина». Она была сделана с натуры – ему позировала балерина Большого театра Марина Лебедева, к которой он относился с большим уважением и даже нежностью.

Марина Лебедева, безвинно осужденная, пройдя каторгу Долинки, не потеряла своей красоты и обаяния, стройности и профессионализма. Ее любили в Доме пионеров, где она вела студию балета.

Вдова художника Зинаида Гавриловна Рыбецкая продолжала рассказывать мне:

- Во многих аннотациях о творчестве Николая Онуфриевича упускают самое главное – он любил лепить простых людей, тех, кто пострадал в годы сталинизма, подобных себе. Однажды в книжном магазине он увидел продавца, лицо которого было полно скорби и печали. Выяснилось, что этот человек, загнанный сталинизмом на рудники Джек-казгана, хлебнул немало лютого горя. Но его тревожили не смертельно опасные болезни, полученные от рудной пыли в глубинах шахт, а духовное обнищание людей. Им, заключенным, не разрешали читать художественные и документальные книги, и, таким образом, почти всех отучили от жизненно необходимой привычки дружить с литературой. И до сих пор многие карагандинцы не могут преодолеть барьер боязни любить книгу. Страх губит их души, а это порождает равнодушие – бездушные к литературе.

«Книга не идет!- горестно вздыхал продавец.- И это меня уничтожает больше, чем силикоз».

И Рыбецкий сумел передать в выражении лица своего героя непреходящую боль и тревогу за будущее людей, порвавших всякую связь с книгами, поэзией, литературой.

Да, он был большим мастером психологических скульптурных портретов. Николай Онуфриевич первым в Сарыарке создал бюст великого Пушкина, озарив его глаза большой печалью и дерзостью не покоряться. Скульптуру основоположника русской поэзии он подарил шахтерам бассейна в марте 1956 года. Об этом сообщила областная газета «Советтік Караганды», опубликовав вместе с текстом фотоснимок с изображением художника Н.О.Рыбецкого и его детища – скульптурного портрета А.С.Пушкина.

Кстати, сам Николай Онуфриевич был великолепным фотомастером. К сожалению, в семейном архиве не сохранились снимки, которые он печатал в «Комсомольской правде», когда в 30-х годах работал в редакции этой газеты. Зато в целостности и добротной сохранности до нас дошла галерея фотопортретов выдающихся людей Центрального Казахстана. И мне приятно было знакомиться с лицами, полными вдохновения, писателя Николая Пичугина, конструктора первого серийного угольного комбайна Семена Макарова, о которых я неоднократно писал в своих очерках.

Охотно фотографировал Н.О.Рыбецкий и своих коллег – ссыльных художников, с которыми дружил и которых почитал беспредельно. Сергея Фомича Шкурацкого он, например, уважал за картину «Площадь Гагарина. Караганда», хвалил его за то, что современен, оптимистичен, несмотря на тягостные годы лишений в лагерях Сталина.

В личном архиве Рыбецких сохранилась прекрасно и фотография Николая Онуфриевича, на которой запечатлены 37 художников Караганды, в том числе репрессированные – Игорь Антонович Потапов, Оскар Оскарович Майер, Эдуард Христианович Губер и другие.

Рассматривая это редкостное фото, я вдруг подумал о том, почему оно до сих пор не попало в наши музеи, не появляется на выставках. Как и десятки других фотоснимков Рыбецкого, в том числе панорамных, трех и четырех метровых в высоту и длину. Ведь это наша с вами биография, биография Караганды, Сарыарки, Казахстана.

Как мы бываем порой безжалостно равнодушны к нашему прошлому, к тем людям, которые несли в Казахстан высокую европейскую культуру, искусство, литературу! Все уходит в прошлое, покрывается седой пылью времени, но ведь это не значит, что должны исчезнуть бесследно документы той эпохи и бесценные труды тех лет. Почему в каком-то блаженном состоянии покоя пребывают сегодня многие музейные работники и архивисты, прервав и прекратив сбор ценных и важных свидетельств прошлого, забыв о всяческих поисках, творческих дерзаниях по восстановлению давно забытых имен замечательных людей России и Казахстана, Казахстана и России. Не потому ли, что во главе этих учреждений сидят люди без специального образования, недалекие и равнодушные к историческому прошлому? Как бы там ни было, но к Зинаиде Гавриловне Рыбецкой не обращаются сегодня ни архивисты, ни работники музеев, а жаль... Ее дом полон исторических материалов, ко-

торые могли бы стать бесценным достоянием музеев и архивов нашего края, республики.

Небольшой коттедж, в котором жил замечательный скульптор Рыбецкий, уже совсем ссутулился, поник. Скрипят его двери, половицы, того и гляди, рассыпятся книжные полки. В теплые дни вода заливает двор, и к дому трудно подойти. Но живет в этом старом доме вдова художника – Зинаида Гавриловна Рыбецкая, а вместе с ней живут еще светлые воспоминания о скульпторе и фотомастере Николае Онуфриевиче Рыбецком – человеке большого творчества и большой любви к людям, принесшего в Сарыарку яркую волну творческого дыхания и европейской культуры. От его наследия мы не вправе отказываться, ведь оно дает нам новые знания и представления о прошедшем времени и тех людях, которые думали, беспокоились о расцвете земли нашей.

Глава сорок шестая

Клён казака Веневцева

Из Оренбурга от писателя Валерия Николаевича Кузнецова мне пришло электронное письмо с просьбой разыскать хоть какие-нибудь материалы о бывшем заключенном Карлага, беглом казаке, старшем уряднике Иване Степановиче Веневцеве. Местное издательство, мол, решило выпустить его роман-хронику о гражданской войне, трагедии тех лет, но след автора затерялся где-то в Карлаге, в Долинке и на том точка. Правда ли, что он был арестован за антисоветскую агитацию и пропаганду, отбывал срок в далекой, неизвестной миру Долинке и там написал свой роман о гражданской войне в России? Не смогли бы восстановить правду его тяжелой и скорбной биографии?

И вот еду из Караганды в Долинку, чтобы отыскать истину о лагерной жизни Ивана Степановича Веневцева. Директор Долинского музея памяти жертв политических репрессий Светлана Климентьевна Байнова проявила большой интерес к моему поиску, и сразу вызвала старшего научного работника Марину Клышникову. Она, де, в свое время заинтересовалась личностью Ивана Степановича Веневцева, провела опросы бывших жителей Долинки о его жизни в лагерном крае.

Вскоре Марина принесла мне свои записи, из коих следовало, что оренбургский казак И.С. Веневцев был осужден выездной сессией Акмолинского областного суда по статьям 58-14, 58-10 сроком на десять лет, и меру наказания отбывал в местах лишения свободы с 5 октября 1941 года по 25 октября 1951 года. Таким местом лишения свободы для него стала Долинка. Казалось бы, в 1951 году он стал свободен, можно вернуться на волю в родной оренбургский край! Но такого решения не последовало со стороны «власть предержащих». Так и остался Веневцев жить в Долинке, но теперь – на правах вольнонаемного, работал то старшим бухгалтером, то счетоводом-ревизором в Карлаге. А ликвидировали лагерь – с 1965 года его определили старшим рабочим склада совхоза «Карагандинский», затем – рабочим, сторожем стройуправления № 3 треста «Карагандажилстрой», наконец, гардеробщиком комендантского отделения Карагандинской высшей школы МВД СССР.

В Долинке он познакомился с Марией Константиновной, разнорабочей в столовой для осужденных. Она раздавала еду заключенным, и всякий раз прибавляла похлёбки в котелок нашему герою, так он ей понравился. Мария была родом из Ленинграда; чтобы прокормить свою семью, она покупала там лишние талоны на хлеб, что было незаконно. И в 1946 году Мария поплатилась за это, ее осудили сроком на четыре года.

Вскоре они бракосочетались. Это и спасло Ивана Степановича от голода, и придало ему сил для написания романа о прошлом белоказа-

ков. Мария всячески помогала ему, поддерживала его в этом начинании как могла. Тем более что вскоре пришла хрущевская оттепель, в 1960 году И.С. Веневцев был реабилитирован.

Вскоре Светлана Климентьевна Байнова принесла мне из Фонда музея копии справок УВД Казахской ССР, областных судов, а также трудовую книжку Ивана Степановича Веневцева. Документы подтверждали записи Марины. Удалось восстановить и адрес, по которому проживал Иван Степанович Веневцев в Долинке – это улица Садовая, дом 15, квартира 6. Именно в этом доме-бараке бывший белоказак работал над своим романом.

Вместе со Светланой Климентьевной Байновой мы поехали по указанному адресу. Я думал увидеть руины бывшего глинобитного барака, а передо мной предстал вполне приличный, хорошо побеленный дом. В его палисаднике до небес поднялся огромной высоты клен, тень которого укрывала крышу бывшего барака. Нынешний хозяин здания – водитель Борис Исупов рассказал, что тут было шесть комнат, в одной из них и жил вольнонаемный казак Веневцев. Сейчас планировка комнат изменилась – из шести родители Исупова сделали три больших комнаты. Они говорили, что густокронный клён перед домом посадил сам Веневцев. Саженец он привез из опытного сада Карлага. И как же теперь вымахал клён, как сильно он стучит в окна в бурю и дожди!

Рядом с домом № 15 по Садовой находится еще одно небольшое историческое здание – это бывшая столовая Карлага, в которой одно время работала супруга Веневцева Мария Константиновна. Здесь они и познакомились, и обручились. Мария Константиновна намного пережила своего супруга-писателя. Судя по документам, рядовой казак – дутовец, советский бухгалтер и заключенный Карлага Иван Веневцев скончался в 1975 году. А Мария Константиновна Веневцева еще в марте 1991 года интересовалась реабилитацией и судимостью своего мужа, посылая запросы в МВД Казахской ССР. В то время она уже жила в совхозе «Карагандинский» в районе Нахаловки по улице Гагарина, 50. Ее рассказ и записала Марина Клышникова вместе с библиотекарем Татьяной Алексевной Остапюк...

Мне удалось встретиться и с Татьяной Алексевной. Ее отец работал в шестидесятые годы в стройуправлении № 3 треста «Карагандажилстрой», где трудился и Веневцев. Они дружили.

По словам отца Татьяны Остапюк, Иван Веневцев, конечно же, долгое время скрывал, что он воевал на стороне войск белого атамана Дутова, в ноябре 1917 – апреле 1918 годов принимал активное участие в мятеже антисоветского оренбургского зажиточного казачества. Когда на южном Урале большевики ликвидировали этот кровавый мятеж, Ивана осудили на два года тюрьмы. В 1921 году он вернулся в родную станицу и не узнал ее – сожженную и разоренную красными дотла. Боясь нового ареста, Иван подался в Оренбург, записался на курсы бухгалтеров, окончил их. А затем уехал в Среднюю Азию, желая таким образом вы-

скользнуть из цепких лап чекистов, которые опять принялись «подчищать» белоказаков, освобожденных по амнистии как участников гражданской войны. Немало казачьих семей в то время бежало в Туркестан в Коканд. Туда же голодным этапом отправилась и вся семья Ивана Степановича: его первая жена, мать, две дочери и сын.

Как сообщил мне оренбургский писатель Валерий Кузнецов, первая жена Веневцева устроилась в Коканде рабочей на завод безалкогольных напитков. Жили впроголодь, но сын Сергей окончил механический техникум. Иван Степанович помогал семье, как мог, «оберегая» ее. И все-таки в сорок первом не уберется сам. Арест, лагерь в Долинке. Его сын Сергей Иванович Веневцев в том же году пошел на фронт, чтобы в сорок шестом в звании майора и с боевыми наградами вернуться «домой», в Коканд.

Но отца он не застал в Туркестане. Только спустя много лет получил желанное письмо из Долинки: «Жив, здоров. Приезжай, заberi рукопись...» Иван Степанович уже был расконвоирован, когда его взрослый сын с орденами и медалями на груди появился на улице Садовой в Долинке. Он побежал ему навстречу, бросив тяпку на огороде, споткнулся, чуть не упал, выпрямился и опять побежал, будто молодой... Сын стоял на пыльной улице с чемоданом, широко разбросив руки...

Конечно же, они много говорили о романе Ивана Степановича. Его главный герой был похож на Григория Мелехова из «Тихого Дона» Михаила Шолохова. Он тоже был из гущи народа и с народом воевать не собирался. Для него большевики не были представителями народных масс, он считал их бандитами без ума и образования, которые рвались к власти и богатству. И когда эта свора «бандюг» разрушила державный символ казачьего войска – статую вооруженного казака на коне на Форштадской площади Оренбурга, то у нашего героя кровь «закипела в жилах» при виде такого страшного кощунства и он примкнул к белоказакам Дутова. А еще это решение усугубил расстрел большевиками возвращавшегося с фронта домой под белым флагом казачьего генерал-майора П.В. Хлебникова. Без суда и следствия – разве можно допускать такое?

Автор романа мастерски раскрыл то кровавое время. Как написал Валерий Кузнецов, он, пожалуй, не хуже Шолохова показал «правду с высоты казачьего седла», нарисовав народным языком жестокие расправы, грабежи и разбой бандитов-большевиков.

«Несколько станиц было сожжено дотла; миллионы пудов хлеба вывезены или уничтожены; тысячи голов лошадей и скота утнаны или зарезаны на местах; масса имущества разграблена. Все станицы и посёлки, независимо от того, принимали участие в борьбе против большевиков или оставались нейтральными, заплатили денежные контрибуции и затем были обложены громадными налогами. Большевики всех казаков без разбора совершенно искренно считали врагами советской власти и потому ни с кем не церемонились. Много офицеров, чиновников, каза-

ков и даже казачек было расстреляно; ещё больше посажено в тюрьму. Особенно свирепствовали большевики в самом городе Оренбурге».

Иван Степанович просил сына беречь рукопись книги как зеницу ока. Он передал Сергею вторую, восстановленную по памяти рукопись – первую у него в зоне украли. Он говорил сыну, что если и вторая рукопись пропадет, то у него не хватит ни сил, ни памяти опять восстанавливать ее.

Надо сказать, сын сдержал свое слово, донес до нас роман Веневцева, который скоро выйдет в издательстве Оренбурга. Но как тернист, труден был путь этой книги к читателям! Написана она была на серо-желтых листах толстой бумаги, нарезанных из мешков для цемента, не очень разборчиво «почерком Максима Горького». Но сын все разобрал, отпечатал рукопись и съездил с ней в Москву в Союз писателей СССР. Но там литературный консультант, ознакомившись с книгой оренбургского казака, сказал, что это антисоветчина. «С ней ты наживешь много неприятностей!» - крикнул он Сергею. – Уничтожь...»

Но Сергей Иванович уничтожать книгу не стал. В 1950 году он написал Шолохову о литературном подвиге отца. Но Михаил Александрович, по словам Валерия Кузнецова, ответил Сергею: «Ознакомиться с рукописью Вашего отца, к сожалению, не могу, т.к. загружен работой».

И только в 1993 году Сергею Ивановичу Веневцеву удалось опубликовать первую часть романа отца под названием «Рубеж» в газете «Оренбургский казачий вестник». Этой книгой заинтересовался талантливый писатель Валерий Кузнецов, довел ее до ума, написал к ней предисловие. В свое время, а вернее в 2011 году Валерий Николаевич стал лауреатом Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» за книгу поэзии «Преображение». Думаю, и за издание книги Веневцева ему воздастся нашими читателями, обществом, ведь не каждый сегодня бескорыстно служит литературе, памяти великих узников Карлага.

Я благодарен за помощь в написании этого очерка журналисту Барлыку Альягамбетову, который свел меня с оренбургским писателем Валерием Кузнецовым, а также директору музея памяти жертв политических репрессий в Долинке Светлане Климентьевне Байновой за материалы о лагерной жизни Ивана Степановича Веневцева. Как вы уже знаете, вместе с ней мы ездили на Садовую, 15, где жил писатель-казак, и долго слушали легенду о нем, которую нашептывал нам посаженный им старый-престарый могучий клён...

Глава сорок седьмая

Я ему благодарен

Крайне редко сейчас вспоминают писателя – фронтовика, журналиста, бывшего заместителя главного редактора «Казахстанской правды» Василия Ефимовича Скоробогатова. Между тем, он был награжден орденом Красной звезды, Отечественной войны двух степеней, многочисленными медалями. Стрелковый полк, в котором он служил, с боями прошел через калмыцкие и сальские степи к Ростову-на-Дону, прорывал оборону гитлеровцев на Миусе, форсировал Днепр, сражался с фашистами на улицах Николаева, Одессы, пересек пограничную реку Прут, брал Бухарест, Варшаву, вел последние бои в кварталах Берлина, где располагалась гитлеровская имперская канцелярия. Короче говоря, Василий Ефимович прошел путь от Волги до Шпрее, проявив завидную отвагу в битве с врагом. Когда окончилась война, она не сразу его отпустила. Впечатления фронтовых лет будоражили его по ночам настолько, что однажды он не выдержал и взялся за перо, чтобы передать их будущим читателям. Так родились книги «И полк назвали Берлинским», «Мы идем к тебе, Прут». Эпиграфом к первой книге Василий Ефимович взял слова погибшего на войне командира взвода противотанковых ружей, поэта Георгия Суворова:

*«В воспоминаньях мы тужить не будем, -
Зачем туманить грустью ясность дней –
Свой добрый век мы прожили,
как люди,*

И для людей.»

Как видим, война не истощила сил фронтовика Скоробогатова. Рожденный в Казахстане, он сразу после Победы вернулся на свою малую родину, работал литературным сотрудником, заместителем редактора в областной газете «Актюбинская правда». В 1955 году его посылают на учебу в Москву на факультет журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В то время ему было 34 года, и он весь жил надеждой, что принесет родной Отчизне своими газетными строчками славу и благодать. После ВПШ его посылают первым заместителем главного редактора республиканской газеты «Казахстанская правда». «Вот так удача выпала! – писал мне Василий Ефимович. – Я попал в коллектив доблести и чести. А как еще назвать редакцию тех времен, когда у руля газеты стоял незабвенный Федор Федорович Боярский, которому и сам Кунаев не был страшен. Федор Федорович никогда не согласовывал критические статьи с вышестоящими чиновниками, не лебезил и не пресмы-

кался перед ними. Он любил смелых журналистов, «трусливые перья» у него были не в почете.

Федор Федорович очень дружил с писателем Иваном Шуховым, и я много раз был свидетелем, а зачастую и участником их бесед о том, как делать газету более популярной и читабельной. Помню, Ф.Ф.Боярский говорил:

- Надо, чтобы наша «Казправда» была боевитой и острой, как штык в военное время. И чтобы в каждом номере был гвоздевой материал. Без этого газета погибнет, превратится в никчемный информационный листок.

Надо сказать, во времена Великой Отечественной в коллективе редакции работали видные журналисты и писатели. «Казахстанская правда» давала регулярно специальные полосы о 8 гвардейской дивизии, письма трудящихся тыла фронтовикам. Активными авторами газеты были известные писатели М.Ауэзов, Г.Мусрепов, Д.Абилев, воин-пулицист Б.Булкишев, политрук М.Габдуллин. Большой резонанс вызвали статьи ученого-геолога Каньша Имантаевича Сатпаева «Сокровища недр Казахстана – тебе, фронт!», «Все ресурсы республики – на помощь фронту!», «Вклад геологов Казахстана в великое дело Победы» и другие. В своих лучших статьях К.И.Сатпаев достигает вершин публицистического мастерства. И сегодня нельзя читать без волнения, скажем, в его статье «Наша борьба восторжествует», опубликованной в «Казправде» 9 февраля 1943 года, такие строки: «Казахский народ, испытавший радость свободного труда, будет драться с врагами до последней капли крови. Лучше умереть в борьбе, чем жить рабом. Песни Джембула «Ленинградцы, дети мои!», «Москва», «Защитники Сталинграда» – воодушевляли воинов Ленинграда, Москвы и Сталинграда. С песнями наших поэтов защитники Родины идут в бой.»

Многие статьи, письма, стихи «Казправды» военных лет Скоробогатов позже использует в своих книгах, и довольно удачно.

Рассказывая о послевоенном времени, Василий Ефимович напомнил мне, что он был организатором многих интересных встреч журналистов со знатными людьми. По просьбе редакции в 1959 году в Алматы приехала известная писательница Ольга Берггольц, которая воспела «Казахстанскую правду» в повести «Журналисты». «Для нас, казправдинцев, встреча с этой умной писательницей была настоящим событием, - рассказывал в письме Скоробогатов. – Помню глубокую осень, туманы и сырость, и солнечный день, когда мы фотографировались. Я встречал Олю в день приезда, устраивал ее в правительственном пансионате в горах близ Медео, я ее провожал в аэропорт. Прощаясь с Алма-Атой, Оля рыдала на моих руках».

В письмо Василий Ефимович вложил фотоснимок, который запечатлел участников той памятной творческой встречи с Ольгой Берггольц. На нем был запечатлен и молодой тогда журналист Юрий Кукушкин, с которым я дружил до самой его кончины.

Юра Кукушкин тоже мне много раз рассказывал об Ольге Берггольц. - Это, пожалуй, самая яркая звезда «Казахстанской правды», - говорил он. - В юности Ольга работала в редакции нашей газеты, только тогда газета называлась «Советская степь» и находилась она в Кызыл-Орде. Оттуда Берггольц уехала в Ленинград, поступила в многотиражку. Все годы войны она провела в блокадном городе. Вот, действительно, муза в шинели! Война ее выковала, сделала настоящим мастером пера. Война сделала ее знаменитой.

Сейчас имя Ольги Федоровны Берггольц занесено в энциклопедию «Великая Отечественная война. 1941-45.» Ее перу принадлежат документальная книга «Говорит Ленинград!» (1946), поэмы «Февральский дневник», «Ленинградская поэма», напечатанные в 1942 году, киносценарий «Ленинградская симфония» (1945). Трагическое время ленинградской блокады также нашло отражение в ее книге лирической прозы «Дневные звезды» (1959). Наконец, Ольге Федоровне Берггольц принадлежит бессмертная надпись на мемориале Пискаревского кладбища в Ленинграде: «Никто не забыт, ничто не забыто». Как вы знаете, это крылатое выражение стало девизом всей военно-патриотической работы с молодежью в бывшем СССР.

«Оно определило в большой мере и суть нашей работы в послевоенное время, - писал мне Скоробогатов. - Мы старались поднимать на пьедестал почета людей, которые могли быть образцом, примером для подражания молодым. Я счастлив, что мне довелось работать со статьями Каныша Имантаевича Сатпаева, а также молодого тогда Евнея Арстановича Букетова...

В 1960 году В.Е.Скоробогатова назначают редактором областной газеты «Социалистическая Караганда», которая к тому времени «захирела». И он переезжает из Алма-Аты в солнечную Караганду, где обретает новых друзей. Особенно близко он сходитя с крупным государственным деятелем Казахстана, бывшим фронтовиком, начальником Кировского шахтостроительного управления Ангельбаем Алихановичем Алихановым.

В 2001 году семья Алихановых обращается ко мне с просьбой написать книгу о жизни и деятельности Ангельбая Алихановича. И, собирая материалы об Алиханове, я послал в Москву письмо В.Е.Скоробогатову с просьбой рассказать о нем. И не ожидал, что так быстро получу ответ от Василия Ефимовича. Он писал:

«Уважаемый Валерий Михайлович! Ангельбая Алихановича хорошо помню, часто встречался и разговаривал с ним. Люди такой доброты и сердечности, как А.А.Алиханов, встречаются редко. Общение с ним помогло мне вывести газету в число лучших в стране. При мне «Социалистическая Караганда» была переименована в «Индустриальную Караганду». Так вот она была представлена на конкурс, проводимый ВДНХ СССР. Нам присудили серебряную медаль и диплом».

Далее Василий Ефимович Скоробогатов вспомнил: «Когда меня назначили редактором областной газеты (до этого я работал в Алма-Ате

первым заместителем редактора «Казахстанской правды») и я приступил к своим обязанностям в Караганде, первым меня поздравил с новой должностью Ангельбай Алиханович Алиханов». Он же первым познакомил Василия Ефимовича Скоробогатова со многими выдающимися личностями Караганды, особенно ему запомнился лауреат Сталинской премии, конструктор угольного комбайна С.С.Макаров, о котором Скоробогатов позже написал в газете очерк.

Их дружба крепла с каждым днем. В.Е.Скоробогатов вспомнил, что Ангельбай Алиханович познакомил его со многими шахтами Караганды, шахтостроителями. По его совету Василий Ефимович в первые же дни своей работы побывал на шахте № 70. «А.А.Алиханов сказал мне, – пишет Василий Ефимович, – что там новое оборудование, образцово соблюдаются технологические нормы, четко идут все процессы, прекрасная вентиляция. Да и сами горные условия интересны. В иных местах толщина угольного пласта – пятнадцать и более метров...

Я отправился в забой. Пробыл там целую смену. Мне все понравилось: и рудничный двор, и транспортные пути, и выработки, где действовали новейшие комплексы – комбайны. Провели меня и к проходчикам. Проходчики, кроме пожилого бригадира, были молодые ребята, выпускники профтехучилищ, техникумов. От одного из них я услышал фразу, взятую из стихотворения Наума Коржавина:

*«Мы работаем здесь,
А живем на – гора!»*

Интересен и такой эпизод, о котором рассказывает В.Е.Скоробогатов:

«Караганда была связана со Всемирным горным конгрессом. Проходила при мне одна сессия в Караганде. А.А.Алиханов на сессии рекомендовал включить меня в группу инженеров для поездки в Западную Африку, чтобы ознакомиться с работой горных предприятий в Сьерра-Леоне, Гвинее, Либерии. Результатом этой поездки стала моя книга «Нимба».

Как-то Василий Ефимович заболел. И он оказался в больнице в одной палате с Ангельбаем Алихановым. «Нам вместе было хорошо, мы вспоминали Великую Отечественную, обсуждали злободневные проблемы, я рассказывал Алиханову об Африке.

К нему приходило много людей. Довольно часто его навещала супруга Малиля Тастановна с детьми. Оказалось, наши сыновья дружили, учились в одной школе; одном классе. Это была образцовая школа № 1. Ангельбай Алиханович был доволен.

«Я рад, – сказал он, – что наши дети подружились. Найти друга – это счастье».

Василий Ефимович заканчивает письмо самыми добрыми словами об Алиханове, о дружбе с ним. «Ангельбай Алиханович был верным товарищем журналистов, давал им объективную информацию о строящихся шахтах, жилье. Его ценили и в ЦК Компартии Казахстана, и в обко-

ме, его уважали рабочие, представители интеллигенции, средств массовой информации. Потому что он очень любил людей».

Собственно говоря, эти слова можно целиком и полностью отнести и к Василию Ефимовичу Скоробогатову. После Караганды его опять переводят в Алма-Ату, на этот раз в качестве первого заместителя Министра по делам печати (на этой должности он проработал 19 лет), а затем в Москву в Министерство печати, откуда он ушел на пенсию.

К этому хочу добавить, что ветеран воздушно-десантных войск, гвардии полковник В.Е.Скоробогатов в 2000 году был участником Парада в Москве. Об этом свидетельствует копия удостоверения памятного знака, подписанного мэром города Москвы Ю.М.Лужковым на имя В.Е.Скоробогатова, высланного мне на память Василием Ефимовичем. Он до самой кончины не порывал с творчеством. Свидетельством тому новая книга В. Е. Скоробогатова о генерале Николае Берзарине, первом советском коменданте поверженного Берлина, выпущенная в московском издательстве «Молодая гвардия».

Недавно я как бы снова повстречался с В.Е.Скоробогатовым. Произошло это в музее Евнея Арстановича Букетова. На книжных полках академика я увидел книгу Скоробогатова «Мы идем к тебе, Прут». Когда открыл ее, то прочитал на внутренней обложке надпись Василия Ефимовича: «Уважаемому Евнею Арстановичу Букетову – дружески, с пожеланием успехов в работе, здоровья, счастья. Автор. 23 сентября 1974 года. Алма-Ата». Я обрадовался этой заочной встрече со Скоробогатовым: писатели не умирают!

Глава сорок восьмая

Письма Светланы Гронской

Впервые об Иване Михайловиче Гронском я узнал из уст карагандинского поэта Игоря Шишканова. Он обратился ко мне с просьбой помочь в издании своего сборника стихов «Преображение». Вскоре Игорь принес рукопись. Я был покорен родниковой чистотой его стихов, их образностью. И сказал ему:

- Сборник твой издадим, но скажи: откуда в тебе такой талант?

Он ответил образно, чуть игриво:

- От природы, от зари, от неба.

И добавил:

- А еще немного от Литинститута, от Ивана Михайловича Гронского. Ведь это он рекомендовал меня в литературный вуз, благословил мои первые стихи.

Отец Игоря – почетный гражданин Караганды Виктор Григорьевич Шишканов подтвердил:

- Да, да, первым поддержал моего сына Гронский. Замечательный был человек, бескорыстный... Игорь некоторое время даже жил в Москве на квартире Гронских, с любезного позволения Ивана Михайловича, пока не получил место в студенческом общежитии.

К сожалению, где-то на четвертом курсе молодого поэта исключили из Литинститута с убийственной для него формулировкой: «творческая несостоятельность». На самом деле все обстояло иначе: не за это пострадал Игорь Шишканов (его стихи были безупречными с точки зрения литературной), а за анекдоты о шамкающем генсеке Леониде Ильиче Брежневем....

- Как не везет талантливым людям на Руси! – с огорчением произнес в тот день Иван Михайлович Гронский. - Поэта Павла Васильева, моего шурина, довели до расстрела, смертного кровавого оврага Сталин и его клика. Теперь молодых травят подхалимы нового «вождя» Брежнева. Не позволю!

К огорчению, неожиданная кончина Ивана Михайловича Гронского не позволила ему довести дело с Шишкановым до победного конца, восстановления его в Литинституте... А других защитников в то время у Игоря не оказалось. Он вернулся в Караганду похудевшим, с заплаканным лицом, опущенными руками. Потребовалось немало времени, чтобы поэт снова поверил в себя, свой талант, свою звезду...

- Я тогда говорил Игорю: бери пример с Ивана Михайловича Гронского! – рассказывал мне Виктор Григорьевич Шишканов - Сколько мучений выпало на долю этого человека, сколько сталинских тюрем и ла-

герей, а он выстоял, продолжал писать даже в тусклых бараках Воркуты и Актаса.

Тогда я впервые задался вопросом: кто же такой Иван Михайлович Гронский? И выяснил, что он был довольно крупной фигурой XX столетия, председателем оргкомитета по созданию Союза писателей СССР, ответственным редактором газеты «Известия» и журнала «Новый мир». В 1938 году его неожиданно для всех арестовали как руководителя контрреволюционного центра в Кремле, а затем вручили обвинительное заключение по статье 58 пункты 1-а, 7,8,11,17 УК РСФСР - измена, вредительство, террор, участие в «антисоветской организации». Он был осужден к 15 годам ИТЛ. Вскоре его отправили по этапу на дальний Север, конечный пункт - Воркута.

В лагере Гронскому вручили кайло и лопату. Он бил ими по промерзшей земле, копал ямы под фундаменты будущих тюрем. Сколько ни размышлял, за что же его забросили в Воркуту, так и не смог сделать никаких выводов... И еще сильнее вгрызался в ледяную землю.

Жизнь не раз поворачивалась к Гронскому самой страшной стороной, но он никогда не пасовал перед несправедливостью, мужественно и стойко преодолевал невзгоды. Конечно, в жестоких лагерных условиях некоторые люди паниковали, впадали в отчаяние, а то и попадали в тюремные психушки.

Как - то Иван Михайлович встретил на общих работах знакомого литератора. Кусая ногти на пальцах рук, тот, увидев Гронского, запричитал:

- Никогда больше не буду писать, никогда. В нашей стране все истолковывается наоборот, все мыслящее уничтожается, как мусор.

И завыл:

- Горе нам горе! Горе и смерть со страхом!

Гронский молча выслушал нервного литератора и тихо сказал:

- Не теряй достоинства, друг!

И увидел, как в глазах заключенного вдруг зажегся огонек надежды, он гордо поднял свою поникшую голову и впервые за кои - то дни улыбнулся. Да, конечно, нельзя терять достоинства, подтверждал его взгляд, и в лагерях надо жить в соответствии с требованиями чести, прилично и пристойно.

А Гронский продолжал:

- Веди себя как на воле, будто ты не осужденный, а свободный человек, и не только равный лагерному начальству, но и наблюдающий за ними. Ведь их со временем перестреляют, как бешеных собак, осудят, как Ягоду, Ежова, а тебя реабилитируют, и ты обо всем этом напишешь правду!

Удивительной силой обладают слова, сказанные во время, к обстоятельствам и к сердцу человека. «Словом можно убить, словом спасти, словом можно полки за собой повести...»

Сколько раз убеждался в силе этих строк Иван Михайлович Грон-

ский! В Воркуте после земляных работ он трудился на шахтах, на строительстве механического завода. Однажды его вызвал хозяин всех воркутинских лагерей Мальцев и говорит:

- Все знают вас как честного человека. А на кухне лагерного пункта №1 воруют, вроде бы и сам начальник не только дровами и углем казенным балуется, как бы они не изворовались впух. Будь добр, помоги разобратся с мошенниками!

Гронский принял дела на кухне, понаблюдал за порядком: действительно, вор на воре, вором погоняет. Заведующий каптеркой каждый день отливает десять литров растительного масла начальнику ОЛП, пять литров себе и так далес. Также и продукты на сторону: хлеб, рис, пшено, сахар, муку, мясо... Что же остается заключенным? Не зря из-за плохого питания половина списочного состава ээков в больнице лежит...

Когда начальник ОЛП, старший лейтенант Харисов явился за продуктами, Гронский не выдержал - сказал ему прямо:

- Хватит воровать «лошадей»! Еще в древности говорили: «всякое ремесло честно, кроме воровства». Что противозаконно, то не сладко... Не дам тебе ничего!

Сказать такие слова начальнику лагпункта заключенному Гронскому было нелегко. Но он почувствовал вдруг на себе всю ответственность за истощенных ээков, искусственно созданный дефицит продуктов в столовой. И крикнул старшему лейтенанту:

- Иди помолись, Иван Васильевич, за голодных ээков, у которых ты отнимаешь последнюю осьмушку хлеба.

Харисов ничего не ответил, больше того - онемел, так подействовали на него божьи слова Гронского. Не ругался, не угрожал пистолетом, как другие офицеры, однако лицо его перекосило до неузнаваемости, до синей злобы и красной мести. Вечером он все-таки собрал у себя всю свою шайку-лейку и сдавленно произнес:

- Гронского не трогать, чую: «он подсадная утка от генерала». И животы - утробы свои подожмите пока. Как уйдет этот писака из лагпункта, за наши ворота, так начнем опять шевелиться...

И, действительно, пока Гронский «сидел» в столовой, голода не было. А как ушел работать на шахту, опять начались съестные погромы. Ибо никто не говорил обидных и грозных слов правды Харисову. И тот опять распоясался. Но не дремал Гронский. Выйдя из шахты, черный и грязный от воркутинского угля, он взял с собой друзей-доходят и пешком через всю метельную степь, и к генералу Мальцеву добрался... И старший лейтенант Харисов был снят с работы, так как значения предупредительных слов Гронского не уразумел до конца. А вскоре и погоны ему сорвали.

Ээки любили Гронского за справедливость, за то, что умел постоять за них. Многих безграмотных он письму и чтению обучил, к книгам прирастил. В лагере он продолжал вести дневник тайком от всех, пи-

сал очерки, рассказы. Его дочь Светлана Ивановна Гронская, рассказывавшая мне об отце в своих письмах, очень точно отметила: «Папа не предал своих идеалов, не сломился, остался сильным, верным, надежным».

Да, Иван Михайлович не предал своих светлых идеалов. И если до необоснованного ареста, как написала мне С.И. Гронская, он был «покровителем (в хорошем смысле слова!) многих писателей, художников, интеллигентов, часто рискуя не только репутацией, но и жизнью», то в Воркуте он стал такой же надежной опорой для заключенных. К нему приходили за советом, помощью...

Светлана Ивановна подарила мне книгу Ивана Гронского «Из прошлого...» (Москва, «Известия», 1991 год). Так вот я в ней вычитал такой эпизод. Приходит к Гронскому уголовник, спрашивает: «Папаша, нельзя ли посоветоваться? Мне предлагают работать комендантом в шахте. Раз решишь ты пойти или нет?»

Гронский, чтобы поддержать его, разрешает. И объясняет ему: комендант шахты следит, чтобы шахтеры с собой не брали спичек под землю, ибо забои полны газа. Кто-нибудь забудет об этом, скрутит сигарку, чиркнет спичкой – и пропал сам, пропали его товарищи – взрыв. Так что быть комендантом – это не ущемление интересов заключенных, а, наоборот, забота о них. И Гронский говорит уголовнику:

- Так что тебя не назовут сукой, можешь идти работать комендантом!

Через неделю – две появляется знакомый Гронского:

- Что тебе подарить, старик, за хороший совет? Спирт? Наркотики?

Иван Михайлович смеется:

- А зачем мне это «добро»? Лучше хорошую книгу подари, если сможешь.

Вскоре уголовник приносит ему книгу «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография». Поясняет:

- Я попросил в книжном магазине лучшую в мире книгу. Мне сказали: лучшая в мире книга – это биография Сталина.

Ну, что ты будешь делать! Засмеялся Гронский, поблагодарил уголовника за «лучшую в мире книгу». А сам задумался – пригорюнился.

Да, отношения со Сталиным у него были не ахти какие – сложные, противоречивые. В своей книге «Из прошлого ...» Иван Михайлович дал, пожалуй, самую объективную характеристику вождю всех народов. В частности, он подметил: «Сталин – гениальный артист. Талант мгновенного перевоплощения был у него поистине шалашинских масштабов. Вот, например, беседует Сталин с человеком. Ласков. Нежен. И улыбка, и глаза – все искренне. Придаться не к чему. Провожает до дверей. И уже через несколько секунд совсем другое выражение лица. Говорит: «Какая сволочь!»

«Товарищ Сталин, вы же только что другое говорили!». «Надо было подбодрить, чтобы работал».

Некоторые писатели до сих пор представляют Гронского лучшим

другом Иосифа Сталина, почитателем ума диктатора. Это отнюдь не так. Гронский сам был необычайно сильным человеком, самобытным, большой творческой личностью. Журналисты, работавшие с ним в редакциях газеты «Известия», журнала «Новый мир», называли его редактором от Бога. В отличие от других редакторов того времени он не заглядывал в рот Хозяину, не восхвалял его, не позволял лгать себе в каждой строчке, писать доносы на коллег в карательные органы, чернить их в газете.

Когда Ивана Михайловича назначили ответственным редактором газеты «Известия», она стала пользоваться большой популярностью в народе, ее читали, выхватывая друг у друга из рук. «Правду» тех времен считали лживой, «Известия» - говорящей более объективно и правдиво.

Спросите: что такое газета вообще? Ответу: газета – это прежде всего стиль поведения и мышления редактора. Каков руководитель СМИ, такова и сама газета.

Когда редактором «Известий» одно время был Николай Бухарин, многие журналисты этой газеты были растеряны, они не знали, что, как писать.

Сам Бухарин вел себя не доблестно, терялся при возникновении конфликтов, лебезил перед членами ЦК, вождем. Он то и дело звонил Сталину: «Коба, Кобочка, скажи, подскажи, не мучай, будь добр...»

Гронский не гнул спину перед Сталиным, сам решал, что печатать и как печатать. Он не изображал из себя «героя», как это сейчас делают некоторые главные «цензоры» прессы, пекущие серенькие, но правильные газеты, как в советские времена, без гвоздевых проблемных и критических материалов, далекие от интересов налогоплательщиков, то бишь людей.

Любимая фраза у Гронского была:

- Наверное, это интересно людям, и поэтому это будем публиковать.

Заметьте: интересно не Сталину, не Калинин, не Политбюро, а людям. Потому Иван Михайлович много раз попадал под критику Иосифа Виссарионовича, его пытались сто раз освободить от занимаемой должности, но, конечно, прощали до поры – до времени.

А Иван Михайлович продолжал придерживаться своей линии. Известен такой факт. Правительство Муссолини снарядило экспедицию дирижабля «Италия» к Северному полюсу, чтобы в этом районе земного шара открыть итальянские земли. «Авантюра генерала Умберто Нобиле», - так называли эту экспедицию в народе. Однако она не удалась – дирижабль обледенел, грохнулся о мерзлую землю и разбился. Все страны мира бросились искать исчезнувшую команду летательного аппарата. Однако безуспешно – воздухоплаватели исчезли в белых ледяных глыбах Арктики.

Узнав об этом, Иван Михайлович поднял в «Известиях» кампанию за поиск пропавших без вести итальянцев, хотя хорошо знал, что Политбюро приняло решение не вмешиваться, никого в Арктику не посылать.

«Это не по-людски!», - подумал Гронский, и в газете появилась се-

рия материалов в защиту идеи посылки наших кораблей в район крушения дирижабля.

В результате Политбюро спешно пересмотрело свое решение, и в Арктику послали теплоходы «Красин» и «Малыгин», а также самолет. На кораблях устроили свои корпункты и сотрудники «Известий». В результате эта газета – единственная в мире – подробно сообщала о походе спасателей. «Красин» выручил всю группу Нобиле. Летчик Борис Чухновский первый обнаружил ее, дал радиограмму, совершив героическую посадку в торосистые льды. Вся мировая пресса гудела о подвигах Советского Союза.

Однако Сталин был недоволен. Он весьма прохладно стал разговаривать с Гронским, заявив, что тот как редактор «нарушил обычные нормы связи газеты с ЦК». И если бы инициатива «Известий» не была одобрена мировой прессой, то уже тогда бы Гронского исключили из партии, а там...

Без разрешения Сталина Иван Михайлович Гронский пригласил в СССР писателя Анри Барбюса, которого в то время обвиняли в троцкизме, устроил в «Метрополе» банкет в его честь. И Гронский, и Клара Цеткин, и Сэн Катаяма произнесли восторженные тосты, в которых назвали Барбюса «совестью французского народа», «великим писателем Франции». И вдруг ложка дегтя в бочке меда! Бела Иллеш спрашивает: «Иван Михайлович, вы согласовали текст своего выступления в ЦК? Нет! Но я же не согласен, ведь он троцкист».

Сталин и на этот раз простил строптивного редактора. «Правильно сделал! - сказал Иосиф Виссарионович. - Дураки! Не понимают, что Барбюс – это политический капитал, а они его растранижируют».

Выступал Гронский в 1932 году и против излишнего возвеличивания Максима Горького. На одном из заседаний комиссии, созданной по случаю 40-летия творческой деятельности пролетарского писателя, Сталин выступил с предложениями: «Присвоить Нижнему Новгороду и области имя Горького. Переименовать улицу Тверскую в Москве. Дать Алексею Максимовичу орден Ленина. Присвоить художественному театру имя Горького».

Все ахнули. Гронский не выдержал – бросил реплику:

- Товарищ Сталин, но это же больше театр Чехова...

Сталин с раздражением произнес:

- Не имеет значения. Не имеет значения.

И, наклонившись к Гронскому, сказал:

- Горький – честолюбивый человек. Надо привязать его канатами к партии.

И опять продолжил:

- Дать Горькому особняк Рябушинского на Малой Никитской, подарить дворец на берегу реки с огромным парком...

Судя по всему, Сталин очень надеялся на Горького, думал, что он напишет о нем очерк, как о Ленине. Поэтому в конце заседания пригро-

зил Гронскому указательным пальцем. Не встречай, мол, туда, куда не надо.

Но Гронский не испугался указательного пальца вождя. Когда началась пора репрессий над троцкистами-зиновьевцами, Сталин предложил Гронскому уволить с работы значительную часть сотрудников аппарата редакции. Однако Иван Михайлович заявил, что делать это нецелесообразно, так как это может сорвать выпуск газеты и будет скандал на весь мир.

Сталин не согласился с доводами Гронского и настаивал на своем: убрать всех троцкистов из редакции. Однако Гронский встал на пути вождя как утес. И Сталин отступил – в редакции никого не тронули.

Еще факты? Гронский не раз и не два показывал свой характер – выступал в защиту писателей и художников. В тридцатые годы в стране свирепствовал голод. Иван Михайлович выпросил у Сталина 400 академических пайков, несколько квартир в Москве. По его предложению для писателей был построен целый дом в Лаврушинском переулке, дачный поселок в Переделкино, открыты дома отдыха в Крыму и на Черном море, клуб в Москве.

Кто сейчас это помнит? А тогда слава Гронского как порядочного руководителя, заботящегося о нуждах коллег, росла изо дня в день.

Побывал как-то Гронский на собрании художников, и сразу к Сталину. Вождь спрашивает:

- Как они живут?

Гронскому бы сказать: хорошо, товарищ Сталин, благодаря вашим указаниям, заботам.

Но Гронский смело отвечает:

- Живут плохо, товарищ Сталин. Нуждаются буквально во всем, прежде всего в продуктах питания.

Гронский на свой страх черными красками обрисовывает житейное бытие художников. И о чудо! Сталин, такой жестокий, жадный на помощь, тяжелый на подъем, вдруг разволновался, начал звонить Микояну, Енукидзе, чтобы выделили для нужд художников 200 академических пайков, необходимую сумму денег. Он потребовал восстановить личные мастерские для художников, устраивать выставки картин.

- Только пусть едят как Ренин, - сказал Гронскому Сталин. - Пусть люди видят настоящее, подлинно великое искусство.

Все у него было великим. И лагеря для заключенных соответственно великие. И сажал он туда великих: Чижевского, Заболоцкого, Гумилева... Дошла очередь и до Гронского. Не угодил он Сталину, да и не пытался угодить, слишком самостоятельным показался, мало советовался.

- За что же его? - спросил Берия Сталина.

Иосиф Виссарионович разозлился:

- А ты что не знаешь, за что? Пристал, за что, за что? Я тебе поручал найти врагов народа в аппарате ЦК... Нашел?

Берия стал перечислять: Стецкий, Якубов, Халатов...

- Хватит! – остановил его Сталин. - Эти имена мелкие, не те, о них в народе не знают. Иное дело – Гронский, может быть, даже Молотов, Калинин... Подумай – наверняка, Гронский даст на них показания – великий процесс будет.

Но Гронский не дал требуемых показаний ни на Молотова, ни на Калинина. Зато мелкие пешки дали показания на него. И он возглавил, как я уже упоминал, «контрреволюционный правотроцкистский центр» заговорщиков против Сталина, ЦК, партии. Вспомнили ему, конечно, и поэта Павла Васильева, расстрелянного в 1937 году за «попытку покушения на Сталина». Не Гронский ли давал ему такое задание? Почему в руках Васильева оказался пистолет? Чей? Не Гронского ли браунинг?

И какой мути не придумывали бериевцы! Сам Гронский рассказывал дочери Светлане: «Первым моим следователем был Шулешов. Он спрашивает о Павле Васильеве: «Поддерживал Васильева? Выдвигал, поощрял, печатал?»

Я говорю, чтобы писал в протокол: «Я Павла Васильева поддерживал, выдвигал, опекал всячески, больше того – он жил у меня дома на правах члена семьи. Пишите в протокол, я этот протокол подпишу без звука. Пройдет 10-20 лет, вам придется краснеть, а я тогда с гордостью могу сослаться на протокол допроса».

Павел был безвинно расстрелян. Следователь Шулешов сошел с ума. Гронский прошел через Лубянку, Воркуту и Актас. Прошел через тернии униженного ни за что человека, но не побежденного.

После выхода из Актаса по прибытию в Москву он сразу поднимает вопрос о реабилитации Павла Васильева и его верной супруги Елены Вяловой, отсидевшей в Гулаге как член семьи изменника Родины более пятнадцати лет вместо по суду данных пяти. Вначале ее мучили в Темниковских лагерях, затем в Карелии, затем в Казахстане в Карлаге.

Некоторые друзья говорили Ивану Михайловичу:

- Зачем ворошить прошлое?

Он отвечал спокойно:

- Не вороши, коли руки не хороши. А если руки хороши и совесть чиста, то надо трогать ушедшее, чтобы дремучий сталинский лес весь правдой просветить. Как можно жить без утешения сердцу и душе?

И в конце концов он просветил дремучий сталинский лес, получил утешение сердцу и душе, не успокоившись до тех пор, пока не добился реабилитации многих замечательных писателей, художников, в том числе талантливого поэта Павла Васильева, его жены Елены Вяловой.

Конечно, меня как исследователя карагандинского края интересовали прежде всего страницы жизни выдающихся заключенных, связанные с землей Сарыарки. И когда я их листаю в деле Гронского, то нахожу, что и здесь он оставил о себе добрую память.

Как рассказал мне Виктор Григорьевич Шишканов, в Актас под Караганду Иван Михайлович прибыл из Воркуты 22 апреля 1953 года.

Здесь его уже с нетерпением ожидала вся семья – жена, ее сестра Елена Вялова, дочери...

Все в Актасе с большим почтением относились к Гронскому, оберегали его от лишних волнений. Он работал экономистом в строительном управлении, где наш очевидец Г.В. Шишканов был парторгом, главным инженером. Виктор Григорьевич осмелился приглашать ссыльного Гронского на партийные собрания, и тот был очень благодарен ему за это.

Многие в Актасе сомневались в том, что Гронский встречался, знал и работал с такими величинами как Бухарин, Сталин, Калинин, Микоян, Молотов, что ему везло на дружбу с известными писателями, журналистами, артистами. Он общался с Максимом Горьким, Александром Блоком, Федором Шалапиным, Владимиром Маяковским, Юрием Стекловым. Сам Гронский был отличным литератором, много писал. Начинал он с небольших заметок в большевистской «Правде» и «Звезде», а завершил свое творчество созданием великодушных очерков о М.В. Фрунзе, В.В. Куйбышеве, Владимире Маяковском, Павле Васильеве, Алексее Новикове-Прибое. Уже после тяжелых испытаний в сталинских тюрьмах и лагерях, а также в ссылке в Актасе Иван Михайлович взялся за мемуары. С них начинается его книга «Из прошлого...», о которой я уже упоминал.

В Актасе Иван Михайлович дружил со многими ссыльными. Кроме Виктора Григорьевича Шишканова, в гостях у него в бараке часто бывал писатель Михаил Ефимович Зуев–Ордынец с женой Региной. Именно И. М. Гронский посоветовал Зуеву–Ордынцу написать повесть о первоцелинниках Казахстана, чтобы не «киснуть» без работы. Тот последовал мудрому совету, и вскоре написал книгу «Вторая весна», которая была издана в издательстве «Советский писатель».

В семье Гронских все были одаренные. Супруга Ивана Михайловича Лидия Александровна Гронская (урожденная Вялова) писала чудесные картины, стихи, рисовала, играла на пианино. Она тоже, как муж, вела дневник, сочиняла отдельные маленькие рассказы. В 2004 году дочь И. М. Гронского Светлана Ивановна подготовила и выпустила книгу своей мамы «Наброски по памяти».

Сестра Лидии Александровны - Елена Александровна Вялова - Васильева до 1956 года также находилась в Актасе. 16 лет она не видела Москвы, находясь все эти годы в неволе. Она так же, как Иван Михайлович, многое сделала для восстановления имени своего мужа – замечательного поэта Павла Васильева, издания его сборников, избранного. Наконец, дочь И.М. Гронского – журналист Светлана Ивановна Гронская – талантливый, щедрейшей души человек. Ее умению любить, почитать своих родителей, родственников можно только позавидовать. Благодаря ее хлопотам, непревзойденным заботам уже издано три книги – отца, матери, ее собственная – «Здесь я рассадил свои тополя ...». Эта книга – о судьбах поэта Павла Васильева и ее тети Елены Вяловой, свя-

занных вечной приязнью друг к другу, поэзии, природе, людям. Слов не подберу, как душевно рассказывает Светлана Ивановна о взаимной любви двух нежных и пылких сердец, трагедии этой семьи в эпоху сталинизма. Книгу эту можно взять и в Караганде в областной библиотеке имени Гоголя, чтобы ознакомиться подробно и серьезно. Ее прислала туда из Москвы в дар читателям Светлана Ивановна. Подарила она один экземпляр документальной повести и мне с такой надписью: «Валерию Михайловичу Могильницкому с глубоким уважением за Ваш Труд по страницам нашей скорбной истории двадцатого века, за оптимизм, который вы даете в своих работах – от бывшей актасской девчонки 50-х годов. Москва, 21 января 2006 года».

В дневнике И.М. Гронского, который он вел в поселке Актас, сделана такая запись 12 февраля 1954 года: «Сегодня у меня знаменательный день. Комендант поздравил меня с освобождением... Видимо, понемногу начинают пересматривать «дела» коммунистов, арестованных во второй половине тридцатых годов ежовско-бериевской шайкой по прямому распоряжению И.В.Сталина. Видимо, приходит конец авантюрной политики Сталина, направленной к истреблению всего лучшего, мыслящего...»

Да, такой конец в конце концов пришел! Но рецидивы сталинизма еще живы, их надо искоренять, чтобы они не перешли в хроническую болезнь...

Перед своей кончиной Иван Михайлович пророчески утверждал: «Историю изменить нельзя, как бы ни старались придворные писаки... Правда восторжествует, хотя, возможно, и не скоро. Поставит все на место. Правдиво, по заслугам, отдаст должное каждому деятелю – одних она поднимет, с других сорвет пышные обличенья и венки. Этого многие не понимают. Тем хуже для них».

Нам надо сегодня отдать должное Ивану Михайловичу Гронскому – человеку с заглавной буквы, имя и жизнь которого будут все больше привлекать к себе писателей, художников, журналистов. Светлана Ивановна Гронская, тепло повествуя о своем отце, написала мне: «Он – человек – глыба». Вот именно: «человек - глыба», я с ней согласен. Перенести 15 лет заключения, «поражения в правах» и остаться мужественным, верящим в будущее своего народа, своих детей, своей страны – это под силу только большому человеку.

Недавно я побывал в Актассе. Давно уже здесь нет бараков, в которых жили ссыльные, нет мужской и женской зон с вышками и колючей проволокой, кирпичного завода, где работали зэки, автобазы, стройуправления, да и шахту закрыли. Почти безлюдный поселок, ветер гуляет по снежным улицам... И ничто не напоминает о прошлом, о тех людях, которые в неволе томились и страдали здесь. А жаль – героические были люди. Хотя бы имя Гронского можно увековечить в названии улицы? Небольшой музей открыть, стелу о жертвах сталинского террора поставить? «Можно, можно», - гудит ветер вдоль трассы на Караганду.

Глава сорок девятая

**«О память сердца,
ты милей ...»**

Давно мне хотелось побывать в селе Пушкино ныне Бухар - жырауского района Карагандинской области. Интересовался у сведущих людей, краеведов, почему именно так названо село? Отвечали уклончиво. И все – таки в конце концов удалось выяснить в краеведческом музее, что Пушкино было основано в 1914 году в урочище Корганколь крестьянскими переселенцами из России, Украины и Крыма. В 1915 году жители переселенческого участка собрались на общий сход и решили назвать свое село в честь великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Вот и все, что сумел разузнать.

Далековато добираться до села, названного именем родоначальника русской литературы и языка. От областного центра до Пушкино 78 километров. Но верх одержала неумная жажда прояснить подробности, откуда приехали первые переселенцы, кто они? Может быть, из любимого Пушкиным Михайловского или из Калужской губернии, где находилось поместье Гончаровых – Полотняный завод и где прошло детство его супруги Натальи?

Пока ехал, думал о том, что жизнь каждого из нас так или иначе пронизана поэзией Александра Сергеевича Пушкина. С детства до глубокой старости. Бабушки и мамы читали нам, малышам, пушкинские сказки, а в школе, когда мы влюблялись, объяснялись в любви стихами Пушкина. А, повзрослев, читали прозу Александра Сергеевича и открывали для себя Россию во всей ее правде, красоте и нищете, романтике и кровавых пугачевских бунтах...

С именем Пушкина у меня связано многое безвозвратно ушедшее и волнующее, как сама моя юность. В молодые годы я часто бывал в Москве, ведь там у меня и сейчас живут родственники. Но чаще всего я останавливался у бабушки и дедушки в Подмосковье в городе Клин. Это в часе езды на электричке от Ленинградского вокзала. А двоюродный мой дядя Эдуард Есиновский, строитель по профессии, жил в Москве на Сретенке. У него была большая квартира о трех комнатах, и в одну – самую маленькую – он поселял меня. А на самом видном месте в ней висел портрет А.С. Пушкина (копия с картины известного русского живописца Ореста Адамовича Кипренского).

Я тогда писал стихи. И, конечно же, чего греха таить, подражал то Сергею Есенину, то Владимиру Маяковскому, но больше всего Александру Сергеевичу Пушкину. Эдуард как – то тайком прочитал мои стихи и однажды сказал мне:

- А стихи – то у тебя ничего, особенно про Подмоскowie, роды коровьи и так далее. Снес бы ты их редакциям, газет в Москве пруд пруди, глядишь какая – то напечатает.

Но нести свои стихи в газеты я не захотел, стеснялся. Зато с превеликим удовольствием бродил по Сретенке, Арбату, подолгу торчал в букинистических магазинах, выискивая что – нибудь в магазинах о Пушкине, других поэтах. Как раз в букинистическом на Сретенке я купил на свои студенческие гроши сборник стихов Н. Гумилева «Жемчуга», изданный в 1918 году в книгоиздательстве «Прометей» Н.Н. Михайлова в Петрограде, который до сих пор берегу...

Но больше всего я любил ходить на Пушкинскую площадь. Она рождала во мне необъяснимое волнение, душевный трепет, ибо на ней я ощущал присутствие Александра Сергеевича. Тысячу раз прав русский поэт Константин Батюшков: «О память сердца, ты милей рассудка памяти печальной!». Именно на Пушкинской площади я вспоминал слова великого поэта:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа.
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.*

И, конечно же, его стихи:

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем...*

Как - то мне повезло: в летний, дождливый день в том же букинистическом магазине на Сретенке я приобрел почти за бесценок журналы «Воля России», изданные в Праге в 1929 году, № 5,6,7,8 и 9, где был опубликован очерк Марины Цветаевой «Наталья Гончарова». Признаться, от этого очерка меня покорило, ибо русская поэтесса нарисовала совершенно иную Наталью Гончарову, чем я ее себе представлял. Красавица, но, по словам Цветаевой, «безучастность к работе мужа, безучастность к его славе». И опять: «Только красавица, просто красавица, без корректива ума, души, сердца, дара, голая красота, разящая, как меч». Дальше – больше: «Наталья Гончарова просто роковая женщина, то пустое место, к которому стягиваются, вокруг которого сталкиваются все силы и страсти. Смертоносное место».

Обидно стало за Пушкина, обидно за Наталью Гончарову (Натали, так нежно ее называл Александр Сергеевич), обидно за их поруганную любовь.

Неужели Марина Цветаева права? Где же истина? И я пошел по пушкинским местам. Был на Тверском бульваре, где Александр Сергеевич впервые встретил 16 – летнюю Наталью Гончарову в классах замечательного танцмейстера Иогеля. А в Воротниковском переулке жил добрый приятель его Павел Воинович Нащокин. Поэт даже делать предло-

жение Наталье Николаевне ездил в нащокинском фраке. Получив согласие, стал считать, что этот фрак принес ему счастье.

Тогда я впервые встретился с писателем Борисом Николаевичем Полевым. Отвечая на мои вопросы о любви Пушкина к Гончаровой, он говорил мне, что в среде писателей отношение к жене Пушкина Наталье Николаевне и при ее жизни, и позже, вплоть до наших времен, неоднозначное: восторг одних и ненависть других постоянно сопровождают ее. «Причина тут одна, - сказал Борис Николаевич, - разное толкование роли Натальи Гончаровой в роковом выстреле на Черной речке».

- А как вы сами считаете? - помню, спросил я, волнуясь.

- Я думаю, что Марина Цветаева не права, - ответил мне категорично Борис Николаевич. - Как писал сам Александр Сергеевич, его жена была «чистейшей прелести чистейший образец».

Прошло немало лет после встречи с Б.Н. Полевым. За это время в разных библиотеках страны я буквально засиживался за книгами А.С. Пушкина, прочитал о нем и Наталье Гончаровой немало литературы. Было бы легко и просто объяснить гибель великого поэта семейно - бытовым конфликтом: все значительно сложнее, глубже и серьезнее. К счастью моему, большинство пушкиноведов, как я выяснил, опровергало утверждения о виновности Натальи Николаевны в смерти мужа, который, как известно, перед кончиной говорил жене, что не считает ее виновной, и просил друзей оградить ее от клеветы. Те, к сожалению, не исполнили волю поэта: одни просто умолчали об этом, другие просто присоединились к общей молве светского общества. Но сегодня у большинства почитателей А.С. Пушкина отношение к Наталье Николаевне определенное: она была верной женой, любящей матерью и строго берегла честь мужа и всей семьи.

Сам Александр Сергеевич писал: «Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое и доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом».

В своем очерке «Наталья Гончарова» Марина Цветаева утверждала, что жена Пушкина равнодушно относилась к его поэзии. На самом деле - она была строгой почитательницей его таланта и многое сделала для того, чтобы его стихи шли в народ. Известный поэт, переводчик Яков Козловский приводит такой факт. Вскоре после трагедии на Черной речке Наталья Николаевна, вдова поэта, обратилась с просьбой к Павлу Васильевичу Анненкову издать сочинения Александра Сергеевича и прислала два ящика его бумаг. Анненков сопроводил издание написанной им биографией Пушкина, в которой очень тепло отозвался о Н. Н. Гончаровой.

У многих сложилось представление о Наталье Николаевне как об очень красивой женщине. Что ж, это так. А.С. Пушкин был в неопишемом восторге от ее красоты, воспевал свою обожаемую Наталью. Однако сама Гончарова на сей счет скромно отвечала: «Это от Бога».

Марина Цветаева и, что удивительно, даже Анна Ахматова, да и

другие поэты, прозаики попытались изобразить Натали как пустышку, куклу с красивыми глазами, необразованную женщину. На самом же деле Гончарова знала три иностранных языка, была первоклассной шахматисткой, слыла отличной наездницей, признанной мастерицей вязания кружев, обладала глубокими педагогическими знаниями. Овдовела она в 24 года. Осталась с четырьмя маленькими детьми. Пушкин сказал ей перед смертью: «Ступай в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж, но за человека порядочного».

Однако Наталья Николаевна Гончарова вышла вторично замуж только через семь лет после смерти поэта – за генерала П. П. Ланского, очень порядочного и известного тогда человека. В семье Ланских родились три девочки. И всех своих детей Наталья Николаевна воспитывала с любовью и нежностью.

До конца своих дней хранила Наталья Николаевна светлую память об А.С.Пушкине. Много сделала для увековечивания его славы. О самой Натали и сегодня поэты пишут стихи, композиторы сочиняют музыку. На ее могиле в Санкт – Петербурге всегда можно увидеть живые цветы.

Когда исполнилось 200 лет со дня рождения Натальи Николаевны Гончаровой, никто, к сожалению, этой даты не заметил. А ведь столько свидетельств их пылкой, страстной и непреходящей любви можно найти в архивах Москвы, Санкт – Петербурга. Не могу удержаться, чтобы еще не процитировать письмо Александра Сергеевича Пушкина П.А. Плетневу. Он писал ему шутливо – радостно: «Ах, душа моя, какую женку я себе завел!». И уже более серьезно: «Я женат и счастлив, одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился».

Перечитывая письма Пушкина к жене, я еще раз убеждался, что они полны нежной любви и искренней заботы о ней. В свою очередь Наталья Николаевна отвечала ему взаимностью, помогала в творчестве, как могла. Она сама писала стихи, разбиралась в поэзии и очень любила все, что связано с именем гения Пушкина. Это было великое единство душ. И, будь моя воля, мастерство и умение, я соорудил бы памятник, на котором изобразил бы их вдвоем, вместе. Не было бы Натали – не было бы многих возвышенных, гениальных стихов Александра Сергеевича Пушкина о самом ценном на земле – о любви к женщине.

Мои размышления неожиданно прервал голос водителя машины:

«Пушкино!»

Что ж, село как село, таких в нашем Казахстане немало. Клуб, детский сад, средняя школа, библиотека, врачебная амбулатория, контора акционерного крестьянского общества «Акбел».

Как рассказал мне директор этого сельхозпредприятия Айтжан Жунуспеков, в селе Пушкино нынче проживает 1700 человек. 80 процентов жителей – казахи, 20 процентов – русские, украинцы. В основном все занимаются земледелием и животноводством. Основали село, действи-

тельно, переселенцы из России, Украины и Крыма, они научили местное население земледелию. Были среди них и крестьяне из Калужской губернии, где прошло детство Натальи Гончаровой. Кстати, в поместье Гончаровых Полотняный завод в Калужской губернии Александр Сергеевич Пушкин был дважды: в первый раз в гостях еще женихом, во второй раз – поздней осенью 1834 года, после свадьбы с Натали. Дворец Гончаровых уцелел до сих пор. В нем девять комнат, генуэзские башни. Один из крепостных художников того времени вспоминал: «Еще бы не знать Пушкина, бывало, сидят они на балконе огромного дома, а мы детьми около бегаем. Черный такой был...»

Сам Пушкин был не в восторге от Калужской губернии. Недаром в его письме к Наталье Николаевне от 1834 года читаем: «Описание Вашего путешествия в Калугу как ни смешно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться в скверный уездный городишко?..»

Видимо, не зря крестьяне Калужской губернии бросились искать счастье в казахстанских степях. И во времена Пушкина им было, судя по всему, несладко жить в калужской стороне.

Из местных старожилов в селе Пушкино живет бывшая учительница начальных классов школы Татьяна Ивановна Семенчук. Она на пенсии, но сохранила хорошую память о прошлых событиях, конечно, со слов отца Ивана Емельяновича Суценко (он умер в возрасте 96 лет).

- Мой отец Иван Емельянович, - рассказывала она, - приехал на вольное поселение в Казахстан с Украины где-то в 1912 году вместе с моим дедом Емельяном. Занимались хлебопашеством, первый колодец в здешних местах они выкопали, обзавелись лошадьми, коровами, в общем, неплохо жили до 30-х годов. Тогда в Казахстане сильный голод был, тиф. Дед Емельян и бабушка Анастасия как раз от тифа умерли в 1932 году.

Так вот, отец Иван вспоминал, что название селу они, первые переселенцы, дали по желанию землемеров, которые в 1913 – 1914 годах нарезали переселенческие участки. Был среди них беглый каторжник, который всегда носил с собой томик стихов Пушкина, читал людям. Жаль, что его фамилию народная память не сохранила. Когда пришла сюда советская власть, кое – кто хотел переименовать село, но организаторы первого здесь колхоза Ефим Хлебников, Иван Халабудько решили оставить имя великого русского поэта. Так и постановили люди на общем собрании.

Среди первых переселенцев, вспоминал отец, было много русских. Были Набоковы, Локтионовы, Воронцовы. Долгое время жила в здешних местах и семья Гончаровых. Когда их спрашивали, не родственники ли они жены Пушкина – Натальи Гончаровой, они говорили:

- Кто его знает... Точнее всего, нет. Видимо, мы из крепостных. Когда в России шла перепись в 19 веке, то всех записывали по фамилии их владельцев – помещиков. Крестьян спрашивали, кто они, как их фамилии, они отвечали: «Мы - Гончаровы».

Конечно, Татьяна Ивановна очень любит поэзию Александра Серге-

евича Пушкина, особенно его стихотворение «Я вас любил так искренно, так нежно...». « Не одно поколение школьников она выучила на стихах и прозе великого поэта, его литературном языке. Среди ее учеников – и ученые, и композиторы, и специалисты сельского хозяйства.

- Разлетелись мои голубки по всему земному шару, - с какой – то нескрываемой грустью говорила она. - Забыли свою первую учительницу... А ведь именно я учила их любви к Пушкину, русской литературе... Около 300 детей выучила, как – то подсчитала.

И все же не все забыли свою первую учительницу. Татьяна Ивановна Семенчук показала мне письма от Саши Селенчука, который сейчас работает хирургом в Калужской области, Надежды Помогайбо из Днепрпетровской области, Любви Дудник из Херсона. Все они с большой благодарностью пишут Татьяне Ивановне теплые слова. А Саша даже вложил в конверт свои стихи:

*Я приехал к Пушкину поближе,
Чтобы лучше знать, любить его,
Но остались в памяти, как прежде,
Наша школа, Пушкино – село.*

Сама Татьяна Ивановна тоже пишет стихи:

*В печи потрескивает пень березовый,
В углу лежит, свернувшись, кот...
Я вспоминаю пушкинские образы,
И Натали опять со мной живет...
Мне тяжело и грустно в детстве было,
Не слаще в старости пришлось...
Но имя «Пушкин» я не позабыла,
Хоть стать поэтом мне не довелось.*

Не позабыли имя Пушкина и в средней школе села. Тут в кабинете русского языка и литературы я увидел портрет Александра Сергеевича Пушкина. В школе выпускается ежегодный рукописный альманах «Я памятник воздвиг себе нерукотворный». Кстати, из этого альманаха я впервые узнал более подробно о жизни и творчестве казахского поэта, певца и композитора, уроженца здешних мест Мадии Бапиева. Оказывается, он был большим популяризатором пушкинской поэзии в казахской степи. Абай Кунанбаев – первый переводчик стихов Пушкина на казахский язык – приходился ему зятем.

Возвращаясь я из села с мыслями о том, что в Сарыарке с глубоким уважением относятся к имени Александра Сергеевича Пушкина. Его творческое наследие продолжают изучать люди, его любовь к Наталье Гончаровой остается нетленной в памяти народа.

Книги Валерия Могильницкого:

1. **«Сарыарка»**. Документальная книга. Республиканское издательство «Кайнар». 1987 год. Алма - Ата. Книга рассказывает о Сарыарке, ее природе, полезных ископаемых, исторических памятниках, людях.

2. **«Выстрел Александра Фадеева»**. Документальная повесть. Издательство «Газета». 1990 год. Караганда. Книга посвящена ранее неизвестным фактам жизни и творчества советского писателя Александра Фадеева, трагедии его духовного мира в эпоху сталинизма.

3. **«На земле Сатпаева»**. Художественно-документальная книга. Издательство «Полиграфия». 1992 год. Караганда. Книга посвящена истории Центрального Казахстана, первооткрывателям Сарыарки.

4. **«Строки любви»**. Книга стихов. Республиканское издательство «Казахстан». 1992 год. Алма – Ата. Сборник поэтических произведений утверждает гуманизм, дружбу и любовь на земле.

5. **«Созвездие талантов»**. Издательство «Полиграфия». 1993 год. Караганда. В художественно-документальной книге предпринята попытка восстановить имена ученых, писателей, художников, геологов, певцов, пострадавших в эпоху сталинизма, чья судьба связана с историей Казахстана.

6. **«Свет окна»**. Книга стихов. Издательство «Полиграфия». 1993 год. Караганда. В книгу вошли стихи о Казахстане, России, дружбе народов, лирика.

7. **«Город в степи»**. Художественно-документальная книга. Республиканское издательство «Казахстан». 1994 год. Алматы. Книга посвящена 60-летию города Караганды и ее замечательным людям.

8. **«Медь Жезказгана»**. Художественно-документальная книга. Республиканское издательство «Казахстан». Отпечатана в Карагандинском ОПО «Полиграфия». 1996 год. Книга посвящена 100-летию со дня рождения К.И. Сатпаева, замечательным людям Сарыарки — творцам новой жизни.

9. **«Просторы Сарыарки»**. Художественно-документальная книга. Караганда. ПО «Полиграфии». 1996 год. Книга о Карагандинской области, ее городах и районах.

10. **«В самом центре Евразии»**. Художественно-документальная книга. ПО «Полиграфия». Караганда. 1998 год. Книга рассказывает о Карагандинской области в новых ее границах, привлечении иностранных инвестиций, развитии среднего и малого бизнеса, становлении частных предприятий, предпринимателей.

11. **«Давно забытые стихи»**. Художественно-документальная книга. ПО «Полиграфии». Караганда. 1998 год. Автобиографическая повесть.

12. **«Люди, которых любят»**. Книга очерков о Н.А. Назарбаеве и Г.К. Жукове. ОАО «Карагандинская полиграфия». 2000 год.

13. **«Лирика»**. Книга поэзии. ОАО «Карагандинская полиграфия». 2001 год.

14. **«Звезды Гулага»**. Художественно-документальная книга. ОАО «Карагандинская полиграфия». 2001 год. Книга посвящена памяти жертв политических репрессий.

15. **«Страницы большой жизни»**. Художественно-документальная книга. ОАО «Карагандинская полиграфия». 2001 год. Посвящена светлой памяти Ангельбая Алиханова, крупного государственного деятеля Казахстана, чьим именем названа одна из центральных улиц в Караганде.

16. **«Караганда»**. Художественно-документальная книга. ОАО «Карагандинская полиграфия». 2004 год. Посвящена 70-летию Караганды и ее замечательным людям.

17. **«Люди Победы»**. Художественно-документальная книга. ТОО «Арко». 2005 год. Издание посвящено 60-летию Великой Победы.

18. **«Черные розы маршала»**. Художественно-документальная книга. ТОО «Арко». 2006 год. О знаменитых узниках Карлага.

19. **«Абай – город нашей судьбы»**. Художественно-документальная книга. ТОО «Гласир». Караганда. 2006 год. Книга посвящена 45-летию города Абая и его замечательным людям.

20. **«Академик Абылқас Сағинов»**. Художественно-документальная книга из новой серии «Жизнь и дела замечательных людей». ТОО «Гласир». 2008 год.

21. **«Наш Назарбаев»**. Художественно-документальная книга из новой серии «Жизнь и дела замечательных людей». ТОО «Гласир». 2008 год.

22. **«Верность призванию»**. Художественно-документальная книга из новой серии «Жизнь и дела замечательных людей». О жизни и деятельности президента АО «КарагандаГИИЗ и К*», доктора технических наук В.Н.Попова, карагандинских изыскателей. ТОО «Гласир». 2009 год.

23. **«Наш Назарбаев»**. Художественно-документальная книга. Повторное издание с дополнениями. Автор показывает огромную созидательную роль нашего Президента в становлении и развитии экономики, индустрии, социальной сферы РК, духовной жизни страны. Республиканское издательство «Елорда». Астана. 2009 год.

24. **«Всегда с людьми»**. Избранное. К 70-летию со дня рождения писателя. ТОО «Гласир». Караганда. 2010 год.

25. **«Люди Победы»**. Художественно-документальное издание. О ратных и трудовых подвигах земляков-казахстанцев в годы Великой Отечественной войны. ТОО «Гласир». Караганда. 2010 год.

26. **«В долине слез»**. Художественно-документальная книга. О великих узниках Карлага. «Тенгри». Караганда. 2012 год.

27. **«Говорите нежные слова»**. Книга поэзии. ТОО «Гласир». Караганда. 2012 год.

28. **«Великие узники Карлага»**. Документальные очерки. ТОО «Гласир». Караганда. 2013 год.

29. **«Верность призванию»**. Художественно-документальная книга. Второе дополненное издание. ТОО «Гласир». Караганда. 2013 год.

30. **«Безымянные тюльпаны»**. О великих узниках Карлага. Очерки. ТОО «Гласир». Караганда. 2014 год.

31. **«Незабываемые встречи»**. Очерки о современниках. ТОО «Гласир». Караганда. 2014 год.

Содержание

Слово об авторе.....	3
----------------------	---

I Жезказганские страницы

1. Возрождение Сатпаева.....	10
2. Любовь дочери.....	30
3. Это было последнее лето.....	37
4. «Папа, Русаков вернулся!».....	45
5. «Джезказгану я не изменю».....	56
6. «Желающего судьба ведет».....	60
7. Призвание Виктора Попова.....	65
8. Верность и талант подруги.....	74
9. Труд его благословенный.....	80
10. Его называли батей.....	88
11. Люди с чистой совестью.....	93
12. Легких путей не искал.....	105
13. Всегда с людьми.....	110
14. Верность долгу.....	114
15. Антисоветская «выдумка» Кикоина.....	119
16. Первостроители парков.....	123
17. «Песни ее как птицы...».....	126
18. Верный компас Зинаиды Чумаковой.....	133
19. Прощай, Куаныш!.....	137

II Карагандинские были

20. Бесценное достояние.....	140
21. Наш комиссар Клара.....	143
22. Ученый-металлург Муканов.....	156
23. Яблони Бейсенова.....	162
24. Сродни Косыгину.....	167
25. О Букетове и не только о нем.....	174
26. Академик Абылкас Сагинов.....	186
27. «Бесконечный ветер жизни...».....	193
28. Подвиг в степи.....	200
29. Покорители пустыни.....	217
30. История «диссидента» Оськина.....	235
31. Любовь и правда поэта.....	242
32. Букет сирени.....	257
33. «За Москву стоял насмерть!».....	261
34. Заветам отца верна.....	265

35. Летописец Сейфуллина.....	270
36. Исповедь сердца.....	273
37. Благо творить не каждый может.....	277
38. «Гвозди бы делать из этих людей ...».....	281

III Повстречался в Москве, на Дону

39. Автограф с Дона.....	286
40. Бескорыстный взнос писателя.....	295
41. Волшебная сила Полевого.....	298
42. Здравствуй, Яша, ты – живой!.....	302
43. Яркая звезда полководца.....	306
44. Озарение Павла Жукова.....	310
45. Он знал Смоктуновского.....	313
46. Клён казака Веневцева.....	318
47. Я ему благодарен.....	322
48. Письма Светланы Гронской.....	327
49. «О память сердца, ты милей ...».....	337

Книги Валерия Могильницкого.....	343
---	------------

